

АҘСНЫ АҘЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

ACADEMIA

АЦСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАТТАРА

№ 11

Асериа

«Агуманитартә тцаарадыррақәа»

Аредактор хада

Цьануа Зураб Цьота-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Асериа аредакциатә еилазаара:

Атакзыпхықәу аредакторцәа:

Анчабазе Иури Дырмит-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахәыла-корреспондент

Чрыгба Виачеслав Андреи-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Арстәа Шотә Кастеи-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Аиәба Арда Енвер-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа ркандидат, адоцент

Бгажәба Олег Хәыхәыт-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Бигәаа Валери Леуард-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор

Бигәаа Виачеслав Акакь-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахәыла-корреспондент

Кәагәаниа Валентин Астәмыр-иңа – афилологиатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Шьалашьаа Заур Иван-иңа – аекономикатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Акәа
«Academia»
2021

ББК 72.4 (5Абх)
В 38

Атыжымта акыпчы иаздырхит: *Н.С. Барцыц, И.П. Соловиова,
С.О. Хайым*

Ацсны атцаарадырракэа ракадемия Адырратара / Аред. хада З.Ць. Цьа-
пуа. Асериа «Агуманитаргэ тцаарадырракэа». Акэа: Academia, 2021. № 11. 288 д.

2005 шыкэсазы ишьатаркуп. Шыкэсык знык итыцуеит

«Адырратара» Ацсны атцаарадырракэа ракадемия апрезидиум анапхгарала
итыцуеит

Иахкыпчыуа аматериалкэа аредакциатэ еилазаара ргэаанагара иакэымшэар-
гы калойт

Аредакция атызтыц: 384900, Ацсны Ахэынткарра, Акэа ак.,
академик Марр имоаду, 9
Ател: +7(840)226 9740; +7(840) 226 6635
Е-mail: akademana@mail.ru
ААР асайт: www.anra.info

ISBN 978-5-6047909-0-8

© Ацсны атцаарадырракэа ракадемия, 2021
© Academia, 2021

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 11

Серия

«Гуманитарные науки»

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Редакционная коллегия серии:

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Арстаа Шота Константинович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, доцент

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик АНА

Выпуск подготовили: *Н.С. Барциц, Ю.П. Соловьева, С.О. Хаджим*

Вестник Академии наук Абхазии / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2021. № 11. 288 с.

Основан в 2005 году. Выходит один раз в год.

«Вестник АНА» издается под руководством президиума Академии наук Абхазии

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

Адрес редакции: 384 900, Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. академика Марра, 9
Тел.: +7(840) 226 9740; +7(840) 226 6635
E-mail: akademana@mail.ru
Сайт АНА: www.anra.info

ISBN 978-5-6047909-0-8

© Академия наук Абхазии, 2021
© Academia, 2021

BULLETIN

OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

№ 11

Series

«Human Sciences»

Chief Editor

Dzhapua Zurab Dzhotovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Editorial Board of the series:

Responsible editors:

Anchabadze Yury Dmitrievich – doctor of historical sciences, correspondent member of ASA

Chirikba Viacheslav Andreevich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Arstaa Shota Konstantinovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Ashuba Arda Enverovich – candidate of philological sciences, associate professor

Bgazhba Oleg Khukhutovich – doctor of historical sciences, professor, academician of ASA

Bigua Valery Levardovich – doctor of historical sciences, professor

Bigua Viacheslav Akakievich – doctor of philological sciences, professor, corresponding member of ASA

Kogoniya Valentin Astamurovich – doctor of philological sciences, professor, academician of ASA

Shalashaa Zaur Ivanovich – doctor of economic sciences, professor, academician of ASA

Sukhum
«Academia»
2021

The issue was prepared by *N.S. Bartsyts, S.O. Khadzhim, Y.P. Soloviova*

Bulletin of the Academy of Sciences of Abkhazia / Ch. Ed. Z.D. Dzhapua.
A series of human sciences. Sukhum: Academia, 2021. № 11. 288 p.

Date of foundation is 2005. Issued once a year

The Bulletin is published under the guidance of the Presidium of the Academy of Sciences of Abkhazia

Published materials do not necessarily reflect the views of the editorial board

Address of the editorial office: 384900, Republic of Abkhazia, Sukhum,
9 Akademika Marra str.
Tel.: +7 (840) 2269740; +7 (840) 2266635
E-mail: akademana@mail.ru
Website: www.anra.info

ISBN 978-5-6047909-0-8

© Academy of Sciences of Abkhazia, 2021
© Academia, 2021

АЦАКЫ • СОДЕРЖАНИЕ

АБЫЗШӘАДЫРРА • ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Чирикба В.А.</i> Гумское наречие абхазского языка	11
<i>Чирикба В.А.</i> Цабалский диалект абхазского языка	20
<i>Кэарцелиа Ф.З.</i> Ацэажэара-бзазаратэ стиль ачыдарақэак апсуа бызшэафы	27

АЛИТЕРАТУРАТЦААРА • ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Когониа В.А.</i> Жанр хокку в абхазской поэзии	39
<i>Бигуаа В.А.</i> «Ягненок» или «агнец»? Духовно-нравственный дискурс в одноименном рассказе Алексея Гогуа. Мировой историко-культурный контекст	53

АФОЛЬКЛОРТЦААРА • ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Danilova V.S., Kozhevnikov N.N.</i> Ontological and Phenomenological Aspects of the Main Elements of Olonkho: Images and Architectonic	68
<i>Джанауа З.Д.</i> К десятилетию Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете	81

АТОУРЫХТЦААРА • ИСТОРИЯ

<i>Бгажба О.Х.</i> «Дамасские» мечи III–IV вв. из Абхазии	89
<i>Архимандрит Дорофей (Дбар Д.З.)</i> Место кончины и погребения св. Иоанна Златоуста: Команы Абхазские или Команы Понтийские?	97
<i>Багати Н.В.</i> Демографическая колонизация Гудаутского участка Сухумского округа (1878–1918 гг.)	119
<i>Медвенский Н.И.</i> Из опыта взаимодействия поисковиков Абхазии и России: установление судьбы гвардии старшего лейтенанта Н.Н. Сикова	136

АРЦАРААЗАРА • ПЕДАГОГИКА

<i>Черкезия Л.Н.</i> Рабочая программа учебной дисциплины: дефиниция, конструкты, учебно-методическое сопровождение образовательного процесса в высшей школе	150

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

Гумба А.З. Архитектоника народного танца и традиционная форма одежды абхазов 169

АЕКОНОМИКА • ЭКОНОМИКА

Шьалашьаа З.И., Гэлиа А.Р. Ацсны абиуцѳет ашѳартадараѳы ашѳахтѳкѳа рѳакы 177

АРХИВТѳ ПШААМТѳКѳЕИ АКЪЫЦХЪЫМТѳКѳЕИ • АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

«Выделить из состава Сухумского округа...»: присоединение Гагринской климатической станции к Черноморской губернии в 1904 г. (публикация, введение и комментарии Л.И. Цвижба) 187

АДѳЫНТѳИ АНЦАМТѳКѳА • ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

Сказания Бабуцы Махазовны Адлейба (Запись, расшифровка текстов, перевод и комментарии – В.А. Чирикба) 203

АРЕЦЕНЗИАКѳА • РЕЦЕНЗИИ

Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на кн.: АБНО и его разгром (1922–1931) / Сост. С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. Сухум: Дом печати, 2021. 296 с. 226

Шанава Т.А. Рецензия на: Борисов П.И. Мои воспоминания о Гаграх. – История Абхазии в мемуарах и воспоминаниях. Вып. 1. Сухум, 2021. 165 с. 232

АКѳРАНЫХѳА • ЮБИЛЕИ

Саманба Л.Х. Аацсара ззымдыруа аѳарауаѳ (В.Е. Кѳарѳиа 75 шыкѳеса ихыѳра иазкны) 234

Авидзба А.Ф. Слово о наставнике (Олегу Хухутовичу Бгажба – 80 лет). ... 239

АТѳАРАУАѳ ИХАѳСАХЪА • ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

З.Д. Джасауа. Анатолий Несторович Генко (К 125-летию со дня рождения) 246

<i>Джопуа А.И., Нюшков В.А. Жизнь, посвященная родине и науке (К 80-летию Юрия Николаевича Воронова)</i>	257
<i>Чирикба В.А. Памяти Лидии Платоновны Чкадуа</i>	268
<i>Цьануа З.Ць. Апсуа царауа® ду ацыхэтэнтэи им®а</i>	272
<i>Бигуаа В.Л. Слово о коллеге и друге Теймуразе Ачугба</i>	276
<i>Ашәкә ғыцкәа • Новые книги</i>	283
<i>Авторцәа ирызкны • Сведения об авторах</i>	284
<i>«ААР Адырратара» авторцәа рзы • Информация для авторов журнала «Вестник АНА»</i>	287

АБЫЗШӘДЫРРА • ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Чирикба

ГУМСКОЕ НАРЕЧИЕ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Очерк посвящен обзору основных черт гумского наречия абхазского языка в области фонологии, морфологии и лексики. Гумское наречие занимало промежуточную позицию между бзыпским и абжуйским диалектами. Полноценно наречие сохраняется ныне лишь в Турции. До периода мухаджирства центрально-абхазская этнографическая группа гумцев проживала в районе нынешних Сухумского и Гулрыпщского районов.*

Ключевые слова: *гумское наречие, абхазские диалекты, абхазский язык.*

На гумском наречии до середины XIX в. говорило население центральной части Абхазии, называемой Гумской и делившейся на такие районы, как Ешыра (*Йашы́ра*), Гума (*Гэ́ымá*), Гулрыпщ-Абжякуа (*Гэ́ылры́щшь-Абжы́а́кэа*), где жили, соответственно, яшы́рские (*йашы́раа*), гумские (*гэ́ыма-á*) и абжяквинские (*абжы́а́кэаа*) абхазы. Название провинции, простиравшейся между реками Кодор на юго-востоке и Шыцкуара на северо-западе, дала возвышающаяся над Сухумом область Гума (*Гэ́ымá*); ср. также название крупнейшей реки этой части Абхазии – Гумста (*Гэ́ымстá*), из **Гэ́ыма-ңстá* ‘ущелье (*ңстá*) Гумы’.

Территориально гумские абхазы соседствовали на северо-западе с бзыпцами, на юго-востоке с абжуйцами и на севере-востоке с цабалцами. Они проживали (с запада на восток) в следующих селах: *Шыцкэ́ара¹, Йашы́ра, Гэ́ымстá, Иа́иштхэа, А́ңра, Гэ́ымá, Хэ́ажэ́қы́тэа, Ры́чыхэ́йа(?)*, *Ры́ч азы́хь(?)*, *Ра́ишэ́а, Чезы́скэа, Агэ́ára, А́чадара, Амхэ́ал, Ао́ыбахэ, Чабларха* или *Чаблы́рхэа, Гэ́алза, Ака́ңа, Басла́тэа, Бы́рцэ(хэ), Абжы́а́кэа, Гэ́арда, Зы́гэ́тэа, Кьала́ишэ́ыр, Аи́бы́хэ́йа, Алакэ́ымхара, Ба́ғмарáн // Ба́ғбарáн, Борóухэ // Барóуахэ, Т́хэ́ыбы́н//Т́хэ́ыбы́н, Мархэ́ау́л, Гьарзау́л, Ма́чара, Царнау́йт, Ча́дал, А́ғ(ы)ш, Гэ́ылры́щшь, Ба́га́жэ (или Ба́га́жэ) йа́иштэа, Ци́шьаң, Ка́ц игы́лартэа, Допуа́қы́т, Нарзы́н, Азы́дакэ́ара, Нау́ышь, Бабы́шьыра, Цкы́бын (Дра́нда), Уа́рча, Хьа́иры́щшь.*

Большинство жителей данного центрального региона Абхазии в середине XIX в. были депортированы или вынужденно эмигрировали в Турцию. Так, в 1867 г. из гумских сел выселилось в Турцию ок. 2000

¹ Ударение проставлено в достоверно известных автору акцентированных топонимах.

человек, а в переселенческую волну 1877–1878 гг. – еще ок. 10 тысяч человек (см. Ачугба 2018: 206–208, 282). Как писал академик Н.Я. Марр, «Абхазия <...> обездолена в своей даже центральной этнографической части, так от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского; заселившие эту центральную полосу *gum-ā* или гумы, абхазское племя, должны были <...> выселиться в Турцию...» (Марр 1938: 177). Небольшая часть гумцев сумела вернуться из эмиграции на родину, однако власти не позволили им занять прежние места обитания, и они расселились в таких селах, как Ачандара, Анхуа, Аацы, Абгархыку, Эшыра и др. (Бгажба 1964: 24).

В настоящее время особенности гумского наречия в некоторой степени сохранились в языке обитателей лишь трех сел Сухумского района: Багмаран, Мархяул и частично Эшыра. Другие села, где ранее говорили на гумском наречии, ныне, по всей видимости, уже входят в сферу абжуйского диалекта (пос. Дранда, Гулрыпш, сс. Баслата, Абжакуа и др.).

Говоря о гумском наречии, А.Н. Генко отмечал: «Это наречие занимало некогда промежуточное положение между южным, кодорским, и северным, бзыбским, наречиями, тяготея, впрочем, больше к бзыбскому» (Генко 1957: 186). В языке жителей сс. Эшыра и Гума преобладали бзыбские черты, тогда как в селах, расположенных ближе к Кодору, по-видимому, более явственным было влияние абжуйского диалекта. До сих пор единственной отдельной работой по данному наречию является небольшая статья В.Х. Конджария и Л.П. Чкадуа, в которой кратко описываются фонетические, морфологические и лексические черты речи жителей сс. Багмаран и Мархяул (Конджария, Чкадуа 1980).

В Турции носители гумского наречия проживают в следующих селах провинции Дюздже: Дердин (*Derdin*, абх. *Гэымá*), Дарыйери Хасанбей (*Darıyeri Hasanbey*, по-абх. *Аҟей-иҟа Хасанбей икыҟа* ‘село Хасанбея Атей-ипа’), Давутага (*Davutağa*, по-абх. *Аҟзаа ркыҟа*, т. е. ‘село Авидзбовцев’), Сазкей (*Sazköy*, по-абх. *Данакáй*), Тавак (*Tavak*, по-абх. *Маáн Кáц-бей*), а также в селах провинции Сакарья: Хармантепе (*Harmantepe*, по-абх. *Аҟшьаархэа*, выходцы из с. Эшыра), Аджиелмалык (*Acielmalik*, по-абх. *Абжыáкэаа* «абжяквинцы»), Джаферие (*Caferiye*, по-абх. *Малан Дыу* «Большой Малан», вар-т: *Ачаа ркыҟа*) (см. Чирикба 2012: 34–37, 40, 42–43). В Турции носители гумского наречия, помимо самоназвания *аҟсуаа* ‘абхазы’, называют себя также *а-шьх’арыуаа* т. е. ‘горцы’, тогда как термин *гэымáа* ‘гумцы’ они относят лишь к жителям с. Гума (Дердин).

Выходцами из Сухума (с. *Тхэыбын*) и близлежащих районов, а также сел между Кяласуром и Драндой являются и часть абхазов Аджарии, проживающих в сс. Ангиса, Минда, Кахабер и в г. Батум (см. Килба 1983: 7–8).

Первые записи гумской речи были сделаны в первой четверти XIX в. Так, определенный интерес представляет небольшой абхазский словарь, составленный в 1822 г. французом Ж.-Ф. Гамба, информаторами которого были, по всей видимости, представители населения Сухум-Кале (см. Чирикба 2016). На это указывают зафиксированные Ж.-Ф. Гамба лексемы, характерные либо для бзыпского, либо для абжуйского диалекта, наряду с формами, характерными и для других диалектов. Так, если *Rizna* ‘серебро’, отражающее звучание *рызна*, более близко к абж. *а-разны́*, чем к бзып. *аразыны́*, то *Ghgelarah* ‘шерстяной капюшон’ более схоже с полногласной бзыпской формой *а-х’ылаңа* ‘шапка’ (ср. абж. *а-хылңа*). Запись *Ducreul* ‘маис’ в искаженной форме отражает бзып. *а-цыкэрэй* при абж. *а-ци*. *Abetza* ‘свинец’, судя по наличию начального билабиального, также отражает близкие к бзыпским формы (бзып. *а-ңста* // *а-ныста*, ср. абж. *а-тса*). В содержащемся в списке Ж.-Ф. Гамба слове *Squeh* ‘ружье’, *qi* указывает на наличие в его начале лабиализованного велярного, что делает эту форму близкой к садз. *а-шэқэақь* // *а-сэқэақь* ‘ружье’ (ср. бзып. *а-сэақь*, абж. *а-шэақь*). Запись *Sabba* отражает архаичную полногласную форму *с-аба* ‘мой отец’ (ср. садз., абаз. *с-аба*, при бзып., абж. *с-аб*). Даже эти скудные и искаженные данные указывают на своеобразный характер гумской речи, зафиксированной в начале XIX в.

Более обширный текстовый и лексический материал (1952 словарные единицы) был собран в 1827 г. лейтенантом русского флота Владимиром Романовым от жителей окрестностей Сухум-Кале; рукопись долгое время оставалась неизвестной и была опубликована лишь недавно (см. Романов 2016). В целом, данные словаря указывают на бóльшую близость зафиксированного материала к бзыпскому диалекту. Об этом свидетельствуют близкие к бзыпским фонетические формы таких слов, как *аканйайыр* ‘бородавка’ (абж. *аканйайыра*), *сықэсык* ‘один год’ (абж. *шықэсык*), *аҭаҳцэа* ‘семья’ (наряду с *аҭаацэа́*, ср. абж. *аҭаацэа́*), *айка* ‘внизу’ (абж. *айка́*), *(а)чыламс* ‘особая плеть’ (абж. *ашыламс*), *а-ныста* ‘свинец’ (абж. *а-тса*), *ауарҳау* ‘ковер’ (абж. *ауарҳал*), *аңы* ‘усы’ (абж. *аңа́*), *айыхэ* ‘хвост’ (абж. *айыхэа*), *деимгэоуп* ‘она беременная’ (абж. *цэагэа́*) и т. д.

Несмотря на непоследовательную орфографию автора, целый ряд форм могут определенно указывать на фиксацию им огубленных свистящих спирантов *зэ*, *сэ*, напр. *азва* = *азэа* ‘слово’, *изва* = *изэ* ‘выпей!’, *икасу* = *икарсэ* ‘брось!’, *ихсуасва* = *ахьсэасэа* ‘холодный’, *асва* = *асэа* ‘песня’ и т. д.

Наряду с этим, в словаре встречаются лексемы и фонетические формы, более присущие абжуйскому диалекту, напр. *аҗарҗалыкъ* ‘бабочка’ (бзып. *а-хьчҗаҗыр*), *а-кыбыойа* ‘(речной) рак’ (бзып. *а-дыҗаҗа*), *а-разна* ‘серебро’ (бзып. *аразыны*) и др. Ближе к абжуйским и окончания императива: *(и)каҗа* ‘делай!’ (бзып. *икаҗы*), *исырба* ‘покажи мне!’ (бзып. *исырбы*), *иага* = *йаага* ‘принеси сюда!’ (бзып. *йааг(ы)*) и т. д. Наряду с этим, встречаются и «бзыпские» формы императива, напр. *ирбы* ‘покажи ему!’ (ср. абж. *ирба*).

Среди записанных В.П. Романовым слов обращают внимание нередкие случаи полногласия, напр. *анахафы* ‘крестьянин’ (бзып., абж. *а-нхафы*), *амар* ‘солнце’ (бзып. *а-мра//а-мыр*, абж. *а-мра*), *амазь* = *амыз* ‘месяц’ (бзып., абж. *а-мза*), *ахэа* ‘якорь’ (лит. *а-хэ*), *атара* ‘ножны’ (бзып., абж. *а-тра*), *ирсысаны* ‘мелко (нарезать)’ (бзып. *ирсысаны*, абж. *ирссаны*) и т. д., хотя не вполне ясно, отражают ли все эти формы реальное произношение, либо неточности в записях.

Данные гумского наречия представляют интерес и с точки зрения истории становления абхазского литературного языка. Как писал А.Н. Генко, «Первые попытки литературного использования закавказских абхазских наречий были сделаны в 1865–1866 гг. в изданных по инициативе Бартоломея “Абхазском букваре” и “Краткой священной истории”»; попытки эти исходили, по-видимому, от представителей ныне почти исчезнувшего гумистинского наречия...» (Генко 1957: 168). Действительно, фонетическая система языкового материала, содержащегося в изданном под руководством Ивана Бартоломея «Абхазском букваре» (Тифлис, 1865 г.), совпадает с системой гумского наречия. Поскольку огубленные спиранты *зэ*, *сэ* и увулярные спиранты *х’*, *х’э* были присущи речи жителей как Гумской, так и Бзыпской Абхазии, они воспринимались абхазскими консультантами И.А. Бартоломея в качестве «общеабхазских». Этот же «общеабхазский» алфавит был использован и в «Краткой священной истории» (1866 г.). Однако в последующих публикациях, ввиду выселения в 1867–1878 гг. носителей гумского наречия в Турцию, данную систему вскоре заменили на более простую фонетическую систему абжуйского диалекта, где спиранты *зэ*, *сэ*, *х’* и *х’э* отсутствовали.

Опубликованных образчиков гумской речи немного: текст из с. Багмаран в работе М.М. Циколия (1969: 129–133); три текста из с. Мархяул из архива Н.Я. Марра, датированные 1915 и 1916 гг. и опубликованные С.Л. Зухба (Зыхэба 1967: 20–21, 24–25 и 31–33), текст из с. Мархяул в записи 1933 г. В.В. Кукба (Кукба 2007: 291–298). Следует отметить, что мархяулские тексты из архива Н.Я. Марра, как свидетельствует запись на рукописи, были «исправлены» рукой Д.И. Гулиа, носителя абжуйского диалекта. Два

рассказа и 24 пословицы, представляющие речь батумских абхазов – выходцев из района Тхубын (*Тхэбын*) в Сухумском районе, опубликованы в небольшой монографии Е.К. Килба (Килба 1983: 92–95). Тексты, записанные от информанта из с. Гума в Турции, опубликованы Н.В. Ломиа (Ломиа 2013), хотя автор не фиксирует наличные в наречии огубленные спиранты *зэ, сэ*.

По опубликованным текстам из сс. Багмаран и Мархяул можно заключить, что фонетическая система речи этих сел не отличалась от абжуйской. Однако в словарных материалах, собранных в начале XX в. от жителей с. Багмаран и опубликованных А. Дирром, очевидно наличие в багмаранской речи огубленных свистящих *зэ, сэ* (Дирр 1915: 11).

В статье В.Х. Конджариа и Л.П. Чкадуа отмечается целый ряд черт, присущих речи жителей сс. Багмаран и Мархяул (Концьяриа, Чкадуа 1980). Так, подобно абжуйскому диалекту, увулярный глоттализированный *k* может выступать в виде глоттальной смычки *ъ*, напр. *азаны́* ‘в воде’ (бзып. *аза́кны́*), *шы́ьаз* ‘как они были’ (бзып. *шы́ьказ*). Среди морфологических черт интересны усеченные формы указательных местоимений, напр. *уыт* (лит. *уырт*) ‘эти’, *уыби́* ‘этот’ (лит. *уыбри́*), а также глагольные окончания, присущие как бзыпскому, так и абжуйскому диалектам. Близкими к бзыпскому диалекту являются усеченные формы наречий (*а́кра* ‘столько’ при абж. *а́ка-ра*), прилагательных (*й́катэи́* ‘нижний’ при абж. *й́акатэи́*) и существительных (*е́аг-ла* ‘мотыгой’ при абж. *е́ага-ла*, *бы́ц-ла* ‘хворостиной’ при абж. *бы́ца-ла*). С другой стороны, в речи жителей данных сел наблюдается сосуществование лексем, присущих обоим диалектам, напр. *а-ы́қарэй* (бзып.) и *а-ңи* (абж.) ‘кукуруза’, *а-за́йй* и *а-ы́акя́л* ‘телка’, *а-ңхасья́* и *а-ҳася́* ‘алыча’, *а-шы́амашы́га* и *а-ы́амңаз(иа)* ‘вид травы, лаконос американский’ и т. д. (Концьяриа, Чкадуа 1980: 181–183).

С точки зрения сохранности черт гумского наречия более репрезентативной следует считать речь жителей гумских сел в Турции, в которой сохраняется фонемный контраст между простыми и фарингализованными увулярными спирантами (*x, хэ ~ x', x'э*), а также между свистящими и шипящими лабиализованными спирантами (*зэ, сэ ~ жэ, шэ*)².

Консонантная система гумского наречия в Турции включает 63 фонемы: смычные: *б, ң, п, д, дэ, т, тэ, т, тэ, г, гь, гэ, қ, қь, қэ, к, кь, кэ, к, кь, кэ*; аффрикаты: *з, зэ, ц, цэ, й, йэ, ч, ч, и, иь, е, е;* спиранты: *в, ф, з, зэ, с, сэ, ж, жь, жэ, ш, шь, шэ, з, зь, зэ, х, хь, хэ, х', х'э, аа [г']*, *х, хэ*; сонорные: *у, м, н, л, р, й, ө*.

Звонкий фарингальный спирант *г'* [ʕ] фонетически реализуется как долгий *аа* [v:]. Базовая система гласных, как и в других абхазо-абазинских ди-

² Данные гумского наречия в Турции основаны на материалах полевых записей автора.

алектах, включает лишь две единицы: *a*, *ы*. Гласные звуки *o*, *e*, *y*, *и* – комбинаторного происхождения и являются результатом сочетания основных гласных с билабиальным (*y*) и палатальным (*й*) сонорными, а также с огубленными и палатализованными согласными.

Среди морфонологических черт речи гумцев Турции можно отметить бзыпского типа окончания аориста с меной исходного гласного корня *-a* на *-ы*, напр. гум. *икальйт* ‘то произошло’ (ср. абж. *икалэйт*), *исымбазыйт* ‘то я не видел’ (абж. *исымбазэйт*), *икасйыйт* ‘то я сделал’ (абж. *икасйэйт*), причем последняя форма отмечена и в речи жителей с. Багмаран (см. Циколия 1969: 129). С другой стороны, в формах императива подобной мены, как и в абжуйском диалекте, не происходит, напр. *икайя* ‘делай то!’ (бзып. *икайы*), *исырба!* ‘то мне покажи!’ (бзып. *исырбы!*), *йаага* ‘то сюда принеси!’ (бзып. *йаагы!*).

В речи гумских абхазов окончание финитных форм динамических глаголов настоящего времени */-ya-йт/* фонетически реализуется в виде *-уойт*, напр. *и-з-г-уойт* ‘то я несу’, *с-ц-уойт* ‘я иду’, *и-ка-с-й-уойт* ‘то я делаю’, хотя встречаются и варианты *-уейт*: *и-з-га-уейт/и-з-г-уейт* ‘то я несу’, *и-ка-с-й-а-уейт* ‘то я делаю’, *и-з-дыр-уейт* ‘то я знаю’. Инфинитный временной суффикс имеет форму *-лаак* (ср. лит. *-лак*), что характерно и для других абхазских диалектов Турции; напр. *йахьцалáакгы* ‘куда бы они не пошли’. Можно отметить также делабиализацию (в неформальной речи) корневого согласного в глаголе *а-ха-ра* ‘говорить’, напр. *(и)хан* (< *и-хэ-н*) ‘то сказал, и...’, а также в производной от этого корня цитатной частице *ха* (< *хаа*; напр. *дыкан Шьахан ха* ‘был Шахан, мол...’) и в послелого *р-зыханы* ‘для них’ (< *р-зыханы*) (см. Ломиа 2013). Подобно бзыпскому диалекту, префиксальная обстоятельственная частица места выступает в виде *ах-* (ср. абж. *ахь-*): *й-ах-цáз* ‘туда, куда они ушли’.

Следующие слова сближают гумское наречие с бзыпским диалектом: багм., гум. *а-шьыхэ* ‘мята’ при абж. *а-кэалмита*, гум. *а-нхэсá* ‘алыча’ при абж. *а-хэсá*, багм., гум. *а-сызбал* ‘подлива из алычи’ при абж. *а-кэаха*, гум. *а-цыкэрэй* ‘кукуруза’ при абж. *а-нш*. Другие формы, напротив, более близки абжуйскому диалекту, напр. гум. *а-бырчман* ‘растение сассапариль’ при бзып. *а-пырчпán*, гум. *а-шышклымс* ‘муравей’, ср. абж. *а-шышкамс* при бзып. *а-сьыськамсь*, гум. *а-разны* ‘серебро’ при бзып. *á-разьны*, гум. *á-шыкэс* ‘год’ при бзып. *á-сьыкэсь*. Отмечается сосуществование и слов, присущих обоим диалектам, напр. гум. *а-пырпылыкь* ‘бабочка (крупная)’ и *а-хьычпапыр* ‘бабочка (мелкая)’, ср. абж. *а-нарпалыкь*, бзып. *а-хьчпапыр*.

Ряд слов отличаются фонетически как от бзыпского, так и от абжуйского диалектов, напр. гум. *а-канйыйра* ‘бородавка’ (ср. бзып. *а-канйыыыыр*, абж. *а-канйыыыра*), гум. *а-дагьмачыйа* ‘речной рак’ (под влиянием *á-дагь* ‘ля-

гушка’; ср. бзып. *а-дыґаґа/а-дыґаґый*, абж. *а-даґаґыйа*), гум. *ра́мґхьаза*, багм. *ра́маґыхьаза* ‘ранее’, при бзып., абж. *ра́ґхьаза* и др. Изоглоссой, сближающей гумскую речь с цабалским диалектом, является полногласная форма слова *а-шака́* в специальном значении ‘записанный текст в амулете, вешавшемся на шею’, ср. цабал. *а-шака́* ‘документ, книга’, хотя параллельно этому в гумской речи есть и форма *а-ша́кэ́ы* в значении ‘письмо’, ‘книга’ (ср. бзып. *а-ша́кэ́ы*, абж. *а-ша́к(э)ы́*). Среди специфической лексики см. *дажь* ‘вокатив при обращении старшего к младшему’.

СОКРАЩЕНИЯ

абаз.	абазинский язык
абж.	абжуйский диалект
багм.	речь с. Багмаран
бзып.	бзыпский диалект
гум.	речь с. Гума в Турции
лит.	литературный язык
марх.	речь с. Мархяул
садз.	садзский диалект
тап.	тапантский диалект
цабал.	цабалский диалект

Литература

Ачугба 2018: Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

Бгажба 1964: Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1964.

Генко 1957: Генко А.Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Т. XXVIII. Сухуми: Издательство Академии наук Грузинской ССР. С. 177–225.

Дирр 1915:

Зыхэба 1967: Зыхэба С.Л. Апсуа фольклор аматериалқэа (академик Н.И. Марр иархив акнытэ). Акэа, 1967.

Килба 1983: Килба Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Концьариа, Чкадуа 1980: Концьариа В.Х, Чкадуа Л.П. Абышэадыр-цэа рекспедициа Гулрыцшь араион аґы // Известия Абхазского института

языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Т. IX. Тбилиси: Мецниереба. С. 181–183.

Кукба 2007: Кукба В.И. Избранные труды. Сухум: Академия наук Абхазии, 2007.

Ломиа 2013: Ломиа Н.В. Зыцсадгьыл ашка ихынхәыз гәымаа ражәахәа. Габлиа Адиль иажәахәа анцамтақәа // Абхазоведение. Труды АБИГИ. Язык. Фольклор. Литература. Вып. IV. Сухум, 2013. С. 167–179.

Марр 1938: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938.

Романов 2016: Романов В.П. Абазинской словарь. Сухум: АБИГИ, 2016.

Циколиа 1969: Циколиа М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1969 (на груз. яз.).

Чирикба 2012: Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии / Ред. Д.К. Чачхалиа М.: Аква-Абаза. С. 21–95.

Чирикба 2016: Чирикба В.А. Ранние фиксации абхазского языка. Записи Жака-Франсуа Гамба (июнь 1822 г.) // Вторые международные Иналиповские чтения (Сухум, 11–13 октября 2011 года). Сухум: АБИГИ, 2016. С. 434–460.

В.А. Чрыгба

АЦСУА БЫЗШӘА ГӘЫМАТӘИ АЦӘАЖӘАШЬА

Аннотация. *Аочерк азкуп аңсуа бызшәа гәыमतәи ацәажәашьаҕы афонологиеи, аморфологиеи, алексикеи ирыдхәалоу ихадароу ачыдарақәа. Гәыमतәи ацәажәашьа бзыңтәи абжсьуатәи адиалектқәа рыбжьара иҕоуп. Иахьазы уи ацәажәашьа нагзаны иаҳылоит Тьырқәтәыла. Амҳацьырра калаанза агәтантәи аңсуа этнографиаатә гәың – гәымаа – нхон иахьатәи Ақәеи Гәылрыңшьи рраионқәа рҕы.*

Ихадароу ажәақәа: *гәыमतәи ацәажәашьа, аңсуа диалектқәа, аңсуа бызшәа.*

V.A. Chirikba

THE GUM SUB-DIALECT OF ABKHAZ

Annotation. *The paper is devoted to an overview of the main features of the Guma sub-dialect of the Abkhaz language in the field of phonology, mor-*

---

phology and vocabulary. The Guma speech occupied an intermediate position between the Bzyp and Abzhywa dialects. It is now fully preserved only in Turkey. Before the period of Muhadzhirism, the Central Abkhaz ethnographic group, Guma Abkhazians, used to live in the areas of the present-day Sukhum and Gulrypsh districts.

Key words: *Guma speech, Abkhaz dialects, Abkhaz language.*

ЦАБАЛСКИЙ ДИАЛЕКТ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА¹

Аннотация: *Очерк посвящен обзору основных черт цабалского диалекта абхазского языка в области фонологии, морфологии и лексики. До периода мухаджирства горная этнографическая группа цабалцев проживала в среднем течении р. Кодор в нынешнем Гулрытцском районе. Диалект сохранился лишь в Турции.*

Ключевые слова: *цабалский диалект, абхазские диалекты, абхазский язык.*

Исконной территорией обитания горной абхазской этнографической группы цабалцев (*цаба́л-аа*) были долины и ущелья в среднем течении р. Кодор (абх. *Кэыдры́*). Исторически цабалцы являются потомками воинственного средневекового племени мисимиан, проживавших в провинции Мисиминия. Нынешнее название группы производно от имени главного села региона – Цабал (*Цаба́л*) – или, с локативным суффиксом *-та*, Цаба́лта (*Цаба́л-та*), откуда рус. *Цебельда*. Другим большим селом в регионе был Дал.

К середине XIX в. число цабалцев оценивалось примерно в 15 тысяч человек. Среди более 50 цабалских сел были *Абгара // Ап(ы)га́ра, Абга́лаха́ра, Абгы́зыра, Абзыкэ́ара, Ада́гэа аха́бла, Азы́наа, Амза́ра, А́жара, Аза́нта, Ака́рда́ма, Ақы́тарйы́хэ, Амткэ́ал, Аңи́анча, Ауы́шьта, Ахы́ста, Багаа (Ба́гаа ?), Барйа́л, Бешь икэ́ара, Быдгэ́, Вамыт(?), Гья́нйэ́иш, Дал, Иваа(?), Зыма, Камгара (Птыи́), Кэа́кэа лы́ць, Кэ́ыцаа-ха́бла, Қэабча́ра, Ка́да, Ла́та, Марамба́ (Брамба), Цал, Цша́қэ, Цшо́у, Цы́шта, Та́ңшьи́ца-ха́бла, Тимпал(?), Уа́рда, Уа́рда-хэ́ычы, Уант(а)́пыр(?), Цаба́л, Чал, Чижоуш(?), Чха́лта, Ша́кэра́н(?), Шья́т-икэ́ара, Шэ́хэа́йа́а-ха́бла, Ця́а (Ця́хашы́кьар), Цья́мжа́л, Цья́мышта́* и др.

В 1867 г. цабалцы были почти поголовно депортированы царской администрацией в пределы Османской империи. Часть их была сначала поселена турками в Болгарии, откуда они затем были вынуждены переселиться в нынешние места своего обитания в северо-западной Анатолии. Незначительная часть цабалцев в ходе переселения 1867 г., с разрешения российской администрации, переселилась в ашхарские аулы на Северном Кавка-

¹ Очерк написан на основе материалов полевых исследований автора в Турции.

зе. В итоге, из ок. 15 тысяч цабалцев к концу 1867 г. в Абхазии их осталось менее 90 человек (см. Ачугба 2018: 209–210, 223).

В Турции потомки цабалцев проживают в селах четырех провинций на северо-западе страны. (1) Пров. Биледжик (*Bilecik*): сс. Алынджа (*Alınca*), Сарныч (*Sarnıç*), Черкес альма (*Çerkes alma*), Бюйюк Ельмалы (*Büyük Elmalı*), Дюздаг (*Düzdağ*), Нанадере (*Nanadere*), Карачайыр (*Karaçayır*); (2) пров. Бурса (*Bursa*): сс. Кестанеалан (*Kestanealan*, по-абх. *Қъемсá-қъой*), Рюштие (*Rüştüye*; по-абх. *Қағаá рқъой* ‘село рода Кове’), Теккедере (*Tekkedere*, по-абх. *Барзаныйаа рқымта* ‘село (рода) Барзанья’), Султанийе (*Sultaniye*, по-абх. *Кáззаа рқъой* «село (рода) Квадзба»), Гедикпынар (*Gedikpınar*), Мезит (*Mezit*), Сулханийе (*Sulhaniye*), Гюнейкестане (*Güneykestance*), Тюфекчу Конак (*Tüfekçi Konak*, по-абх. *Цзайғáа рқъой* «село (рода) Цвацва»), Османие (*Osmaniye*, по-абх. *Кэарá-қъой* ‘береговое село’), Улуабат (*Uluabat*); (3) пров. Кютахья (*Kütahya*): сс. Хамидиекызылджяерен (*Hamidiyekızılcaören*), Айкырыкчы (*Aykırıkcı*, по-абх. *Қырыйына-қымт*), Йеникей (*Yeniköy*); (4) пров. Эскишехир (*Eskişehir*): сс. Агапынар (*Ağapınar*), Ахылар (*Ahılar*), Бекташкепрю (*Bektaşköprü*), Кызылджяерен (*Kızılcaören*), Бекташпынары (*Bektaşpınarı*), Тандыр (*Tandır*), Караалан (*Karaalan*), Сулукараагач (*Sulukaraağaç*), Хекимдаг (*Hekimdağ*), Караджяерен (*Karacaören*), Чукурхисар (*Çukurhisar*) (см. Чирикба 2012: 51–59).

Из среды цабалцев вышли такие известные фигуры абхазской диаспоры Турции как Мустафа Бутба (умер в 1946 г.), директор черкесской женской школы, создатель первого абхазского латинизированного алфавита (1919 г.) и автор интересных мемуаров о путешествии на Кавказ (1920 г.); современный общественный и культурный деятель диаспоры Махинур Папба и др.

Для цабалцев Турции типичен абхазско-турецкий билингвизм. Из других абхазских диалектов цабалцы напрямую соприкасаются лишь с очень небольшой группой цвыджей, носителей садзского диалекта абхазского языка. Другими соседями цабалцев являются также абазины и адыги. В селе Мезит по соседству с цабалцами проживают грузины-аджарцы. Другие группы, с кем контактируют цабалцы – турки, курды и т. н. мухаджиры и помаки – мусульманские переселенцы из Балкан.

Краткое описание особенностей цабалского диалекта см. в (Chirikba 1996: 20–21; Чирикба 2012: 51–52). Совокупность фонетических, морфологических и лексических черт позволяют охарактеризовать цабалскую речь в качестве отдельного диалекта, наиболее близкого к абжуйскому диалекту, вместе с которым цабалский входит в восточную группу абхазских диалектов. В отличие от абжуйского, цабалская фонемная система характеризует-

ся сохранением огубленных свистящих спирантов *зә, сә* и фарингализованных спирантов *х', х'ә*.

Консонантная система цабалского диалекта включает 64 фонемы: смычные: *б, ң, п, д, дә, җ, җә, т, тә, җ, җь, җә, қ, қь, қә, к, кь, кә, ҕ, ҕь, ҕә, в*; аффрикаты: *з, зә, ц, цә, җ, җә, ч, ч, ң, ңь, ңә, ґ, ґә*; спиранты: *в, ф, з, зә, с, сә, ж, жь, жә, ш, шь, шә, җ, җь, җә, х, хь, хә, х', х'ә, аа [Г']*, *х, хә*; сонорные: *у (ү), м, н, л, р, й, ө*.

Глоттальная смычка *ь* находится на периферии фонемной системы, присутствуя в ряде междометий и звукоподражательных слов, напр. *ьай* 'нет' (наряду с более употребляемым *момо* 'нет'). Звонкий фарингальный спирант *г' [ʕ]* фонетически реализуется как долгий *аа [r:]*. При произнесении лабиопалатального *ө*, исторически представляющего собой звонкий огубленный фарингальный спирант **г'ә [ʕʷ]*, в цабалском отмечается легкий гортанный призвук. Увулярный смычный *к* может произноситься в виде долгого *аа*, напр. *амхааны* 'на поле' (лит. *а-мха-кны*), *арә сәауп* 'я нахожусь здесь', наряду с *арә сәкауп* (лит. *арә сәкауп*) и т. д. В речи других информантов *к* может реализоваться и как глоттальная смычка *ь*; напр. *дыкоуп* 'он(а) есть', произносится *дәьап*.

О частичном упрощении фонемной системы в речи более молодого поколения цабалцев свидетельствует нередкая утрата контраста между фарингализованными и нефарингализованными огубленными увулярными спирантами (т. е. между *х'ә* и *хә*) и нередкая делабиализация смычных *тә (> т)* и *җә (> җ)*, напр. *у-тә* (< *у-тәә*) 'садись!', *ажәйт* 'в старину' (< *ажәйтә*), *а-җәә* (< *а-җәәә*) 'сено'.

Базовая система гласных, как и в других абхазо-абазинских диалектах, включает лишь две единицы: *а, ы*. Гласные звуки *о, е, у, и* – комбинаторного происхождения и являются результатом сочетания основных гласных с билабиальным (*у*) и палатальным (*й*) сонорными, а также с огубленными и палатализованными согласными.

С точки зрения структуры корня отмечаются случаи сохранения полногласных форм, напр. *ә-бага* 'волк' (ср. бзып., абж. *ә-бга*), *а-шәкә* 'книга' (ср. абж. *а-шәкә*), бзып. *а-шәкә*), *әнтәә* 'дважды' (бзып., абж. *өынтә*) и т. д.

Среди морфонологических особенностей можно указать на фонетическую реализацию сочетания конечного гласного корня *-а* с суффиксом динамических глаголов *-уа* (т. е. */ауа/*) в виде [оо]. Так, обычной фонетической реализацией глагольной формы */с-ца-уә-йт/* 'я иду' является *сцәот* ['stso:t'], хотя встречаются и варианты *сцауәйт* и *сыцауәйт*; */с-шәә-уә-йт/* 'я боюсь' произносится как *сиәуәйт*, при вариантном *сиәуәйт*, */йы-хәә-*

уá-н/ ‘то он говорил’ произносится *иҳэбон*, */йы-йы-л-ша-уа/* ‘то, что он может’ как *йы́лшоо* и т. д. Различные фонетические варианты глагольных окончаний настоящего времени (т. е. [-уейт], [-от], [-оот]) могут встречаться у одного и того же носителя диалекта, ср. напр. в речи одной информантки такие формы как *ҳ-айбабауейт*, наряду с *ҳ-айбабóт* ‘мы видимся друг с другом’, *ҳ-аа-уейт* ‘мы сюда приходим’, *и́каҳйóот* ‘то мы делаем’.

В случае окончания корня на согласный, сложный суффикс настоящего времени динамических глаголов */-уа-йт/*, как и в абжуйском диалекте, фонетически реализуются в виде *-уейт*, напр. *жэухэ иҳ’ы́йуейт* ‘ему 15 лет’. Сочетание конечного гласного корня *-а* с суффиксом настоящего времени статических глаголов *-у-* может реализовываться в виде *-оо* (напр. *с-тэбóп* ‘я сижу’), *-о* (*с-тэоп*), либо *-оу* (*сы-цэоуп* ‘я сплю’).

Наличие вариантов временных окончаний даже в речи одного и того же носителя может указывать на смешение в современном цабалском сообществе изначально отдельных говоров.

Нефинитный суффикс будущего времени *-лаак* в цабалском (лит. *-лак*) может быть осложнен деепричастным суффиксом *-ны*, ср. *ámла у-анак-лáак-ны* ‘когда ты проголодаешься’, *й-анá-ќа-р-йа-лаак-ны* ‘когда они то сделают’, хотя его присутствие и не является обязательным, напр. *й-анá-ќау-йа-лаак* ‘когда ты то сделаешь’. Этот же суффикс может присоединяться и к окончаниям условного наклонения с временной семантикой ‘когда’, ср. *и-лтáқишы́-зар-ны* ‘когда они посмотрели внутрь’.

Лексика цабалского диалекта содержит много слов фонетически отличающихся от слов в других диалектах, напр. *а-камырсэсá* ‘улитка’ (бзып. *а-камыршиши*, абж. *а-камыршишá*), *áймцэлыши* ‘ящерица’ (бзып. *айы́нйдыши*, абж. *áйнцэлыши*), *а-кэты́рбага* ‘вид лисы’, букв. ‘куриная лиса’ (бзып. *а-кэтры́бга*), *шэаркы́да* ‘трус’ (бзып. *а-шэаргэ́йда*), *а-кырклы́мышэ* ‘ящерица’ (бзып. *а-кы́ркылымышэ*, абж. *а-каркаламы́шэ*), *а-шламса(р)пы́р* ‘крот’ (бзып. *а-цэымсарпы́л*, абж. *а-цэышлампы́р*), *а-ба́ҕа* ‘клещ’ (бзып. *а-па́ҕа*, абж. *а-па́ҕа*), *а-шэх’ымца* ‘порог’ (бзып. *а-шэх’ымсь*), *а-хры́нч* ‘надочажная цепь’ (абж. *а-рхны́шьна*, бзып. *а-хны́шьара* // *а-хны́шьыр*, ахч. *а-рахны́шь*), *аќэы́дышышы* ‘блюдо из тертой фасоли’ (бзып. *аќэы́дырышы́ы*) и др.

Своеобразны формы количественных наречий: *о́ánt(э)(а)* ‘дважды’, *хáнт(э)(а)* ‘трижды’, *шы́ánt(э)(а)* ‘четырежды’, *хэ́ánt(э)* ‘пять раз’ и т. д. (ср. лит. *о́ынтэ*, *хы́нтэ*, *шы́ынтэ*, *хэ́ынтэ*). Целый ряд лексических изоглосс сближают цабалский диалект с абжуйским диалектом: *а-қи* ‘ку-

куруза’ (бзып. *а-цьқарейі*), *а-кэ́йуа* ‘черепаха’ (бзып. *а-кэ́йу*), *а-зарáкья* ‘подсолнечник’, *а-хэ́сá* ‘алыча’ (бзып. *а-һхэ́сá*), *а-һарһалықь* ‘бабочка’ (бзып. *а-хьчәһыр*), *а́нча* ‘клен’ (бзып. *а́мча*), *а-раһын* ‘кожаный ремень для ярма’, *а-шэ́рыша* ‘крученный сыр’, *ао́йнашэа* ‘вторая прополка’ (бзып. *а-о́йнарашэа*) и др.

Интересны сохранившиеся у цабалцев традиционные названия месяцев: *чыдла хэ́чы* ‘январь’, *азамх́ар* ‘февраль’(?), *бааѓан* ‘март’, *цэтэ́йоакын* ‘апрель’, *һшлай́ан* ‘май’, *һшáзнашэа* ‘июнь’, (*а*)*тэ́архын* ‘июль’, *ачарх́ра* // (*а*)*чархын* ‘июль’, *акэ́ыркэ* ‘август’, *еао́раһаѓан* ‘сентябрь’, *цэ́быбын* ‘октябрь’ (часть месяца), *чалай́ан* // *ачалай́ара* ‘октябрь’ (часть месяца), *бызь-каһс́ан* ‘ноябрь’, *чыдла ду́* ‘декабрь’ (вместе с *чыдла хэ́чы* составляет 45 дней).

Среди заимствованной лексики ср. цаб. *а-й́аңа* ‘грязный’ (из адыг. *цла-пIэ*), *тла́ңка* в выражении *а́зэа тла́ңка* ‘правдивое слово’ (из адыг. *хакуч. лъапIкьIэ* ‘дорогой, драгоценный’), *а-һсы́нч* ‘ярмо’ (из осет. *æfsonз*), *а-сы-зб́ал* ‘острый соус из алычи или барбариса’ (из груз. *sac'ebeli*), *а-хь́архь* ‘большая пила’ (из груз. *херх-и*) и т. д. Присущая диалекту специфическая лексика включает такие лексемы, как *а-тэ́а* ‘трава’ (лит. *а-тэ́а* ‘сено’), *а-тэ́ао́* ‘сено’, *а-һимѓал* ‘кукурузный хлеб’, *азы́зба* ‘корабль’, *а-һры́га* ‘самолет’, *а-лымх́ард́аѓа* ‘уховертка’ (насекомое), *а-харх́ан* ‘ручная пила’, *а́йлысра* ‘уходить-приходить’ и др.

Фамилии цабалцев Турции

Аабы́цаа // Абы́цаа (мн.), Агы́рба, Аѓанаа (мн.), Азы́наа (мн.), А́кэ́ысба (мн. А́кэ́саа), Ала́кьяа (мн.), Аргэ́ын, А́хба (мн. А́х́аа), Ахме-лиаа (мн.), А́хэ́ба (мн. А́хэ́аа), а-Бé́йаа (мн.), Берзэ́ны́а, Беод́анаа (мн.), а-Бжы́рба (мн. Бжара́а), Бокэ́йуаа (мн.), Абы́рыскы́л // Абы́рыцкы́л // Бры-скы́л // Браскы́л, Берзэ́ны́а (мн. Барзэ́ны́аа), а-Бы́гба (мн. Бы́гаа // Бы-га́а), а-Бгы́нба (мн. а-Бгы́нбацэа // а-Бы́гна́а // Бы́гына́а), Бырзы́, а-Бы́тэ // Бы́тэба (мн. а-Бы́тэ́аа), Габры́йаа (мн.), Гырцэ́ынаа (а-Гырцэ́ынкэ́а) (мн.), Гы́цаа (мн.), Гы́гáа (мн.), а-Гэ́ымба, Дадалы́йаа (мн.), (а-)Жы́ыйаа (мн.), а-Захэ́ба, Я́ашаа (мн.), Кы́алач́ан (мн. Кы́алач́анаа), Кы́аф-ипацэ́а (мн. Кы́аф́аа; ветвь фам. Ка́цба), а-Кэ́азба (мн. Кэ́а́заа), Кэ́ылдыѓар, Кэ́ыцба (мн. Кэ́ы́цза), Ка́батаа // Ка́батацэ́а (мн.; ветвь фам. Гэ́лы́йа), Ка́цба (мн. Ка́цаа), Ка́цэ́ба (мн. Ка́цэ́за́а), а-Ка́о́ба (мн. а-Ка́о́бацэ́а // Ка́о́аа), Кэ́бы́цба (мн. Кэ́бы́цбаа), Кэ́а́цаа (мн.), Кэ́а́ча (мн. Кэ́а́чаа), Кэ́ы́тар, Кара́ч // Кара́чы, Карда́наа (мн.), Клы́чаа (мн.), Кэ́ырды́гал // Кэ́ырды́галы́йа (мн. Кэ́ырды́гала́а), Ма́анаа (мн.), Марш́ан (мн. Марш́ана́а) // Хы́ырпе ипацэ́а

// Хьры́псаа (дворяне-аамста), Мац-ипа (мн. Ма́цаа, ветвь фам. Кэ́ыцба), Ма́цбаа // Маць-ипацэ́а (мн.), а́-Мхьелийаа (мн.), Мы́кэа (мн.), а́-Мыцба (мн. а-Мыцза́а), Нарт́ыйаа (мн.), Па́пба // Папа́ (мн. Папа́а), (а-)Цха-зо́уа, (а-)Рео́таа (мн.), Сама́а (мн.), Сарѓыйаа // Сага́рыйаа (мн.), Сымы́р, Тагэ́ынаа (мн.), а-Тэ́анба (мн. Тэ́анаа), Тала́псы́кэаа (мн.), Уана́феа, Уардан́ыйаа (мн.), Уа́тырба (мн. Уа́тыраа), Хохэ́сыйаа (мн.), Хэ́ыраа // Хора́а // Хэара́а (мн.), Хэ́ырхэма́л, Х’ылпа́х’цэ́а, Ха́разыйаа (мн.), Ха́тнаа (мн.; дворяне-аамста), Цхэ́амбы́аа (мн.), Цыса(?), Цыхы́чы (мн. Цыхы́чаа́), Цы́тцаа // Цы́тц-ипацэ́а (мн.), а́-Цэ́ацэ́а // Цэ́ацэ́а (мн. Цэ́ацэ́аа), Цэ́ызба (мн. а́-Цэ́ызбацэ́а), Цэ́ытцба (мн. Цэ́ытцаа), Ча́кэ́ыйа, Ча́с-ипацэ́а (мн.), Чы́гэаа (мн.), а-Шь́х’ары́уаа (Шь́х’ара́/ы́уаа // а-Шь́х’ара́а // А́шьх’араа-цэ́а) (мн.), Шэ́хэ́атáа // а́-Шэ́х’э́атцаа (мн.; дворяне-аамста), Цы́ақы́уаа (мн.), Цы́еп-раа (= Мола́а) (мн.), Фа́рдана́а (мн.).

Сокращения

абж.	абжуйский диалект
абх.	абхазский язык
адыг.	адыгейский язык
ахч.	ахчипсский диалект
бзып.	бзыпский диалект
груз.	грузинский язык
лит.	литературный язык
мн.	множественное число
осет.	осетинский язык
хакуч.	хакучинский говор шапсугского диалекта адыгейского языка

Литература

Ачугба 2018: Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

Чирикба 2012: Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии / Ред. Д.К. Чачхалиа. М.: Аква-Абаза. С. 21–95.

Chirikba 1996: Chirikba V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996.

В.А. Чрыгба

АҢСУА БЫЗШӘА ЦАБАЛТӘИ АДИАЛЕКТ

Аннотация. *Астатиаҕы ахҕаа рызууп аҥсуа бызшәа ҕабалтәи адиалект афонологиеи, аморфологиеи, алексикеи ирызку ихадароу аҕыдарақәа. Амҕаҕыырра калаанза ашьха иаңыз аҥсуа аетнографитә гәың – ҕабалаа – нхон иахьатәи Гәылрыңшь араион иахьаҕанакуа азиас Кәыдры аиасырҕа агәтахьы. Адиалект еиқәхеит Ҙырқәтәыла.*

Ихадароу ажәакәа: *ҕабалтәи адиалект, аҥсуа диалектқәа, аҥсуа бызшәа.*

V.A. Chirikba

THE TSABAL DIALEKT OF ABKHAZ

Annotation. *The paper is devoted to an overview of the main phonological, morphological and lexical traits of the Tsabal dialect of Abkhaz. Before the period of Muhajirism, the mountain ethnographic group of Tsabals lived in the middle reaches of the Kodor River in the present-day Gulrypsch region of Abkhazia. The dialect has survived only in Turkey.*

Key words: *Tsabal dialect, Abkhaz dialects, Abkhaz language.*

АЦЭАЖЭАРА-БЗАЗАРАТЭ СТИЛЬ АЧЫДАРАҚӘАК АЦСУА БЫЗШӘАҒЫ

Аннотация. Астатиа азкуп аңсуа бызшәа афункционалтә стильқәа иру-аку, абззаркны ауафытәыҕса иахъеи-уахеи ицәажәараан ахархәара змоу ацәажәара-бззаратә стиль ачыдарақәа разгәатара.

Ихадароу ажәакәа: абызшәатә хархәагақәа, ғырхәалатәи ажәахәа, ацәажәаратә бызшәа алексика, астильтә чыдарақәа, ацаларадатәи аицәажәара, ажәа аекспрессиатә цәаңитәхәы, ахәшьаратә цәаңитәхәы.

Алитературатә нормақәа рышьбақәгылара ианалага инаркны ғырхәалатәи ажәахәа аоныцка рееиҕыршо иалагеит алитературатә, ацәажәара-бззаратә, абашацәажәаратә матәахәқәа.

Атцааҕцәа рыбжьара иказам ацәажәаратә лексика иазкны еицырзеипшны ирыдыркылахьоу аихшара. Тцааҕцәак иалыркаауеит алитература-цәажәаратә, ацәажәара-бззаратәқәа хәа. Ацәажәара-бззаратә аоныцка иазгәартоит: абззара-башацәажәаратә, ацәажәара-жаргонтә; диалектк иатцанакуа ацәажәара мацара, насгы ижәоу абашацәажәаратәқәа хәа (Фомина 1990). Даҕеа еихшарак ала ацәажәаратә лексика ҕ-хкыкны иахәапшует: ацәажәара-бззаратә, абашацәажәара-цәажәаратәқәа (Бельчиков 2004). Ишаабо ала, атцааҕцәа абри ажәахәатә хкы ахәаакәцарақкны рхы иадырхәоит еиуеипшым атерминқәа: алитература-цәажәаратәқәа, ацәажәара-бззаратәқәа. Уи адхәалоуп (ааигәа афыра зауз абызшәакәа ркны мацара акәым, жәытәнатәаахыс афыратә традиция змоу абызшәакәа ркынгы) ацәажәаратә жәахәа афункционалтә стильқәа рсистемақкны тыцс иааннакылои алитературатә бызшәеи иареи реизыказаашьеи инагзаны иахьызбам.

Ацәажәара-бззаратә ажәакәа рахь иатцанакуеит ауафытәыҕса иахъеи-уахеи ицәажәарақкны атыц змоу ажәакәа. Дара азеипшлитературатә хәа-ақәа ишыртымцуагы, даҕеа стильк акны рхархәара залыршахом, иаххәап, аофициал-усмҕацгаратә, атцаарадырратә стильқәа ркны. Урт ажәакәа ирныцшует абарт реипш икоу ацәапштәхәқәа: айрониатә, акәымшахатхаратә, алаф-фамилиартә, атәамбаратә ухәа уб. итц. Иаххәап, *авамңа, аөежькантәлеи, ацых, ацыымгыр, ахархар, ашьтағача, ахынтаңс, ахалақьа, аханчыгдыгә, ахаңишала*. Ацәажәаратә ажәакәа алитературатә

ажәәхәа рхәәакәа иртытцзом, аха ашәкәытә ажәәкәа излареипшым ачыдаракәа рымоуп – иофициалтәым аґагылазаашьякны еикәшәо ауаа рыбжьароуп ахархәара ахьрымоу, иара убас ирказшьарбагоуп адцаларатә кәзшьа ахьрымамгыы. Атцаащца иалыркаауеит ацәажәаратә лексика ахадаратә чыдаракәа: аемоционалра, асахьаркра, адцаларадара, аилыххара, ашәазара алакәра. Ацсуа бызшәа ацәажәаратә лексикаґы иалахкаар калоит анорма иакәшәои (алитературатәкәа) илакәкәои (илитературатәкәам – ихжәоу абашацәажәаратә ажәәкәа) хәа. Иарбоу ачыдаракәа зыхкьо ацәажәаратә ажәәкәа ґырхәалатәи ажәәхәа иахьадхәалоу ауп. Кәзшьарбагасгыы ирымоуп – аемоционалра, астихиатә кәзшьа змоу аґагылазаашьякны дцаларада рхархәара.

Ацәажәаратә ажәәкәа алитературатә норма ахәәакәа иртыганы икацам, аха уеизгыы еиха илакәуп, азеипшхархәаратә – анеитралтә ажәәкәа рааста. Иаххәап, асинонимтә цәәхәа злашьакәгыло ажәәкәа *иңизам* «некрасивый» *иґаастюу* ркнытә анеитралтә ажәә *иңизам* ажәәхәа астилькәа зегыы ркны ахархәара амоуп, ишлитературатәу ашьязом. Ацәажәаратә ажәә *иґаастә*, алитературатә бызшәа анормақәа ишырґамгылогыы, еиха илакәуп иара асинонимра азызуа анеитралтә ажәә *иңизам* ааста. Убри алакәра ауп изыхкьо иара ашыра-литературатә бызшәәґы хархәарала иахькку.

Ацәажәаратә ажәәкәа илакәу ацәапштәхәы зныцшуа алексикатә пласт ишатаанакуагыы, алитературатә бызшәа анормақәа ирыкәшәоит. Абашацәажәаратә ажәәкәа ихжәоу ацәапштәхәы ахьрымоу иахкьаны алитературатә бызшәәкны ахархәара рымазам.

Ацәажәара-бзазаратә стиль шьякәзыргыло аекстралингвистикатә факторқәа иреиуоуп: аицәажәара, аибабара, аофициалтәи адцаларатәи кәзшьакәа рымамзаара, аицәажәара хадаратәла ицәажәо ралархәра, ґа-зыкатцарада ацәажәара амшәацысра, ажесткәеи амимикакәеи рхархәара уб. итц. Абарт афакторқәа абызшәәкәа зегыы ирзеипшуп, урт ыкоуп ацсуа бызшәәґыы. Ацсуа бызшәа абзазаракны ахархәара змоу ажәәхәа, астилистикатә ґиара иахьатәи аетап акны инагзаны алитературатә нормақәа ирыкәшәоит хәа хәзхәом. Ишдыру еипш, ацәажәара-бзазаратә стиль еихарак илитературатәуп, аха икоуп зны-зынла уи анорма ахәәакәа ианыртысуа. Иаххәар калоит, ацәажәара-бзазаратә стиль алитературатә бызшәеи адиалекттә бызшәеи рыбжьара цхас икоуп хәа. Хәзхәапшуа астиль ацсуа бызшәәґы зхала икоу ажәәхәа хкык ахәсабала ишьакәгылеит. Егьырт афункционалтә стилькәа рааста иара цәапштәхәыла еиха акыр илакәуп, убри аангыы иазгәатәтәуп алитературатә бызшәа аґиареи анырреи инарыдхәаланы ахаракхара атенденция аныцшуа ишалагаз.

Ишазгэахтэз еипш, ацэажэара-базаратэ стиль алитературатэ бызшэа хкык ахасабала ахархэара амоуп ауаа есымшатэи реикэшэарақэа, реибабарақэа, реицэажэарақэа, рыгэтакқэа реибыхэарақэа раан, иара убас ахархэара аиуеит аусбартақэеи анаплакқэеи рғы иофициалтэым аицэажэарақэа раан. Инанэгзоит абызшэа афункциа хада – аицэажэара, аилибакаара. Ацэажэара-базаратэ стиль егырт астилькэа зегыи рааста еиха инартбаны ахархэара амоуп. Арака иуцылоит егырт астилькэа релементкэагыи, аха урт абызшэатэ хархэагақэа цсахшыа змам ашэага-загақэа иртацалам. Ауаи ауаи реицэажэарағы досу имоуп ихатэ стиль, ихатэ интонация, ихатэ жэартэ фонд. Иара илшоит ахэоукэа ишитаху ихы иаирхээр: инагзаны, инагзамкэа, еицыхны, еицыхымкэа. Егырт астилькэа рғы анормақэа узрывсуам, арака абызшэа еиха ахы иакэитуп. Ацэажэара-базаратэ стиль асахьаркыратэ стиль иазааигэоуп. Ашэкэыағы ихатэ стиль шимоу еипш, ацэажэаағы ицэажэарағы иара хатала изчыдароу ахархэагақэа ипшаауеит. Ахатэи цэажэашыағы иуцылар калоит абашацэажэашыахы иацанакуа ажэақэа: *иахэа, адына, ыками* ухэа уб. иц. Ацэажэаратэ жэахэа алексика ацанакуеит еиуеипшым ажэахэа хэтакэа рахы: ахызкэақэа: *абадакыа, апагыр* уб. иц; аказшыарбақэа: *аилатата, аицакыа, аилапата, агэамсыт, ацэарчы* уб. иц; ацынгылақэа: *имхэа-мырза, лабахыла, агыал-палхэа, ийашыыхаа, ийарпака, ицэийашышы* уб. иц.; акацарбақэа: *агэрымра, абыжэара, амйақыақыара, ацэийазырыора, ацэийафыора* ухэа уб. иц.

Ацэажэара-базаратэ стиль хархэашыа хадас иамоу ғырхэалатэи аформоуп, аха ицэартчыр калоит абыратэ формалагыи – асалам шэкэкеи аглобалтэ ха – аинтернет акны еиуеипшым абазаратэ темақэа ирызкны икацоу анцамтақэеи ркны. Ацэажэара-базаратэ стиль ашыакэгылара еиха инеицыху процессуп, ашыра апцареи алитературатэ бызшэа ашыакэгылареи рааста.

Аңсуа бызшэа алексикатэ системакны ичыдоу атыц ааныркылоит ацэажэаратэ стиль иацанакуа аекспрессиатэ цакы зныцшуа алексемақэа. Абрахы иахупхызалар калоит аба-абала еицааиуа еиуеипшым аноминативтэ (ахызтэ) еитахэақэа. Еилазаашыала дара еилацоу ажэеидхэалақэа иреипшуп, аналитикатэ акэоуп. Хазы игоу ажэа ацакеипш даргыи иадырпшуеит иаку еилкаарак, цэырцрак. Иааныркылоит ажэеи ажэеидхэалеи рзы ибжэаратэу ағыгхара. Арт ажэақэа рфонетика-грамматикатэ ганкэа ааныжыны рстилистикатэ чыдарақэа азгэахтоит. Инарыгзоит дара еиуеипшым аекспрессиатэ функцияқэа. Иаххэап, еиуеипшым ахызкэатэ, аказшыарбатэ, ацынгылатэ шыатақэа реиццарала: *агаз-еаз, атакыа-тас, апакы-пакы, агыап-чап, ағыаха-ғас, анымха-хымйэа; ааигэа-сигэа, акэша-мыкэшиа; ашыатаабатэрала: уажэы-уажэы, иаха-иаха, маға-маға, ыша-*

ра-ыара. Ашытаабатара ианацааиуа ыкоуп асуффиксқаагы: *акыр-кырхаа, аңкара-ңкарахаа, акдыркы-кдыркыхаа, аздыри-здырихаа, хычы-хычла*. Ажәеиобатәрала аекспрессиятә цәапштәхәы аарцшра *алыршахоит: даңхьейт, даңхьейт, аха акгыы имыхәейт; дныкәейт, дныкәейт, аха ианаамтаз дзымнейт; иҳәейт, иҳәейт, аха акгыы алымйит*.

Абызшәа егырт алитературатә стилькәа ацәажәара-базаратә стиль акыр иреипшзам ажәәкәа рхәашьала, арака атыц рымоуп акацарбақәа рынцәамтақәа рәы ашьтыбжыкәа **и, у, е** рбыжышәара. Шамахамзар, ғырхәалатәи ажәәхәакны азхәа антцәамтағы «и» быжышәоит: *дц-о-т, иҳә-о-т, дцәажә-о-т, дызб-о-т* ухәа уб.; – *Хак-о-и, аха ҳаңс-о-т ахьта* (Салакаиа 2003: 31); – *«Кык» схәацыңхыза жьыхәта зәзәак сәакла, – хәа ианахә-о-т* (Салакаиа 2003: 34); *Иус-х-т, ажәлар еизыр-г-т, иҳә-и-т* (Салакаиа 2003: 63).

Бзыцтәи ацәажәаратә бызшәағы аделабилизация апроцесс мөхақы тбаала ианубаалоит ахәтач **хәа** акышәхаргыежыра ахьацәызуа: *сцоит ҳа салхәит, икасыо ҳа ак зызбароуп*, иара убас апалатальтә цыбжыкәа **-хь** ағәгәахара, **-х** ашка аиасра: *сахцо-сахаауа, сахыкоу-сахану*. Еихарак атагылазаашьатә элемент **-ахь** ауп уи изыхтысуаны иаабо. Иара убас ацәажәаратә бызшәа ианыцшуейт афарингалтә цыбжыкәа **-к** аа // оо рахь аиасра: *дабакоу – дабаау // дабоо*; *икои – иоои // иааи* уб. иц.

Иахьатәи ацсуа литература-цәажәаратә бызшәа алексикакны иахцылоит илакәу аекспрессиятә цәапштәхәы зныцшуа ажәәкәа. Иазгәатәтәуп «илакәу» ишаанамго иееим ахәшьара мацара. Ацәажәаратә лексикакны икоуп имачымкәа ахәшьара бзиа зныцшуа ажәәкәа. Иаххәап: *аилкья-еилгдыцә*: ацкәын еилкья-еилгдыцә; *ахалакья*: арцыс халакья; *атлаш*: ацкәын тлаш; *ахычцаа*: ацхәыс хычцаа хәычы; *ацых*: арцыс цых; *ацқьашәкья*; (Касланзия 2005).

Ишазгәахтәз еицш, ацәажәара-базаратә стиль еихарак ғырхәалатәи ажәәхәакны ауп иахьупыло. Иара убас ацәажәаратә лексика инартбааны ахархәара аиуейт ашәкәытә стилькәа – асахьаркыратәи апублицистикатәи ымтақәа ркны. Ацәажәаратә ажәәкәа ирныцшуа аемоционал-експрессиятә цакы апублицистикатә стиль акны ахархәара иалнаршоит еилыхха ауа-ажәларра-политикатә тагылазаашьа аарцшра, еилыкка иубартахоит аймак змоу аганқәа, иаарцшхоит автор хәтала дшырзыкоу хазы игоу ауаапсыра. Иаххәап: *ахәынйәеиқәтәара, ацәахыхра*.

К.С. Шыакрыл, В.Х. Концьяриа, Л.П. Цкадуа еикәдыршәаз «Ацсуа бызшәа ажәар» (1986–1987 шш.) акны ажәәкәа инеипынкыланы астилистикатә згәатаракәа шрымамгыы арака иахбоит лексемақәак ацәажәаратәкәа хәа азгәатаракәа рыцны. Иаахгап ғырцштәкәак: *(и)зыгәза* (Шыакрыл, Концьяриа,

Чкадуа 1986–1987: 274); *ззаза* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 252); *айыызара* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 390); *ачамчамра* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 426); *аҕабаба* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 466); *аҕапапа* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 468); *аҕахҕабыз* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 472).

В.А. Касланзиа еикэйршэаз «Ацсуа-аурыс жэар» акны иаликаауеит «ацэажэаратэ», «абашацэажэаратэ» хэа азгэатакэа рытаны 300 инареиханы ацэажэаратэ стиль иацанакуа ажэакэа, ажэартэ статиакэа рыццаны.

Тематикала уахэацшуазар, ацэажэаратэ лексика матэарс иамоу еихарак абзатарағы рхы иадырхэо аматэаркэа рыхьзкэа.

Ацэажэаратэ лексика аилазааракны аконкреттэ ажэакэа еиха ирацэоуп абстрактэ цакы змоу ажэакэа рааста. Уи зыдхэалоу ацэажэаратэ лексика еихарак ахархэара ахьамоу ажэахэатэ тагылазаашьякны ицэыртцау аказшьачыдаракэа ркноуп. Уака ицэыргахоит еиуеипшым асубиективтэ модалтэ цэапштэхэкэа: иаххэап акацарбакэа еитарсу рцаккэа рыла: **анеихара** ажэар акны хэхэапшуазар, «сдвинуться (с места)» аанагоит. 1. *Анеигэаразы, анеитайразы аеынарххара. Уи дахьгылаз днеитайразы днеихеит, аха деитамйкэа иеааникылт. Асиноним: анеитайра.* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 48). *Еитарсу айкакала иаххэап: ҕхьяка хайхан, абызца!* **Адгьежьиылар** ииашоу ацакала иаанагоит акы акэшара. Еитарсу ацакала: *Мыцхэы адхалара, аеадцалара. Аҕишэма урт акыр дрыдгьежьиылеит имоахигарацы, аха ирымуит* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 198). Агэрымра – еитарсу ацакала, ихаҕсахьаркны: *Аҕиша гэрымуан ауха шаанза. Ацэжэырҕа гэааны игэрымуеит, аекидкьо иаҕеп ацара.* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 166). Агэмачра – ииашоу ацакала иаанагоит агэы ахьаа, еитарсу цакыла – «агэкаҳара»: *Ан ибзиайкэаны илбон лычкэын игэмачра, илахьеиқара, аха акгыы дызихэомызт* (Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986: 162).

Ацэажэаратэ лексика иацанакуа ажэакэа еилыкка иаабоит егырт астилистикатэ разриадкэа ирыцаркуа рсинонимкэеи дарей анеиҕхарпцшлакгыы. Дара рыбжьара иуцылоит аемоциа-хэшьяратэ цэапштэхэкэа знымпшуа ажэакэагыы, *иаххэап: ахэарчарра – ацэгыаҳара; акрура, ахандеира – аусура; аҕиша – асахья; ақэшэара – аниара, аҕынаҳара–адэықэлара; гэыкала (гэык-ҕсыкала) гэаартыла; аҕхастаҳара – абжьысра; аиакэым – ақэнамга, ахабар – азбахэ; амала – хэыда-ҕсада; аҕсықымқым – аҕсыцэгыа; меигзарада – ирацэаны; уаарашэа – уаҕйас; ашэаҕырҕаҕра–аишэара; ахэынтаҕс – акьантаз; ахатаҕсата – ахата; аутэы-ахэатэы–аутэы; арҕауҕаура – арылайара – аларйэара; аимгэыцаара – аимйэара; аихэара – аицхыраара; аблакыблайэара – амлакра.*

Ацэажэара-бзазаратэ жэахэаҕы ахархэара рымоуп афразеологиатэ еицааирақэа. Дара ирқазшьарбагоуп еиха еилыхха икоу ахаҕсахьаркра, ирныпшуеит еиуеипшым астилистикатэ цэапштэхэкэа (аирониатэ, аҕырхықэымцаратэ, алафтэ, агэыбзыцтэ уб. итц.): *хаара зйам, агэайда изтоуп, игэида ихэеит; амца икит, игэы кыдгылеит, иңсы кыдишеит, агэайдажэна, игэы кауришеит, акьаброу асра, ухэы-ужьы қақаза еилагылоит, иқьыишэ еиқэижьыит, ақэаб еиқэара иҕысны, аңырқьхэа деицирашеит, иразкы иакит, арашы илырхит, аус арбылгыара, ажэа ртэаны ацэажэара; агэы архыиэашэара; ахы аршақэара; атыгэ аҕы анеира; иламгэа таҕахэаны; алымхэа атшыра; ахы ацыыка ақэхра; амацарңара, рсаз зхэоз азэ днымхеит; дызшаз дисасуп; атэым ажэа; ицэа зегь тазоит; азы шыцэаз ибеит; аф айацалара; ашьамхы айңраара; (Шьякрыл, Концьариа, Цкадуа 1987); Игэайда дтаңиит, игэайда еилысит, агэайда изтоуп, агэағь имоуп; игэайда иңнакеит, игэайда еилысит; дэыңсиэак иеихэоит; ижэ айша аризшэа дыччоит, илымхатаөра бзиартэит; акапеикылйда даңсам; иқьыишэ дықэиҕеит, қьыишэла (ңыишэла) дцэағэоит; ҳаргыы ақэыд ҳчаңомызт (ҳапкомызт); инацэа адхийдалоит (иадхийдалоит); тағьзаа реиңи еилоуп (Касланзиа 2005).*

Ацэажэаратэ бызшэакны ахархэара рымоуп хыпхьазара рацэала ажэапқакэеи афразеологизмқэеи. Иаагап ҕырпштэкэак: *ңсыки ңсыки еихэоит; агэеибакфы амй дазыйкьоит; ахатэы бызшэа агэы иацҳаражэаөуп; аңсыгэырөа айкыс абзагэырөа еицэоуп; абзиабара лашэуп; зыбз хааз асыс ианызгыы ацэон, ианымызгыы ацэон; уайэтэи акэты айкыс иахьатэи акэтағь; ажэлаҕы кьахэк дрылымиаар қалазом; ө-жыак ирышьталаз, акгыы изымкит; адунеи амра иарңизоит, ауафы – айара; агэыла изы ацэкьа зыргылаз, иара дакит; агэыла агэы даөызоуп; агэакраөоуп аөыза дахьудыруа; агаза инапала амат ркуеит; ала ииэаз аейда еишуан; ала шуеит, аҕы хэуеит; илауйаз ауп иааурьхуа уб. итц.*

Иахьатэи аамтазы апсуа цэажэаратэ бызшэаҕы иупылоит апсуеи аурысы бызшэакэа реилапсарала. Ари иазаатгылахьеит ашэкэыөөцэа, ацарауаа. Иаагап уи иазкны Ш.Д. Инал-ица аөажэатэи ашэышықэса а-80-тэи ашықэскэа рзы ииөуаз: «...разговорная речь многих абхазов во многом часто двуязычна, не согласуется с существующими нормами литературного языка, в ней слабо используются богатые местные словарные ресурсы. Они часто прибегают (в большинстве случаев без надобности) к заимствованным словам, терминам и выражениям, в результате чего получается некрасивая и противоестественная мешанина «французского с нижегородским», обедняющая и уродующая родной язык (Инал-ица 1984: 159).

Аңсуаа рцэажэаратэ жэахэағы иалукаар калоит ахэса мацара ирызчы-дароу алексика: *дишда, унан, хаас, хкыдкья, мыжда, кадыць, сара иңсыша, сара-хэаша, анышэ сагааит*; Арт ажэақэа, шамахамзар, ахацэа ражэахэа иалазам. Иаагап урт ажэақэа асахьаркыратэ бызшэағы ашэкэыџџэа рфы-рхацэа ражэахэағы ахархэара анрырто:

– *Исахауа закэызеи, хса-блаатых?* (Шьынқэба 1998: 304); *Цьомлат, уна-идгылар, ашьтэа амала иуитан, сара мыжда?* – ибжыы цага хьырвырза ицэажэоз атахмада днечиэацит Зафас (Шьынқэба 1998: 406); *Хазтаиргылаз закэызеи Леуан кадыцьхеит, зынза ачычмасса иңахачирчеи, ладеи-вадеи хгэаг иңадиркзеи...* (Амаршьан 1994: 287); – *Сан уара иуеиғьылышо уафы длымазам, аха уара иуздыруам, уара мыжда...* (Папаскьыр 2007: 136.); – *Унан, сара хэаша, амимыхэла иңасзыкалеи!* – *лхэан арїдаа-арїдаахэа хынтэ дьхэхеит* (Шьынқэба 1990: 147).

Ацэажэаратэ бызшэағы икоуп атэаацэарағы рхы иадырхэо агэыбзыг ажэақэа, ицоуроу ахэшьаратэ цакы зныцшуа: *сыхазына, соуңишэыл, сгэ-зырхага, схьырїдайда, сыча, сыхаара, нан, нан дызкэахишоу, дад дызкэах-шоу, сыңиқа, сгэацаңха* ухэа уб. итц. Иаагап ғырпштэкэак асахьаркыратэ рфеиамта акны ацэажэаратэ жэахэа ахархэара ахьамоу: *«Ихэа иутаху, сгаза хэычы, сгазакэыбца, схьырїдайда!* – *лгэы тгэыргэон лара, ускак абатаху, уаха ухала иузгэамтазои?!»* (Гогэуа 1982: 228); – *Аа, бгылама, соуңишэыл, аферым!* – *Лаб ибжыы хьырвырза адаахьынтэи игон.* – *Аат, бара сыча цсыла, хэча злазам сыча хэычы...* (Гогэуа 1982: 48); – *Убри акэын иу-асхэоз, сыхаара!* *Уцэырї арахь, айэван узыңишун!* – *хэа ажэа инылыеит* (Шьынқэба 1990: 167).

Ацэажэара-бзазаратэ ажэақэа ирчыдаказшьоуп еиуеицшым аемоциа-хэшьаратэ цэапштэхэка раарпшра, ахағсахьаркрала акыр илакэу астили-стикатэ пшшэахэы рнырпшра. Арака иуцылоит айрониатэ, атэамшьаратэ, акэымшахатхаратэ, ацэхаратэ ухэа цаккэа аазырпшуа алексемакэа, ажэе-идхэалакэа. Иаагап ағырпштэкэа: *Аицэнымхара (амї рхибарїрауам), ацэнымхара (усыцэнымхозар, иахьанза уабаказ), ах'ажьзаара (ихэда да-хажьун), аехарззалара (лхашэада даеазэ длымбо) аеҳэ'ажьзаара (усда-хэысда амца дьеҳэажьун), аеахажьра (астол иеахаиажьит) аеыїаажьра (абарїа иеыїаиажьит), ашьанкьякья (еиңарсу айакала аңстэкэа ирыд-кыланы ауафытэыџса ишизиқоу анаадырңишуа): арахэ, ахаиуан (зелкаара мачу изы), аеабаа (аеабаа еиңи ылыгун)* ухэа уб.итц. Арт ажэақэа ахархэа-ра роуеит есэнытэи абзазаратэ еицэажэарағы.

Ацэажэара-бзазаратэ ажэақэеи анеитралтэ ажэақэеи ишьакэдыргылоит асинонимтэ цэахэа (џба-хца хэта рыла): *айыззара, авайгэара (агылара); аибакэакэара, анибарїдэара (аибашьра); аибафара, аизыгыгра, аиғагыгра,*

(*аицәҳара*); *аизыџџара* (*аизара*); *аикәжәара* (*агәаара*); *аиларшышьра*, *аиларфынтра* (*аилырхра*); *аилацъгәара*, *аицәкәәкәара* (*аилайара*); *аильйра* (*аимптра*); *аимџырра* (*аимыйра*), *аиџйәара* (*аиқара*), *абалыбатара* (*агәәтеира*), *абайбаира*, *апарнарра*, *апатара*, *апаткалеира* (*мыцхәы ацәажәара*), *абжъаркыакыара* (*абжъайара*), *иавагзаны* (*иакәшаны*), *авхәара* (*авхра*), *авйагәара*, *авйацъгәара*, *авйаркыакыара* (*авйайара*), *авџырра* (*авсра*), *агәыдхәхәалара* (*агәыйахәхәара*), *адәылбгара*, *адәылбгъыжәара* (*адәылйра*), *ақәыркәкәара*, *ақәырхәхәара* (*ақәтәара*), *ақалтырра*, *агәалдызра* (*алаџеифра*), *аларкыакыара*, *аларшышьра* (*алайара*), *алыџрра* (*албгара*), *агәылхәараа* (*гәылгара*), *аџнаҳара* (*аџналара*) ухәа уб. итц. Ишаабо еипш, ацәажәара-базаратә ажәәкәә анеитралтә ажәәкәә рааста илакәу астилистикатә цәапштәхәы рныцшуеит.

Иара убас ацәажәаратәкәә рахъ иатцанакуеит еилоу зыхәтәкәә цакыла еизааигәоу акаларакәә, аемоциа-хәшьаратә чыдарақәә аазырцшуа: *ркыт-ңсыт умаҳауа*, *рырахә-рышәахә ртәың ақәйара*, *ийәыуа-ихыуа ишьталара*, *ихәхәо-икаауа иаанкылара*. Абрахъ иатцанакуеит, хгәанала, ажәеидхәалақәә аџбатәи ахәтәкны ашәагәи ахыцхъазарәи ахъарбоу: *дгәыл җайақ*, *ча җайақ*, *мҗы хацк*, *абазк аңара*, *уаңсайәык ашыла*, *цәа кәармак*, *хиы кәармак*.

Ацәажәаратә жәәхәәҗы ахызыцынхәрақәә акырынтә реитәхәарала иарпшхоит хәтыркәымцарыла азәы изыказаашыа: *абри уароу?! Уара?! Абниу*, *Абни иароу?!* Абасала ахархәара аиуеит азцааратә хызыцынхәра «избан» ахатыцан «абри» ахархәарала. *Абри сара* исцәыугтәахуеит? *Абри иаанагои?* Ацәажәаратә бызшәәҗы ахәса, реицәажәара иаказшьарбагоуп аџбатәи ахаҗырбагатә хызыцынхәра «бара» ахархәара. Иаххәап, «аиеи, бара», «икарцари нас, бара», «дабацари, бара», «ус ауп, бара» ухәа уб.

Ацәажәаратә жәәхәәҗы инартбааны ахархәара рымоуп ашьтыбжыҗырпшратәи ахаҗсахыаҗырпшратәи ажәәкәә рыла ишьакәгылыз акалашьатә цынгылакәә. Урт аекспрессиатә цакы рныцшуеит, аҗиара ауаџы ишидикалази, иара убас игәалаказаарәи аадырцшуеит, аемоциатә мчхара рыцоуп. Ашьтыбжыҗырпшратә ажәәкәә шыакәгылоит аҗиара ашьтыбжы еипшнызшьало ажәа ахәтач – «**хәа**» аццарала (ишазгәәхтахыоу еипш, ацәажәаратә бызшәа бзыптәи адиалект акны асуффикс «-**хәа**» еихарак ақышәхаргъежыра ацәызуеит, «-ха» хәа ахархәара амоуп). Иаахгап аҗырпштәкәә: – *Җаи*, *убри*, *Нарт* *Сасрыкәа хайара дукгъы изыкамйит*, *ҳашыа иоуп*, *аха саргъы икасийан* *ҳа сгәы итан* – *ҳа абас дықәгыланы ихәит* (Салакаиа 2003: 35); *Иҗәажәкны иказ аеқәа*, *аршәы зфо атакәажә цда-шәда леиңи рҗышәқәа* *ашыџ-сыџхәа асы илыршыуан* (Цьонуа 1971: 265–266); *Зеидара шкәәкәа зцәыхъантәхананы*, *аҗахсаххәа ана-ара иңйәйәоз амахәқәеи* *абық-чықхәа* *иалџрны инкаҳалоз аси рчыдаҳаз уаҳа ишьтыбжыык рмаҳазо акыраамтә*

игыланы ишшуан ашыхэцэа (Цьонуа 1971: 267); ...*атта-ттацэа* апли-та амэцэа ахэлеицсон (Цьонуа 1971: 342); *Анкеацэа* дылталан дылбааит (Шынкэба 1990: 115); *Сминауатуп, афыза акомандир! – дқац-мафэуа да-ахэын, иблацэа гызмалза Датикэа днаизыишит Валич* (Цьонуа 1971: 197); *Анццица лмыстцхэага акыцэра иқэцаны, лнапқэа еинкьо, акыркырцэа* дыччо дгыланы дрыхэаишуан (Папаскыр 2007: 137); *Афын ахырцэацэеи ауасхыр-цэеи ракэхап, макьаназ ацырцырцэа* ирыцэцэашоз амцабз еиқэымтэацы-зт (Цьонуа 1971: 209).

Ацэажэара-базаратэ жэахэафы апшэма хатца ихыз ахархэара аиуеит ата-ацэа зеггы аайдкыланы, ирзеицш хызыны: *Алиасраа ачарахь ицеит. Аслан-раа зеггы афны икоуп (атцаацэа зеггы цэа аанагоит).*

Хыхь ишазгэахэацэа еицш, ацэажэара-базаратэ стиль шыакэзыргыло ихадароу екстралингвистикатэ чыдаракэаны икоуп цэабаада, имарианы, эазыкэацэарада ацэажэара. Ацэажэара иалахэуп ажэахэа зхэои уи здызкы-лои, урт лассы-ласс рольла рэеитаркуеит, реизыкэаашыакэа реицэажэа-раан ишыакэгылоит. Ари афыза ажэахэа заа аэазыкэацэара залшом, изхэои изырфэуеи рэеитныцсахлара еихарак адиалогтэ кэзшыа амоуп, иалшоит амонолог аказаарагы. Ацэажэаратэ стиль афы амонолог ахархэара амоуп ицэажэо иибаз, иахэаз, ма дзыцхэаз имыруадакэа изырфэуа иахь (рахь) из-нагараан, уиалагы аконтакт рыбжэалоит. Изырфэуа, хэарада, иахауа дакэ-шахэату-дакэшахэатму, ицэеишыо-ицэеимшыо, игэацхо-игэампцо ааирцшуе-ит. Ацэажэара-базаратэ стиль иазчыдароуп иара убас ахэшыара-дкыларатэ цакы зныцшуа атакгы. Азцаара «Шыапыла шэаама?» – атак «Ааи» ацын-хэрас иуахар алшоит еиуеицшым аемоциа-экспрессиатэ такцэа: «*Уаха хазлаауаз*», «*Хэагэышыеит*», «*Хэаирпланла!*», «*Имарианы ихэоуп!*» ухэа. Ажэахэа армариара, заа аэазыкамцэара ухэа абри астиль ачыдаракэа еиха-рак асинтаксистэ еицэаашыа ианыцшуеит. Асинтаксистэ аазарафэы егырт абызшэатэ системакэа рааста иаарцшхоит ажэахэа структурала ахартэаам-заара. Ихартэаам аицэартэышыа, ажэахэатэ економиа – зегь реиха ихадоу кэзшыарбагоуп ацэажэаратэ бызшэазы. Ацэажэаратэ синтаксис афы еихауп имариоу ахэоукэа, насгы структурала ихартэаам ахэоукэа. Хэоукэак рэы ацакы еилкаахоит атагылазаашыеи аконтексти рыла. Иахцэап, азцаара «*Дабакэоу*» атак – «*Афны*», мамзаргы акацэарба (азхэаТ акамзаара атацэара ауеит атагылазаашыа: адэкьан афы – «*Икалозар, чак!*») (сышэт мхэакэа). Заанаты ацэажэара аэазыкэацэара, афраза хэыцны, еицэыршэаны ахэара ахэзалым-шо иахкьаны ацэажэара-базаратэ стиль афы структурала еилоу, иуадафэу асинтаксистэ конструкциякэа рышыакэыргылара уадафэуп. Ахархэара тбаа-ны ирымоуп азцааратэи ацшыаратэи хэоукэа (*Исхэаз уахама? Иааугама?*

Ироухаама? Шака ибзиоузеи! Иишаңиизоу!..). Ацэажэара-базаратэ стиль ағы ихадоу аарцшыгас икоу асинтаксистэ еизыказаашьякэа ирымоу аинтонациеи ажэакэа реишьтагылашьеи роуп, аморфологиатэ еидхэалашьякэа ырцсьеуп. Аинтонация иааигэазаны ирыдхэалоуп ацэажэара атемп, атон, абжыы атемп, апауза, алогикатэ қығгэарақэа. Ацэажэара-базаратэ стиль ағы аинтонация ишьтнахуеит ацакытэ, аемоциатэ еидара, ажэахэа иацанацоит алахғыхра, амариара, асахьаркра. Уи иханартэауеит ихэам иацацэаху ацакы. Алогикатэ қығгэарала иалкаахоит ажэахэа атема. Ацэажэара-базаратэ стиль иалнаршоит азцааратэ ажэа ахэоу антэамта адагы иарбан позицияаалак ағы ахархэара (*Ақытаһь уцома уайды? Уайды ақытаһь уцома? Уцома уайды ақытаһь?*). Ишаабо ала, ари астиль ағы ажэакэа реишьтагылашьа еиха ахақэитра амоуп ашэкэытэ стиль ағы ааста. Арака ихадароуп ацэажэараан ажэахэа ацакы хада апхьа иргылань ахэара: «*Цхыз бааңсык збеит иаха*», «*Ирласны сцароуп аоныка*», «*Ас ду ауит уи ашықсан*». Ацэажэараан ацак ду нарыгзоит атагылазаашья зеицшроу, еицэажэо реизыказаашья ухэа убас ицегьы.

Иааидкылань иаххэозар, абзараакны ғырхэалатэи аицэажэара атагылазаашьякэа ихэаакэырцоит ацэажэара-базаратэ стиль ачыдарақэа. Ғырхэалатэи аицэажэара иазпхьагэанатоит ажэахэаои дзацэажэои рыказаара, адиалог ахархэара, иара убас аекстралингвистикатэ факторкэа – аинтонация, амимика, ажесткэа. Иофициалтэым атагылазаашьякны аицэажэара мөапысуеит ахы иакэитны, дцаларада.

Апсуа бызшэа ацэажэара-базаратэ стиль егырт абыратэ стилькэа иреицшзам хэашьяла, иазчыдароуп абжыыкакэа рбыжышэара, еиха ипсыгены анормақэеи апқарақэеи рықэныкэара. Иара убас ачыда кэзшыақэа иреиуоуп: аемоция, аекспрессия, ахағсахьаркра аарцшра. Иаххэап: *алымха атшыра, зхы ацыка ықдызхуа* ухэа уб.иц. Иазгэататэуп, иахьатэи апсуа цэажэаратэ бызшэағы ишудыло апсуеи аурыси бызшэакэа реилацсарала. Уи жэахэарада, иапырхагоуп ацэажэаратэ бызшэа ацкыара, ибеиоу, иразоу культурала ихараку ажэахэа ашыақэыргылара.

Алитература

Амаршьан 1994: Амаршьан В. Апсха. Акэа, 1994.

Балли 1961: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961.

Гогэуа 1982: Гогэуа А.Н. Иалкаау. Акэа, 1982.

Касланзия 2005: Касланзия В.А. Апсуа-аурыс жэар. Акэа, 2005.

Инал-ипа 1984: Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

Кожина 1977: Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.

Конджария 1984: Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка. Сухуми, 1984.

Папасқыыр 2007: Папасқыыр И.Гь. Ифымтақэа реизга. IV ат. Акэа, 2007.

Салакаиа 2003: Ацсуа фольклор / Ианитцеит, апхьажэеи акомментариакэеи ифит Ш.Хь. Салакаиа. Акэа, 2003.

Тхаркахо 2003: Тхаркахо Ю.А. Стилистика Адыгейского языка. Майкоп, 2003.

Фомина 1990: Фомина М.И. Современный французский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1990.

Ҳагба 2000: Ҳагба Л.Р. Ацсуа фразеология астилистикатэ чыдарақэак // Ацсуатцаара. Акэа, 2000. 100–107.

Шьынқэба 1998: Шьынқэба Б.У. Ифымтақэа реизга. IV ат. Акэа, 1998.

Шьынқэба 1990: Шьынқэба Б.У. Ахьырцэатцэа. Акэа, 1990.

Шьякрыл, Концьариа, Чкадуа 1986–1987: Шьякрыл К.С., Концьариа В.Х., Чкадуа Л.П. Ацсуа бызшэа ажэар. I, II ат. Акэа, 1986, 1987.

Цьениа 1971: Цьениа. А.К. Абна Амаза. Акэа, 1971.

Ф.З. Кварчелия

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНО-БЫТОВОГО СТИЛЯ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Статья посвящена разговорно-бытовому стилю абхазского языка: отмечаются особенности, эмоциональная окраска лексики, нарушение норм абхазского литературного языка. Для разговорно-бытового стиля характерно активное использование фразеологизмов с эмоциональной окраской, пословиц, простых неполных предложений. В работе отмечено, что разговорно-бытовой стиль встречается и в письменных текстах, в том числе социальных сетях.*

Ключевые слова: *языковые средства, устная речь, стилистические особенности, лексика разговорной речи, неофициальность, непринужденность общения, экспрессивная окраска слова, оценочная коннотация.*

F.Z. Kvarchelia

**FEATURES OF SPOKEN AND EVERYDAY STYLE IN THE
ABKHAZ LANGUAGE**

Annotation. *The article focuses on the colloquial and everyday style of the Abkhaz language: features, emotional coloring of vocabulary, violation of the norms of the Abkhaz literary language are noted. The spoken and everyday style is characterized by the active use of phraseological units with an emotional connotation, proverbs and simple incomplete sentences. The paper notes that the spoken and everyday style is also found in written texts, including social networks.*

Key words: *Language means, oral speech, stylistic peculiarities, colloquial vocabulary, informality, easiness of communication, expressive coloring of the word, evaluative connotation.*

ЖАНР ХОККУ В АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. *В статье рассматривается место и роль свободного стиха (верлибр) в абхазской литературной поэзии. Особый акцент сделан на анализе произведений поэтов, пишущих белым стихом (В. Касландзия, С. Лакоба, Г. Аламиа и др.), при этом прослеживается явное влияние художественно-стилевого арсенала японского лирического жанра хокку (метафорическая образность, созерцательность, трехстрочное построение стиха, благозвучие строф и т.д.).*

Ключевые слова: *свободный стих, жанр хокку, Мацуо Басё, поэтическая образность, художественный стиль, созерцательность, благозвучие строф, экономия стиха.*

Белый или свободный стих в абхазскую поэзию впервые внедрил основоположник национальной литературы Дмитрий Иосифович Гулиа. Многие его лирические стихи философского жанра («Я все могу», «Это – я!», «Стихи о поэзии» и др.) и лирическая поэма «Мой очаг» написаны свободным стихом, состоящим «из несоизмеримых интонационно-синтаксических рядов» (Цвинариа 1987: 146–147, 289). Д.И. Гулиа, постигая новую стихотворную форму, опирался в первую очередь на поэтику и художественно-стилистические возможности национального песенно-стихотворного фольклора. Традиции патриарха абхазской литературы в освоении новых поэтических форм, а именно белого стиха, были продолжены с разной степенью активности в разных жанрах литературы и другими литераторами (Багратом Шинкуба, Нелли Тарба, Рушни Джапуа, Анзором Мукба и т. д.). Однако, с еще большим напором и энергией в этом направлении проявили себя поэты так называемого среднего и даже младшего поколения абхазских литераторов: Геннадий Аламиа, Валерий Касландзия, Алхас Кварчия, Джамал Абыгба, Саида Делба, Дмитрий Габалиа, Джамбул Инджгия и др. Для них свободный стих стал ведущей формой или одной из основных форм поэтического самовыражения. Каждый из перечисленных авторов в своих поэтических исканиях, отходя от традиционных форм организации стихотворной речи (строгая ритмика, строфика и рифмовка), разрабатывает свою необычную поэтико-стилевую систему. При этом в становлении поэтического вкуса и разработке художественного стиля свободного жанра опреде-

ляющее влияние на них оказало не только дописьменное народнопоэтическое творчество, но и иноязычные литераторы XIX – начала XX вв.: Уолт Уйтмен, Велимир Хлебников, Мигель де Унамуно, Владимир Маяковский, Федерико Гарсиа Лорка и др., для которых основным способом самовыражения стал свободный или так называемый белый стих (верлибр). Каждый автор, разумеется, шел к своей заветной цели особой тропой, не лишенной творческого искания и подражания маститым поэтам.

Самобытно обращение к свободному стиху и у ныне известного абхазского поэта, прозаика и драматурга Валерия Касландзиа. По своему природному дарованию он – поэт-лирик, отличающийся оригинальным образным мышлением и художественным стилем. В жанровом спектре его лирических произведений доминируют стихи философской, пейзажной и любовной направленности. Поэтический мир поэта опирается на динамичные и причудливые картины абхазской природы, на неповторимую красоту родных пейзажей. Именно они наводят автора на глубоко лиричные размышления о повседневной жизни человека и ее скоротечности. См. в стихотворении «Раскрывшийся цветочек...»:

Ашәт игәылтцыз
Дунеик ашеит,
Ашәт иғәшәазгы
Иашеит дунеик.
Ацәгьей абзиен
Еициз роуп,
Цсра хәа акгыкам,
Зегь иироуп.

Раскрывшийся цветок
Создал мирок [жизнь],
И сорвавшийся цветок
Создал мирок [жизнь].
Плохое и хорошее –
Близнецы-братья,
Нет никакой смерти,
Кроме рождения.

(Касландзиа 2019: 51)

Следует отметить, что поэт долго находился в творческих исканиях, прошел через множество испытаний, разочарований и многое открыл. До-

статочно сказать, что первую книгу стихов «Яблони цветут» (1983) он издает в 40 лет, хотя пишет много лет.

При этом В.П. Касландзия пробует свои силы в разных поэтических формах – и «классической», характеризующейся четкой организацией стихотворной речи, и «белым» стихом. В конечном счете главным творческим принципом или ориентиром для автора стала экономия поэтического стиха: посредством небольшого количества строк дать простор авторским мыслям и чувствам. И в этом поэт во многом преуспевает, в чем может убедиться чуткий и взыскательный читатель, обратившись хотя бы к шестистрочной лирической миниатюре В.П. Касландзия под названием «Несчастный ручей», в которой посредством диалогической композиции (вопрос – ответ) предпринимается попытка раскрыть смысл человеческого бытия:

– Арџаш насыпда,
Уабацои?
Уаангыл!
– Са снеиуанат,
Сыџоуп,
Исымоуп насыпггы.

– Несчастный ручей,
Куда ты?
Постой!
– Пока я теку
Я жив
И счастлив!

(Касландзия 2014: 26–27)

У В.П. Касландзия природа и человек едины, первая выступает основным источником вдохновения и источником «истины и красоты» (Бреславец 1981: 85). Жизнь – это постоянное движение вперед к чему-либо, что предполагает развитие человеческой деятельности во всех ее проявлениях. К этой общеизвестной философской теме обращаются поэты разных стран и эпох. Но в приведенном стихотворении она раскрывается по-своему. В данном случае хорошо срабатывает общеизвестный творческий принцип А.П. Чехова: «Словам – тесно, а мыслям – просторно».

Хотя большинство стихотворений В.П. Касландзия философского жанра написаны по преимуществу белым стихом (верлибр) и в них (за редким исключением!) не более 8–10 строк, они наполнены глубоким смыслом и ду-

шевым напряжением. Автор акцентирует внимание на конкретном образе, при этом оставляя читателю право самому домысливать символическую подоснову произведения. Это и объясняет, почему поэт так часто завершает свои произведения вопросом:

Иацы
Уацэтэи хэа
Сазыцшыи иахьатэи амш.
Иахьа
Сазыцшуп уацэтэи.
Иарбан мшу
Сыззыцшыи,
Уацэтэи сахызбаауа?

Я ждал
Сегодняшний день
Как завтрашний.
Сегодня
я жду завтрашний.
Какой из ожидаемых дней
Лишит меня завтрашнего?

(Касландзия 2014: 48)

Тема быстротечности жизни и бренности человеческого существования, конечно же, не нова в абхазской («Ох, красавица ночь // Покрытая ковром! // Расстанемся с тобой // Однажды навсегда!» – И.А. Когониа, «Мне предстоит однажды умереть...» – Б.В. Шинкуба, «Разве легко, вот так мило // Оставив все, уйти навсегда?.. // Каждый согласится // С такую судьбой?» – Т.Ш. Аджба) и – в целом – в мировой поэзии, о чем свидетельствуют классические поэтические творения поэтов разных народов и эпох. И Валерий Касландзия, неоднократно возвращаясь к извечному вопросу, каждый раз открывает для себя завесу таинства по-новому.

Приведенный пример поэтического произведения по форме отличается от обычных стихов, для него характерна астрофичность, отсутствие рифмы, четкой ритмики и интонационно-синтаксической упорядоченности в строках. Такая необычная поэтическая форма во многом свойственна лирическим произведениям философской тематики, основанным на иррациональном мировосприятии. Их художественный «остов» строится на метафорических образах, носящих абстрактный смысл. В этом и состоит

индивидуальное мировосприятие абхазского поэта и оригинальность его художественного мышления.

Своеобразие творческого почерка В.П. Касландзия заключается в том, что с первых шагов своей поэтической деятельности он создает стихотворные произведения в основном в подражание поэтике традиционного жанра японской лирической поэзии под названием *хокку* (*хайку*), выделяющегося многими отличительными особенностями (Кожевников, Николаев 1987: 484). Выдающимся представителем этого поэтического жанра является японский поэт и теоретик стиха XVII в. Мацуо Басё (Бреславец 1981). Именно он сыграл значительную роль в формировании В.П. Касландзия как поэта. Главный творческий принцип хокку – способность выразить мысль, используя ограниченное количество слов или строк (обычно три строки), соотнесение природного образа с жизнью человека. Первые шаги на поэтическом поприще Валерий Касландзия сделал под влиянием Мацуо Басё. Центральное место в хокку, а стало быть, и в стихах Мацуо Басё и его последователя – абхазского поэта, занимает конкретный образ природы, прямо или косвенно сопоставленный с жизнью индивида, тем самым побуждающий читателя к раздумьям о смысле бытия, о месте человека и его предназначении в жизни¹. В этом русле созданы многие лирические произведения В.П. Касландзия: «День пасмурный...», «Куда глядел...», «Роща», «Будучи пасмурным днем...», «С раннего утра...», «Мои мысли...», «Каждый день...», «С раннего утра пасмурный день...» и др. Содержание этих коротеньких стихов раскрывается в одном конкретном предмете или образе, который ассоциируется с определенными мыслями и чувствами человека, к которым читатель не может остаться равнодушным. Приведем в качестве примера стихотворение «Бабочка»:

Мшы зацэык
Ззыпцэаз
Ацарцалыкь,
Икарахан,
Иабазы иахази
Цъашьаны
Ишеилнаргоз,
Ахэылпаз,

---

¹ Для М. Басё «всякая зарисовка с натуры есть проникновение в высший смысл вещей, через постижение красоты вещей постигать истину – путь к просветлению» (Григорьева 1991: 673).

Ахэлара
Инахэлазит.

Измотанная
Бабочка
Однодневка,
Дивилась тому
Что увидала
И услышала.
Пока все это
Разбирала
В ночи глубокой
пропала.

(Касланзиа 2014: 30)

В стихотворении присутствует ассоциативный подтекст. Образ бабочки вполне сопоставим с жизнью человека. Идея произведения понятна: сколько людей ушло в мир иной, не распознав красоту земли и ее прелестную благодать, не уяснив для себя непреходящую ценность добра и праведности. В стихотворении «Бабочка» – минимум слов, и каждое несет в себе предельную нагрузку. Как и у Мацуо Басё, важное значение в произведениях В.П. Касланзиа придается созерцательности, лаконичности и звуковой организации стиха, как это наблюдается в следующих строках рассматриваемого стихотворения: «Ахэылпаз / Ахэлара / Инахэлазит», где выделенные звуки предстают аллитерационными, усиливающими выразительность художественной речи.

Подчеркнем, что в своих произведениях поэт не ограничивается одной лишь поэтикой хокку, нередко оттачивает художественно-стилевую ткань стихотворений по-своему или же в рамках известной в мировом фольклоре поэтической образности, в которой проводится аналогия природы и человека:

Имахэгаданы
Зшьапы цыкказ
Ацла,
Ианаамтаз
Атаацэара иаламлаз
Ахаца

Даасгэаланаршэит,
Сылацш анакэшэа.

Когда я увидел
Дерево
Без веток
С оголившимся стволом,
Оно напомнило мне
Своевременно
Не женившегося
Мужчину².

(Касландзиа 2014: 70–71)

Приведенные выше примеры подчеркивают, что особенность рассматриваемым произведениям придает их ассоциативность и недосказанность. Это и роднит их с японской поэзией, в частности со стихами признанного мастера этой формы Мацуо Басё. Что касается самого стиха, то он предстает исключительно свободным. Подобная поэтическая форма, характерная преимущественно для так называемой интеллектуальной поэзии, в абхазской поэтической культуре в известной степени является новаторской. И каковы перспективы дальнейшего усвоения ее другими мастерами художественного слова, сказать сложно. Но в то же время не вызывает сомнений, что такая поэзия имеет право на существование: у пишущих белыми стихами или верлибром абхазских авторов (Г.Ш. Аламиа, С.З. Лакоба, Д.П. Габалиа, Д.Д. Инджиа и др.) всегда были и будут свои ортодоксальные поклонники.

Из произведений В.П. Касландзиа, написанных белыми стихами с явными элементами поэтики хокку, отмечу как наиболее значимые: «Призыв», «Вопрос», «День сегодняшний», «Руки моей бабушки», «Мой возраст» и др. Их своеобразие, подчеркну, состоит в стремлении к чрезвычайно эмоциональному и выразительному художественному образу посредством весьма ограниченного количества строк. Хотя по стихотворной форме они зачастую отличаются от японского жанра хокку.

Достойны внимания и детские стихи поэта, давно полюбившиеся абхазскому читателю³. В плане поэтико-стилевого оформления для них ха-

---

² Ср. со строфой из абхазской хороводной песни «Шаратын»: «Уаа, стройное дерево без виноградной лозы, / Хороший ручей без воды, / Хорошая женщина без детей...» (Когониа 2019: 210).

³ За большой вклад в развитие абхазской детской литературы, а именно за книги «Анча-кунча», «Храбрый Жакур» автор в 2017 г. был удостоен Государственной премии Республики Абхазия им. Т.Ш. Аджба в области детской и юношеской литературы.

рактерна краткость стиха и лаконичные образные выражения, сама их поэтическая речь, созданная в русле русского классического силлабо-тонического стиха, очень подвижна, музыкальна, отличается необыкновенным разнообразием и плавностью звуков. Для наглядности приведем стихотворение «Ачу-ачу!»:

Ачу-ачу! – слаба-ҕы,
Икэаркэашьеиуеит адэаҕы.
Ахы сымнахырц иаҕуп,
Сагэра сааханы икуп!
Аха иууеи ипнацэар –
Агэра злоугари ацэхар?
Усгыы сақэтэоуп сацэшэазом,
Сшьапқэа рыда изцазом.

Ачу-ачу! – Мой конь-хворостина
По лужайке мчится.
Норовит вырваться из рук,
Но я держу узду крепко!
Ну, а вдруг ее порвет –
Не надежно ж лыко?
Но я без страха сижу на нем,
Без моей команды ни шагу не делает.

(Касландзия 2016: 43)

В последние годы поэтико-стилевой почерк В.П. Касландзия претерпел определенную эволюцию в сторону перехода от свободного стиха к классическому.

Основные жанровые черты хокку, в особенности по части ее звуковой и строфической организации стиха, спорадически проявляются и в творчестве известного абхазского поэта Г.Ш. Аламира. У мастера художественного слова, избравшего в качестве основного поэтико-стилевого метода свободное стихосложение, давно выработался свой собственный поэтический стиль, характеризующийся творческой раскованностью, лирическим осмыслением бытия, разнообразием синтаксиса и звуковой организации стиха. Можно сказать, что в поэтическом творчестве Г.Ш. Аламира абхазский белый стих в определенном смысле достиг своего апогея. Между тем обращение автора к жанру хокку, к элементам его микропоэтики (строфическое построение, благозвучие строф) обнаруживается в целом ряде его

произведений. Показательным образцом является стихотворение «Нет теперь тайны...», относящееся к сравнительно раннему периоду творчества поэта:

...Иамазам

Шьта

Ашәт

Амаза –

Ишәтит...

...Нет

Теперь

Тайны

У цветка –

Расцвел⁴.

(Аламия 1976: 48)

В этом примере и далекому от исследования поэзии читателю станут очевидными определенные поэтико-стилевые реминисценции с жанром хокку: это проявляется в том, что касается созерцательности, недосказанности, строфической организации и усиления выразительности художественной речи произведения повторами согласных звуков **м**, **з**, **шә**, **т**.

Следует заметить, что жанровые признаки хокку наиболее рельефно и выпукло проявляются в творчестве абхазского поэта Станислава Лакоба, пишущего на русском языке. Будучи страстным поклонником таланта Мацуо Басё и крупнейшего представителя русского авангарда начала XX в. Велимира Хлебникова, он не без их влияния привнес в абхазскую поэзию своеобразную лаконичность и образность. Вот классический пример подобия хокку из его творчества, отличающийся пышной образностью:

⁴ Ср. со стихотворением Владимира Ацнариа «Отрывок»:

Абзиабара йәахнайы – игәнахан,

Абзиабара аназхымга уаха,

Ашәт ахьгылаз ишәтит...

Любовь несчастной была, пока находилась взаперти,

Так и не дождавшись любви,

Цветок наконец-то расцвел...

(Ацнариа 1982: 44)

со старой крыши
упала капля
отстала от вчерашней стаи ливня

(Лакоба 2011: 21)

И в содержательном и структурном плане стихотворение выдерживает все основные творческие принципы хокку: «зарисовка с натуры», созерцательность, ассоциативный подтекст, строфическое строение. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в абхазской художественной литературе именно С.З. Лакоба является первопроходцем в освоении художественно-стилевого арсенала жанра хокку. И в этом он во многом преуспел⁵. Вслед за Станиславом Лакоба повышенный интерес к этому жанру проявил и В.П. Касландзия, а на современном этапе к нему обратились и другие литераторы.

Стремление к экономии поэтических строк, изысканной художественной образности и строфической свободе характерны и для творческого почерка молодого абхазского поэта Джамбула Инджгия, являющегося автором стихотворного сборника «Путь сердца» (Инцъгья 2018). Его художественный мир и поэтический стиль сформировался, надо полагать, преимущественно под влиянием японского хокку. В стихах начинающего литератора отчетливо обнаруживаются содержательные и формальные черты, роднящие их с поэтическими принципами интересующего нас лирического жанра. Во всяком случае, об этом свидетельствуют последние по времени публикации автора, в том числе и книга «Путь сердца», объединившая в основном пейзажную лирику с философскими размышлениями. В очень многих представленных на страницах этой книги стихотворениях поражает сила творческого воображения автора и спрессованная в трехстишия ассоциативно-метафорическая цепь его художественных образов. В качестве иллюстрации приведем несколько лирических миниатюр Джамбула Инджгия:

Азахәа

алагырз азынкылом...

Адгьыл ахьаа анырма?

---

⁵ Достоинно внимания, что Фазиль Искандер в повести «Джамхух – Сын Оленя, или Евангелие по-чегемски» приводит один из хокку С.З. Лакоба: «Скорпион / Влез на белый цветок / И умер от неожиданности» (Искандер 1983: 382). Интересен сам по себе не только факт использования стихотворения С.З. Лакоба (Лакоба 2011: 27) в повести, где он предстает как древнеабхазский поэт, но и искандеровское толкование смысла стихотворения: «Скорпион сам черный, мысли у него черные, и дела у него черные. И он думал, что все на свете черное. И вдруг он увидел белый цветок и понял, что вся его жизнь неправильная, и он от этого умер» (Искандер 1983: 383).

Лоза

не в силах слезы остановить...

Неужели ощутила земную боль?

(Инцъгъиа 2018: 7)

Ажэоан икыдлеит

азиас ахцэкэа –

ацэакэа ыырбоит.

В небе засияли

волосы реки –

радуга щеголяет.

(Инцъгъиа 2018: 9)

В приведенных стихах налицо «заимствованный из живописи принцип хокку – “зарисовки с натуры”» (Кожевников, Николаев 1987: 484). Главный упор поэт делает на весьма абстрактные метафорические образы, отличающиеся свежестью и новизной и свидетельствующие о тонкой наблюдательности и богатстве мироощущения автора:

Ацэыкэбарцэкэа

зиасхоит –

абызцэа азырхар.

И даже капельки дождя

превращаются в реки –

если обретут друзей.

(Инцъгъиа 2018: 31)

Ассир!

Абыгъ фежкэа

хычцапырхеит.

Какое чудо!

Желтые листья

превратились в бабочек.

(Инцъгъиа 2018: 32)

В свете эстетического идеала Д.Д. Инджгиа, природа и человек, как и у Мацуо Басё, предстают единым и целым, источником вдохновения и земной благодатной красоты (Бреславец 1981: 85). В то же время остается вопрос, в какой мере поэту удастся посредством поэтико-содержательных слагаемых иноязычного, в данном случае японского жанра (живописность поэтических образов, своеобразие восточного мироощущения), выразить неповторимый абхазский национальный дух. Главное для Д.Д. Инджгиа, да и для других упомянутых авторов, добиться, чтобы новые, доселе еще не столь широко известные, художественные искания не остались лишь на уровне эксперимента, а гармонично, естественным образом «принялись» бы в благодатной национальной духовной «почве» расцвели как уникальный творческий феномен, обогащая и развивая прекрасный букет абхазской поэзии. А это, согласимся, не самая простая задача, и ее решение потребует еще и много времени, и колоссальные духовные затраты, зачастую не приносящие результаты. Будем надеяться, что творческие поиски абхазских поэтов будут иметь успех у определенной части читательской аудитории Абхазии.

Подводя итоги проведенного краткого анализа лирических стихотворений абхазских поэтов, написанных в художественно-стилевом русле жанра хокку, можно сделать следующее заключение. С поэтико-содержательной точки зрения в них, безусловно, есть как сильные, так и слабые стороны. К сильным сторонам мы относим метафоричность языка, создание обобщенных художественных образов и мыслей посредством минимума слов. Слабая сторона этой поэтической формы, на наш взгляд, – излишняя «отвлеченность, абстрактность поэтического мышления», «чрезмерная гиперболлизация привычных человеческих ощущений и непомерная удаленность поэтических образов от земного человека, избыточный рационализм...» (Цвинариа 1987: 295–296).

Литература

Аламиа 1979: Аламиа Геннади. Мышкы ацстазаара. Ажэинраалакэа. Акэа, 1976.

Айнариа 1982: Ацнариа Владимир. Амш бзиа. Ажэинраалакэеи аиҕақэеи. Акэа, 1982.

Бреславец 1981: Бреславец Т.И. Поэзия Мацуо Басё / Отв. ред. Т.П. Григорьева. М., 1981.

Григорьева 1991: Григорьева Т.П. Японская литература // История всемирной литературы. Том седьмой / Отв. ред. И.А. Бернштейн. М., 1991. С. 662–675.

Инцъгиа 2018: Инцъгиа Цъамбул. Ацсықерамџа. Стихи. Ақәа, 2018.

Искандер 1983: Искандер Фазиль. Защита Чика. Рассказы и повести. М., 1983.

Касланзиа 2014: Касланзиа Валери. Иалкаау. Ажәеинраалақәа, апоемақәа, ахәыцқәа рзы ажәеинраалақәеи алакәқәеи, апиесақәа. Ақәа, 2014.

Касланзиа 2016: Касланзиа Валери. Ах ипха. Ахәыцқәа рзы ажәеинраалақәеи алакәқәеи. Ақәа, 2016.

Касланзиа 2019: Касланзиа Валери. Аизга. Ажәеинраалақәа, апоемақәа, аповест, ажәабжьқәа, апиесақәа. Ақәа, 2019.

Когониа 2019: Когониа В.А. Абхазская народная поэзия (Идейно-тематическая и поэтико-стилевая система). Сухум, 2019.

Кожевников, Николаев 1987: Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987.

Лакоба 2011: Лакоба Станислав. Избранное. Сухум, 2011.

Цвинариа 1987: Цвинариа В.Л. Абхазское стихосложение (Метрика. Ритмика. Композиция). Сухуми, 1987.

В.А. Кәагәаниа

ХОККУ АЖАНР АЦСУА ПОЕЗИАҒЫ

Аннотация. *АусумтәҒы иазаатҒылоуп зхы иақәитү ажәеинраала иааннакыло атҒы, насгьы аҒакы аҒсуа литературатә поезиаҒы. Чыдала анализ рыдқайалоуп жәеинраала шкәакәала (верлибрла) иџуа, иапониа-тәи ажанр хокку (хаику) асахьаркыра-стильтә лишарақәа ирызхьаңшуа аздык-џыцьяк апоетиқәа (В. Касланзиа, С. Лакоба, Г. Аламиа уб. егь.) рырҒиамтәқәа. Лкаас иқайоу убриоуп – хокку аҒцаарала иаңйоу ажәеинраалақәа аҒхьаџ дыздызхалаша ақазшьақәа ширылақоугьы (ихырку аметафоратә хәҒсахьақәа, цәахәа маҒсацла изеиңшырку асахьаркыратә цәлашизарақәеи ахшьџцарақәеи рцәыргара), ирымоуп «ахьысхарақәагьы».*

Ихадароу ажәақәа. *Ажәеинраала шкәакәа, хокку ажанр, Маццо Басио, апоезиатә хәҒсахьа, асахьаркыратә стиль, ацәахәақәа рышьтҒыбжьгашьа, ажәеинраала аразара.*

V.A. Kogonia

HOKKU GENRE IN ABKHAZIAN POETRY

Annotation. *The article examines the place and role of free verse (vers libre) in the Abkhazian literary poetry. A special emphasis is placed on the analysis of the works of poets who write in blank verse (V. Kaslandzia, S. Lakoba, G. Alamia, etc.), while there is a clear influence of the artistic and stylistic arsenal of the Japanese lyric genre hokku (metaphorical imagery, contemplation, three-line construction of verse, the euphony of the stanzas, etc.).*

Key words: *free verse, hokku genre, Matsuo Basho, poetic imagery, artistic style, contemplation, euphony of stanzas, economy of verse.*

«ЯГНЕНОК» ИЛИ «АГНЕЦ?»

Духовно-нравственный дискурс в одноименном
рассказе Алексея Гоголя.

Мировой историко-культурный контекст

(Окончание. Начало в журнале «Вестник АНА», № 10. 2020)

Аннотация. В статье приводится продолжение исследования автора по поэтике рассказа А.Н. Гоголя «Ягненок» («Агнец»). В этой работе впервые уделено особое внимание развернутым метафорическим описаниям и символическому образу агнца. Показаны особенности функционирования историко-культурной памяти в художественном сознании писателя и литературном тексте.

Ключевые слова: рассказ Алексея Гоголя «Агнец», поэтика, символика агнца, мифология, библейские мотивы, историко-культурная память.

До сих пор такие ветхозаветные обрядовые жертвоприношения (в числе жертвенных животных – агнец, взрослый овен /баран/, козленок или взрослый козел), как мы уже отмечали выше, сохранились и в современной Абхазии (автор этой статьи неоднократно присутствовал на таких обрядах), свидетельствуя об очень раннем периоде распространения христианства на территории исторической Абхазии, а уже в эпоху средневекового Абхазского царства (VIII–XI вв.) оно (православие) стало официальной религией государства. При этом многие ветхозаветные и тысячелетние народные обычаи и обряды, традиционные религиозные верования абхазов продолжают сохраняться по сей день.

Есть немало других этнографических и фольклорных материалов, записанных со второй половины XIX века российскими и абхазскими учеными, а также исследований. Еще в 1853 г. абхазский этнограф Соломон Званба (1809–1855) в газете «Кавказ» (№ 90) опубликовал первую статью о жертвоприношении «Обряд жертвоприношения Святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами». Он писал, что у «каждого абхаза в стаде лучшая корова, у которой кончик правого уха отрезан. Корова эта назначена для жертвоприношения св. Георгию. Из числа кувшинов [с чистым виноградным вином. – В. Б.], зарытых в сарае абхазского хозяина,

самый большой предназначен также в честь этого святого» (Званба 1982: 24). Как правило, саму «меченую», «посвященную» корову не приносили в жертву, ее нельзя было и продавать чужим. По словам С. Званба, происходило это так: «Если посвященная корова отелится бычком, то бычок после откормления идет на жертву; если же отелилась телушкой, то вместо нее откармливают для жертвоприношения барашка. Обряд жертвоприношения (в качестве жертвенного животного используют овцу или бычка) совершается следующим образом: «жертву приводят к крыльцу дома, куда выходят и становятся на колени лицом к востоку все члены семейства. При этом они складывают руки на груди, ... мужчины снимают шапки. Старший в семействе, взяв жертву за уши, произносит молитву: “Святой великий Георгий Илорский (в селении Илори находится древняя церковь во имя св. Георгия), приношу тебе определенную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своим покровительством, дай нам здоровья и долголетия, удали от нас всякие недуги в настоящее и будущее время, сохрани нас от злых духов и от дурных глаз; не оставь также своим покровительством отсутствующих наших родных и друзей и всех тех, которых мы любим!”» (Званба 1982: 24–25). Далее автор подробно описывает последующие действия участников обряда. И что интересно: «Обряд этот исполняется всеми природными абхазцами без различия вероисповедания. Назначенного дня для этого обряда не имеется, а преимущественно совершают его на первый день пасхи поутру; т. е. крещеные после обедни, а магометане и язычники – поутру рано» (Званба 1982: 25).

В книге Б.В. Шинкуба «Золотые россыпи: Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы» опубликован ряд этнографических материалов, посвященных различным обрядам и традиционным молениям. Они записаны во второй половине 40-х годов XX в. в селах Абхазии. Информантка из села Члоу Очамчырского района Джаримхан Адлейба-Шинкуба рассказала Баграту Шинкуба о следующем обычае: «Когда я стала невесткой в этом доме, мать мужа сказала мне, какие в этой семье бывают запретные дни недели¹ и моления. В твоём роду (семье) воскресенье считалось божественным запретным днем, суббота – запретным днем во имя святилища. Этим святилищем была Елыр-ныха. Один раз в году до начала поста, или после его завершения, у святилища проводили обряд моления. Приносили ему в жертву не просто овца, а ягненка (агнца)» (Шьынқэба 1990: 458). А моление, связанное с божественным запретным

---

¹ В запретный день (абх. амшшьара) (часто суббота, у некоторых фамилий четверг, воскресенье, понедельник и т. д.) нельзя было работать, продавать, дарить или выносить что-либо из дома.

днем, проводилось не дома, а на какой-нибудь красивой поляне, на красивом холме, или под большим деревом. На этот раз жертвой являлся только козел (возможно – козленок). Некоторые материалы о жертвоприношениях встречаются и в записях А.А. Аншба. Например, в день проведения обряда-моления вызывания дождя (его до сих пор проводят в Абхазии) в жертву приносят овцу или бычка (Цъапуа 1995: 376). Местами жертвенным животным является взрослый козел. Я сам помню, как ежегодно, или в два-три года один раз мой отец в день Пасхи с утра у зарытого в определенном месте в усадьбе (его нельзя передвигать) глиняного кувшина с чистым виноградным вином (вино заливается в кувшин каждую осень, посвящено только Пасхе) в присутствии членов семьи приносил в жертву козленка. Намного раньше, когда в Абхазии овец было больше, ягненок чаще использовался в качестве жертвенника.

В этих обрядах и молениях очевиден синкретический характер религиозного сознания абхазов, смешение христианских (ветхозаветных и новозаветных) традиций и древних абхазских обычаев.

Этнолог А. Крылов, опубликовавший ряд в целом интересных работ о религиозных верованиях абхазов, утверждает, что древнейшая «автохтонная» традиционная религия абхазов, сохранившаяся по сей день, – монотеистическая. Он отмечает: «Сохранившиеся абхазами религиозные представления и ритуалы свидетельствуют, что ... мы имеем дело с монотеистической религией, центральной идеей которой является существование единого Бога-Творца – Анцва. Он является первоисточником всего сущего и бесконечно множественен в своих проявлениях. Традиционная религия абхазов отвечает определению теизма, в котором мир есть осуществление божественного промысла, а абсолютно бесконечный Бог стоит над миром и человеком. А также определению “строгого монотеизма”, где Бог является единственным источником и добра, и зла...» (Крылов 2012: 379). Аналогичную позицию намного раньше выразили С.П. Басария, Ш.Д. Инал-ипа и другие исследователи. Частью традиционной религии народа являлись разные божества – Афы (божество грома и молнии), Ажвейпшаа (божество охоты, покровитель диких животных), Анана-Гунда (богиня пчеловодства, в древнейшие времена – божество охоты в женском образе), Айтар (божество плодородия, покровитель домашнего скота), Джабран (женское божество мелкого рогатого скота), Джаджа (богиня плодородия, покровительница засеянных полей и всей растительности) и др. Кстати, эти и другие божества, а также ритуалы, связанные с ними, получили художественное воплощение в романе Б. В. Шинкуба «Рассеченный камень» (Шинкуба 1986; Шинкуба 2011). До сих пор в памяти народа сохранились древние крупные

святилища – Дыдрыш-ныха, Лдзаа-ныха, Лашкендар-ныха, Елыр-ныха, Лых-ныха и др.; некоторые из них актуализировались в тяжелые для абхазского народа 90-е годы XX века в качестве оберегающих и защищающих Абхазию. Об этом пишет и А. Крылов. Вместе с тем трудно согласиться с этнологом, когда он подчеркивает, что «степень влияния на эту религию (традиционную абхазскую религию. – В. Б.) со стороны иудаизма, христианства и ислама является весьма незначительной и таким образом ее нельзя отнести к синкретическим религиям» (Крылов 2012: 379); «в Абхазии христианство, ислам (и атеизм) играли в первую очередь роль не религии, а официальной государственной идеологии... Официальное принятие христианства или ислама свидетельствовало не о переходе абхазов в новую веру, а о признании княжеским домом своего вассального положения по отношению к другим державам (Византия, Османская империя, Россия и т. п.) и о лояльном отношении к этим державам местного населения. В отличие от христианства, ислама и атеизма, традиционная религия абхазов в обозримом историческом прошлом не имела официального государственного статуса» (Крылов 2012: 381).

Сразу скажем, что традиционная религия абхазов является неотъемлемой частью Апсуара – национальной этической и идеологической системы, основы национального самосознания и этнопсихологии. По большому счету, испытанные веками этические принципы и нормы Апсуары не противоречат христианским и исламским ценностям. Поэтому в данном случае надо говорить не о степени влияния определенных мировых религий на традиционные верования абхазов, а о возможном влиянии другой религии и культуры на всю систему Апсуара. В какой-то мере можно согласиться с А. Крыловым относительно ислама, иудаизма и атеизма. В частности, ислам появился в Абхазии только во второй половине XVI в. вместе с османскими (турецкими) завоевателями, которые господствовали здесь в течение 300 лет. Не только правящая верхушка из рода Чачба (Шервашидзе), но и другие князья и дворяне, а также часть населения приняли ислам (по большей части формально), но они вместе со всем народом не отказались от Апсуара. Османская империя не строила в Абхазии капитальных мечетей (ни одного архитектурного памятника, даже его остатка нет на территории Абхазии). Вместе с тем в течение трех столетий были разрушены десятки православных храмов VI–XIII вв. В современной Абхазии некоторая часть населения (примерно 25 %) считают себя мусульманами, при этом не отвергают традиционную религию и не забывают свое христианское прошлое.

Особое место в истории Абхазии, как уже говорилось выше, занимает христианство, которое начало распространяться среди древних абхазских

субэтнoсов (абазгов, апсилoв, санигов и мисимиан) уже в первые века нашей эры². Оно (главным образом православие) упрочилось здесь под влиянием Византийской империи в V–VI вв. В VIII–XI вв. православие было официальной религией Абхазского царства.

Христианство в той или иной степени функционирует и в современной Абхазии. На территории Республики Абхазия сохранилось более 100 христианских памятников (действующих или полуразрушенных церквей и монастырей) VI–XIX вв. История христианства в Абхазском государстве насчитывает более 1 500 лет. Естественно, что христианство оказало существенное влияние на культуру и быт абхазского народа, на Апсуара, и это не могло не отразиться в национальной литературе.

Если отдельно говорить о традиционной религии, то к синкретизму она никакого отношения не имеет, в этом случае А. Крылов прав. Однако в целом с религиозным сознанием народа иная ситуация, оно, с моей точки зрения, синкретично. В Абхазии немало семей, в которых отец, например, считает себя христианином, мать – мусульманкой, а дети – христианами. Одновременно все они празднуют Пасху, отмечают день Успения Пресвятой Богородицы 28 августа, участвуют в различных молениях и обрядах, связанных с традиционной религией, или сами проводят их. И никаких конфликтов на религиозной почве никогда не было – ни в прошлом, ни в настоящем.

И вполне закономерно, что в структуре символических образов А. Гогуа обнаруживаются элементы как традиционной религии абхазов, так и христианства, которые писатель для выражения своих эстетических, философских и гуманистических взглядов использует по-своему.

Уже в начале рассказа «Ягненок» (или «Агнец») автор выводит образ маленького мальчика на первый план. Мальчик не имеет конкретного имени. Без имени и мать мальчика. Случайно ли такое авторское решение? Вообще в поэтике А. Гогуа вряд ли можно найти случайные образы, особенно символические. Можно вспомнить картины эпохи Ренессанса с Мадонной и младенцем, а некоторые – и с агнцем. И хотя здесь прямой аналогии может и не быть, но смысловые константы обнаруживаются явно. Мальчик представлен не по-детски глубоко думающим человеком, искренне любящим своих родителей и переживающим за них, словно по библейской заповеди «“почитай отца и мать”; и: “люби ближнего твоего, как самого себя”» (Матфей. 19: 19). Но он пока еще не

---

² Об истории христианства и христианских памятниках в Абхазии см.: Анчабадзе, Аргун 2012: 259–270; Леонид 1885; Леонид 1887; Жордания 1893; Дорофей 1997; Дорофей 2005; Дорофей 2012; Аджинджал 2000; Чачхалиа 1997; Чачхалиа 2016.

готов помогать матери по хозяйству, но видит, что она работает с утра до вечера, устает. Он вспоминает об отце, который на фронте, постоянно слышит его голос. Достает его письма, каждое из которых он помнит наизусть. Вот уже год нет никаких вестей от него. С утра «мальчик проснулся с ощущением тревоги и тяжести на душе». В его размышлениях параллельно возникает образ коня Лаши (буквально: Светлый), напоминая коня Ахры из рассказа «Белый конь». Мальчик был сильно привязан как к отцу, так и к коню. «Как долго тянется война! Отец ушел в первые же дни. А потом увели и Лашу. Это было зимой. Мальчик привел коня с водопоя, а у него из рук чужие люди взяли поводья уздечки и увели коня. Почему-то именно в тот день он по-настоящему понял, что идет война. А сейчас единственным его утешением осталась мама, ее ласка, доброта и нежность ее рук. Правда, она редко теперь ласкала его – слишком много работала, да и не до него ей было теперь, когда печаль не оставляла ее. Сам он тоже был виноват: играл весь день напролет и приходил домой только вечером, еле держась на ногах от усталости» (Гогуа 1989: 368).

Затем размышления мальчика переплетаются со словом автора-повествователя и описывается такая любопытная картина:

«Когда еще отец не уходил на войну, у них было двенадцать овец. Но потом их стали продавать, чтоб уплатить налоги и кое-какие долги. За год овцы все перевелись, и осталась одна-единственная, которая почему-то в январе окотилась.

Ее тоже пришлось продать, а ягненка они с мамой оставили.

С тех пор как началась война, цены на овец резко повысились. Овец становилось все меньше и меньше. Сколько ягнят нужно было только на поминки тех, на кого приходили с фронта похоронки! А разве сосчитаешь, сколько было принесено жертв для спасения тех, кто еще жив, но рядом со смертью сражается в огне войны: молодых и уже поживших на свете, братьев и отцов семейств, сыновей, с кем-то уже помолвленных, кем-то горячо любимых – всех их, чтоб они уцелели, вернулись невредимыми домой? Сколько! Сколько на все это нужно белых ягнят?

Самой лучшей жертвой считалась белая овца без единой черной шерстинки.

Женщины молились:

“Всемогущий Бог! Если ты вернешь его живым, обещаем тебе пролить кровь белой овцы, белой – без единой черной шерстинки, обещаем воздать тебе дымящиеся печень и сердце... Припав к ногам твоим, заклинаем тебя, дай взглянуть в глаза его, позволь нам увидеть его невредимым!”

Когда перевелись белые овцы, стали приносить в жертву черных, без единой белой шерстинки.

Ягненок, который остался от последней овцы, был самым ценным – белый, как пена, и ни одной черной шерстинки» (Гогуа 1989: 372).

Здесь возникают ассоциации с библейскими временами, с сюжетами художественных картин с Добрым пастырем, с агнцем на плече (символ Иисуса) и овцами (символ учеников Спасителя – апостолов или новообращенных христиан), с агнцем (также символ Христа и апостолов), о чем говорилось выше. И было овец почему-то «двенадцать», а не восемь или десять и т. д. Такие совпадения не случайны. С моей точки зрения, писатель через образы овец и агнца обращает внимание на проблемы духовности, гуманизма; он показывает людей, которые в тяжелых условиях проходят испытания, при этом они могут оказаться в глубоком кризисе или находиться в процессе деградации. В контексте именно этой вышеописанной картины приношение в жертву агнцев и овец (символизирующее распятие, самопожертвование Христа во имя спасения) вселяет надежду, ибо оно связано с благородной целью – с искоренением зла, которое охватило весь мир. Вероятнее всего, в данном случае А. Гогуа ближе к евангельской концепции христианского гуманизма, а также к нравственно-духовному, христианскому дискурсу Ф.М. Достоевского. Согласно христианской мифологии, Бог предложил (принес в жертву) своего сына («агнца») для искупления грехов человеческих и указал путь спасения. Эта идеальная цель остается. Но путь к ней оказался длинным, бесконечным (хотя в этой бесконечности есть смысл) и недостижимым. На этом пути возникают чудовищные явления, абсолютное зло (коричневая чума, война, развязанная фашистами, которые объявили себя исключительной нацией, богами на Земле), бесовщина, грехопадение. Но что делать с «бесами», с падшими людьми, с властителями ада – дьяволом, сатаной, иблисом, противостоящим Богу, Аллаху?

Разные решения этого вечного вопроса предлагали писатели во все времена – и путь Любви, искупления грехов, и путь «непротивления злу насилием» (вспомним и Л.Н. Толстого), смирения и сострадания, и путь беспощадной борьбы... Если брать всю Библию (и Ветхий Завет, и Новый Завет как единое целое), то и там встречаются разные пути – от пути смиренного самопожертвования Иисуса и его учеников-апостолов, «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение» (Первое соб. посл. Петра. 3:9) вплоть до жесткого наказания «богоотступников», – сюжеты, связанные с изгнанием человека из рая,

уничтожением Содома и Гоморры из-за разврата их жителей³, с Всемирным потопом, сотворенным Богом по причине того, что стало «велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Бытие. 6:5) и т. д. Алексей Гогуа в рассказе «Ягненок», как и в рассказе «За семью камнями» и многих других произведениях, не проповедует жестокость и месть так же, как не проповедует ее Федор Достоевский. Но писатель как внутренне свободная творческая личность (это, как правило, характерная черта крупных мастеров слова), по большому счету являясь реалистом, как и Достоевский, отражает жизнь со всеми ее сложностями, противоречиями, пороками, жестокостью (интересно, что художественный мир Гогуа, как и Достоевского, полон смертями невинных персонажей). Если этого не было бы, то было бы бессмысленно предлагать философию «агнца» (через символические образы, в том числе библейские, и размышления персонажей, как у Гогуа), нравственно-духовный дискурс (через дискуссии, диалоги, размышления героев, как у Достоевского). Для полноты картины мира, Гогуа, как и Достоевский, наряду со «своими», близкими по духу героями (и моления с жертвоприношениями, связанные с ними, имеют, как описано выше, другое символическое значение), показывает персонажей и отвратительных, которые, хоть и вызывают порой жалость, но больше всего вызывают неприятие. В «Ягненке» в числе таких – Качия. Он похож на несчастного, юродивого человека. Считается, что Бог милостив к таким людям, любит их, через них он испытывает человечество; милостивое отношение к ним «очищает душу», ибо, как сказано в Притчах Соломона, «милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла» (16:6), или в Евангелии от Матфея: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам и Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (6: 14, 15). Но есть и другие строки в Притчах Соломона: «Труды праведного – к жизни, успех нечестивого – ко греху» (10: 16).

---

³ Во многом схожий сюжет встречается в абхазской мифологии, в частности в мифе об ацанах (карликах). По преданию, в глубокой древности Абхазию населяли ацаны. Главным их занятием было скотоводство, особенно разведение мелкого рогатого скота. По одной из версии предания, Бог (Анцва) уничтожил ацанов за их нечестивость, распущенность и безбожье. Сначала он спустил с неба люльку с ребенком, ацаны его вырастили, но тот выведаль у них, как можно уничтожить их народ, погрязший в пороках. Затем Бог ниспослал с неба вату и поджег ее. Огонь уничтожил все. По другой версии, ацаны погибли от природных катаклизмов: наступило сильное похолодание и выпал глубокий снег. Не стало корма для скота, а потеряв основу существования – скот, погибли и сами ацаны.

Качию «праведным» никак не назовешь. Важна оценка, которую дает ему мальчик, а для него значимы слова внучки Хилкан о Качии, которая говорит: «Он весной всегда болеет, кости его кривые болят, двигаться не может. Вот и молится каждую весну за себя. Жертву приносит. Помнишь, бабушка, он и у нас прошлой весной забрал ягненка» (Гогуа 1989: 388). Но он тогда, пользуясь своим положением (ведь является же милиционером села, «важным» человеком), ничего не заплатил Хилкан и ее внучке, которые с большим трудом выживали после ухода отца девушки на фронт. Даже ягненок мальчика сразу почувствовал этого нечестивого человека. Когда Качия с «квадратным лицом» на своей кляче впервые появился в доме мальчика, ягненок повел себя своеобразно (обычно такие животные спокойно относятся к чужим): «Ягненок был тогда совсем еще маленький. Увидев Качию и его клячу, он фыркнул, словно учуял хищного зверя, забился в дальний угол двора и настороженно, испуганно следил за пришельцами» (Гогуа 1989: 391). Тогда же «колченогий» и положил глаз на ягненка, как на очередную жертву для обряда «за его здоровье». Заметим: жертвоприношение совершается именно «за его здоровье», а не за искупление, прощение своих грехов, не за сохранение жизней бойцов, самоотверженно сражающихся на фронтах Отечественной войны во имя спасения народа от истребления, спасения стариков, женщин, детей, родины, за благополучие тружениц села, тыла (как мать мальчика), обеспечивающих бойцов продуктами и всем остальным...

Многое раскрывается посредством треугольника: мальчик – ягненок (агнец) – Качия.

Исчезновение ягненка обострило переживания мальчика, который и так страдал от отсутствия отца и коня Лаши. Но он понимал, что отец никак не мог не уйти на фронт. «Ибо кому ж, как не отцу, было защищать мальчика и его мать, их дом и двор, и колхозное поле, где работала мать, и школу, где учился мальчик, и таких же ребят и матерей по всей огромной стране. И белого ягненка тоже... Так что, если бы даже была возможность не уходить, отец все равно не остался бы» (Гогуа 1989: 375–376). Потеря близких – большая трагедия для мальчика, вообще для каждого нормального человека. Писатель пишет: «Человек спокоен, когда все, что ему нужно и дорого, находится на своих привычных местах, когда он настолько уверен в неизблемости всего этого, что может с закрытыми глазами протянуть руку и сразу найти то, что ему понадобилось. И сердце его тоже всегда на месте. Но может случиться и так: протянул руку и ощутил пустоту... Когда вдруг исчезнет то, что человек привык постоянно видеть, привык не задумываться, будет ли так завтра, будет ли всегда, тогда начинает ему вдруг казаться,

будто бы он только что родился на свет и впервые познает незнакомый мир вокруг себя. Или, словно бы пробудившись, очнувшись от забытья, как бы заново открывает огромность и бесконечность мира. И видит: нет конца миру, есть в нем бесчисленное множество потаенных, неведомых мест, где могут скрыться от него по своей или чужой воле близкие ему и дорогие существа, которых он привык всегда обнаруживать рядом с собой. Когда человек понимает вдруг это, он теряет спокойствие и в нем поселяется страх и тревога за любимых и близких. Он начинает сознавать, что они могут уйти, отдалиться от него и что сам он тоже может стать далеким для них. И не так уж крепки узы, которые связывали их вместе, как думал он раньше» (Гогуа 1989: 375).

Эти мысли никакого значения не имеют для Качии и ему подобных с абсолютно эгоистическим взглядом на мир, им не свойственны милосердие, жалость к другим. Как в таком случае проявлять к ним милосердие? На это писатель открытых советов не дает, читатель сам должен думать и выбирать, сам – оценить художественный мир произведения, поразмышлять над персонажами и их духовно-нравственным состоянием.

В конце рассказа «Ягненок» («Агнец») глазами мальчика описывается трагическая судьба агнца. Когда он скрытно подошел к дому Качии, «сердце его екнуло от предчувствия беды». И он увидел такую картину: «Из дверей вышла мать Качии – худая, сутулая старуха. Казалось, всем своим телом обхватила она деревянное блюдо, вцепилась в него руками. А на блюде что-то дымилось... Следом показался отец Качии, невысокий и как-будто бы грубо высеченный из целой глыбы старик с такой же глубоко посаженной, как у сына, головой. Он шел за своей “ненаглядной”, дымя самодельной трубкой.

И вдруг у мальчика подкосились ноги. Он увидел во дворе стройного старика с тщательно закрученными усами, весь облик которого словно бы напоминал людям о воплощенной святости и благолепии. Старик этот был известен всему селу, потому что именно он вершил все молитвы при жертвоприношениях. Особенно он прославился во время войны. С тех пор как началась война, он больше ничем и не занимался и, видимо, доволен был своею судьбой. Лишь по ночам его нож покоился в ножнах, а остальное время был занят мясом.

Последним из дверей вышел сам Качия, неся в руке табуретку. Переступив порог, он непонятно каким образом и откуда выхватил палку и запустил ею в собаку. Взвизгнув и заскулив от боли, собака убежала за дом, и оттуда долго еще доносилось ее повизгивание. Никто даже не оглянулся на жалобный вопль собаки. Видимо, эти люди знали, что Качия обязатель-

но должен ударить кого-то, причинить кому-то боль, и давно уже привыкли к забавам мрачного человечка.

Все они остановились посреди двора. Мать Качии взяла с блюда деревянную палочку с нанизанными на нее дымящимися кусками мяса и протянула “святому” старику.

Наверное, это были сердце и печень.

Мальчик еще на что-то надеялся, но в глазах его уже закипали слезы. Он не мог себе даже представить, не хотел поверить в ту страшную гнусность, которую творили на его глазах люди...

Мать Качии опустила блюдо на траву, достала из-за пазухи длинную, свернутую восковую свечу, расправила ее, примерила к росту сына, который, съезжившись, стоял рядом, прикрепила ее к табуретке и зажгла. Старик взял Качию за плечи, повернул его лицом к востоку, над головой его вознес деревянный шампур с кусками печени и сердца и стал произносить слова молитвы, которые не мог расслышать мальчик. Качия, пошатываясь на кривых ногах, стоял перед ним, и чудилось мальчику, что земля и небо сдавливали его с двух сторон, сгибали, желая раздавить это ничтожество.

Каштановые деревья толпились вокруг двора, и мальчику показалось, что эти кряжистые деревья тоже готовы были ринуться во двор, заполнить собою все, уничтожить эти мрачные дома, превратить все это в сон, в небытие – и только колья ограды не пускали их. На каждом колу сушилась заготовленная для плети рукоятка, вырезанная из дикой лавровишни.

И мальчик вспомнил, что в сказках на частоколах, окружавших жилища нечистой силы, всегда висят черепа, и лишь один кол пустует, дожидаясь своей жертвы сказочного богатыря...

Вдруг он заметил повисшую на колу у самого дома окровавленную шкурку белого ягненка.

Мальчик обмер, и сердце его оборвалось, слезы, набегавшие на глаза, высохли. Исчезли все звуки. И сам он оцепенел от ужаса и горя.

Знакомый какой-то голос донесся вдруг издалека...

– Если вы не дадите нам испробовать печени, услышал он, – не будет силы в вашем молении.

Он машинально оглянулся на этот голос и увидел всадника, который смеялся над ним сегодня, тот спустился с крыльца и шел навстречу Качии, а Качия, пережевывая что-то на ходу, поспешно ковылял к говорившему с куском печени в руках.

– Ну, кто выиграл? – спросил он краснощекого человека, стоявшего еще на крыльце дома.

– У меня никто не выигрывает, – ответил с усмешкой краснощекий.

– Да идите же сюда, чтоб все ваши напасти постигли меня, – загундошила мать Качии, обращаясь к краснощекому гостю, который, важничая, неторопливо спускался с крыльца.

А отец Качии, глядя на первого гостя снизу вверх, словно тот стоял на возвышении, подобострастно сказал:

– Что же вы друзей своих не взяли с собой?

– Не захотели, – ответил тот, пережевывая печень. – Ничего! Нам больше достанется. – И, не успев прожевать, он засунул в рот другой большой кусок, словно испугался, что вырвут из рук. – Женить его надо! – радостно посмеиваясь, будто только что отелилась его корова, сказал он, заглотывая мясо. – Тогда никаких молитв не понадобится! А то вдовушек сейчас хватает... Как бы не пришлось вам каждый месяц замаливать его грехи!

Он побагровел, сотрясаемый смехом. А Качия смущенно мялся и стоял потупившись, как невинная девушка. Старик поглаживал тыльной стороной ладони холеные свои усы, которые он на ночь, наверное, накручивал, и всем своим видом говорил – Бог простит, Бог не будет гневаться на греховодника.

Веселые и сытые, они ушли в почерневший дом, голоса их затихли, будто бы дом проглотил их.

Потрясенный мальчик никак не мог прийти в себя и все еще стоял в оцепенении. Горло его пересохло. Слова, рвущиеся из его груди, застревали комом в горле.

В этом дворе, радуясь, жадно рвут сердце и печень маленького ягненка... Может, они заглатывают и весь воздух, и чужой им человек задохнется, ступив в этот двор? Может, потому, боясь попасть в страшный двор, жмутся друг к другу могучие каштаны?

...Взглянув на прощанье на окровавленную шкурку ягненка, мальчик повернулся и пошел прочь» (Гогуа 1989: 396–399).

На первый взгляд может показаться, что в данном эпизоде нет ничего необычного с точки зрения этнографических реалий, обрядов жертвоприношения, сохраняющихся по сей день. Да, это так, если читаешь этнографическое исследование. Но здесь мы имеем дело с художественным текстом, где сквозным символическим образом является не обычный ягненок, а агнец, тем более неразрывно связанный с главным героем – мальчиком. И трагическая судьба агнца (отчего возникает ощущение присутствия на казни Иисуса Христа, преданного своими же людьми), приведшая к быстрому взрослению маленького мальчика, заставляет задуматься о настоящем и неизвестном будущем. Описанное выше жертвоприношение уже теряет библейский смысл

(говорить здесь о евхаристии – причащении не приходится), оно больше приобретает экзистенциальное значение, похоже на убийство невинного животного. Здесь пахнет предательством, приведшим к распятию Агнца. Словом, разрушен традиционный смысл символики агнца.

А что будет, если преемственная духовная связь между прошлым, настоящим и будущим разорвется, как разорвали «сердце и печень маленького ягненка». Речь ведь не о проблеме «защиты животных», модной сегодня в так называемом «цивилизованном мире» (цинизм заключается в том, что этот «мир» миллионами уничтожал и уничтожает неугодных людей, включая детей, не вполне разделяющих его «ценности», говорит о «правах животных», как и «о правах человека»). В рассказе актуализированы глубинные духовные константы, от сохранности которых зависит судьба человека, если, конечно, дальше не будут абсолютизировать его биологическую суть, низводя до животного состояния – в этом случае краха не избежать и никакие жертвоприношения не помогут.

И перед ошеломленным мальчиком вдруг встал вопрос: «А что будет со мной завтра? Что я буду делать в этом загадочном завтра?»

Прежде он никогда бы не подумал об этом. «Но сейчас этот вопрос глыбой навис над ним, и мальчик даже остановился. Да, конечно, он призадумался, когда ушел на войну отец, когда забрали коня. Но тогда ничто не зависело от него. Ему пришлось привыкнуть, что их не стало рядом, а вернутся ли они домой или погибнут – тут он был бессилен что-либо сделать. И чтобы не мучить себя понапрасну, он перенес это “завтра” на неопределенное будущее. Теперь иное дело. Теперь ему самому надо ответить на этот вопрос и самому все решить, хотя он не знал еще, как ответить и что решить». (Гогуа 1989: 399). Но он уже успел определиться с некоторыми вопросами: фактически выгнал Качию из своего дома, когда тот после «убийства» агнца, пришел к ним, чтобы помочь вспахать посевной участок в знак благодарности за бесплатно отданного ему ягненка. С этого дня мальчик сам начал пахать, встал на место своего отца.

Хотелось бы завершить статью следующими словами: А. Гогуа – писатель со сложным синтетическим художественным мышлением. Синтетичен и аналитичен его стиль. В его творчестве можно обнаружить элементы разных литературных течений – от классического реализма до модерна. Но его нельзя рассматривать в рамках одного только литературного направления по причине того, что сказано выше. Здесь уместно еще раз повторить оценку Вадима Кожинова: А. Гогуа «сумел слить воедино стилевые искания новейшей мировой прозы и самобытные традиции абхазской народной культуры».

Литература

Абхазские сказки 1994: Абхазские сказки и легенды // Сост. И. Хварцкия. М., 1994. (Пер. предания И. Хварцкия).

Анчабадзе, Аргун 2012: Абхазы. Изд-е 2-е, испр. / Ответ. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун; предисл. В.А. Тишков, С.В. Чешко; введение Ю.Д. Анчабадзе. М.: Наука, 2012.

Аджинджал 2000: Аджинджал Е.К. Из истории христианства в Абхазии. Сухум, 2000.

Цьапуа 1995: Ацсуаа рфольклор: Артур Аншба ианцамтақәа // Иеиқәиршәеит, апхьажәеи атекстқәа разгәатақәеи ишит З.Ць. Цьапуа; анаукатә ред. В.Г. Арзынба. Ақәа, 1995.

Гогуа 1989: Гогуа А. Н. Ягненок / Перевод Г. Семенова // Гогуа А.Н. Дикая азалия. Повести и рассказы. М., 1989. С. 373.

Дорофей 1997: Дорофей, иеромонах [Дбар Дмитрий]. Из истории Абхазского Католикосата. М., 1997.

Дорофей 2005: Дорофей, иеромонах [Дбар Дмитрий]. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон, 2005.

Дорофей 2012: Дорофей, иеромонах [Дбар Дмитрий]. Православная церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, сообщения, размышления, интервью). Т. I. Новый Афон (Анакопия), 2012.

Жордания 1893: Жордания Ф. Абхазские католикосы. (Краткий очерк из истории Абхазской церкви). Ставрополь, 1893.

Званба 1982: Званба С.Т. Этнографические этюды / Сост., автор биографич. очерка Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1982. С. 24.

Крылов 2012: Крылов А. Современная религиозная ситуация // Абхазы. Изд-е 2-е, испр. / Ответ. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун; предисл. В.А. Тишков, С.В. Чешко; введение Ю. Д. Анчабадзе. М., 2012. С. 367–381.

Леонид 1885: [Леонид, архимандрит (Кавелин Л. А.)]. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитских монастырь: [В 2-х ч.]. М., 1885.

Леонид 1887: Леонид, архимандрит [Кавелин Л. А.]. Абхазия и ее христианские древности. 2-е изд-е, (исправленное и умноженное). М., 1887.

Чачхалиа 1997: Чачхалиа Д.К. Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления. М., 1997.

Чачхалиа 2016: Чачхалиа Д.К. Композиция храмов средневековой Абхазии и ее влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда. [На тит. листе: Трехпритворная композиция храмов Средневековой Абхазии и ее влияние на архитектуру памятников Алании, Руси и Трапезунда]. М., 2016.

Шинкуба 1986: Шинкуба Б.В. Рассеченный камень. Роман / Перевел с абх. И. Бехтерев. М., 1986.

Шинкуба 2011: Шинкуба Б.В. Рассеченный камень. Роман. Повесть. Рассказ / Пер. с абх. И. Бехтерев, Э. Басария, Е. Герасимов. Сухум, 2011.

Шьынқэба 1990: Шьынқэба Б. Ахьырцэацэа. (Ацсуа жэлар рѣапыцтэ хэамтақэеи, ретнографиатэ бзазара иадхэалоу аматериалқэеи). Ақэа, 1990. Ад. 458.

В.А. Бигэаа

**«АСЫС-МКАА», МАМЗАРГЬЫ «АЦСАТАТЭ»?
«Асыс-мкаа» захьзу Алықьса Гогэуа иажэабжь аҕы адоухатэ-
цэаашэатэ зхэыцрақэа.**

Адунеизегьтэи атоурых-культуратэ контекст

Аннотация. *Астатиаҕы иазаатгылоуп А.Н. Гогэуа иажэабжь «Асыс-мкаа» апоетика иазку атйаамтэ аѡбатэи ахэтэ. Раҕхьазакэны ицэыргоуп асыс-мкаа асимволтэ кэзшьеи аметафоратэ кэзшьарбақэеи. Иаарҕиуп атоурых-культуратэ гэалашиэара аишэкэыѡѡы исахьаркыратэ хдырреи алитературатэ тексти рѣы иаиуа ачыдаракэа.*

Ихадароу ажэақэа: *Алықьса Гогэуа иажэабжь «Асыс-мкаа», апоетика, асыс-мкаа асимволтэ цакы, амифология, абиблиатэ мотивқэа, атоурых-культуратэ гэалашиэара.*

V.A. Biguaa

**«LITTLE SHEEP» OR «LAMB?»
Spiritual and moral discourse in the story of the same name
by Alexey Gogua.**

World historical and cultural context.

Annotation. *The article explores the poetics of A. Gogua's story «The Lamb». Special attention is paid for the first time to detailed metaphorical descriptions-paintings and a symbolic image of the lamb, whose origins go deep into Abkhazian and world mythology and culture. Features of functioning of historical and cultural memory in the writer's artistic consciousness and literary text are shown.*

Key words: *A. Gogua's story «The Lamb», poetics, symbolism of the lamb, mythology, biblical motifs, historical and cultural memory.*

АФОЛЬКЛОРТЦААРА • ФОЛЬКЛОРИСТИКА

V.S. Danilova, N.N. Kozhevnikov

ONTOLOGICAL AND PHENOMENOLOGICAL ASPECTS OF THE MAIN ELEMENTS OF OLONKHO: IMAGES AND ARCHITECTONIC

Annotation. *The study of literary works using the world coordinate system is based on the limit relative dynamic equilibria.*

Key words: *dynamic equilibrium, image, wholeness, architectonics, structure, identification, communication, the rhythm of the world harmony, the essence, the sacred tree, the middle world, fire.*

The concept of the coordinate system of the world based on limit relative dynamic equilibria has been developed in our previous paper (Kozhevnikov, Danilova 2016). The use of this coordinate system allows us to study literary notions and works of literature in the context of basic ideas of ontology and phenomenology.

«In general, it has to be said that the aesthetics of verbal creative process would have gained a lot if it were oriented toward general philosophical aesthetics, rather than quasi-scientific genetic generalizations of the history of literature. Unfortunately, we must admit that important phenomena in the field of general aesthetics did not have the slightest influence on the aesthetics of verbal creative process; there is even some naive phobia of philosophical depth. This explains the extremely low level of the problematic of our science» (Bahtin 2000: 39).

1. The methodology of approach

The concept of the natural coordinate system is based on the limit dynamic equilibria can be represented as follows. Any natural or cultural formation should be considered from the point of view of the limit dynamic equilibria divided into two groups. First, there are three interrelated fundamental limit equilibria: the identification (*I*-limit), the communication (*C*-limit) and the limit rhythm of the world harmony connecting the natural (cultural) networks surrounding the selected formation (*K*-limit) and the corresponding coordinate axes. All natural or cultural thing converge to these limits, however they do not reach it. The conjunction of these limits can be regarded as cells «*I, C, K*». Therefore, under real conditions, external intermediate limit dynamic equilibria are established between any given natural or cultural thing and these limits. They are connected

with internal fundamental limits by calibration ratios and rhythms. Such stable intermediate equilibria can turn out to be quite numerous, but they all are connected with the fundamental cell I, C, K by similar calibration ratios or rhythms.

The external interactions of a natural or cultural thing (as an inseparable whole) are examined within the framework of the phenomenological approach. The phenomenon is a boundary surface that separates what is available to the process of cognition from the transcendental, located beyond this boundary surface. The transition in the process of cognition from a phenomenon to a phenomenon means a transition from a dynamic equilibrium to another one. However, a similar phenomenon itself can be sustainable only if it interacts with the horizon of this process. The horizon is the boundary between what is necessary for the present study and what is enclosed in the parentheses for it. Phenomena and horizons form the external cell of the coordinate system. Within this intermediate cell, an equilibrium is established between any natural or cultural formation and the intermediate limits of its possible dynamic equilibria: the phenomenon (F), the horizon (H), and the main rhythm of the thing (formation) connected with rhythms of the world harmony (G). In iconic works of literature we are dealing with limit states of reality, which can be considered as automodel, that is, describing significant groups of processes or phenomena.

A piece of heroic epos is usually a model of reality. In most cases, it deals with the limit states of the objects of this reality. This simplifies the study of the epos and its main parts from the point of view of the world coordinate system based on limit dynamic equilibria and allows us to consider the imagery, architectonics, style in the form of limit equilibrium concepts.

Let us distinguish the three directions of the structural organization of the Yakut heroic epos, oriented to the above-mentioned limits: identification, system communication, main rhythm of thing and rhythms of the world harmony. The imagery corresponds to the identification limit, the architectonics - to the system communication limit, the style - to the limit of the rhythms of world harmony. The subject of this work is the integral image of the «hero» Olonkho, represented as a system of basic images of the Yakut heroic epos. All the fundamental characteristics of this image rely on their own inner limit equilibria and are assembled into a single whole. This image, together with the architectonics and the limit rhythm of the world harmony, forms an external equilibrium framework, which corresponds to the entire epic work.

2. The main image of Nurgun Botur in Olonkho and its discussion

One can fully perceive the image in a dramatic work and epos, when the actor or narrator embodies it personally. The imagery of an epic work is determined

by a certain dynamic equilibrium, which introduces a new quality, as a starting point for the further development of the narration and give an idea about architectonics and style. The integral image itself can be regarded as a closed construction of three limit elements. Firstly, the image of the hero (the essence of a specific quality) based on a set of details that correlate with stable images of the world. Secondly, images and their characteristic qualities are based on cultural codes and rhythms of the world in which they are rooted. Thirdly, the rhythms and cultural codes in turn ensure the existence of the image of the hero. All these images of the hero, the environment, cultural codes and rhythms are in a state of relative equilibria with each other (both internal and external).

The internal and external types of relative equilibria correspond to representations of the objective and subjective organization of the literary text. This organization «in no case should be confused with the epistemological concepts of «objectivity» and «subjectivity» (Tamarchenko 2004: 27). The analysis of the structures of the objective and subjective organization of a literary work allows us to distinguish their levels. «The levels of objective organization: subsystem of frames of internal vision, subsystem of episodes, subsystem of an outlook. The levels of subject organization: subsystem of rhythmic ranges, subsystem of intratextual discourses, subsystem of voices» [Ibid., p. 32]. Accordingly, we will identify the objective and subjective parts of the image, architectonics and rhythmic organization of the text. In concrete literary terms, all these parts are closely intertwined.

Let us apply the above mentioned to the study of the basic concepts of the Yakut heroic epos *Olonkho* highlighting the images of the hero, the world, the corresponding rhythms and codes. The image, as a rule, depicts a separate human life, but in a broader sense it can be a fragment of the artistic concept and, as it were, have an independent life and content: «And the star with the star speaks» by M.Y. Lermontov. Currently, the most common for the theory of art is the approach of A.A. Potebnya, who considered the «image as a reproduced representation» (Halizev 2009: 138).

The image is closely related to the concept of *eidos*, which has always been opposed to *logos* in philosophy. «Eidos is a vivid structure of meaning, the *Logos* is the method of this structure and, as it were, its abstract plan» (Losev 1927: 12–13). «... the *eidos* of a thing is, as it were, some kind of ideal, semantic structure of an object. It is in its own and genuine sense the «image» of the subject, the semantic picture of its essence ... *Eidos* is an ideal-optical picture of meaning, *logos* is a semantic distinctness of an object that is abstracted from this picture. *Eidos* is the living being of an object, permeated with semantic energies coming from its depth and forming an integral living picture of the revealed face of the

essence of the object. Logos is the essence of eidos itself, by abstracting all synoptic connections that construct a living image or the manifestation of an object» [Ibid., Pp. 119-120]. «Logos is not wholeness, but the principle of wholeness, not individuality, but the method of its organization; not a contemplative picture and an imaginary sculpture, but a pure possibility of them; not the commonness, but the law of obtaining it, etc.» (Losev 2009: 2). This approach is developed in modern phenomenology. Numerous details of a characteristic quality, cultural codes and rhythms are balanced within the imagery of Olonkho providing its internal and external stability.

On the one hand, main image of Nurgun Botur is connected with his world by many threads: with the house, its decoration and surroundings, the horse, weapons, sports games. There are characteristic details of this environment, which are inseparable from both the image of Nurgun Botur and the entire Yakut heroic epos.

Jumping out
Of his bleak dwelling,
He hopped on his one leg
Up to high cliff
Swinging and playing...
He growled like thunder.
Rolling on his back
Across a huge stone range,
Jumping and wriggling
Like a pike fish
On his stony hips
He ran into and split
Pebble stones...

(Nurgun Botur 2014: 77)

The succinct, unexpected comparisons that characterize the Yakut sports games, the notions of strength and way of life immediately introduce us to the essential characteristics of the epos.

Similar details form Nurgun Botur as a hero:

Trying to play, roaring loudly
Throughout thirty days and nights,
In the end his mood
Changed,
He threw back his head in defiance,
His eyebrows flashing light,
Looked with his bloodshot eyes.

(Nurgun Botur 2014: 78)

Nurgun Botur the Swift oburgu...
 Making a bed
 Out of a pebble stone,
 Making a pillow
 Out of a black cobblestone,
 He slept...
 Throughout the entire thirty days.
 Breathing in
 Tall trees.
 Breathing out
 Small trees,
 Drawing in
 Dust and litter,
 His nose
 Making noises,
 His nostrils
 Flaring
 As if a fast river in a gully
 Rose up boiling and bubbling,
 Roaring and rattling
 Like the claps of reverberating thunder

(Ibid, 78–79)

The process of dressing Nurgun Botur naturally unfolds his image in the Yakut heroic epos, like the epos itself.

Having decided to get dressed,
 He stripped the elk
 Of its skin,
 Pulling it over his strong muscles,
 The skin of in two front legs
 Over his two arms,
 The skin of its two back legs
 Over his two legs,
 He put on the clothes,
 Then he stretched himself,
 Thinking he dressed well
 He seemed to be happy...

(Nurgun Botur 2014: 83)

The descriptions of Nurgun Botur's attire, armor and the decoration of his horse form the full image of a hero. This image can be considered extremely

equilibrium, since it takes into account all characteristics of the hero used in this epos.

3. The architectonic of the olonkho and its discussion

Architectonics is a dynamically equilibrium structure of an epic work, which is based on the image of the hero, its interaction with the world (environment) and the author's voice. The images that define the essence of the Olonkho world are, first of all, the idealized middle world, the sacred tree, the spirits-masters of objects, things, natural phenomena or certain places - "*itchi*", among which the spirits of fire and home are of particular importance. The universality of these images should be noted. Images of a wonderful land and a golden age are inherent in many cultures of the Ancient world, antiquity and other epochs. «The image of the world tree is the main (and in a number of traditions - the only) theme of art until the beginning of the Buddhist and Christian stages in its development. In a number of cases, the world tree still remains the main theme in certain cultural traditions» [Toporov, 2010, p. 212]. The image of fire is very important in Greek, Roman, ancient Indian, Celtic and other mythologies, where it was identified with deities, sacred elements and divine justice. In Olonkho and the Yakut mythology in general, fire has the male image of the «master.»

In spite of being universal, these images have the specific features inherent in the Olonkho. The identification of the system of the images of the world based on this specificity makes it possible to reveal the universality of the ontological and phenomenological characteristics associated with the world coordinate system. The main properties of this universality are the completeness of these characteristics, the stability of the corresponding dynamic equilibria, the connection with the architectonics of Olonkho and with the fundamental rhythms of world harmony.

“The middle world in Olonkho and Yakut legends is depicted as a paradisiacal treasured land of the golden age, when” (Okladnikov 2013: 19):

The eastern hill
 Served home to the Mother Goddess,
 The western – to the one granting blessings,
 The southern – to the eagle Spirit;
 And happiness itself
 Inhabited the northern hill.
 At the steppe edges
 Young mares
 Neighed loud.
 At the southern valleys
 Young stallions

Crowded with ringing neigh
On the eastern valleys
Mature mares
With stained nostrils and
With entangled mane
Gathered in herds, neighing tenderly.
Among the western valleys
Sent by the Aiyhyt Queen
Outstanding bulls
With yard-long horns
Wandered, howling boomingly,
And at the southern fields –
Young cows
With smart tails,
With spotted foreheads,
Born by the blessing
Of nine Choi-Bagarakh,
Gave birth
With inviting mooing
It seemed that
By that abundant,
Countless wealth
The valleys were full,
The meadows became full
There was no empty land,
No steppes unused.

(Archive of the National Academy... 2013: 13–14)

The world of the Yakut heroic epos is depicted in an incredibly scrupulous and consistent way, from different perspectives.

«From the eastern slopes come down threads, enraging this beautiful land, from the western slopes climb down its magnificent meadows, from the northern slopes step down its luxuriant fields, from the southern slopes slip down its green silky valleys. The gaps lie like tin plates, the lakes are white with no shadows upon them, covered with milky skin, with cottage-cheese shores, with marshes of cream, the black boulders – it is butter with fermented milk, the forest lakes – butter, the mountains – bowels fat, the rocks – abdominal fat, there is horsetail grass reaching a large horse's head, the green sedge reading a big horse's swinging forelock. The mountain serge reaches a splendid horse's temple, the luxuriant grass – to a glorious horse's knees; the white willows are like silver plaits,

the talina – like silver twisted threads; the birch-trees stand smart, surrounded by willows, the roads are lined with dwarf birch-trees... There is never winter, but summer all the year round in this country. There are no nights, but the light time all the day in this land... The sun never sets there, the crescent never dies out, broad-chest cockerels never fly away, ringing-voice cuckoos never stop singing, turtledoves never go silent, white-sided ducks never fly and curlews never go» (Jastremskij 1927: 56).

Such detailed characteristics of abundance and happy life are incredibly fully expressed in the Yakut heroic epic. Here we can see stable equilibria, a completeness that nothing can shake. These «horizontal» completeness and stability determine one of the structures of the Olonkho world. The sacred tree corresponds to the «vertical» completeness of the universe, linking all its three worlds. Its interaction with the Upper World is characterized as follows:

If I have a tall tree top,
 If I grow rapidly along
 Through the hole in the crown
 Of the fast, clear, white sky
 Without any stopping,
 Without any bends,
 If I come out quickly
 From under the cold nest
 Of the lofty Uluu Sorun Toyon...
 They will taste my
 Yellow *ilgeh* drink,
 They will take some of my
 White *ilgeh* drink,
 I will dry out and break,
 And I will bend and wither
 From my upper part,
 From my high top –
 The front-faced,
 The two-legged people
 Of the Middle World
 (Nurgun Botur 2014: 51)

The interaction with the Middle World is the deepest:
 I would rather be their Mother Tree,
 I wouldn't want to stir,
 The disastrous Uncler World

That is right beneath my feet,
 By chiseling it
 With my eighty-eight
 Sacrificial poles,
 I would grow
 Stretching upwards,
 To the joy of
 Akhtar Aiyhyt the goddess
 To give a chance
 To the straight-nosed,
 The fair-faced
 Uraankhai Sakha tribe,
 To glorify her!

(Nurgun Botur 2014: 53)

Finally, the interaction between the sacred tree and the Under World is described as follows:

If from the top
 Of the Middle World
 Without any stops,
 Without any bends
 I descend along
 The rainy mouth
 Of the disastrous Under World,
 If I place widely
 My eighty-eight, male *bogakh*-posts
 In the middle
 Of the Ayp-Nakhsaat *alaas*-valley
 Of Arsan Dolai oburgu...
 If, having liked
 My white dew,
 They start to drink it
 With their sharp beaks,
 If my moisture dries up,
 If my roots decay,
 If I dry up and topple over
 From my lower part,
 If I fall down –
 The two-legged,
 The front-faced people

Will not be praised
By their Akhtar-Aiyyhyt the goddess.
Their cattle will not be penned,
Their rich homes will see no births,
They themselves will be injured...!

(Nurgun Botur 2014: 53)

Despite the fact that the Sacred Tree interacts with all the three worlds, its main purpose is to ensure the well-being of the Middle World. Therefore, it interacts very carefully with the Upper and Under Worlds, saving all its power for the Middle World.

The interaction between the images of the hero and the world creates an integral image of the «hero-world», which is central in Olonkho and ensures its internal stability.

Architectonics allows to continue and deepen the study of Olonkho, to encircle the narration and the perception of the epos in a single whole. Architectonics implies the unity of narrative strands, spatial, temporal, value and semantic components of artistic reality. According to M. Bahtin, it is the author's voice that unites all the components of a literary or verbal work into a single whole. The author's voice, which provides the stability of the architectonics of the epos, is extremely diverse, flexible and adaptable to any turn of the plot. It has ardor, irony, sincerity, wisdom and much more all at once. The author's voice prevents the disparting of the architectonic construction. With reference to the integral image considered above, the author's voice is of much less importance, since the image in Bahtin's view has large internal self-organization, the ability for unpredictability.

The spirit of fire «Uot itchite» has many names that characterize its different sides.

Grandfather Aan-Ukhan,
The spirit of my fire!
The elder Bojunuy Botur,
With a pillow of glowing coals,
With smouldering embers,
With a round flint
The size of a calf,
With tongues of dancing flames...
The spirit of the black smoke,
Estimable and respected
Khatan Temieriye,
Belching from the chimney,

Humming and murmuring,
Booming and rumbling!
For many years
Farewell!..

[Ibid, p. 112]

Fire is so important that even «a coal rake has its own *itchi*» [Mify, 1987, p. 594]. Fire is life, it is vital to a hunter in the forest and it is the central element of the house, providing warmth, food and comfort. Above all things, fire is the guardian spirit of the house.

Spirit of my ornamented house,
Jedeh Bakhsila the Elder
With warm breath
And a silver whip...
Let the four corners
Formed by cut logs
Escape from being covered
With icicles and rime...

[Ibid, p. 112]

The images of the house and fire naturally merge into one larger whole.

The size of a half *alaas*-valley,
Spread widely,
It was a large and spacious house...
With a chimney
As board as a barrel
With quickly-flashing sparks
Flying vagrantly,
With quickly-vanishing smoke
Rising in rolls,
Trampling to pieces
Seven large larches,
They laid the bushy trees
To kindle a big fire,
On the four-edged hearth
As wide as a valley
Turned upside down,
A huge white fireplace
With a flint stone
The size of snowy haystack,
With bushy needle-like tinder

They started striking it
 Sending sizzling sparks with
 A majestic black flint
 The size of a calf's head.
 The eight-sparked,
 Dear sacred fire
 Began to crackle,
 Vengeful tongues of
 Sparkling flame
 Flared up...

[Ibid, p. 74–75].

The spirit of fire is the rhythm of the middle world. It is central for many other rhythms: nature, Olonkho, the rhythms of the narrator (olonhosut) and the listener.

Style is primarily a set of rhythms. Olonkho is narrated with ease and perceived in the same way. This lightness makes the rhythms in a separate line resonate, followed by the rhythm of typical formulas, the rhythms of the plot, deviations. All this forms a rhythmic cascade, which calibrates both images and architectonics. A detailed study of architectonics and style is carried out in the following articles.

Literature

Archive of the National Academy... 2013: Archive of the National Academy of Sciences of the USSR, Folklore Sector Fund "Lenskije Pesni". Pp. 28–29. Cit. on Okladnikov, 2013. P. 13–14.

Bahtin 2000: Bahtin M.M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.

Halizev 2009: Halizev V.E. Teorija literatury – Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija», 2009. 432 s.

Jastremskij 1927: Jastremskij S.V. Obrazcy narodnoj literatury jakutov. L.: Izd. AN SSSR, 1927. 226 s.

Losev 1927: Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki. M.: Izd. Losev A.F., 1927. 264 s.

Losev 2009: Losev A.F. Filosofija imeni. M.: Akademicheskij proekt, 2009. 300 s.

Mify narodov mira Jenciklopedija 1987: Mify narodov mira Jenciklopedija v 2 tt. T. 1. M.: Sovetskaja jenciklope-dija, 1987. 671 s.

Kozhevnikov, Danilova 2016: N.N. Kozhevnikov, V.S. Danilova The world coordinate system on the basis of limit dynamic equilibriums // European Journal of Philosophical Research – 2016. Vol. 5. Is.1. Pp. 18–26.

Nurgun Botur 1975: Nurgun Botur the Swift. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'st-vo, 1975. 429 s.

Okladnikov 2013: Okladnikov A.P. Jakutskij jepos (olonho) i ego svjaz' s jugom. Jakutsk: Saj-dam, 2013. 64 s.

Tamarchenko 2004: Teorija literatury v 2 t. / pod red. N.D. Tamarchenko. T. 1. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 512 s.

Toporov 2010: Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy. T. 1. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2010. 448 s.

В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников

ОЛОНХО АХЭТАЧ ХАДАҚӘЕИ АОНТОЛОГИАТӘИ АФЕНОМЕНОЛОГИАТӘИ АСПЕКТҚӘА: АХАҒРЕИ АРХИТЕКТОНИКЕИ

Аннотация. *Астатиаҕы иазаатгылоуп алитературатә рҕеиамтақәа рытйаараан адинамикатә еибаканра иьатас измоу адунеитә система ахархәашья.*

Ихадароу ажәакәа: *адинамикатә еибаканра, ахаҕра, акзаара, архитектоника, аилазаара, аиндентификация, акоммуникация, адунеитә еилибакаара аритм, айкаы, ишьюу айла, абжьаратә дунеи, амца.*

В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОЛОНХО: ОБРАЗ И АРХИТЕКТОНИКА

Аннотация. *В статье рассмотрен механизм изучения литературных произведений с использованием мировой системы координат на основе предельных относительных динамических равновесий.*

Ключевые слова: *динамическое равновесие, образ, целостность, архитектоника, структура, идентификация, коммуникация, ритм мировой гармонии, сущность, священное дерево, средний мир, огонь.*

З.Д. Джапуа

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ЦЕНТРА НАРТОВЕДЕНИЯ И ПОЛЕВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ ПРИ АБХАЗСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. *Статья посвящена истории и перспективам развития Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете. Кратко освещаются основные цели и задачи Центра, ориентированные на изучение абхазского нартского эпоса и всего вербального и визуального фольклора абхазов, на систематическое проведение полевых, текстологических, теоретических исследований, на создание фольклорного архива и его электронной версии, на издание фольклорных текстов, на поиск и публикацию архивных материалов и т. д.*

Ключевые слова: *Центр, современная фольклористика, абхазский фольклор, нартский эпос, текстология, экспедиция.*

Центр нартоведения и полевой фольклористики (ЦНПФ) был создан на базе фольклорной лаборатории филологического факультета в соответствии с решением Ученого совета Абхазского государственного университета (АГУ) 29 июня 2011 г. и представляет собой структурное подразделение АГУ. Фактически это первый научный центр при университете.

Основатель и директор ЦНПФ – доктор филологических наук (РАН), академик Академии наук Абхазии (АНА), профессор АГУ З.Д. Джапуа; заместитель директора – доцент АГУ А.П. Какоба.

Основу деятельности ЦНПФ составляют исследования уникальной фольклорной культуры абхазов, глубоко пронизанной героическим лейтмотивом.

Нартский эпос представляет собой «памятник мирового значения» (Пропп 1958: 395), древние пласты которого «типологически близки к мифологическим песням “Эдды”, к рунам “Калевалы”, к вавилонскому эпосу о Гильгамеше, даже к полинезийским сказаниям о “культурном герое” Мауи и его братьях» (Мелетинский 1957: 41). Им обладает ряд горских народов Кавказа: абхазы, абазины, убыхи, адыги, осетины, карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши, фрагментарно – кумыки, аварцы, сваны, рачинцы и хевсурсы. В процессе тысячелетнего проживания на сравнительно

небольшой территории эти народы (и родственные, и неродственные по языку и происхождению) выработали особый и во многом общий тип не только материальной, но и духовной культуры. Архаический нартский эпос – одно из наиболее ярких ее проявлений, яркое и масштабное свидетельство этнической и исторической общности абхазов с горскими народами Северного Кавказа. Это не просто один из жанров абхазского фольклора, а остов всей духовной культуры и истории абхазов.

Абхазская версия кавказской Нартиады – самое значительное и знаковое творение фольклорной традиции народа. Величественный нартский эпос прочно входит в мифологическое мировоззрение абхазов, воспринимающих нартов – героев эпоса – своими предками. Абхазские нартские сказания, и поныне сохраняющие живое бытование, принято считать очень архаичными (Мелетинский 1957: 71). Первые записи абхазского эпоса появились довольно поздно, в конце XIX столетия, а его изучение началось в первой половине XX в. С тех пор о нем написан целый ряд монографических исследований и статей.

Следует отметить, что в изучении эпической и вообще фольклорной традиции прежние, давно выработанные методы и подходы постепенно исчерпывают себя. Практика показывает, что в наше стремительное время намного эффективнее работают малые исследовательские центры, мобильные творческие группы. Фольклористам (в том числе абхазским) необходимо учитывать, что с конца XX в. приобретает актуальность понимание предметного поля фольклористики как междисциплинарной области знания. «За этим стоит <...> объединяющее представление о фольклоре как многосубстанциональном явлении (своего рода первой естественной гипермедийной сфере в истории культуры)» (Гацак 2003: 29). Очевидно, что в современной науке фольклор понимается комплексно, в его филологическом, этнологическом и антропологическом аспектах, во всем его многообразии, включающем новый ассортимент жанров и текстов, «язык, словесность, музыку, танец, игры, мифологию, ритуалы, верования, обычаи, ремесла, архитектуру» (Путилов 2003: 32).

Вместе с тем давние задачи фольклористики (и филологической, и антропологической) – полевая работа, архивное хранение, систематизация и классификация фольклорных материалов, их издание и исследование – все еще остаются актуальными. Более того, как известно, фольклористика сегодня непосредственно связана с компьютерными технологиями. В наше время без электронных носителей трудно представить запись, систематизацию, хранение и издание фольклорных материалов. Следовательно, сама современная фольклористика во многом становится электронной или тес-

но связанной с компьютерными технологиями, в ней актуализируются новые направления и аспекты.

Человек во все времена и во всех сферах жизнедеятельности постоянно обращается к фольклорной культуре. «Как бы ни понималась роль тысячелетнего культурного наследия в нашей действительности, как бы ни оценивалось прошлое перед лицом настоящего, остается бесспорным, что “новизна” наших дней не может утвердиться без обращения к старине» (Толстой 1994: 2). В жизни народа фольклор вместе с языком является основой национальной и культурной идентичности.

Проблематика исследований ЦНПФ разрабатывалась во время фольклорной практики студентов филологического факультета АГУ (которые руководили Дж.Я. Адлейба и А.П. Какоба), индивидуальных и коллективных экспедиций фольклористов в разные районы Абхазии, в Турецкую Республику по проекту «Абхазы в Турции» (руководитель З.Д. Джапуа), а также в процессе многолетней текстологической работы по подготовке семитомного научного издания текстов абхазского нартского эпоса.

В Центре собрана большая коллекция фольклорно-этнографических материалов, которые необходимо упорядочить и систематизировать. Вокруг перечисленных проектов сложился обновляющийся коллектив молодых фольклористов, работающий в сотрудничестве с АНА, с отделом фольклора, этнологии, лабораторией фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА и другими учреждениями науки и культуры Республики Абхазия.

Большим интересом пользуются курсы и спецкурсы по фольклору, героическому эпосу, современному фольклору, фольклорной практике, теории и текстологии фольклора, с которыми студентов АГУ знакомят руководители Центра; для всех курсов и направлений составляются программы и учебные пособия.

Устанавливаются контакты с аналогичными фольклорными центрами Северного Кавказа, Москвы, Тарту, Таллина и других городов, в частности, с Центром адыгovedения (Майкоп), с Государственным Российским Домом народного творчества им. В.Д. Поленова и Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва).

При ЦНПФ учреждены три научные издательские серии: «Мир фольклорной культуры», «Сказитель и его текст», «Ведущие абхазоведы», в рамках которых под редакцией З.Д. Джапуа издаются сборники фольклорных текстов и исследования – в основном в издательстве АНА «Academia»; некоторые проекты получают финансовую поддержку президента Между-

народного объединения содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» М.Х. Экзекова.

Деятельность сотрудников ЦНПФ ведется по четырем направлениям: 1) научно-экспедиционная, полевая и текстологическая; 2) научно-издательская; 3) научно-исследовательская; 4) научно-организационная.

Во-первых, Центр регулярно (или почти регулярно) проводит фольклорно-этнографические экспедиции с участием студентов (групповые и индивидуальные, долгосрочные и краткосрочные) в разные районы Республики Абхазия и за ее пределы – к зарубежным абхазам, в места компактного проживания диаспоры, прежде всего в Турецкую Республику, на территории которой абхазов проживает больше, чем на родине (до 500 тыс. человек).

Сбору фольклора зарубежных абхазов придается особое значение, поскольку за пределами Абхазии сегодня остались, можно сказать, последние поколения абхазов, которые полноценно владеют родным языком и обладают знанием традиционной культуры. Следующий не менее важный этап работы Центра – обработка, упорядочение полевых материалов, оцифровка аудио- и видеоматериалов, записанных на магнитных лентах, описание, расшифровка, сканирование, систематизация, жанровая классификация, архивация и паспортизация и т. д. Таким же текстологическим процедурам подвергаются и остальные материалы, собранные до 2011 г. (до учреждения ЦНПФ).

В перспективе в результате систематического выполнения всех видов текстологических работ появится реальная возможность создать в ЦНПФ рукописный архив и его электронную версию, а также фотоархив абхазского фольклора. Профессионально-техническая часть работы, связанная с записью текстов, фотографированием и их оцифровкой, в полевых условиях, и в Центре ведется под руководством А.П. Какобы.

Увидела свет очень ценная и актуальная для экспедиционной работы книга «Вопросник для сбора абхазского фольклора» (Сухум, 2019; издание подготовили З.Д. Джапуа, С.О. Хаджим и Н.С. Барциц). В предисловии З.Д. Джапуа к вопроснику представлена новая версия жанровой классификации абхазского фольклора. По этой же системе жанровой классификации составлен и сам вопросник.

Во-вторых, в Центре систематически проводится научно-издательская работа: прежде всего готовятся к публикации материалы, записанные в ходе полевых исследований сотрудников Центра; составляются сборники текстов.

В настоящее время завершается фундаментальный проект – многолетняя работа по подготовке к полному научному изданию абхазских нартских

сказаний в семи томах. Готовится также двуязычное (на абхазском и русском языках) академическое издание в известной серии «Эпос народов Европы и Азии» (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН). Этим публикациям предстоит открыть новый этап комплексных, текстологических, типологических и иных исследований нартского эпоса абхазов.

Основные силы сотрудников Центра направлены на подготовку к изданию текстов турецких записей абхазского фольклора, текстов, собранных в ходе студенческих практик и экспедиций. Уже представлен читателям первый выпуск серии «Турецкие записи абхазского фольклора» под редакцией и с предисловием З.Д. Джапуа (Сухум, 2014), который посвящен нартским сказаниям. Издание подготовили З.Д. Джапуа, А.П. Какоба и Н.С. Барциц. Книга с большим интересом была презентована как ЦНПФ, так и в ряде абхазо-адыгских культурных центров Турецкой Республики.

Особое внимание уделяется современному фольклору и устной истории, в том числе связанному с Отечественной войной народа Абхазии (1992–1993). По этой тематике изданы два сборника материалов: «Хроникат войны: Устные воспоминания генерала Гиви Агрба» под редакцией и с предисловием З.Д. Джапуа (Сухум, 2014; издание подготовили З.Д. Джапуа, Н.С. Барциц и С.О. Хаджим); «Дневник военного корреспондента Константина Габниа» под редакцией З.Д. Джапуа (Сухум, 2016; подготовила издание и написала предисловие Э.В. Тодуа).

Осуществляются поиск и публикация полевых материалов, хранящихся в различных архивах и фондах. Так, в 2019 г. был издан уникальный сборник, содержащий научные записи выдающегося российского кавказоведа, лингвиста, фольклориста и этнографа А.Н. Генко (1896–1941), сделанные им в 1929 и 1933 гг., – «Абазинские материалы А.Н. Генко» (Сухум, 2019). Материалы, хранящиеся в Архиве Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), были выявлены З.Д. Джапуа в 2007 г. Издание подготовили З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов.

К значимым направлениям работы Центра относится издание и переиздание важнейших классических разысканий в фольклористике, этнографии и антропологии народов Кавказа. Так, реализовано дополненное переиздание ставшего раритетным основополагающего труда Г.Ф. Чурсина «Абхазы: Опыт этнологического исследования», впервые опубликованного в 1957 г. (Сухум, 2019; издание подготовили З.Д. Джапуа, С.З. Тарба, Н.С. Барциц и С.О. Хаджим). Завершен проект по изданию курса лекций А.Н. Генко, подготовленного им для студентов филологического факультета Ленинградского государственного университета в 1940 г., «Введение в этнографию Кавказа». Материалы были обнаружены З.Д. Джапуа

в 2007 г. в Архиве Института восточных рукописей РАН и издаются впервые; над проектом работали З.Д. Джапуа, Ю.Д. Анчабадзе, С.О. Хаджим и Н.С. Барциц.

Специалисты Центра З.Д. Джапуа, Э.В. Тодуа и М.Ф. Пилия продолжают скрупулезную текстологическую работу по подготовке к изданию записей абхазского фольклора, выполненных в начале XX в. и хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

В-третьих, в ЦПНФ проводятся исследования нартского эпоса и других жанров абхазского фольклора в контексте фольклорных традиций северокавказских и иных народов. Тематика диссертационных работ сотрудников Центра охватывает ряд направлений и аспектов изучения абхазского фольклора и традиционной культуры: похоронные причитания (А.П. Какоба), магические обряды (С.З. Тарба), героико-исторический эпос (Н.С. Барциц), мифы-былички (Э.В. Тодуа), волшебные сказки (М.Ф. Пилия), проклятия и благопожелания (С.О. Хаджим), охотничий фольклор (А.Э. Арутинова).

К числу значимых направлений работы Центра относится участие его представителей в научных форумах и конференциях, публикация статей в различных сборниках и журналах как в Республике Абхазия, так в Российской Федерации и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

С 2011 г. сотрудниками Центра опубликована целый ряд научных работ, в том числе книги З.Д. Джапуа «Некоторые заметки по абхазскому фольклору и литературе» (Сухум, 2012), «Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика» (М., 2016); сборники научных статей «Эволюция эпической традиции: к 80-летию академика Ш.Х. Салакая» (Сухум, 2014; издание подготовили З.Д. Джапуа и Э.В. Тодуа), «“Нарты” и другие устные традиции: сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа» (Сухум, 2020; редакторы-составители С.О. Хаджим и Н.С. Барциц).

В-четвертых, ЦПНФ организует научные конференции, семинары, лекции, презентации книг, изданных Центром с привлечением специалистов из разных абхазских и зарубежных исследовательских центров. В частности, совместно с АНА с лекциями для аспирантов и молодых ученых выступают ведущие специалисты, представители российского и европейского научного сообщества, фольклористы, этнографы, в частности, Я.В. Васильков (МАН им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург), А.Л. Топорков (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва), В.В. Напольских (Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань), М.В. Станюкович (МАН им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург), В.Л. Кляус (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва), В.Е. Добровольская (ГРДТ им. В.Д. Поленова, Москва), А.А. Иванова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).

Заметна роль Центра и в координации научных исследований в области нартоведения и других вопросах фольклористики и антропологии. ЦНПФ способствует привлечению в фольклористику наиболее талантливых студентов, их научной подготовке в аспирантуре АНА, что весьма существенно для интеграции академической и вузовской науки.

Центр активно формирует собственную библиотеку и ведет сайт, на котором размещается информация об экспедициях, фольклористах, сказителях, освещаются различные направления деятельности молодого творческого коллектива.

Литература

Гацак 2003: Гацак В.М. Фольклор в системе национальных художественных культур в XX веке: методологический аспект // XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур: Традиции, обретения, освоение: материалы Всерос. науч. конф. / Под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2003. С. 28–44.

Мелетинский 1957: Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос: материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957. С. 37–73.

Пропп 1958: Пропп В.Я. [Рец. на кн.:] Нарты. Эпос осетинского народа. Изд. подгот.: В.И. Абаев, Н.Г. Джусоев, Р.А. Ивнев и Б.А. Калоев. Изд. АН СССР, 1957, 401 стр. // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 3. М.; Л., 1958. С. 395–399.

Путилов 2003: Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб., 2003.

Толстой 1994: Толстой Н.И. К читателям «Живой старины» // ЖС. 1994. № 1. С. 2–3.

З.Ць. Цъапуа

НАРТДЫРРЕИ АДЭЫНТЭИ АФОЛЬКЛОРТЦААРЕИ РЦЕНТР ЖЭАШЫҚӘСА АХЫЦРА ИАЗКНЫ

Аннотация. Астатиа азкуп Нартдырреи адэынтэи афольклортцаареи рцентр атоурыхи рхъакатэи аңеиңши. Иааркьаҕены иазаатгылоуп аңсуа нарттэ эпос, иара аңсуа фольклор иааидкыланы иайҕанакуа атҕаа-

*реи, аддынтәи, атекстологиатә, атеориатә тїаарақәа рымшааңга-
реи, афольклортә архиви уи аелектронтә версиеи рышьақәыргылареи,
афольклортә текстқәа ртыжьереи, архивтә материалқәа рыңшаареи
ркыыңхьереи хықәкыс измоу Нартдырра ацентр аусура алышәақәеи
ңхьақатәи агәтақәеи.*

Ихадоу ажәақәа: *Ацентр, иахьатәи афольклористика, аңсуа фольклор,
нартаа репос, атекстология, аекспедиция.*

Z.D. Dzharua

**TO THE 10th ANNIVERSARY OF THE CENTER OF ART STUDIES
AND FIELD FOLKLORISTICS AT THE ABKHAZIAN STATE
UNIVERSITY**

Annotation. *The article is devoted to the history and prospects of development of the Center for Nart Studies and Field Folklore Studies at the Abkhazian State University. The article briefly highlights the main goals and objectives of the Center, focused on the study of the Abkhaz Nart Epos and the entire verbal and visual folklore of the Abkhazians. It covers the systematic conduct of field, textological, the theoretical research, the creation of a folklore archive and its electronic version, the publication of folklore texts, the search and publication of archival materials, etc.*

Key words: *Center, modern folklore, Abkhazian folklore, Nart Epos, textual criticism, expedition.*

АҤОУРЫХТЦААРА • ИСТОРИЯ

О.Х. Бгажба

«ДАМАССКИЕ» МЕЧИ III–IV ВВ. ИЗ АБХАЗИИ¹

Аннотация. Речь в статье идет об археологических находках 1975–1977 гг., обнаруженных во время раскопок древнеабхазских захоронений III–IV вв. в различных регионах Абхазии. В результате металлографического анализа, проведенного в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР, выяснилось, что шесть из десяти произвольно отобранных для исследования мечей, оказались из дамасской стали. Обнаруженные в Абхазии дамасские мечи считаются вершиной кузнечного мастерства и являются самыми ранними экземплярами на территории бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: дамасская сталь, дамасский узор, закалка, литой и сварочный дамаск, Абхазия, мечи (глаудисы и спаты).

В мире существуют такие раритетные артефакты, которыми не устаешь восхищаться и в то же время гордиться искусством их технологического и художественного исполнения. Среди них – артефакты, выполненные в технике дамасской стали.

По дамасской стали существует богатая как зарубежная, так и отечественная литература (Аносов 1841; Федосов 2007; Belaiew 1921; Zschokke 1924; Panseri 1965). Специалисты выделяют два вида дамаска: литой и сварочный. Причем, первый намного более древний, чем второй. Считается, что он возник в Индии. Издревле его также знали на Ближнем Востоке, Кавказе, в Западной Европе он проник к кельтам.

Являясь в вопросе происхождения технологии дамаска сторонником моноцентризма, я в то же время допускаю, что помимо единого центра создания дамасской стали существовал «институт бродячих мастеров». Их творчество развивалось там, где ему способствовал нормативный фактор. Кроме того, «бродячие мастера» распространяли технологические и художественные традиции дамасского производства на другие территории ойкумены. Это явление чем-то напоминает существующую в фольклористике теорию

---

¹ Статья основана на докладе, с которым автор выступил на Международном научно-практическом форуме «Проблемы традиционной художественной культуры горских народов. Военная и героическая тематика в этническом искусстве»; Сухум, АБИГИ АНА, 14 сентября 2020 г.

«бродячих сюжетов» братьев Гримм. Не исключены и другие причины, например, связанные с торговлей и военными трофеями, также способствовавшими межтерриториальной трансмиссии дамасских традиций. Например, появление дамасской литой стали в Европе могло быть следствием похода Александра Македонского в Индию (327 г. до н. э). Окруженный македонцами, бьющийся как разъяренный лев, раненый индийский царь Пор попал в плен и предстал перед победившим Александром. К удивлению македонцев, на его странного серого цвета доспехах («*ferrum candidum*») не было ни единой царапины. За смелость и непокорность Александр даровал Пору жизнь и очень заинтересовался мечом последнего.

Шли века творческих, но бесплодных исканий, пока римский император Диоклетиан (284–305 гг.) не собрал в Дамаске лучших кузнецов мира и приказал создать подобие литой индийской стали. Но все привезенные оттуда «лепешки» (полуфабрикаты-«вуцы») рассыпались во времяковки. Тогда мастера стали экспериментировать с помощью многократной свободнойковки, многослойной сварки, наварки, дифференцированной закали, скручивания и рубки заготовки, в результате чего было получено четыре вида узора (рисунка), и узоры эти повторялись в отличие от литого дамаска, в котором рисунок не повторялся никогда.

Соответственно название *дамаск* связано не с *особым* сортом стали, а с особой ручной сварочной технологией, которая также держалась в секрете.

Оружие из дамаска давало его обладателям значительное боевое преимущество. Так, во время сражений римлян с галлами у последних были простые железные мечи, которые гнулись при «встрече» с римскими дамасскими. Как сообщает Полибий, галлам приходилось во время боя выравнивать свои мечи о колена, что было чрезвычайно опасно, так как в этот момент они становились беззащитными перед ударами легионеров. Вообще, дамасский меч крушил любую броню и щиты, а в силу своей прочности служил многим поколениям.

Дамасский меч является довольно редкой археологической находкой. Поэтому понятно, с каким воодушевлением специалисты-оружейники восприняли факт обнаружения в 1860-х годах в болотах Нидама (Дания) римского корабля, загруженного более чем сотней хорошо сохранившихся в торфянике мечей III–IV вв. Среди них были 28 экземпляров из дамасской стали.

По сводке А. Антейна на бывшей территории СССР, именно в Советской Прибалтике были известны всего два меча: один из Гробина (VI в.), другой из Кентескалеса (VIII в.) (Антейн 1973). Между тем мечи из дамасской ста-

ли имели хождение в Абхазии. Обнаруженные в Абхазии мечи датированы III–IV вв. и являются самыми ранними из обнаруженных на территории бывшего Советского Союза.

Уникальные находки были сделаны в 1975–1977 гг. в различных регионах Абхазии во время раскопок древнеабхазских захоронений III–IV вв. Два меча были обнаружены в Восточной Абхазии (раскопки в с. Цебельда проводили Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба), еще два – в Центральной (в урочище Пышта в Эшере, раскопки тогда вел С.З. Лакоба). Два меча (гладиуса) были обнаружены на территории Западной Абхазии (с. Ачандара) (точные обстоятельства обнаружения мечей неизвестны, мне передал их историк Б.Е. Сагария).

В 1977 г. я произвольно отобрал десять мечей, чтобы провести в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР металлографический анализ по методике проф. Б.А. Колчина (Колчин 1953; 1959).

Все отобранные мечи типологически напоминают римские: узкие и длинные спаты, широкие и короткие гладиусы. Внешне они были ничем не примечательны: фрагментированные и покрытые коррозией, поэтому на теле клинка визуально не прослеживалось никаких узоров. И когда я протравил 3 % раствором HNO_3 (азотная кислота) зеркальную поверхность механически отшлифованного, отполированного образца, выпиленного из поперечного сечения одного из мечей, с удивлением проследил замысловатый узор светло-темного цвета. Я почти вбежал в кабинет проф. Б.А. Колчина, а он, увидев шлиф, восторженно воскликнул: «Олег, это же дамасская сталь!». Затем профессор собрал всю лабораторию, ибо прежде сотрудники видели подобное только на фотографии.

Трудно представить мою радость, когда из десяти произвольно отобранных мною мечей из древнеабхазских погребений (III–IV вв.), шесть оказались из дамасской стали. Типологически и технологически они были аналогичны нидамским мечам. И рисунок в районе дола также был четырех видов: строчечный (линейный – самый простой), угловой (V-образный), двойной угловой (дубль W-образный) – сложнее, и самый сложный – в виде цветка розы.

Как изготавливались подобные мечи, стало известно с освоением металлографического анализа в археологии. Подробное микроструктурное описание я уже приводил в своих ранних работах (Бгажба 1984; 1994), поэтому ограничусь краткой характеристикой. Основа дамасского меча напоминала собой хорошую девичью косу. Она состояла из многократно сплетенных и скрученных кузнечной сваркой светлых полос железа и темных полос сред-

неуглеродистой стали. Как показал металлографический микроскоп (тогда я работал на МИМ-7), железо (феррит) было мелкозернистым, то есть хорошего качества, а сталь (перлит с ферритом) – средней науглероженности (3–5 %) тоже высокого качества, имело трооститно-сорбитную структуру отпуска (мягкая закалка). Сложность заключалась в том, что железо и сталь (особенно закаленная) имели различную температуру каления. Мастер определял ее на глаз по цвету побежалости и скорости испарения слюны. Поэтому сварку необходимо было проводить моментально. Сварочные швы настолько хороши, что их почти не видно. Ибо в качестве флюса использовался речной песок, содержащий много слюды. Шлаки в заготовке также отсутствуют из-за многократной свободнойковки. На сплетенную сваркой основу наваривались резко закаленные на мартенсит острые, как современная бритва, два лезвия. Затем полотно меча протравливалось. В результате проявлялись четыре рисунка, о которых я уже говорил. Сложность рисунка зависела от того, сколько раз сваривалась, скручивалась и в каких местах разрубалась многослойная заготовка.

Древний мастер, как свидетельствуют средневековые арабские источники XI–XII вв., готовился к работе над такими клинками, как к подвигу. Молитвы, абсолютное воздержание от горячительных напитков, отдаление от жены (она вообще не должна переступать порога кузни) и бесконечные омовения – неотъемлемые условия работы. До конца отковки мастер не должен был прикасаться обнаженной рукой к металлу клинка, полоса которого каждый раз после прикосновения старательно обсыпалась золой соломы. Хороший меч не имел цены.

Поскольку технологию хранили в секрете, то обычно красочно описывался внешний облик клинка, поэтизировались его качества. Вспомним благодарственное письмо короля остготов Теодориха Великого вождю гварнеров Тразамунду (VI вв.) за подаренный ему дамасский меч: он называет его «божественным произведением». Подобные мечи были важным предметом торговли с отдаленными странами. Короли франков даже накладывали на них эмбарго. У «русов», по словам хорезмского ученого Ал-Бируни, в первой половине XI вв. мечи выделывали из шапуркана (стали), а долы из нармахана (железо). Когда они познакомились с фарандом (сплетенным узорчатым металлом), изобрели для долов плетенье из длинных проволок, для прочности изготовленных из шапуркана и нармахана. У «русов» подобные «слиманские» (славянские) мечи назывались «харалужными», о чем говорится в «Слове о полку Игореве», повествующем о походе князя Игоря Святославовича на половцев в 1185 г. Этими мечами были вооружены русские воины. После XII в. дамасские мечи превратились в дама-

скированные, т. е. в районе дола (в основном для эстетики) наваривалась дамаскированная пластина – рисунок не пронизывал все тело клинка. Что же касается литого дамаска, то, несмотря на старания в XIX в., например, английского физика Майкла Фарадея и русского металлурга П. Аносова, который изобрел «русский булат», секрет его, по большому счету, не открыт и поныне.

Много интересного о подобных мечах можно почерпнуть в романтических произведениях Вальтера Скотта «Талисман» и «Айвенго», а также информацию по изготовлению сабель у грузинских мастеров-оружейников XIX в. Элизарашвили и Карамонашвили, которыми восхищался А.С. Пушкин. У меня в семье хранится кинжал моего деда, народного героя Салумана Бгажба: клинок откован из златоустовской стали и покрыт струйчатым орнаментом. Кинжалу более 120 лет.

Интересно также отметить, что при покупке дамасского меча прижимали его к ушам над головой или же опоясывались им. Хороший меч сразу же принимал исходное положение. Также бросали на лезвие газовую ткань, то она, плавно опускаясь, рассекалась на две половины (Бгажба 1982: 28–30). Иногда прислушивались к звону дамасского клинка, то есть к его «пению». Он оставлял при ударе зазубрины над очажной цепью и на лезвии кинжала. Узор на самых лучших дамасских мечах, как свидетельствуют арабские письменные источники, называется «джоухар». Так же называется аналогичный узор на абхазских тканях – «аджоухар».

Появление сварочного дамаска в Абхазии вполне закономерно. Ведь существует мнение, что древние предки абхазов были близки по языку к хаттам – халибам, родоначальникам, как говорили древние греки, многотрудного «*polimetos*» (железа). ПсевдоАристотель в IV в. до н. э. писал, что греки выделяли особую «халибскую» сталь с высоким содержанием никеля, поэтому она не ржавела и вывозилась в Древнюю Грецию (Хахутайшвили 1977). А если заглянуть в еще более архаичные пласты героического нартского эпоса народов Кавказа, то в текстах можно встретить «черного нарта», скорее всего, созданного из «черного небесного железа» (так называли его хатто-хетты и египтяне), связывая его с космическим происхождением, и меч Сасрыквы, разрубающий все, откованный, как считал В.Г. Ардзинба, из «афырхы», то есть метеоритного железа (сидерита) – дословно по-абхазски «пуля молнии». Во всех кавказских версиях нартского эпоса говорится о дифференцированной закалке (резвой, мягкой, с отпуском) по-абхазски «адзрыжвра» (дословно «напоить водой»). В абхазском языке есть и другие архаические кузнечные понятия, например, «аҧыбаара» (сварка-наварка) или же «афрангъ» (дословно с французско-

го «по остроте дамаска»). В абхазском языке даже существует выражение «афрангъ иаџызоуп» (друг афрангъа). Без знания этого и многого другого невозможно было бы постичь все премудрости искусства данной сложнейшей технологии.

Вместе с тем два меча из Эшеры представляли имитацию или технологический брак подобных изделий, что для археолога является одним из достаточных оснований их местного происхождения. Они также вполне могли попасть в местные поселения и погребения из приморских римских крепостей – кастелл (Питиунт, Себастополис, Зиганис), в канабах которых, не исключено, трудились древнеабхазские кузнецы-оружейники (именно мечники), ремонтирующие римские дамасские мечи. Благодаря высокой квалификации они могли быстро освоить неизвестную технологию и достичь совершенства в ручном кузнечном творчестве.

По итогам сказанного вполне можно утверждать, что в позднеантичной Абхазии в III–IV вв. уже знали сварочный дамаск и что каждый второй древнеабхазский воин тогда был вооружен самым мощным, красивым и дорогим по цене оружием – дамасским мечом.

В завершение отметим, что сегодня в Абхазии работают три мастера – Тимур Дзидзария, Батал Джапуа и Алхас Аргун, которые могут отковывать ножи и кинжалы из сварочного дамаска. Можно говорить, по крайней мере, о вполне возможной древней традиции кузнечества в области производства холодного оружия в современных условиях.

Литература

Аносов 1841: Аносов П.П. О булатах. Кн. 1–2 // Горный журнал. Спб., 1841. № 2. С. 157–318.

Антейн 1973: Антейн А.К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973. 139 с.

Бгажба 1994: Бгажба О.Х. Дамасская сталь в Северо-Восточном Причерноморье // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Майкоп, 1994. С. 62–63.

Бгажба 1985: Бгажба О.Х. Мечи из дамасской стали в Абхазии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 13. Тбилиси, 1985. С. 74–77.

Бгажба 1982: Бгажба О. Х. По следам кузнеца Айнара: из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э. – XV в. н. э.). Сухуми: Алашара, 1982. С. 28–30.

Колчин 1953: Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 32. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 259 с.

Колчин 1959: Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. Вып. 65. М., 1959. С. 7–120.

Федосов 2007: Федосов С.А. Исследование сварочной дамасской стали современной выделки // Металлург. 2007. № 12. С. 64–74.

Хахутайшвили 1977: Хахутайшвили Д.А. К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии // Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып. V: Вопросы древней истории. Тбилиси, 1977. С. 110–141.

Belaiew 1921: Belaiew N.T. Damascene steel, part 2 // The Journal of the Iron and Steel Institute. 1921. Vol. 104. № 1. P. 181–184.

Zschokke 1924: Zschokke B. Du damasse et des lames de Damas // Revue de métallurgie. 1924. № 21. P. 635–669.

Panseri 1965: Panseri C. Damascus Steel in Legend and Reality // Gladius. 1965. Vol. 4. P. 5–66.

О.Хэ. Бгажба

АЦСНЫТӘИ ДАМАСКТӘИ АХӘАҚӘА

Аннотация. Астатиафьы иазаатгылоуп 1975–1977 ш. рзы Аңсны еуеи-ңшым арегионқәа рфьы имфаңгаз археологиатә жрақәа иаадырңшыыз III–IV ашә. ирыңаркуа аңшаамтқәа. СССР Аңйаарадыррақәа ракадемия Археологиатә институт афьы аңсабаратңаамтқәа рметод ала икайаз аихаграфикатә анализ зызуз ахәақәа 9 рахьтә б дамасктәи аиха ишалхыз ааңшит. Аңсны иңшааз дамасктәи ахәақәа Асовет Еудгыла иахьаңананкуа еиҳа ижәйтәтәиқәоу ирхыңхьазалоуп.

Ихадароу ажәақәа: дамасктәи аиха, асахьанйа, азрыжәра, иртәоу, еудыртәалареи адамасск, Аңсны, ахәақәа (агладисқәеи аспатқәеи).

О.К. Bgaghba

DAMSCUS SWORDS OF THE III – IV CENTURIES FROM ABKHAZIA

Annotation. The article deals with archaeological finds of 1975–1977 during excavations of ancient Abkhazian burials of the 3rd–4th centuries in vari-

ous regions of Abkhazia. Due to metallographic analysis carried out in the laboratory of natural scientific methods of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, it turned out that six out of ten swords randomly selected for examination were made of Damascus steel. Damascus swords discovered in Abkhazia to this day are considered the pinnacle of blacksmithing and are the earliest copies on the territory of the former Soviet Union.

Key words: *Damascus steel, Damascus pattern, hardening, cast and welded Damascus, Abkhazia, swords (Glaudis and Spats).*

Архимандрит Дорофей (Дбар Д. З.)

МЕСТО КОНЧИНЫ И ПОГРЕБЕНИЯ СВ.ИОАННА ЗЛАТОУСТА: КОМАНЫ АБХАЗСКИЕ ИЛИ КОМАНЫ ПОНТИЙСКИЕ?

(Окончание. Начало в журнале «Вестник АНА», № 10. 2020)

Аннотация. В статье приведено продолжение исследования, в котором подробно описана история возникновения абхазской версии о месте кончины и погребения св. Иоанна Златоуста (Команы Абхазские).

Ключевые слова: св. Иоанн Златоуст, Константинополь, Кукус Армянский, Арависса, Понт, *Κόμανα*, Команы Армянские, Команы Понтийские, *Göksün*, *Götenek*, Команы Абхазские, Питуус, Пицунда, св. мученик Василиск, мартириум, архим. Леонид (Кавелин), Новый Афон, К. Вриссис, Диоскурия, Себастополис, Сухум, Гумиста, Гума, Севастия, св. Фотий Великий, «Библиотека», *Μυριόβιβλος*, А.Н. Муравьев, К. Мачавариани, В.И. Чернявский, П.С. Уварова, Н.В. Никитин, Г.А. Ласкин, А.В. Карташев, Д.В. Зайцев, свящ. А. Кременецкий, «Диалог» Палладия, саркофаг, Эрми Созомен, Сократ Схоластик, Ш. Инал-Инал, А.С. Балаховская, А. Thierry, Chr. Baur, Fl. Van Ommeslaeghe, J.H. Gruninger, «Dioceses Pontica», «το Θέμα Αρμενιακόν», Патриарх Антиохийский Макарий, Иоанн Зонара, Tokat, Бизери, Akbelen, св. Федор Тирон, св. мученик Евтропий, св. мученик Клеоник.

В 2001 г. в Московской духовной академии мы защитили кандидатскую диссертацию на тему «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии»¹. Одна из глав этой работы была посвящена месту кончины св. Иоанна Златоуста (Дбар 2001: 133–148; Дбар 2005: 143–158; Дбар 2015: 177–196). Профессор Московской духовной академии, известный российский патролог А.И. Сидоров (1944–2020 гг.), который был нашим научным руководителем, в своем отзыве на вышеуказанную диссертацию отметил, что «особенно яркой является глава о месте кончины св. Иоанна Златоуста, представляющая собой несомненный вклад в нашу православную церковно-историческую и патрологическую науку» (Сидоров 2011). Второй же рецензент диссертации, доцент Московской духовной академии протоиерей Валентин Асмус, напротив, счел, что мы про-

---

¹ Данная диссертация издавалась дважды: (Дбар 2005; Дбар 2015)

являем излишнюю патриотичность к Абхазии при изучении вопроса о месте кончины Златоуста (Асмус 2001)².

Глава о месте кончины св. Иоанна Златоуста из вышеуказанной нашей диссертации привлекла внимание и других исследователей. В частности, научный сотрудник Института мировой литературы РАН А. С. Балаховская в одном из комментариев к русскому изданию «Диалога» Палладия (ВНГ 870) отметила, что мы «убедительно доказываем» факт кончины Златоуста в Команах Абхазских (Диалог Палладия 2002: 204–205, прим. 337; Древние жития 2007: 423, прим. 339). На эту же главу ссылаются и греческий исследователь архимандрит Матфей (Псомас) (Χρυσοστομικό Συμπλόσιо 2007: 247, 263, прим. 12) и Д. В. Зайцев, соавтор большой статьи по св. Иоанну Златоусту в новейшей Православной Энциклопедии³.

Однако мы должны отметить, что при написании вышеуказанной главы нашей кандидатской диссертации не все необходимые источники и материалы, позволяющие «убедительно доказать» кончину св. Иоанна Златоуста в Команах Абхазских, были нам доступны. Если и был какой-то «вклад» в православную науку, то он имеет отношение к тому, что мы обратили внимание исследователей на ряд проблемных аспектов, связанных с местом кончины и погребения Святителя.

Во-первых, в процессе написания нашей диссертации в Московской духовной академии мы констатировали, что в православной церковно-исторической науке у нас до сих пор нет ни одной фундаментальной работы по жизнеописанию св. Иоанна Златоуста, который, вне всякого сомнения, принадлежит к числу выдающихся церковных личностей – «τῆς οἰκουμένης ἀπάσης διδάσκαλον» (Halkin 1977: 71). По этой причине остаются неизученными и последние годы Святителя, его ссылка и кончина⁴. Вызывает удивление и то, что во всех научных сборниках, изданных в начале XX

---

² «Автор кропотливо исследует этот сложный вопрос, стараясь доказать, что святитель почил не в Команах Армянских, но в Команах Абхазских. Наверное, нам всем хотелось бы, чтобы местом упокоения великого святителя были пределы нашего отечества, но это все же нуждается в более прочном доказательстве» (Асмус 2001).

³ «Самое слабое звено “абхазской теории”, — отмечает Д.В. Зайцев, — заключается в отсутствии “археологического дополнения”, которое никому, кроме не менее загадочного Вриссиса, не было известно. Кроме того, ни в одном позднеимперском или византийском источнике не упоминается г. Команы на территории современной Абхазии. Этот топоним появляется только в кон. XIX в. (не без влияния теории Вриссиса) как попытка интерпретации тогдашнего абхазского названия этой местности (Гума)» (Зайцев 2010: 230).

⁴ В 1926 г. Н. Бейнз писал: «Все же странно, что до сих пор нет хорошей биографии Златоуста»; цит. по: (Васильев 1998: 152). Большинство исследователей занимались главным образом изучением творческого наследия св. Иоанна Златоуста, что вполне объяснимо, если учесть количество и разнообразие сочинений, оставленных Великим Учителем».

и XXI вв. по случаю юбилейных торжеств, посвященных соответственно 1500-летию и 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста, нет ни одной статьи, в которой была бы изложена тема места кончины и погребения

лем Церкви. Какие только аспекты учения св. Иоанна не рассматривались. Например, «Οι κοσμοθεωρητικὲς ἀπόψεις του Χρυσοστόμου ἐν σχέσῃ πρὸς τὰς ἀντιλήψεις τῶν ἱστορικῶν του Σοσιαλισμοῦ Μ. Beer, R. Pöhlmann καὶ ἄλλων» (Δ. Χατζηϊωάννου, Афины, 1948), или «Le travail selon Saint Jean Chrysostome» (L. Daloz, Париж, 1959), или же «Ἡ μνημοτεχνία του Θείου λόγου κατὰ τον ἱερό Χρυσόστομο», профессора Афинского университета А. В. Гламоса (Афины, 2007). Хотя надо заметить, что и в отношении творческого наследия Златоуста не все пока исследовано должным образом. Проф. Wendy Mayer писал об этом: “Yet, despite that incentive, when we look at the major patristics conferences of the past decade and compare the number of papers delivered on topics relevant to Chrysostom studies with those devoted to that other major patristic figure, Augustine, we can only conclude that to this day the field of Chrysostom studies remains sadly understaffed, under-resourced and undervalued” (Mayer 2005: 10). Видимо, из-за отсутствия в православной научной среде фундаментальной работы по жизнеописанию св. Иоанна Златоуста во многих православных странах стал пользоваться большой популярностью труд француза Amédée Thierry (1797–1873 г.) под названием «Saint Jean Chrysostome et l’impératrice Eudoxie, la société chrétienne en Orient», который впервые был опубликован в журнале «Revue des deux Mondes», в 1867–1870 гг. (RDM, 1867, № 70, p. 273–321; 1867, № 71, p. 73–131; 1869, № 81, p. 257–294, 828–870; 1870, № 85, p. 25–60, 586–627). Отдельной книгой работа Thierry вышла в 1872 г. (второе издание было осуществлено в 1874 г.). Русский перевод был опубликован впервые в Трудах Киевской духовной академии, в 1867–1870 гг. (ТКДА, 1867, № 4, с. 210–265; 1868, № 1, с. 149–220; 1869, № 3, с. 139–189, 440–493; 1970, № 1, с. 677–720; 1870, № 2, с. 355–395). Отдельное издание на русском языке вышло в 1884 г. За последние двадцать лет в России сочинение А. Thierry переиздавалось еще несколько раз. Правда, уже без указания автора и изначального названия книги. Вместо А. Thierry, видимо, из-за его принадлежности к Западной Церкви, была указана некая О. В. Орлова, представленная как «составитель и общий редактор». Самой книге дано было новое более «православное» название: «Крестный путь Иоанна Златоуста» (Москва, 1995). Работа А. Thierry выдержала несколько изданий и в Греции. Первый греческий перевод книги Thierry, осуществленный Н. Стаматиадисом, вышел в свет в последней четверти XIX в. В том издании, в отличие от современного, было сохранено изначальное название работы француза: «Ἰωάννης Χρυσόστομος καὶ ἡ αυτοκράτειρα Εὐδοξία. Ἡ χριστιανικὴ κοινὼνία ἐν Ἀνατολή» (Самос, 1892). В наше время работа издана и в переводе на новогреческий язык. Современные греческие издатели в отличие от русских сохранили подлинное имя автора, но еще раз изменили название книги: «Ἁγιὸς Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος, Μεγαλομάρτυρας μετὰ τοὺς διωγμοὺς» (Салоники, 2003). В 2013 г. профессор Аристотелевского университета г. Салоники протопресвитер Феодор Зисис публикует в периодическом издании «Θεοδρομία» статью под названием «Ἡ ἐξορία του Αγίου Ἰωάννου Χρυσοστόμου. Τοποχρονολογικὸ Διάγραμμα 404–407», которая была составлена на основе монографии А. Thierry (Θεοδρομία, 2013, № 3, с. 344–349). Труд А. Thierry написан в прекрасном литературном стиле, захватывающем внимание читателя (отсюда и популярность книги), но при этом он не является строго историческим. Мало того, как совершенно верно заметил один из современных исследователей жизни св. Иоанна Златоуста Florent Van Ommeslaeghe, Thierry бросает публике образ Златоуста, в кото-

Святителя⁵. Ту же ситуацию мы наблюдаем и на научных конференциях, форумах и симпозиумах, посвященных 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста, которые были проведены в 2007 г. в разных странах мира⁶.

Предположим, что после перенесения мощей (останков) св. Иоанна Златоуста в Константинополь, историки потеряли интерес к месту его кончины, к Команам. Но нельзя было оставлять неизученными противоречивые

ром очень тяжело узнавать Святителя предыдущих веков. « L'évêque y prend plutôt les traits d'un Gracchus ou d'un tribun déchaîné, menant le plèbe à l'assaut de la cour et des classes possédantes et sombrant, tel un héros tragique, dans une catastrophe qu'il a déclenchée sans avoir la force de dominer le mouvement. Beau tableau, il est fort à craindre qu'il ne se rapproche pas plus des faits survenus à Constantinople que les " Sabines " de David ne s'approchent de l'histoire romaine » (Van Ommeslaeghe 1979: 143). Конечно, следует сказать и о том, что в западной церковно-исторической науке существует немало фундаментальных исследований, посвященных изучению жизни св. Иоанна Златоуста. Одно из них, признанное всеми лучшим, двухтомный труд бенедиктинца Chr. Baur под названием «Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit» (München, 1929–1930). См. также: Kelly J. H. D. Golden Mouth. The Story of John Chrysostom – Ascetic, Preacher, Bishop. London, 1995.

⁵ В начале XX в. по случаю празднования 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста в России и в Италии были изданы юбилейные сборники научных статей, посвященных изучению жизни и творческого наследия св. Иоанна Златоуста (Юбилейный сборник 1903; Хρυσοστομικά 1908). Объем сборника, подготовленного в Риме и изданного в 1908 г. под названием «Χρυσοστομικά», составляет 1151 стр. В том же 1908 г. в научно-периодическом издании «Echos d'Orient», выходившем в Константинополе с 1897 г., были опубликованы юбилейные статьи и заметки, посвященные св. Иоанну Златоусту (EO, 1908. № 11, p. 5–15, 50–52, 80–81, 101–113, 129–131, 193–202). Спустя век в Риме выходит новый сборник под названием «Giovanni Crisostomo. Oriente e occidente tra IV e V secolo», объем которого составляет 1049 стр. (SEA 93/1,2). В Греции в 2007 г. – к 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста – издательство Элладской Православной Церкви «Αποστολική Διακονία» организует симпозиум и издает научный сборник под названием «Χρυσοστομικό Συμπόσιο. Η προσωπικότητα και η θεολογία αγίου Ιωάννου του Χρυσοστόμου» (846 стр.) (Χρυσοστομικό Συμπόσιο 2007). В 2008 г. в Берлине в рамках серии «Arbeiten zur Kirchengeschichte» также издан юбилейный сборник «Chrysostomosbilder in 1600 Jahren. Facetten der Wirkungsgeschichte eines Kirchenvaters» (466 стр.), подготовленный M. Wallraff и R. Brändle (Chrysostomosbilder 2008). Но ни в одном из вышеперечисленных сборников нет ни одной публикации, специально посвященной теме кончины св. Иоанна Златоуста. Единственная посвященная этой теме работа, которая известна нам сегодня, – это небольшая статья J. H. Gruninger под названием «Les dernières années de Saint Jean Chrysostome 404–407. Son second exil et sa mort». Статья опубликована в 1956 г. в журнале «Proche-Orient Chrétien» (POC, 1956, № 6, p. 3–10).

⁶ В 2007 г. научные конференции, форумы и симпозиумы с международным составом участников, посвященные 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста, были проведены: в Константинополе (с 13 по 18 сентября) (Orthodoxes Forum 2008: 125); в Аристотелевском университете г. Салоники (с 22 по 25 ноября) (Θεοδρομία, 2007, № 4, σ. 485–487, 626–640); в Верии, Греция (Χρυσοστόμου Γ. 2007); в Мюнхене, 27 ноября (Orthodoxes Forum 2008: 125), в Сеуле, 10 ноября (Πάντα τα έθνη, 2007, № 104, σ. 20–21). Напомним

данные источников о последних годах жизни Святителя, его ссылке и кончине. Равно как и противоречивые сообщения тех же источников в отношении св. мученика Василиска, явившегося в видении св. Иоанну Златоуст, как мы уже об этом говорили, преставился и был погребен в мартириуме (храме) названного Мученика. Чтобы не быть голословным, приведу следующий наглядный пример. Согласно церковному историку Сократу Схоластику (380–438 гг.), св. Иоанн Златоуст умер «в Команах при Евксинском Понте (ἐν Κομάνοις τοῦ Εὐξεινίου Πόντου)» (PG 67: 725); по Эрмию Созомену (400–450 гг.) – «в Команах Армянских (ἐν Κομάνοις τῆς Ἀρμενίας)» (PG 67: 1592); согласно же Феодору, епископу Тримифунтскому (втор. пол. VII в.) – «в Кукусах (τῇ λεγομένῃ Κουκουσῶ)» (Halkin 1977: 31). Более того, иногда в одном и том же источнике (например, в одном из списков сочинения только что упомянутого Феодора, епископа Тримифунтского, или же в «Синаксарие» Константинопольской Церкви при описании последних лет жизни св. Иоанна Златоуста сообщается, что он умер в Кукусе Армянском. Когда же заходит речь о перенесении его останков, то утверждает-ся, что они были перевезены в Константинополь из Коман или Коман Армянских (Halkin 1977: 31, 38–39; Synax. Eccl. CP 1902: 219, 425). Подобное расхождение сведений источников напрямую отражалось и в работах многих составителей жизнеописания св. Иоанна Златоуста – как древних, так и современных. Большинство авторов при составлении своих сочинений пользовались одним или двумя доступными им источниками. Отсюда – многообразие версий места кончины и погребения св. Иоанна, которое мы встречаем в различных книгах по сей день.

Во-вторых, в вышеуказанной главе нашей кандидатской работы мы впервые обратили внимание на еще одно обстоятельство, связанное с географическим расположением городов с одноименным названием «Команы», «претендующих» быть местом кончины св. Иоанна Златоуста. Оказалось, что Команы Армянские, Команы Понтийские и Команы Абхазские действительно расположены между Кукусом Армянским, местом второй ссылки Святителя (соврем. Göksün, Турция), и Питиусом – местом окончательного заточения Златоуста (соврем. Пицунда, Абхазия). Другими слова-

---

также, что 12 и 13 ноября 1907 г. воспоминание 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста состоялось в Санкт-Петербургской духовной академии (ПЩВ, 1907, № 46, с. 2032–2034), а 24 ноября того же года аналогичные мероприятия состоялись и на Богословском факультете Венского университета (ЕФ, 1908, № 1, с. 55–56). Кроме того, в 1973 г. в Патриаршем институте патрологических исследований в г. Салоники был организован международный симпозиум, посвященный св. Иоанну Златоусту (Κληρονομία, 1973, № 5, с. 253–254). Материалы этого симпозиума были опубликованы в специальном выпуске серии «Ανάλεκτα Βλατάδων» (Ανάλ. Βλατ., 1973, № 18, с. 13–136).

ми, все три города Команы могли быть на пути следования св. Иоанна из Кукуса в Питиус. Кроме того, все эти города Команы во времена св. Иоанна Златоуста могли входить – и в политическом, и в церковном отношении – в состав «*Dioceses Pontica*» Римской империи (Дракоῦλη 2010: 1–83). Стало быть, каждый из трех Коман при подобном географическом раскладе мог, в общем-то, именоваться как «Команы Понтийские».

В дальнейшем, после реформы административного деления Византийской империи и создания новых округов, получивших название «Фемы» (греч. Θέματα)⁷ (речь идет о VII–XI вв.), те же Команы Понтийские могли именоваться и Армянскими, поскольку Фема, в которую в этот период входили Команы Понтийские, именовалась «Армянской» (то Θέμα Ἀρμενιακῶν) (ST 160: 117–120; Kaegi 1982: 491; Kean 2006: 52–53, 79; Μικρά Ἀσία τῶν Θεμάτων 1998: 113–161, 373–389). Поэтому-то в «Минологии» Византийского императора Василия II (976–1025 гг.) сообщается, что св. мученик Василиск Команский был родом из армянской страны (ἐκ τῆς χώρας τῶν Ἀρμενιακῶν) (Menolog. Graec. Basilii 1894: 469). Все это, безусловно, еще больше усложняло проблему, связанную с определением места кончины Златоуста.

В-третьих, для разрешения проблемы места кончины св. Иоанна мы в вышеуказанном нашем исследовании впервые привлекли сведения из сочинения XVII в. под названием «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария», написанного архидиаконом Павлом Алеппским (ок. 1627–1669 гг.). Сообщение двух паломников – Антиохийского Патриарха Макария III (1647–1672 гг.) и архидиакона Павла Алеппского, зафиксированное письменно в XVII в., является очень важным основанием, подтверждающим, что именно Команы Понтийские были местом кончины и погребения Златоуста. По свидетельству двух вышеназванных церковных деятелей, посетивших в 1658 г. Команы Понтийские, которые, по утверждению архидиакона Павла, располагались между Омалой (совр. Gözova, Турция) и Токатом (Tokat, Турция), они поклонились там мраморной гробнице св. Иоанна Златоуста (Путешествие Патриарха Макария 1896: 128–130).

В рамках вышеуказанной нашей диссертации мы не смогли провести исследование по еще нескольким важным темам, имевшим прямое отношение к проблеме места кончины св. Иоанна Златоуста, поскольку нам не были доступны необходимые источники и материалы.

Одна из тем касалась установления личности св. мученика Василиска, который явился св. Иоанну Златоусту перед его кончиной в Команах. Как

---

⁷ О «Фемах» см.: (Πλακογιαννάκη 2001: 129–164).

уже было об этом сказано и как свидетельствует достоверный источник, Святитель был погребен в мартириуме (храме) св. Василиска. Существующие данные источников ставят перед нами ряд проблемных вопросов и обращают наше внимание на следующее: был ли св. Василиск простым воином (солдатом), принявшим мученическую смерть в Команах, или же он был епископом города Коман, ставшим там священномучеником? Воин-мученик Василиск Команский и священномученик Василиск, епископ Команский – один и тот же человек? Или же речь идет о двух разных людях, причем имевших при этом отношение к разным городам с одноименным названием «Команы»?

Установление личности св. Василиска и, соответственно, места его мученической кончины и погребения во многом облегчили бы задачу с определением места кончины св. Иоанна Златоуста.

Еще одна неисследованная тема, выявленная уже в процессе написания нашей кандидатской работы, имеет отношение к истории перенесения мощей (останков) св. Иоанна Златоуста. Из каких именно Коман они были перевезены в Константинополь?

Обратив внимание на сообщение византийского канониста и историка Иоанна Зонары (кон. XI в. – между 1162 и 1166 гг.), что останки Святителя были перевезены в Константинополь из Питиуса, т. е. из Абхазии; см. (CSHB 3 1897: 105–106; Ζωναρά, *Επίτ. Ιστορ.*: 164–167), мы задались вопросом: насколько достоверно это сообщение, есть ли тому подтверждение?

И последний неразрешенный вопрос, который также возник в процессе работы над вышеназванной нашей диссертацией. Он связан с установлением места третьего обретения честной главы св. Иоанна Крестителя. По данным греческих «Синаксариев», это событие произошло в Команах в середине IX в. А вот как определить – в каких именно из трех уже известных нам Коман была обретена честная глава Иоанна Крестителя? Углубленное изучение этой темы должно было помочь подтвердить достоверность исторических сведений о Команах Абхазских. Сегодня Команы Абхазские по местному преданию и без всякого исторического обоснования считаются местом третьего обретения главы св. Иоанна Крестителя.

В завершение вышеназванной главы нашей кандидатской диссертации мы отметили, что проблема места кончины св. Иоанна Златоуста могла бы быть разрешена, если бы удалось найти рукопись с «археологическими добавлениями» Фотия Великого, на которую опирался К. Вриссис. И тогда в подлинности сведений, приводимых греческим археологом, уже не будет никаких сомнений.

В 2007 г., в год празднования 1600-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста, мы решили вновь вернуться к изучению темы о месте кончины и погребения Святителя (Дорофей Дбар 2007; данная статья вошла и в состав нашей книги: Дорофей Дбар 2012: 255–264). Соответствующим местом для обнаружения возможных публикаций «греческого археолога К. Вриссиса», которые могли бы вывести нас на след вышеуказанной рукописи, а также для более удобного ознакомления со всеми необходимыми источниками и материалами по св. Иоанну Златоусту, мы посчитали Грецию. В ходе нашей работы в стенах Аристотелевского университета г. Салоники выяснилось, что тема о месте кончины и погребения Златоуста в греческой церковно-исторической науке никем специально не изучалась⁸. Стандартная формулировка, которая чаще всего встречается во многих работах греческих авторов, посвященных Златоусту, следующая: умер в Команах Понтийских во время ссылки в Питуус (или Питуунд). Имя же Константина Вриссиса и его открытие совершенно неизвестны греческим историкам и патрологам. Кроме того, многие греческие исследователи, описывающие последние годы жизни св. Иоанна Златоуста, не имеют ясного представления о существовании нескольких городов с одноименным названием «Команы» и их географических местах локализации⁹. Вместе с тем в Греции нам удалось обнаружить много новых данных, ознакомиться практически со всеми первоисточниками и современными исследованиями. В данном случае укажем только работу П. Ка-

---

⁸ Профессор Патрологии Богословской школы Честного Креста в Бостоне, протопресвитер Георгий Драгас в завершающей части статьи под названием «Perceptions of John Chrysostom in Contemporary Greek Orthodoxy» дает достаточно полный список работ греческих авторов XX в., посвященных изучению жизни и творчества св. Иоанна Златоуста (Chrysostomosbilder 2008: 390–409).

⁹ В греческих публикациях последнего десятилетия, посвященных св. Иоанну Златоусту, иногда приводятся фотографии монастыря в Команах Абхазских, которые при этом подписаны как Команы Понтийские. Например, в большом юбилейном издании Ватопедского монастыря Святой Горы Афон под названием «Αἰῶνος τιμὴ καὶ μνήμη ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου. Εἰς τὴ συμπλήρωση 1600 ἐτῶν ἀπὸ τῆς κοιμήσεως αὐτοῦ 407 – 2007», подготовленном архимандритом Хризостомом (Пападакисом), опубликована фотография гробницы св. Иоанна Златоуста из Команского монастыря в Абхазии, которая сопровождается следующей надписью: «Н προσκυνούμενη πέτρινη λάρνακα ταφῆς στα Κόμανα τοῦ Πόντου, τοῦ Ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου. “Νέος Ἄθως”, Αἰτλαζία» (Βιογρ., εὐκομ. καὶ ὑμνογρ. Χρυσοστόμου 2007: 898). Архимандрит Матфей (Псомас) в статье, посвященной истории святых мощей св. Иоанна Златоуста, отмечает, что на официальном сайте Эладской Православной Церкви выложена фотография гробницы Златоуста из Коман Абхазских, которая ошибочно представлена как фотография из Коман Понтийских (Χρυσοστομικὸ Συμβόσιо 2007: 263). Митрополит Елевферупольский Хризостом (Авгианос) в монографии под названием «Σκηνὲς ἀπὸ τοῦ δράμα τοῦ ἱ. Χρυσοστόμου» (книга вы-

ролидиса, которая была опубликована в 1882 г. в Афинах под названием «Τα Κόμανα και τα ερείπια αὐτῶν ἦτοι μονογραφία ἀρχαιολογική καὶ τοπογραφική περὶ Κομάνων» (Ελλην. Βιβλιογ. 1864–1900: 1534). Это единственная книга, целиком посвященная изучению истории и археологии Коман Армянских (или Каппадокийских). Автор лично посетил Коман Армянские, где ознакомился с древними развалинами этого города (Καρολίδη 1882: 6).

Итак, исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что вопросы – о месте кончины и погребения св. Иоанна Златоуста и связанной с ним личности св. мученика Василиска Команского, а также месте, откуда были перевезены мощи (останки) Святителя в Константинополь, каким путем они были перенесены в столицу, – должным образом не исследованы. И это, как мы уже отметили, продолжало порождать различные версии и толкования, которые мы встречаем до нынешнего дня в научной и популярной литературе о Златоусте. Поэтому вновь вернувшись к изучению проблемы места кончины и погребения св. Иоанна, мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Тщательно изучить в хронологическом порядке и с привлечением соответствующего критического анализа все источники, имеющие прямое или косвенное отношение к вышеобозначенным трем темам, а именно: а) месту кончины и погребения св. Иоанна Златоуста, б) личности св. мученика Василиска Команского и в) перенесению мощей (останков) Златоуста в Константинополь.

шла в 2013 г.) в той части, где дано описание кончины св. Иоанна, публикует и фотографию саркофага Святителя из Коман Абхазских (Χρυσοστόμου, μητροπολίτου, 2013: 316). Следует сказать и еще об одном событии, участниками которого были и мы. 22 ноября 2007 г. в Аристотелевском университете г. Салоники состоялось открытие научной конференции, посвященной 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста. В поздравительном адресе от лица Вселенского Патриарха Варфоломея I, зачитанном митрополитом Пантелеимоном (Родопулосом), говорилось следующее: «Τὸ ἔργον καὶ ἡ ζωὴ τοῦ μεγάλου τούτου ἀνδρός ἐξακολουθεῖ ἐπὶ δέκα καὶ ἕξ συνεχεῖς αἰῶνας νά ἀποτελεῖ πηγὴν ἐμπνεύσεως καὶ μετаноίας διὰ τοὺς ἀπανταχοῦ τῆς οἰκουμένης χριστιανούς. Οὐχὶ μόνον πηγὴν ἐμπνεύσεως, ἀλλὰ καὶ μαρτυρίου, ὡς ἀπέδειξεν ὁ κατὰ τοὺς ἐσχάτους ἡμῶν χρόνους μαρτυρικός θάνατος τοῦ ἀειμνήστου Γεωργιανοῦ ἱερομονάχου Ἀνδρέου, φυλάττοντος τὸν ἐν Κομάνοις τάφον τοῦ Ἁγίου ἐκ τῆς βεβηλώσεως τῶν ἀσεβῶν». Гибель настоятеля Команского храма иеромонаха Андрея (Курашвили), упомянутого в вышеприведенном отрывке, произошла в Абхазии во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Тело иеромонаха Андрея было погребено на территории Команского монастыря (слева от центрального входа в храм) абхазским солдатом Дауром Зухба, который впоследствии и сам погиб. Участники вышеназванной конференции не обратили внимания и не придали значения тому, что в поздравительном адресе Вселенского Патриарха местом кончины св. Иоанна Златоуста признавались Коман Абхазские. Таким образом, все вышеизложенное еще раз показывает, что рассматриваемый нами вопрос оставался открытым и сам факт его неразрешенности продолжал порождать разные версии.

2. Рассмотреть максимальное количество исследовательских работ по жизнеописанию св. Иоанна Златоуста, в которых отражены последние годы жизни Святителя, его изгнание, кончина и перенесение его святых мощей в Константинополь.

3. Попытаться установить личность «греческого археолога Константина Вриссиса» и обнаружить возможные его публикации по интересующей нас теме. Разумеется, приложить все усилия для установления рукописи, которую К. Вриссис привлек для своего открытия и обоснования места кончины и погребения св. Иоанна Златоуста.

4. Изучить и описать с привлечением соответствующих материалов географию и историю населенных пунктов, имеющих прямое отношение к вопросу о месте кончины и погребения св. Иоанна Златоуста, а именно: Кукуса, Арависсы, Питиуса, Коман Армянских (или Каппадокийских), Коман Понтийских и Коман Абхазских.

Работа над темой о месте кончины и погребения св. Иоанна Златоуста началась с сентября 2007 г., одновременно с прохождением академического курса новогреческого языка в Высшей школе при Аристотелевском университете г. Салоники. 29 октября 2009 г. мы были приняты в докторантуру Богословского отделения Богословского факультета Аристотелевского университета и за нами была закреплена тема «Место кончины св. Иоанна Златоуста». Работа над диссертацией осуществлялась под руководством доктора богословия, доцента Богословского отделения Богословского факультета вышеназванного университета Евангелии Амириду. 8 мая 2014 г. на Богословском факультете Аристотелевского университета успешно состоялась открытая защита докторской диссертации¹⁰.

Выводы нашей семилетней исследовательской работы в Греции, представленные в докторской диссертации, следующие:

1. По итогам тщательного анализа практически всех источников жизнеописания св. Иоанна Златоуста мы пришли к заключению, что св. Иоанн во время следования из Кукуса Армянского (или Каппадокийского, совр. Göksun, Турция), из места своей второй ссылки в место окончательного заточения – Питиус (совр. Пицунда, Абхазия), преставился 14 сентября

---

¹⁰ Электронный вариант диссертации на греческом языке выложен в свободном доступе на страницах следующих официальных сайтов: Национального Архива докторских диссертаций Греции (www.didaktorika.gr), Национального центра документаций Греции (<http://openarchives.gr/view/2409946>), Библиотеки Аристотелевского университета г. Салоники (<http://invenio.lib.auth.gr/record/134184?ln=en>) и Священной Митрополии Абхазии (<https://anyha.org/darat-dbar-adokortu-disertatsia/>). В 2016 г. диссертация была опубликована издательским отделом Священной Митрополии Абхазии; см. (Δωροθέου Dbar 2016). См. также: <https://anyha.org/arxim-darat-dbar-iswqwy-tshyts/>.

407 г. в Команах Понтийских (совр. Gömenek, Турция), не дойдя до места назначения. Мы исключаем возможность кончины св. Иоанна в Команах Армянских (или Каппадокийских, совр. Şag, Турция). Хотя в некоторых источниках этот древний город и указывался в качестве места, где преставился Златоуст. Мы исключаем возможность кончины и погребения св. Иоанна и в Команах Абхазских. Безосновательность данной версии, возникшей в 1884 г. и связанной с именем «греческого археолога Константина Вриссиса», была выявлена в процессе нашего исследования. Более того, все наши попытки установить личность вышеназванного археолога, обнаружить какие-либо его публикации, а также найти «таинственную рукопись», на основании которой он осуществил свое открытие, оказались безуспешными. Мы также полагаем, что указание в качестве места кончины св. Иоанна селения Бизери (совр. Akbelen, Турция), где, по свидетельству путешественников, до начала XX в. находилась гробница Златоуста, также является ошибочным.

2. Нам удалось установить, что св. Иоанн Златоуст действительно скончался в храме (мартириуме) в Команах (в котором находилась гробница св. мученика Василиска) и его тело было упокоено там. Святым, который явился в видении Златоусту в Команах в 407 г., был с наибольшей долей вероятности св. мученик Василиск, племянник св. Феодора Тирона, соратник святых мучеников Евтропия и Клеоника, принявший мученическую кончину в Команах Понтийских между 309 и 311 годами. Следовательно, нет сомнения, что город Команы, в котором скончался и был погребен св. Иоанн, находился в Понте, на месте современного турецкого населенного пункта Gömenek. Что же касается версии, по которой явившимся Златоусту святым был Василиск, епископ города Коман (сообщение об этом мы имеем в одном из самых ранних жизнеописаний св. Иоанна, в «Диалоге» Палладия), то, с нашей точки зрения, она не в достаточной мере подтверждается данными других агиологических источников. В любом случае, даже если в дальнейшем будут найдены доказательства, что св. Василиск, епископ Команский, и св. мученик, воин Василиск Команский, – это два разных человека, одно безусловно и известно нам абсолютно точно: они оба – по данным источников – были погребены в одном и том же месте, в Команах Понтийских, и один из них там же в 407 г. явился в видении Иоанну Златоусту. Следовательно, независимо от того, были ли св. Василиск, епископ Команский, и св. мученик Василиск Команский разными людьми или же это один и тот же святой, кончина св. Иоанна произошла в Команах Понтийских, т. е. на месте современного населенного пункта Gömenek на территории современной Турции.

3. По данным большинства источников, связанных с описанием истории обретения и перенесения мощей св. Иоанна Златоуста, очевидно, что останки Златоуста были погребены в Команах Понтийских (совр. Gömenek, Турция) и впоследствии перенесены из этого города в Константинополь (совр. Стамбул). Версию перенесения останков Златоуста как из Коман Армянских (Каппадокийских, совр. Şar, Турция), так и из Питиуса (совр. Пицунда, Абхазия), как об этом сообщали некоторые источники, мы исключаем. Считаю важным особо подчеркнуть, что сам маршрут следования процессии, переносившей останки св. Иоанна, также полностью исключает возможность перенесения останков Златоуста как из Коман Абхазских, так и из Питиуса (Пицунды).

Таким образом, на основании всех источников и материалов, рассмотренных нами в докторской диссертации, мы с полной уверенностью заключаем, что город Команы, в котором скончался и был погребен св. Иоанн Златоуст, находился в Понте, на месте современного турецкого населенного пункта Gömenek, расположенного рядом с городом Tokat.

Литература

Кэарчия 2002: Кэарчия В.Е. Ацсны атопонимика. Ақәа, 2002.

Абхазия и абхазы 2008: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн. 2 / Сост.: Р.Х. Агуажба, Т.А. Ачугба. Сухум, 2008.

Асмус 2001: Асмус В., протоиерей. Отзыв на кандидатскую диссертацию Дмитрия Дбар «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии». Архив Московской духовной академии. 31 мая 2001 г.

Басария 1923: Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

Бгажба 2015: Бгажба О.Х. Уварова Прасковья Сергеевна // Абхазский биографический словарь / Под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум, 2015.

Бгажба, Агумаа 2015: Бгажба О.Х., Агумаа А.С. Чернявский Владимир Иванович // Абхазский биографический словарь / Под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум, 2015.

Бгажба, Медвенский 2015: Бгажба О.Х., Медвенский Н.И. Мачавариани Константин Давидович // Абхазский биографический словарь / Под ред. В.Ш. Авидзба. М.; Сухум, 2015.

Бриллиантов 1998: Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М., 1998.

Васильев 1998: Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб.: Алетейя, 1998.

Воронов 1984: Воронов Ю.Н. Листая страницы старых изданий. 100-летие первой книги по истории Абхазии // Советская Абхазия. 13 марта 1984.

Дбар 2001: Дбар Д. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Дисс. на соиск. уч. ст. к. богос. Московская духовная академия, 2001. (На правах рукописи.)

Денисов 1908: Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

Дзидзария 1979: Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум, 1979.

Диалог Палладия 2002: Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста / Вступ. ст., пер. с древнегреч., комм. А.С. Балаховской. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Дбар 2005: Дорофей (Дбар), иеромонах. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон (Анакопия): Стратофил, 2005.

Дбар 2007: Дорофей (Дбар), иеромонах. К 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста в Команях // ХА. 2007. №№ 6 (22), 7 (23).

Дбар 2012: Дорофей (Дбар), архимандрит. К 1600-летию со дня кончины св. Иоанна Златоуста в Команях // Дорофей Дбар. Православная Церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее. (Статьи, сообщения, размышления и интервью.) Новый Афон (Анакопия): СМА, 2012.

Дбар 2015: Дорофей (Дбар), архимандрит. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Изд. 2. Новый Афон (Анакопия): СМА, 2015.

Древние жития 2007: Древние жития Святителя Иоанна Златоуста: тексты и комментарий / Пер., вступ. ст., коммент. А.С. Балаховской; общ. ред. А.И. Сидорова. М.: ПСТГУ, 2007.

Зайцев 2010: Зайцев Д.В. Иоанн Златоуст. Почитание // ПЭ. Т. 24. М., 2010.

Инал-Ипа 1992: Инал-Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. (Об этнической ситуации в Абхазии XV – нач. XX вв.) Сухум, 1992.

И. Н. 1899: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С картами Абхазского побережья и части Римской империи, с рисунками памятников христианства в Абхазии, видов Ново-Афонского монастыря и портретами почивших старцев Афонского Св. Пантелеимонова монастыря. Новое, значительно измененное и дополненное издание / Сост. И.Н. М., 1899.

Искусство Абхазского царства 2011: Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости. А.С. Агумаа,

Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов, Е.Ю. Ендольцева / Автор предисл. О.Х. Бгажба. СПб.: Изд. РХГА, 2011.

Карташев 1994: Карташев А.В. Вселенские Соборы. Изд. 2. М., 1994.

Ковач 1929: Ковач К.В. 101 Абхазская народная песня. Этнографическая запись с историческими справками. Сухум: Издание Наркомпроса Абхазии и Академии Абхазского языка и литературы, 1929.

Кондаков 1890: Кондаков Н.П. Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890.

Константин Багрянородный 1899: Константин Багрянородный. О фемах (De thematibus) и о народах (De administrando imperio) / Предисл. и примеч. Г. Ласкина. М., 1899.

Кременецкий 1908: Кременецкий А., священник. Место блаженной кончины и погребения св. Иоанна Златоуста и Василиско-Златоустовский общежительный женский монастырь в Абхазии. Изд. 2. Воронеж, 1908.

Леонид Кавелин 1885: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С планом Абхазского приморского берега и с планом Ново-Афонского монастыря. В пользу строящейся обители / Сост. А.Л. [Архимандрит Леонид]. М., 1885.

Леонид Кавелин 1887: Абхазия и ее христианские древности. С планом Абхазского приморского берега. В пользу миссионерской абхазской школы, находящейся при Ново-Афонском Симона-Кананитском монастыре / Сост. А. Леонид. Изд. 2, исправленное и умноженное. М., 1887.

Мануил Лемешевский 1979: Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. Ч. 1. Erlangen, 1979.

Мачавариани 1913: Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. В двух частях. Сухум, 1913.

Место кончины 1907: Место кончины Иоанна Златоуста // ПЦВ. № 46. СПб., 1907.

Монах Моисей 2000: Монах Моисей Агиорит. Блаженный старец Георгий Карслидис (1901–1959) / Пер. с новогреч. игумен Илия (Жуков). М., 2000.

Москвич 1915: Москвич Г.Г. Путеводитель по Черноморскому Побережью. Изд. 22. Петроград, 1915.

Муравьев 1948: Муравьев А.Н. Грузия и Армения. Ч. 3. СПб., 1948.

Открытие монастыря 1901: Открытие женского Василиско-Златоустовского монастыря // ПЦВ. №№ 47, 50. СПб., 1901.

Пачулиа 1969: Пачулиа В.П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Научно-популярный очерк. Сухум, 1969.

Пачулиа 1986: Пачулиа В.П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. М., 1986.

Пачулиа 1989: Пачулиа В.П. Сухум и Акуа (от Диоскурии до наших дней). Историко-культурный очерк. Сухум, 1989.

Петров 1867: Петров Л., священник. Учебный церковно-исторический атлас. СПб., 1867.

Подосинов 2002: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.

Полное иллюстрированное описание 1909: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. Приложение к журналу «Русский паломник» за 1909 г.

Прокопий 1998: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Изд. 2 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998.

Путешествие Патриарха Макария 1896: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алепским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1896.

Сагариа 1996: Сагариа Б.Е. Македонские абхазы. Сухум, 1996.

Сергий Спасский 1997: Сергий (Спасский), архиепископ. Полный Месяцеслов Востока. Т. 3. М., 1997.

Сидоров 2011: Сидоров А.И. Отзыв на кандидатскую диссертацию Дмитрия Дбар «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии». Архив Московской духовной академии. Май 2011 г.

Сизиков 1885: Сизиков М. Первая книжица о Ново-Афонской обители. Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. Паломник М. Сизиков. М., 1885.

Стражев 1925: Стражев В.И. Руинная Абхазия // ИАНО. Вып. 1. Сухум, 1925.

Тези 1903: Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям / Сост. И.М. Тези. Харьков, 1903.

Тези 2020: Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям // Диалог времен. История. Традиции. Культура / Сост. И.М. Тези. Альманах. № 3. Сухум: Дом печати, 2020.

Токарев 1962: Токарев Ф. “Святая” ярмарка // Советская Абхазия. 1962. № 126.

Уварова 1891: Абхазия. Путевые заметки Графини Уваровой. М., 1891.

Уварова 1894: Графиня Уварова. Христианские памятники // МАК. Вып. 4. М., 1894.

Фонченко 1970–1972: Фонченко В., диакон. Церковно-археологические труды отца архимандрита Леонида (Кавелина). Московская духовная академия. Троице-Сергиева Лавра. Загорск, 1970–1972. (Машинопись.)

Хрушкова 1984: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские саркофаги из Абхазии // ВВ. Вып. 45. М., 1984.

ЦГААА 1975: Центральный Государственный Архив Абхазской АССР. Путеводитель. Сухум, 1975.

Чернявский 1877: Чернявский В.И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье // ИИРГО. Т. 13. Вып. 5. Тифлис, 1877.

Чернявский 1877а: Чернявский В.И. Краткий очерк Абхазии // ИИРГО. Т. 13. Вып. 6. Тифлис, 1877.

Чернявский 1912: Чернявский В. И. Разрушение могилы апостола Матфея // СЗМ. № 17. Сухум, 1912.

Юбилейный сборник 1903: Юбилейный сборник статей, посвященных блаженной памяти св. Иоанна Златоуста. Казань, 1903.

Асерсон 2003: Άσερσον Ν. Μαύρη Θάλασσα. Λίκνο πολιτισμού και βαρβαρότητας. Μετάφ. Λ. Καρατζάς. Αθήνα: Εκδ. Ωκεανίδα, 2003.

Βιογρ., εγκωμ. και υμνογρ. Χρυσοστόμου 2007: Χρυσοστόμου Παπαδάκη, αρχιμανδρίτη. Αΐδιος τιμή και μνήμη αγ. Ιωάννου του Χρυσοστόμου. Επί τη συμπληρώσει 1600 ετα από τα κοιμήσεως αυτού 407–2007. Τ. Α΄: Βιογραφικά και εγκωμιαστικά. Ι. Μεγίστη Μονή Βατοπεδίου, Άγιον Όρος. Αθήνα, 2007.

Δρακάκη, Κουνδούρου 1939–1940: Δρακάκη Α. Θ., Κουνδούρου Σ. Ι. Αρχεία περί εν τη συστάσεως και εξελίξεως των Δήμων και Κοινοτήτων 1836–1939 και εν τη διοικητικής διαίρέσεως του Κράτους. 2 τ. Αθήνα, 1939–1940.

Δρακούλη 2010: Δρακούλη Δ. Π. Η περιφερειακή οργάνωση των οικισμών της Ανατολικής Ρωμαϊκής Αυτοκρατορίας κατά την πρώιμη Βυζαντινή περίοδο (4^{ος}–6^{ος} αιώνας). Τ. Β΄. Θεσσαλονίκη, 2010. (ΒΚΜ 53В).

Γιαννουλάτου 1962: Γιαννουλάτου Α. Οι Αβασγοί // ΘΗΕ. Τ. 1. Αθήνα, 1962.

Δωροθέου Dbar 2016: Δωροθέου Dbar, αρχιμανδρίτη. Ο τόπος θανάτου και ενταφιασμού του αγ. Ιωάννου του Χρυσοστόμου. Νέος Άθως: Εκδ. Ι. Μητροπόλεως της Αμπαζίας, 2016.

Ελλην. Βιβλιογ. 1864–1900: Ηλιού Φ., Πολέμη Π. Ελληνική Βιβλιογραφία 1864–1900. Συνοπτική αναγραφή. Τ. Β΄. Αθήνα, 2006.

Ζωναρά, Επίτ. Ιστορ.: Ιωάννη Ζωναρά. Επίτομη Ιστοριών. Εισαγωγή, μετάφραση, σχόλια Ι. Γρηγοριάδης. Τ. Α΄. Αθήνα, 1995. (ΚΒΙ 5).

Ιωαννίδη 1880: Ιωαννίδη Σ. Οδοιπορικοί αναμνήσεις // Κρόνος: ημερολόγιον του έτους 1881. Κωνσταντινούπολη, 1880.

Καρολίδη 1882: Καρολίδη Π. Τα Κόμανα και τα ερείπια αυτών: ήτοι μονογραφία αρχαιολογική και τοπογραφική περί Κομάνων. Αθήναις, 1882.

Κάλφογλου 1908: Κάλφογλου Ι. Η. Διοσκουριάς-Σεβαστούπολις, Σουχούμ-Κάλε / Κάλφογλου Ι. Η. Οι Έλληνες εν Καυκάσφ. Ιστορικών δοκίμιον. Εκδίδεται προς όφελος της εν Βατούμ Ελληνικής Ευεργετικής Αδελφότητος. Αθήνα, 1908.

Kean 2006: Kean R. M. Ιστορικός Άτλας της Βυζαντινής Αυτοκρατορίας. Αθήνα: Εκδ. Σαββάλας, 2006.

Κραλίδη 2003: Κραλίδη Α. Φ. Οι Χαζάροι και το Βυζάντιο. Ιστορική και θρησκευολογική προσέγγιση. Αθήνα, 2003.

Μικρά Ασία των Θεμάτων, 1998: Βλυσίδου Β., Κουντούρα-Γαλάκη Ε., Λαμπάκης. Στ., Λουγγής Τ., Σαββίδης Α. Η Μικρά Ασία των Θεμάτων. Έρευνες πάνω στην γεωγραφική φυσιογνωμία και προσωπογραφία των βυζαντινών Θεμάτων της Μικράς Ασίας (7^{ος}–11^{ος} αι.). Αθήνα, 1998. (ΕΙΕΙΒΕΕΒ 1.)

Μοναχού Μερκουρίου 1997: Μοναχού Μερκουρίου. Ελογίσθημεν ως πρόβατα σφαγής. Το μαρτυρικό τέλος των μοναχών της Μονής του Νέου Άθωνας στον Καύκασο. Μετάφραση από τα ρωσικά Α. Ντανίλιν. Θεσσαλονίκη, 1997.

Μοναχού Μουσέως, 2002: Μοναχού Μουσέως Αγιορείτου. Ο Μακάριος Γέροντας Γεώργιος Καρσλίδης (1901–1959). Δ΄ Έκδοσης. Ι. Μ. Αναλήψεως του Σωτήρας Ταξίαρχοι (Σίψα) Δράμας, 2002.

Παπουλίδη 2001–2002: Παπουλίδη Κ. Κ. Το έργο της Ρωσικής Ιστορικό-Αρχαιολογικής αποστολής στις Τραπεζούντα το 1916 με 1918 // Μνημοσύνη. № 15. Αθήνα, 2001–2002.

Πλακογιαννάκη 2001: Πλακογιαννάκη Κ. Ε. Ελληνική Ανατολική Αυτοκρατορία των Μέσων Αιώνων. Τιμητικοί Τίτλοι και Ενεργά Αξιώματα στο Βυζάντιο. Θεσσαλονίκη, 2001.

Φωτίου, Μυριόβιβλος, 2001: Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως. Άπαντα τα έργα. Τ. 5–9. Μυριόβιβλος ή Βιβλιοθήκη. Θεσσαλονίκη, 2001. (ΕΠΕ 134).

Στράβωνος, Γεωγραφικά, 2012: Στράβωνος. Γεωγραφικά. Γ΄ μέρος. Βιβλία Θ΄–ΙΓ΄. National Geographic, 2012. (BAE 42).

Χατζοπούλου, Διαμαντοπούλου: Χατζοπούλου Γ. Κ., Διαμαντοπούλου Ι. Σ. Η ζωή και το έργο του οσίου πατρός Γεωργίου Καρσλίδη. Εκδόσεις «ΝΑΜΑ».

Χρυσοστόμου Γ. 2007: Χρυσοστόμου Γ. αρχιμανδρίτη. Άγιος Ιωάννης Χρυσόστομος: Διδάσκαλος της Λατρείας και της Ποιμαντικής για την Ορθόδοξη Εκκλησία. Ανάτυπο από τον Τόμο Πρακτικά Διεθνούς Επιστημονικού Συνεδρίου «Από τον Απόστολο Παύλο στον Ιερό Χρυσόστομο» (Βέροια, 2007). Βέροια, 2007.

Χρυσοστόμου, μητροπολίτου, 2013: Χρυσοστόμου, Μητροπολίτου Ελευθερουπόλεως. Σκηνές από το δράμα του ι. Χρυσοστόμου. Θεσσαλονίκη, 2013.

Χρυσοστομικό Συμπόσιο 2007: Χρυσοστομικό Συμπόσιο. Η προσωπικότητα και η θεολογία αγίου Ιωάννου του Χρυσοστόμου. Αθήνα: Αποστολική Διακονία, 2007.

Abasgia-Abchasia 1991: Abasgia-Abchasia // ODB, 1 (1991).

Auct. BHG: Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae. Par Fr. Halkin. Bruxelles, 1984. (SH 65.)

BHG: Bibliotheca Hagiographica Graeca. Ediderunt socii bollandiani. Bruxellis, 1909.

Bryer, Winfield 1985: Bryer A., Winfield D. The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, 1985. (DOS 20.)

Chrysostomosbilder 2008: Chrysostomosbilder in 1600 Jahren. Facetten der Wirkungsgeschichte eines Kirchenvaters. Herausgegeben von M. Wallraff und R. Brändle. Berlin – New York, 2008. (AK 105.)

Comtesse Ouvarova 1927: Comtesse P. S. Ouvarova. Souvenir et Hommage // Seminarium Kondakovianum. T. 1. Prague, 1927.

CPG: Clavis Patrum Graecorum. Cura et studio M. Geerard. I, II, III, IV. Turnhout, 1983, 1974, 1979, 1980. Vol. 5, cura et studio M. Geerard et F. Glorie. Turnhout, 1987. (CC.)

Gabelia 2003: Gabelia A. N. Dioscurias // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Ed. D. V. Grammenos and E. K. Petropoulos. Vol. 2. Thessaloniki, 2003.

Deeters 1957: Deeters G. Abchasen // LThK². Vol. 1. Freiburg, 1957.

Delehaye 1933: Delehaye H. Les origines du culte des martyrs. Deuxième édition revue. Bruxelles, 1933. (SH 20.)

Halkin 1977: Halkin Fr. Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome. Bruxelles, 1977. (SH 60.)

Esbroeck 1993: Esbroeck Van M. Abchasien, Abchasish // LThK³. Vol. 1. Freiburg, 1993.

Janin 1953: Janin R. Comana (1). Comana (2) // DHGE. Vol. 14. Paris, 1953.

Jean Chrysostome 1964: Jean Chrysostome. Lettre D'Exil. A Olympias et à tous les fidèles. Ed. A.-M. Malingrey. Paris, 1964. (SC 103.)

Jean Chrysostome 1968: Jean Chrysostome. Lettres à Olympias. Seconde édition augmentée de la Vie Anonyme d'Olympias. Ed. A.-M. Malingrey. Paris, 1968. (SC 13bis.)

Halkin 1977: Halkin F. Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome. Bruxelles, 1977. (SH 60.)

Kaegi 1982: Kaegi W. E. Armeniakon, Thema // DMA. Vol. 1. New York, 1982.

Maricq 1952: Maricq A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynes et sur l'emploi de « Slave » comme appellatif // Byzantion. Vol. 22. Paris, 1952.

Mayer 2005: Mayer W. Progress in the field of Chrysostom studies (1984–2004) // Giovanni Crisostomo. Oriente e occidente tra IV e V secolo. XXXIII

Incontro di studiosi dell'antichità Cristiana. Roma, 6–8 maggio 2004. Roma, 2005. (SEA 93/1, 2.)

Menolog. Graec. Basilii 1894: Menologium Graecorum Basilii Imperatoris Jussu editum // PG. T. 117. Paris, 1894.

Orthodoxes Forum 2008: Orthodoxes Forum (No 22, Heft 1). Zeitschrift des Instituts für Orthodoxe Theologie der Universität München. Johannes Chrysostomos: Zum 1600. Todestag des Kirchenvaters (407–2007). München, 2008.

Palladios, Dialogue, 1988: Palladios. Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome. Introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey avec Philippe Leclercq. 2 tomes. Paris, 1988. (SC 341, 342.)

Photius, Bibliothèque, 1959–1971: Photius. Bibliothèque. Texte établi et traduit R. Henry. 9 tt. Paris, 1959–1971.

PG: Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne. 167 voll. Paris, 1857–1876.

Protopapadakis-Papaconstantinou 1993: Protopapadakis-Papaconstantinou H. Saint Jean-Baptiste. Textes – Icones. Traduit du grec en français par E. Koskina. Athènes, 1993.

Savilius 1613: Savilius H.S. Ioannis Chrysostomi Opera graece, t. 8. Eton, 1613.

Synax. Eccl. CP 1902: Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, e Codice Sirmondiano nung Berolinensi. Adiectis Synaxariis selectis. Opera et studio H. Delehaye. Bruxellis, 1902. (Acta SS. Novembris.)

Van Ommeslaeghe 1979: Ommeslaeghe Van Fl. Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie: Le dossier et les origines d'une Légende // Anal. Boll. Vol. 97. Bruxelles, 1979.

Χρυσοστομικά 1908: Χρυσοστομικά. Studi e ricerche intorno as. Giovanni Crisostomo a cura del comitato per il XV centenario della sua morte, 407–1907. Roma, 1908.

Принятые сокращения

ВВ – Византийский временник, Москва.

ИАНО – Известия абхазского научного общества, Сухум.

ИИРГО – Известия императорского русского географического общества, Санкт-Петербург.

МАК – Материалы по археологии Кавказа, Москва.

ПЦВ – Прибавления к Церковным ведомостям, Санкт-Петербург.

ПЭ – Православная энциклопедия, Москва.

- СЗМ** – Сотрудник Закавказской миссии, Сухум.
ТКДА – Труды Киевской духовной академии, Киев.
ΧΑ – Христианская Абхазия, Сухум – Новый Афон.
Ανάλ. Βλατ. – Ανάλεκτα Βλατάδων, Θεσσαλονίκη.
ΒΑΕ – Βιβλιοθήκη Αρχαίας Ελλάδας, Αθήνα.
ΒΚΜ – Βυζαντινά Κείμενα και Μελέτες, Θεσσαλονίκη.
ΕΓΛΕ – Επίτομο Γεωγραφικό Λεξικό της Ελλάδος.
ΕΤΕΙΒΕΕΒ – Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, Ερευνητική Βιβλιοθήκη, Αθήνα.
Εκκλ. Αλ. – Εκκλησιαστική Αλήθεια, Κωνσταντινούπολη.
ΕΠΕ – Έλληνες Πατέρες της Εκκλησίας.
ΕΠΕΙΑΠ – Εγκυκλοπαίδεια του Ποντιακού Ελληνισμού, Ιστορία-Λαογραφία-Πολιτισμός, Θεσσαλονίκη
ΕΦ – Εκκλησιαστικός Φάρος, Αλεξάνδρεια.
ΘΗΕ – Θρησκευτική και Ηθική Εγκυκλοπαιδεία, Αθήνα.
ΚΒΙ – Κείμενα Βυζαντινής Ιστοριογραφίας, Αθήνα.
ΥСН – Υδρία-Cambridge-Ηλίας. Εγκυκλοπαίδεια, Αθήνα
- Act. SS** – Acta Sanctorum, Antwerp – Venezia – Paris (Bruxellesr').
AK – Arbeiten zur Kirchengeschichte, Berlin.
Anal. Boll. – Analecta Bollandiana, Bruxelles.
Auct. BHG – Auctarium Bibliotheca Hagiographica Graeca.
BHG – Bibliotheca Hagiographica Graeca.
CC – Corpus Christianorum, Turnhout.
CPG – Clavis Patrum Graecorum.
CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Bonn.
DHGE – Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques, Paris.
DMA – Dictionary of the Middle Ages, New York.
DOS – Dumbarton Oaks Studies, Washington.
EO – Echos d'Orient, Constantinople – Paris.
LThK – Lexikon für Theologie und Kirche, Freiburg.
ODB – The Oxford Dictionary of Byzantium, ed. A. Kazhdan.
PG – Patrologia Graeca, ed. J.-P. Migne.
POC – Proche-Orient Chrétien, Jérusalem.
SC – Sources Chrétiennes, Paris.
SEA – Studia Ephemeridis Augustinianum, Roma.
SH – Subsidia Hagiographica, Bruxelles.
ST – Studi e Testi, Vaticano.

Архимандрит Дарат (Дбар Д.З.)

АЦҚБА ИУАНА АХЪҒА ИЦСЫРҒЕИ ИЦСЫЖЫРҒЕИ: АЦСНЫТӘИ КОМАН, МАМЗАРҒЫ ПОНТИАТӘИ КОМАН?

Аннотация. *Астатиаҕы инартбаан иазаатгылоуп Ацқба Иуана Ахъға иңсырҕеи иңсыжырҕеи рҕың (Аңсны иҕоу Коман) иазкны аңсуа гғаанагара ацдырҕра аҕоурых ахъаарҕиу аусумҕа ахыркәшамҕа.*

Ихадароу ажәакәа: *Ацқба Иуана Ахъға, Константинополис, Кукус Ермантәылатәи, Арависса, Понт, Кóμανα, Ермантәылатәи Коман, Понтиатәи Коман, Göksün, Gömenek, Аңснытәи Коман, Питиус, Пичунда, ацқба аазаб Уасилиск, амартириум, архим. Леонид (Кавелин), Афон Ғың, К. Вриссис, Диоскуриа, Себастиополис, Акәа, Гәымсҕа, Гәыма, Севастиа, Ацқба Фоти Ду, «Абиблиотека», Μυριόβιβλος, А.Н. Муравиов, К. Маҷавариани, В.И. Черниавски, П.С. Уварова, Н.В. Никитин, Г.А. Ласкин, А.В. Карташиов, Д.В. Заицев, аҕишаҕы А. Кременецки, Паллади иҕымҕа «Аицәажәара», асаркофаг, Ерми Созомен, Сократ Схолост, Ш. Инал-Иңа, А.С. Балаховскаиа, Chr. Baug, Fl. Van Ommeslaeghe, J. H. Gruninger, «Dioceses Pontica», «το Θέμα Αρμενιάκων», Антиохиитәи Апатриарх Макари, Иуана Зонара, Tokat, Бизери, Akbelen, ацқба Теодор Тирон, ацқба аазаб Еутропи, ацқба аазаб Клеоник.*

Archimandrite Dorotheos (Dbar D.Z.)

PLACE OF DEATH AND BURIAL OF ST. JOHN CHRYSOSTOM: ABKHAZIAN KOMANS OR PONTIAN KOMANS?

Annotation. *The article describes in detail the history of the emergence of the Abkhaz version of the place of death and burial of St. John Chrysostom (Abkhazian Komans).*

Key words: *St. John Chrysostom, Constantinople, Armenian Kukus, Aravissa, Pontus, Кóμανα, Armenian Komans, Pontic Komans, Göksün, Gömenek, Abkhazian Komans, Pitius, Pitsunda, St. martyr Basilisk, martyrium, archim. Leonid (Kavelin), Novy Afon, K. Vrissis, Dioscuria, Sebastopolis, Sukhum, Gumista, Guma, Sevastia, St. Photius the Great, “Library”, Μυριόβιβλος, А.Н. Muravyov, K. Machavariani, V.I. Chernyavsky, P.S. Uvarova, N.V. Nikitin, G.A. Laskin, A.V. Kartashev, D.V. Zaitsev, priest. A. Kremenetsky, “Dialogue” of Palladium, sarcophagus, Ermi Sozomen,*

Socrates Scholastic, Sh. Inal-Ipa (hereinafter, I deliberately omitted the indication of the patronymics of Abkhaz authors - author's note), A.S. Balakhovskaya, A. Thierry, Chr. Baur, Fl. Van Ommeslaeghe, J.H. Gruninger, "Dioceses Pontica", "το Θέμα Αρμενιακόν", Patriarch Macarius of Antioch, John Zonara, Tokat, Bizery, Akbelen, St. Fyodor Tyrone, St. martyr Eutropius, St. Martyr Cleonicus.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГУДАУТСКОГО УЧАСТКА СУХУМСКОГО ОКРУГА (1878–1918 гг.)

Аннотация. В статье анализируется демографическая колонизация Бзыпской Абхазии (Гудаутский участок Сухумского округа), проводившаяся властями Российской империи с конца XIX столетия вплоть до распада государства и последующей оккупации Абхазии войсками Грузинской Демократической Республики в 1918 г.

Ключевые слова: Гудаутский участок, население Абхазии, этническая демография Абхазии, Бзыпская Абхазия.

Демографическая колонизация Абхазии, проводившаяся властями Российской империи со второй половины XIX столетия, являлась инструментом политической и культурной инкорпорации территории Абхазии в состав российского государства. Демографическая колонизация, проводимая с целью заселения Абхазии «благонадежным» населением, являлась логическим продолжением *махаджирства* – депортации большей части абхазского народа, рассматривавшегося в тот период в качестве «неблагонадежного» населения, в Османскую империю.

Согласно Н. Бэрэдж, депортация абхазо-адыгского населения с территории Западного Кавказа в Турцию была предрешена взаимной договоренностью между Российской и Османской империями на завершающем этапе Кавказской войны (Бэрэдж 1996: 115–124). Этому же мнению придерживался Т.А. Ачугба (Ачугба 2010: 315).

Если большинство абазин, адыгов, убыхов и жителей вольных обществ Западной Абхазии было выселено в 1859–1865 гг. (Белозеров 2005: 36) на завершающем этапе Кавказской войны и вслед за поражением в ней, то для жителей собственно Абхазского княжества и полунезависимых горских обществ Цабал и Дал трагическими датами явились 1867 г. (махаджирство, последовавшее после подавления Абхазского восстания 1866 г.) и особенно 1877 г., когда в ходе русско-турецкой войны было выселено $\frac{3}{4}$ бзыпских абхазов, значительная часть абжуйцев и практически все население Гумской Абхазии (Кавказский календарь 1869: 420).

В Гудаутском участке полностью или практически полностью обезлюдевшими к 1878 г. оказались сельские общины Анхуа, Гагрыпш, Куланы-

рхуа, Арюта¹, Дурипш, Аацы и Ачандара. От 75 % до 80 % населения потеряли Звандрипш, Мгудзырхуа и Хуап, почти 2/3 жителей – Калдахуара и Лдзаа, более половины – Джирхуа, 1/3 – Блабырхуа, 1/4 – Бармыш и Лыхны. Наименьшая доля депортированных была отмечена в Отхарской общине (Кавказский календарь 1878: 331). Таким образом, последняя массовая депортация абхазов в Османскую империю не обошла стороной ни одно селение Гудаутского участка. В целом, по сведениям начальника Сухумского военного отдела П.И. Аракина, в 1877 г. из Гудаутского участка было выселено 17160 человек, что составляло 72,9 % населения данной территории (Кавказский календарь 1878).

Формальным поводом для выселения коренного населения Абхазии в 1877 г. служило «выступление на стороне турок» во время войны 1877–1878 гг. При анализе статистических данных становится понятным, что дополнительным оправданием депортации для властей могла явиться формальная конфессиональная принадлежность населения, «конструированием» которой они сами в значительной степени и занимались.

Один из ведущих специалистов в области этнополитической истории Кавказа А.А. Цуциев отмечает главенствующую роль конфессиональных императивов в стратегии утверждения Российской империи в регионе: «Религиозная принадлежность рассматривается как ключевая категория для уяснения и упорядочения кавказского пространства. Общий рисунок этого пространства определяется в контексте державного соперничества христианской России с мусульманскими Турцией и Ираном... Христиане выступают как объект защиты и как союзники русского оружия, мусульмане – как потенциальные враги» (Цуциев 2006: 41).

По данным российской администрации на Кавказе, в 1862 г. население Абхазского княжества составляло 70000 человек, из которых 64295 (91,9%) человек были учтены как мусульмане, 5705 (8,1%) человек – как православные. Помимо этого, в Цебельде было 9000 мусульман, в Самурзакане – 23000 православных (Кавказский календарь 1864: 122, 123 статистического отдела).

В рамках подобной категоризации конфессионального состава населения Абхазии, конечно же, исключалась возможность фиксации приверженности абхазской традиционной религии, поскольку само существование последней не предусматривалось имперской статистикой, равно как и сами адепты этой религии в тот период вряд ли могли ясно обозначить свою конфессиональную идентичность.

---

¹ В настоящее время Арюта, бывшая некогда отдельной сельской общиной, разделена между Дурипшской и Куланыхвской сельскими администрациями.

Вывод о значимости религиозного фактора в ходе осуществления российскими властями депортации абхазов в 1877 г. основан на сопоставлении конфессионального состава сел Абхазии в 1868 г. с количеством и удельным весом депортированных из этих сел девять лет спустя. Эти пропорции в основном достаточно четко коррелируют с процентным соотношением мусульман и православных в составе населения сельских общин Гудаутского участка Сухумского округа (табл. 1). Такая же закономерность прослеживается и в остальных регионах Абхазии.

Табл. 1. Население Гудаутского участка Сухумского округа²

	Числ. до 1877 г., чел.	Депортирова- но в 1877 г., %	Числ. мусульман в 1868 г., %
Гудаутский участок	23545	72,9	60,9
Аацинская община	2325	95,3	76,1
Анухвская община	1817	100	99,2
Арюгинская община	945	98,5	72,7
Ачандарская община	1408	88,4	99,4
Бармышская община	1017	24,7	1,7
Блабырхвская община	985	33,7	66,2
Гагрыпшская община	815	100	99,7
Джирхвская община	1169	55,3	54,3
Дурипшская община	1561	98,0	45,8
Звандрипшская община	1242	79,2	81,2
Калдахуарская община	1559	62,3	41,9
Куланырхвская община	2216	99,4	62,6
Лдзааская община	462	65,4	56,9
Лыхненская община	2147	26,3	0,9
Мгудзырхвская община	1479	75,4	52,9
Отхарская община	952	11,2	57,1
Хуапская община	1446	76,3	82,0

Таким образом, приверженность исламу, пусть в большинстве случаев и формальная, по всей вероятности, являлась фактором, за редким исключением, гарантирующим в 1877 г. выселение в Турцию. Принадлежность к православной церкви абхазов-неофитов, так же в основном формальная, будучи благоприятствующим фактором, тем не менее далеко не всегда гарантировала возможность остаться на родине. К тому же формальный характер христианизации значительной части населения Бзыпской Абхазии

² Составлено нами по источникам: Кавказский календарь 1869: 422–424; Кавказский календарь 1878: 331.

в середине XIX – начале XX вв. вызывал обеспокоенность самих представителей православного духовенства. В номере журнала «Сотрудник Закавказской миссии» от 15 февраля 1912 г. читаем: «...большая часть населения Сухумского округа, особенно Гудаутского участка, если не официально, то скрыто продолжает оставаться мусульманами. А другая часть населения вполне к религиозным вопросам и ко всему христианству глубоко индифферентна» (Сотрудник 1912: 66, 67).

Тем не менее, именно махаджирство 1877 г. в дальнейшем предопределило, например, превращение преимущественно православного Лыхны в крупнейшее село Бзыпской Абхазии, тогда как в предшествующий период оно уступало по численности населения селениям Аацы и Куланырхуа. В последующее после депортации 1877 г. десятилетие значительной части бзыпских абхазов удастся вернуться на родину, что подтверждается данными переписи 1886 г. (см. Свод 1893).

Вслед за последним массовым махаджирством абхазов 1877 г. российские власти приступают к заселению опустевших земель Гудаутского участка. Несмотря на то что в последней четверти XIX в. он оставался одним из немногих регионов Абхазии, где сохранилось компактное абхазское население, демографическая колонизация активно проводилась и на его территории: в прибрежной полосе, а также на восточной и западной перифериях, в основном армянскими и восточнославянскими колонистами. В начале XX в. в восточной части Гудаутского участка поселяются крестьяне из Мингрелии, а в период Первой мировой войны на данной территории существенно возрастает численность армянского и греческого населения, представленного беженцами из Турции. В конце XIX – начале XX в. в разных селах Гудаутского участка дисперсно расселяются турки и лазы. Однако появление в Абхазии представителей двух последних народов не являлось результатом демографической политики российских властей, а наоборот, вступало в противоречие с этой политикой. Вследствие демографической колонизации к моменту распада Российской империи Гудаутский участок превращается в полиэтничный регион: доля абхазского населения к 1923 г. опускается ниже 70% (табл. 2).

Табл. 2. Динамика этнического состава населения Гудаутского участка/uezда

	1877 г.	1886 г.	1923 г.
все население	23545 (100%)	14887 (100%)	23975 (100%)
абхазы	23545 (100%)	13404 (90,0%)	16688 (69,6%)
армяне	–	1037 (7,0%)	4586 (19,1%)

восточные славяне	–	361 (2,4%)	1039 (4,3%)
греки	–	9 (0,1%)	1080 (4,5%)
картвелы	–	70 (0,5%)	378 (1,6%)
прочие	–	6 (0,1%)	204 (0,9%)

Гудаута. В ходе последней русско-турецкой войны, как следует из оперативного донесения наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича императору Александру II, 30 апреля 1877 г. турецкая эскадра подошла к Гудауте, обстреляла и сожгла населенный пункт. Турки были выбиты из Гудауты русскими войсками 10 августа того же года (Цвижба 2000: 49).

В отличие от Сухума, чья послевоенная реновация осуществлялась довольно оперативно, население Гудауты на рубеже XIX–XX столетий росло более скромными темпами. Существенный скачок численности населения местечка пришелся на годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. В условиях, когда большая часть этнически абхазского населения была вынуждена покинуть родину, а оставшимся абхазам, за редким исключением, запрещалось селиться в городских поселениях, Гудаута стала формироваться как полиэтничный городской центр при преобладании турецкого, картвельского, армянского, славянского и греческого элементов. Слобода Гудаута изначально возникла на правом берегу реки Гудоу, в прибрежной части территории Лыхненской сельской общины.

По сведениям, имеющимся в Кавказском календаре на 1893 г., численность населения Гудауты равнялась 223 человека, причем ни один из народов не составлял абсолютного большинства (Кавказский календарь 1892: 171). В. Цветов в 1900 г. дал Гудауте такую характеристику: «Это еще не город, но и селом его назвать нельзя, это – посад. Как город – он очень невелик: в нем только сотня с небольшим домов и едва ли есть тысяча жителей обоого пола; но зато здесь живут: начальник участка, лесничий, несколько агентов морских компаний; кроме того, есть церковь, часовня, два училища, аптека, отделение почтовой конторы, есть даже нечто вроде публичного сада, гостиница, десятка три-четыре лавок, даже базарная площадь и, наконец, две-три улицы, из которых одна широкая, шоссированная и обсаженная с обеих сторон пирамидальными тополями. Словом, есть все, что прилично и подобает городу, хотя бы уездному. Поэтому, если Гудауты еще не город теперь, то, несомненно, будет таким в весьма близком будущем» (Цветов 1900: 149–150).

По сведениям К.Д. Мачавариани, перед началом Первой мировой войны местечко Гудаута было «распланировано правильными улицами, которые

шоссированы и освещаются газокалильными фонарями. Над берегом моря разбит бульвар. Проведен водопровод, дающий хорошую и в достаточном количестве воду... В Гудаутах имеются церковь, начальные училища, курзал, общественная библиотека-читальня, оркестр духовой музыки, почтово-телеграфная станция, таможня, гостиницы: «Империял» и «Кавказ», два ресторана... контора российского и русского общества пароходства и торговли, европейская баня с номерами» (Мачавариани 1913: 194–195).

Первые полноценные статистические сведения об этническом составе населения Гудауты относятся к 1906 г. Согласно «Кавказскому календарю», численность населения местечка составляла 1981 человек, из которых 107 (5,4%) были абхазами, проживали также 632 (31,9%) представителя картвельских народов и этнических групп (в том числе мингрелы – 486, гурийцы – 55, грузины³ – 40, имеретинцы – 29, сваны – 22), турки – 625 (31,5%)⁴. Среди жителей Гудауты были армяне – 216 (10,9%), русские – 159 (8,0%), греки – 143 (7,2%), персы – 30 (1,5%), представители прочих этносов – 69 (3,5%) (Кавказский календарь 1907: 49 статистического отдела).

В 1911 г. население Гудауты возросло до 3516 человек, а численно преобладающим этносом теперь стали русские (Кавказский календарь 1911: 145). Таким образом, в период с 1906 г. по 1911 г. произошло практически двукратное увеличение численности населения Гудауты, сопровождавшееся также кардинальной перекройкой этнической структуры. А.Н. Дьячков-Тарасов в 1910 г. характеризовал Гудауту как «разрастающееся» поселение (Дьячков-Тарасов 2017: 926). В 1913 г., по данным К.Д. Мачавариани, ссылающегося на сведения «уважаемого гудаутского жителя прапорщика милиции Алексея Ладария», в местечке насчитывалось 4848 жителей (Мачавариани 1913: 194). В 1914 г., непосредственно перед началом Первой мировой войны, население Гудауты составляло уже 5060 человек (Кавказский календарь 1914: 113).

Рост населения Гудауты в начале XX в. сопровождался расширением территории местечка за счет земель Лыхненской сельской общины, что вызывало недовольство жителей последней. Г.А. Дзидзария пишет: «Лыхненские крестьяне выступали, в частности, против стремления царских властей безвозмездно включить в “черту надела” местечка Гудауты близлежащие их

³ В качестве грузин в дореволюционной статистике обычно фигурировали картлийцы и кахетинцы.

⁴ Вероятно, часть гудаутских турок могла быть представлена лазами. Несмотря на то что в списке народов в источнике присутствуют и лазы, определённая их часть, особенно проживавшая за пределами традиционного ареала расселения в пределах Российской империи (Батумская область) и представленная недавними иммигрантами из Османской империи, могла быть записана турками.

земли...» (Дзидзария 1986: 70). К.Д. Мачавариани в 1913 г. сообщал следующее: «Западная, примыкающая к местечку, часть плато представляет собой равнину с наклоном к морю, разбитую на правильные кварталы и участки, от 250 кв. саж., которые продаются на льготных условиях частным лицам. Всего разбито 800 участков... причем уплата денег рассрочивается на 3 года. Каждый, купивший участок, обязывается выстроить в течение 3-х лет домик. Теперь 700 участков уже застроены» (Мачавариани 1913: 195).

Колонисты стали основывать компактные поселения в сельской местности Гудаутского участка. Одними из первых были амшенские армяне – выходцы с Черноморского побережья Анатолии.

Мцара. Первое компактное армянское поселение в Абхазии – Мцара – возникло в восточной части Гудаутского участка в 1879 г. (Тер-Саркисянц 1984: 3) на месте прежнего абхазского села, все жители которого были депортированы российскими властями в Османскую империю в 1877 г. В 1868 г. абхазское население Мцары составляло 383 человека (Кавказский календарь 1869: 424). В 1880 и 1887 гг. армянское население Мцары пополняется новыми выходцами из Турции (Минасян 1977: 64; Чирикба 2014: 237). Поселившиеся в Мцаре амшенские армяне происходили из Орду и Самсуна (Минасян 1977: 64; Чирикба 2014: 237). В течение 1880-х гг. армяне закрепляются в соседних селах Анхуа и Псырдзха, также покинутых коренными жителями. Все три селения, согласно итогам посемейной переписи 1886 г., были моноэтническими армянскими (Свод 1893). Население Мцары, по данным этой переписи, составляло 499 человек (Свод 1893). В 1906 г. население села составляло 978 человек: все жители по-прежнему были армянами (Кавказский календарь 1907: 77). К 1926 г. в селе проживали уже 1269 человек, 1 (0,1%) из которых признал в качестве родного языка абхазский, 1128 (88,9%) – армянский, 72 (5,7%) – греческий, 44 (3,5%) – русский, 19 (1,5%) – турецко-османский, 3 (0,2%) – грузинский, 1 (0,1%) – мингрельский и еще 1 (0,1%) житель признал родным какой-то иной язык (Всесоюзная 1929: 102, 103 раздела ССРГ).

Анхуа. По данным на 1868 г., за девять лет до депортации коренного населения в селе Анхуа проживали 1563 абхаза, из которых 1550 (99,2%) были мусульманами, 13 (0,8%) – православными христианами (Кавказский календарь 1869: 424). Пицундское окружное управление 1 мая 1878 г. объявило, что «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в селе Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год» (Олонецкий 1934: 79). Согласно данным переписи 1886 г., здесь проживали исключительно армяне – 316 человек (Свод 1893). В дальнейшем

Анхуа становится полиэтничным селом благодаря расселению в нем абхазов, сумевших возвратиться из Турции. В начале XX в. здесь оседают также греки, а позже – русские. Полиэтничность села, однако, сопровождалась выраженной чересполосицей однородных этнических ареалов, что позволит в 1925 г. выделить два отдельных сельсовета – Анухва-Абхазская (с включением греческого населения) и Анухва-Армянская (ГАРФ) – в соответствии с получившей распространение в раннесоветскую эпоху практикой использования этнического критерия при проведении границ низовых административно-территориальных единиц. По данным переписи 1926 г., совокупная численность населения двух сельсоветов, на которые было разделено село Анхуа, составляла 2275 человек, в том числе 400 (17,6%) с родным языком абхазским, 1453 (63,9%) – с армянским, 286 (12,6%) – с греческим, 89 (3,9%) – с русским, 19 (0,8%) – с мингрельским, 13 (0,6%) – с грузинским, 12 (0,5%) – с турецко-османским, 1 (0,1%) – с украинским и 2 (0,1%) – с прочими языками (Всесоюзная 1929: 102, 103 раздела ССРГ).

Псырдзха. В 1868 г. абхазское население села Псырдзха составляло 954 человека: все жители были учтены как мусульмане (Кавказский календарь 1869: 424). По данным посемейной переписи 1886 г., проведенной через девять лет после депортации коренных жителей, армянское население Псырдзхи, сформированное выходцами из Самсуна (Чирикба 2014: 244), составляло 221 человек (Свод 1893). Псырдзха в силу своего экономико-географического положения в XX в. также не имела шансов сохранить армянскую моноэтничность, к тому же в конце XIX в. здесь поселяются вернувшиеся из Турции абхазы. Прибрежное селение, лежащее вдоль автомагистрали и непосредственно примыкающее к Новому Афону с востока, микроклиматические условия которого благоприятны для выращивания цитрусовых культур, в XX столетии становится одним из локальных центров иммиграции.

В начале прошлого века в селе оседают мингрельские переселенцы, сформировав поселок *Псырдзха Мингрельская*, который стал первым по времени возникновения компактным картвельским поселением в сельской местности Бзыпской Абхазии. После окончания Первой мировой войны здесь оседают греческие беженцы из Турции, образуя поселок *Псырдзха Греческая*.

Каваклук. В 1907 г. в западной части Гудаутского участка, на землях Калдахуарской общины, было основано еще одно армянское село – *Каваклук*⁵. После трагических событий в Османской империи в 1915 г. население села значительно увеличилось. По данным переписи 1926 г., общая численность

---

⁵ В 1948 г. село Каваклук было переименовано в грузинское Агараки, в 1996 г. официально закреплено абхазское название Амжвыкухуа (Кэарчия 2002: 225).

населения Каваклука составляла 2097 человек, из которых 2 (0,1 %) человека признали родным языком абхазский, 1953 (93,1 %) – армянский, 60 (2,9 %) – русский, 50 (2,4 %) – греческий, 19 (0,9 %) – турецко-османский, 4 (0,2 %) – украинский, 2 (0,1 %) – грузинский, 2 (0,1 %) – мингрельский и 5 (0,2 %) человек – прочие языки (Всесоюзная 1929: 102, 103 раздела ССРГ).

Тасракуа. Во время Первой мировой войны и непосредственно после ее завершения относительно немногочисленное абхазское население, проживавшее в прибрежном поселке Тасракуа Куланьрхвской сельской общины, разбавляется армянскими беженцами из Турции.

Бамбора. Первое поселение русских колонистов на прилегающей к Гудауте территории – Бамбора – возникло к западу от нее, на прибрежной территории Лыхненской сельской общины. Здесь еще в 1830 г. российским военным командованием на Кавказе было основано одно из укреплений Черноморской береговой линии, которое находилось «в некотором отдалении от берега» и было окружено «ничтожным земляным валом» (Цвижба 2000: 54). Укрепление Бамбора, согласно А.Н. Дьячкову-Тарасову, «было назначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении беспоконный Бзыбский округ, а также быть готовым помочь в случае нужды владельцу Абхазии, имевшему главное свое местопребывание в Лыхнах, находящихся в 4 верстах... Укрепление имело вид большого параллелограмма, с бастионом. Внутренность укрепления была разбита на шесть правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами, близ крепости скоро приютился небольшой форштадт с базаром, населенный армянскими и греческими торгашами» (Дьячков-Тарасов 2017: 889, 890). По сообщению И.И. Пантюхова, укрепление Бамбора из-за свирепствовавшей здесь малярии было «гробом многих сотен русских солдат» (Пантюхов 1899: 23). Он указывал, что «по официальным документам, в пять-шесть лет пребывания в Бамборах гарнизон этого укрепления должен был быть совершенно обновлен, так как почти все люди или умирали, или увольнялись от службы...» (Пантюхов 1899: 23–24).

В 1854 г. укрепление Бамбора было упразднено (Цвижба 2000: 39), однако, по данным Г.А. Дзидзария, уже в 1884 г. здесь возникает постоянное сельскохозяйственное поселение (Дзидзария 1982: 439). Эти сведения входят в противоречие с данными посемейной переписи 1886 г., согласно которым русского населения на данной территории еще не имелось (Свод 1893).

В дальнейшем основу населения Бамборы составят выходцы из Белоруссии. Известно, в частности, что в 1895 г. здесь поселились 42 белорус-

ские семьи из Могилевской губернии (Цвижба 2000: 55). И.И. Пантюхов в 1898 г. отмечал: «Впоследствии, при заселении черноморского побережья, в состав русского православного населения вошли уроженцы Галиции, поселенные в с. Полтавском Сухумского округа, и белорусы, уроженцы Могилевской губернии, живущие в с. Бамборах» (Пантюхов 1899: 55). Газета «Кавказ» осенью 1895 г. сообщала: «В начале весны партия их (новоселов. – Н. Б.) прибыла, чтобы поселиться на так называемой бомборской поляне. Вот уж и октябрь на носу, а они живут пока в шалашах, спят на земле и, конечно, болеют» (Абхазия и абхазы 2008: 442–443).

Между тем, согласно итогам переписи 1897 г., во всем Сухумском округе (без города Сухума) проживали лишь 32 человека, указавших белорусский язык в качестве родного (Первая Всеобщая... 1905: 88). По данным сельскохозяйственной переписи 1923 г., в поселке Русская Бамбора Лыхненской волости Гудаутского уезда проживали 267 человек, из которых русские составляли 96,6%, абхазы – 1,9%, прочие – 1,5% (Итоги Всегрузинской... 1925: 190–191). Согласно итогам первой Всесоюзной переписи 1926 г., население Русской Бамборы, которая теперь была выделена в самостоятельный сельсовет, составляло 361 человек, в том числе 334 (92,5%) русских, 8 (2,2%) греков, 6 (1,7%) грузин⁶, 1 (0,3%) украинец и 12 (3,3%) представителей прочих этносов, среди которых не было абхазов, армян и турок (Всесоюзная 1929: 102–103 раздела ССРГ). Бамборские белорусы под влиянием последующей миграции в село великорусского населения, очевидно, подверглись ассимиляции и утратили родной язык, поскольку число указавших русский язык в качестве родного в 1926 г. совпадает с количеством этнических русских (Всесоюзная 1929: 103). С другой стороны, не менее вероятной представляется ситуация, когда переселенцы из Белоруссии и их потомки (с момента переселения прошло всего около 30 лет), продолжая в быту пользоваться белорусским языком, декларировали русский в качестве родного. Среди 12 представителей прочих этносов могли присутствовать и люди, записавшиеся белорусами. В инструкционных указаниях ЦСУ СССР для переписчиков имелось пояснение, согласно которому в ходе проведения переписи 1926 г., особенно в местах контактного или смешанного проживания каких-либо из трех восточнославянских этносов, следовало определять точную этническую принадлежность опрашиваемых, прибегая к дополнительным уточнениям. Например, для пере-

---

⁶ Все шестеро бамборских «грузин» были мужчинами и в качестве родного языка признали один из картвельских, но не грузинский или мингрельский. Очевидно, что это были временно проживающие трудовые мигранты из Лазистана или Сванетии (первый вариант представляется нам более реалистичным).

писчиков Северного Кавказа, который являлся одним из основных регионов смешанного проживания русских и украинцев, давалась следующая инструкция: «При обозначении народности по возможности избегать наименования “русский”, стремясь дополнительными вопросами определить, точно ли опрашиваемый является “великороссом”, “малороссом” (украинцем) или “белорусом»» (Поселенные 1929: 3). Не исключено, однако, что закавказские переписчики могли не отличаться подобной скрупулезностью при фиксации восточнославянских этнических различий и записывать русскими всех, кто определял себя в таком качестве, не прибегая к уточняющим вопросам. Вероятно, этническое самосознание переселившихся в конце XIX столетия в Гудаутский участок крестьян из Могилевской губернии еще не было окончательно сформировано как белорусское⁷.

Баклановка. Русское поселение Баклановка возникло в 1878 г. (Дзидзария 1982: 437) на левом берегу реки Аапсы, на территории Аацинской общины, полностью выселенной в Османскую империю после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русские поселенцы страдали от малярии, в результате чего население Баклановки к концу XIX – началу XX веков сильно сократилось (Дзидзария 1982: 437, 438). И.И. Пантюхов в 1898 г. отмечал: «...из 80 семейств, поселенных в низменной малярийной долине в с. Баклановке Сухумского округа двадцать лет назад, в настоящее время осталось только семь, а остальные *вымерли или разбежались*... На место ушедших баклановцев разновременно прибывали другие переселенцы... Сколько бы, однако, их ни прибывало, а при тех условиях и состоянии образования, в коих находятся поселенцы, нет никаких шансов, что малярия в Баклановке не только исчезнет, но даже ослабеет и даст возможность постоянного обитания» (Пантюхов 1899: 63–64). Газета «Кавказ» 30 сентября 1895 г. сообщала следующее: «Злополучные баклановцы сеют теперь одну кукурузу; пшеницу приходится покупать, чтобы подмешивать к кукурузной муке. Разумеется, кукуруза дает доходы неважные и без посторонних заработков сводить концы с концами трудно. На выручку явилась возможность работать на табачных плантациях, разводимых здесь армянами и греками. Работают и мужчины, и женщины и, конечно, помимо небольшого

---

⁷ Схожая ситуация наблюдалась в 1930-х гг. в Таборинском районе Свердловской области, большую часть населения которого составляли переселенцы из Белоруссии и их потомки. Этот район в 1932 г. получил статус национального (белорусского), однако в ходе коренизации здесь отмечалась «достаточно пассивная реакция на нововведения подавляющего большинства населения... Даже сегодня некоторые старожилы-информаторы белорусского происхождения в беседах отмечали, что их предки приехали “откуда-то из Рассеи”, затрудняясь при этом чётко ответить на вопрос о своей национальной принадлежности» (Фёдоров, Богордаева 2013: 132).

заработка, работы эти оставляют на крестьянах глубокие следы в виде разврата и усиления пьянства» (Абхазия и абхазы 2008: 442).

Уже в 1880-е гг. на территории села Аацы вновь поселяются вернувшиеся из Турции абхазы (Цвижба 2000: 87). Таким образом, на протяжении нескольких последующих десятилетий славянская Баклановка и абхазское Аацы будут развиваться как соседние самостоятельные сельские общины. По данным посемейной переписи 1886 г., население Баклановки составляло 311 человек, в том числе 305 (98,1%) русских, 5 (1,6%) греков и 1 (0,3%) армянин. Любопытно, что еще 52 русских проживали на территории, непосредственно входившей в соседнюю Аацинскую общину (Свод 1893). В 1906 г. в Баклановке проживали 282 человека: все были русскими (Кавказский календарь 1907: 39). В дальнейшем в силу сокращения русского населения отмечается постепенное освоение Баклановки аацинскими абхазами, и само поселение включается в состав Аацинской общины. Переписью 1923 г. в поселке Баклановка Аацинской волости было отмечено 296 жителей, в том числе 175 (59,1 %) русских, 92 (31,1 %) абхаза, 20 (6,8%) грузин и 9 (3,0 %) армян (Итоги Всегрузинской... 1925: 190, 191). По итогам переписи 1926 г., во вновь выделенном из состава Аацы Баклановском сельсовете проживали 355 человек. В силу особого внимания к установлению точной этнической принадлежности представителей восточнославянского континуума при проведении первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., самой многочисленной этнической группой в пределах сельсовета оказались украинцы. При этом украинский язык в качестве родного не отметил ни один житель Баклановки, а число лиц с русским родным языком даже немного превышало совокупную численность украинцев и русских. Этнический состав населения сельсовета выглядел так: 153 (43,1 %) украинца, 69 (19,4 %) русских, 72 (20,3 %) абхаза, 28 (7,9%) грузин, 17 (4,8 %) греков, 11 (3,1 %) армян и 5 (1,4 %) представителей прочих этносов (Всесоюзная 1929: 102, 103 раздела ССРГ). К середине XX в. Баклановка вновь включается в состав Аацинского сельсовета и впоследствии даже становится его центром.

Петропавловское. На обширной прибрежной полосе от реки Аапсы на западе до Нового Афона на востоке в 1892 г. возникло славянское переселенческое село Петропавловское (Дзидзария 1982: 439). В «Памятной записке о колонизации Сухумского округа», составленной начальником округа полковником В.А. Браккером в 1894 г., сообщалось, что Петропавловское было образовано переселенцами «из внутренних губерний России в 1892–1894 гг., причем ему была отведена полоса земли на берегу моря шириною в 2,5 версты, которая до тех пор находилась в пользовании со-

седнего абхазского селения Ацы, вопреки повеления главнокомандующего Кавказскою армиею о воспрещении селиться абхазцам на береговой полосе» (Абхазия и абхазы 2008: 588).

До второй трети XX в. население Петропавловского было относительно немногочисленным вследствие широкого распространения малярии на побережье. После окончания Первой мировой войны в селе оседают понтийские греки, переселившиеся из Турции. По данным переписи 1923 г., в Анухвской волости Гудаутского уезда располагались поселки Петропавловка и Греческая Петропавловка, суммарное население которых составляло 507 человек. Русских в обоих поселках было 394 (77,7 %) человека, греков – 107 (21,1 %) человек, грузин – 5 (1,0 %) человек, абхазов – 1 (0,2 %) человек (Итоги Всегрузинской... 1925: 188, 189). Перепись 1926 г. зафиксировала в Петропавловском⁸, теперь уже выделенном в отдельный сельсовет, 546 жителей. Как и в Баклановке, помимо русских, которых в Петропавловском сельсовете насчитывалось 255 (46,7 %) человек, здесь были отмечены украинцы – 155 (28,4 %) человек. Однако число признавших украинский язык родным было существенно ниже (42 человека). С середины 1920-х гг. в Петропавловское начинают переселяться абхазы из близлежащих селений, которых в 1926 г. насчитывалось уже 53 (9,7 %) человека. Помимо этого, среди жителей села было 17 (3,1 %) греков с советским гражданством, 12 (2,2 %) грузин, 2 (0,4 %) армянина и 52 (9,5 %) человека, отнесенных к графе «остальные». В числе последних оказались и все иностранцы, большинство которых было представлено этническими греками. Общее число жителей Петропавловского, признавших греческий язык родным, составляло 58 человек (Всесоюзная 1929: 102, 103 раздела ССРГ).

Кукурипиш. До депортации 1949 г. в селе Абгархук проживала довольно крупная греческая община. В материалах переписей 1923 и 1926 гг. в пределах Абгархукской волости, позже административно трансформированной в сельсовет, фигурировал крупный поселок Кукурипиш, расположенный в центральной части села, между рекой Дахуарга и поселком Базикыта (Кэарчия 2002: 222). В 1923 г. население Кукурипиша составляло 463 человека, в числе которых было 240 (51,8 %) абхазов, 148 (32,0 %) греков, 55 (11,9 %) армян, 7 (1,5 %) грузин и 13 (2,8 %) представителей прочих этносов (Итоги Всегрузинской... 1925: 188, 189). По итогам переписи 1926 г., в Кукурипише проживали 552 человека. Этнический состав советских граждан выглядел следую-

---

⁸ В.Е. Кварчия указывает, что название Петропавловское использовалось до 1925 г., после чего было заменено на Приморское (Кэарчия 2002: 229), однако в материалах переписи 1926 г. по-прежнему фигурирует Петропавловский сельсовет.

щим образом: 292 абхаза или 52,9 % от всего населения поселка, 28 (5,1 %) армян, 14 (2,5 %) греков, 11 (2,0 %) русских и 6 (1,1 %) грузин. Иностранцы (иностранноподданные), в числе которых была основная масса греков и лазов, а также значительное количество армян, были учтены в составе прочих. Общее число последних составляло 201 человек или 36,4 % от населения Кукурупша (Административно-территориальное... 1930: 157). Греческая и лазская общины Абгархука были выселены из Абхазии в 1949 г. В настоящее время в селе не проживает ни одного грека. По данным переписи населения 2011 г., число жителей Абгархука составляет 1024 человека, в том числе 1003 (97,9 %) абхаза, 13 (1,3 %) русских, 2 (0,2 %) грузина, 1 (0,1 %) мингрел, 1 (0,1 %) армянин и 4 (0,4 %) представителя других этносов (Итоги... 2012: 117).

Довольно значительные компактно расселенные греческие общины до 1949 г. были также в селах Анхуа, Джирхуа (поселок Апшанхуара), Звандрипш, Мцара и Псырдзха.

В силу влияния климатических условий, способствовавших широкому распространению малярии в прибрежной заболоченной полосе, абхазы, как правило, старались не селиться в непосредственной близости от морского побережья, что в дальнейшем, особенно после масштабного осушения болот в первой половине XX в., существенно облегчило демографическую колонизацию этой территории представителями некоренных групп населения. К тому же с последней четверти XIX столетия и вплоть до 1907 г., в период наиболее активной фазы колонизационного заселения Абхазии, российские власти официально запрещали абхазам как «виновному» населению селиться в прибрежной зоне.

В результате к моменту распада Российской империи на большей части прибрежной полосы Гудаутского участка Сухумского округа, от реки Мчиш на западе до села Эшера на востоке, не имелось населенных пунктов с абхазским этническим большинством. Поселения колонистов имели преимущественно скученный характер планировки, в отличие от абхазских сел с присущим последним хуторским расселением, что определило существенные различия в плотности населения этих двух групп населенных пунктов и явилось одной из причин неуклонного понижения удельного веса этнически абхазского населения в Гудаутском участке/уезде/районе с конца XIX в. и вплоть до 60-х гг. XX в.

В 1930–1950-е гг., совершенно в иных политических реалиях, демографическая колонизация территории Гудаутского района (теперь уже представителями картвельских народов) была возобновлена по инициативе партийного и государственного руководства Грузинской ССР. Эта кампания осуществлялась в рамках поликомпонентной политики грузинизации Абхазии в сталинско-бериевский период (подробнее см. Багапш 2018).

Литература

- Кэарчия 2002*: Кэарчия В.Е. Ацсны атопонимика. Акэа, 2002. 686 д.
- Абхазия и абхазы 2008*: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн. II / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. Сухум, 2008. 732 с.
- Административно-территориальное... 1930*: Административно-территориальное деление ССР Грузии. Тифлис, 1930. 236 с.
- Ачугба 2010*: Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. 356 с.
- Багапи 2018*: Багапи Н.В. Демографическая колонизация как инструмент политики национальной гомогенизации в Грузинской ССР (на примере Гудаутского района Абхазии) // Вестник антропологии. 2018. № 3 (43). С. 4–23.
- Белозеров 2005*: Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. 298 с.
- Бэрзэддж 1996*: Бэрзэддж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996. 285 с.
- Всесоюзная... 1929*: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. М., 1929. 301 с.
- ГАРФ*: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 249.
- Дзидзария 1982*: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. 530 с.
- Дзидзария 1986*: Дзидзария Г.А. Лыхны: Очерк дореволюционного прошлого села. Сухуми, 1986. 99 с.
- Дьячков-Тарасов 2017*: Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Антология памятников права народов Кавказа. Т. 30. Памятники права абхазов. Ростов-на-Дону, 2017. 928 с.
- Итоги... 2012*: Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012. С. 117.
- Итоги Всегрузинской... 1925*: Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года. Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925. 301 с.
- Кавказский календарь 1864*: Кавказский календарь на 1865 год. Тифлис, 1864. 483 с.
- Кавказский календарь 1869*: Кавказский календарь на 1870 год. Тифлис, 1869. 712 с.
- Кавказский календарь 1878*: Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис, 1878. 698 с.
- Кавказский календарь 1892*: Кавказский календарь на 1893 год. Тифлис, 1892. 867 с.

Кавказский календарь 1907: Кавказский календарь на 1908 год. Тифлис, 1907. 869 с.

Кавказский календарь 1911: Кавказский календарь на 1912 год. Тифлис, 1911. 957 с.

Кавказский календарь 1914: Кавказский календарь на 1915 год. Тифлис, 1914. 1289 с.

Мачавариани 1913: Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913. 359 с.

Минасян 1977: Минасян М. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1977. № 1. С. 64–73.

Олонецкий 1934: Олонецкий А.А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия // Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Сухум, 1934. С. 77–82.

Пантюхов 1899: Пантюхов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899. 66 с.

Пачулия 1975: Пачулия В.П. Абхазия – край туризма. Сухуми, 1975. 107 с.

Первая Всеобщая 1905: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. 303 с.

Поселенные... 1929: Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1929. 468 с.

Свод... 1893: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. Без пагинации.

Сотрудник... 1912: Сотрудник Закавказской миссии. 1912. № 5.

Тер-Саркисянц 1984: Тер-Саркисянц А.Е. Современный быт армян Абхазии // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М., 1984. 270 с.

Федоров, Богордаева 2013: Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10 (57). Ч. 1. С. 131–137.

Цветов 1900: Цветов В. Спутник туриста по Кавказу (с иллюстрациями). М., 1900. 234 с.

Цвижба 2000: Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000. 168 с.

Цуциев 2006: Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. 128 с.

Чирикба 2014: Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // *Дiasпоры*. 2014. № 1. С. 234–261.

Н.В. Багацшь

**АКӘАТӘИ АОКРУГ ГӘДОУҚАТӘИ АХӘҚА
АДЕМОГРАФИАТӘ КОЛОНИАҚАЦИА (1878–1918)**

Аннотация. *Астатиағьы анализ азууп Аңсны Бзыңтәи ахәҗа (Акәатәи аокруг Гәдоуқатәи ахәҗа) Урыстәылатәи аимпериа аихабыра XIX аиә. аңҗамҗаз – XX аиә. алагамҗаз (1918 ш.), Қырҗтәыла Аңсны ампыҗанахалаанза, имҗаңнагоз аколониалтә демография.*

Ихадароу ажәакәа: *Гәдоуқатәи ахәҗа, Аңсны ауааңсыра, Аңсны аетни-катә демография, Аңсны Бзыңтәи ахәҗа.*

N.V. Bagapsh

**DEMOGRAPHIC COLONIZATION OF THE GUDAUTA SECTION OF
THE SUKHUM DISTRICT (1878–1918)**

Annotation. *The article analyzes the demographic colonization of Bzyp Abkhazia (Gudauta section of the Sukhum district), carried out by the authorities of the Russian Empire from the end of the 19th century until the collapse of the state and the subsequent occupation of Abkhazia by the troops of the Georgian Democratic Republic in 1918.*

Key words: *Gudauta section, population of Abkhazia, ethnic demography of Abkhazia, Bzyp Abkhazia.*

Н.И. Медвенский

ИЗ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОИСКОВИКОВ АБХАЗИИ И РОССИИ: УСТАНОВЛЕНИЕ СУДЬБЫ ГВАРДИИ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Н.Н. СИКОВА

Аннотация. *Статья посвящена одному из примеров успешного взаимодействия поисковиков Абхазии и России – установлению судьбы старшего лейтенанта ВВС Черноморского флота Н.Н. Сикова.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, ВВС Черноморского флота, истребительная авиация, поисковое движение, увековечение памяти.*

В июне 2019 г. сейнер «Абхазия», принадлежащий ООО «Сухумское рыбное хозяйство», вел промысел в акватории Черного моря между городами Сухум и Новый Афон. На расстоянии до 1,5 км от берега, на глубине около 40 м рыболовецкая сеть вытравила трехлопастной самолетный винт и несколько десятков снарядов к советской авиационной малокалиберной автоматической пушке ШВАК калибра 20 мм. О находке были проинформированы сотрудники отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, которые произвели осмотр, обмер и фотофиксацию артефактов, а также уточнили обстоятельства их обнаружения. Затем боеприпасы были переданы саперам МЧС Абхазии для последующей утилизации, а винт – доставлен на хранение в вышеупомянутый институт (Абхазские рыбаки... 2021).

После очистки деталей от многолетних налетов ржавчины и окисей удалось определить идентификационные номера ряда узлов винтомоторной группы. Таким образом, была создана основа для проведения исследования в Центральном военно-морском архиве (г. Гатчина), имевшего целью установление типа и принадлежности самолета, а также личности и судьбы пилота. С абхазской стороны в поиске приняли участие сотрудники Государственного музея боевой славы им. В.Г. Ардзинба, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа и поисковики Абхазии, с российской – члены Краснодарской краевой общественной организации «Кубанский плацдарм» и Ассоциации поисковых отрядов «Кубаньпоиск».

*Николай Сиков – кавалер Ордена
Красного Знамени*

В результате проделанной историко-архивной работы выяснилось, что винт принадлежал советскому одномоторному поршневному истребителю ЛаГГ-3 № 31213703 (тип мотора М-105 ПФ, номер мотора 282-23 Щ) из состава 3-й авиаэскадрильи 6-го гвардейского авиационного полка ВВС Черноморского флота, которая к началу 1943 г. базировалась на Гудаутском военном аэродроме. Самолет пилотировал гвардии старший лейтенант Николай Николаевич Сиков, 1922 года рождения, уроженец г. Малая Вишера Маловишерского района Ленинградской (ныне – Новгородской) области, женатый. 31 января 1943 г. в ходе очередного боевого вылета у ЛаГГ-3 гвардии старшего лейтенанта Сикова

произошло раскручивание винта. Машина упала в море, тело летчика обнаружено не было.

С целью поиска возможных потомков Николая Сикова руководством Государственного музея боевой славы им. В.Г. Ардзинба был направлен соответствующий запрос в адресное бюро г. Малая Вишера. Одновременно с этим пофамильный поиск потенциальных родственников велся через социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте» и «Facebook», что в итоге дало положительные результаты. Автору настоящей статьи удалось установить связь с племянником и племянницей погибшего летчика – Эдуардом Сиковым и Натальей Федотовой, проживающими в г. Малая Вишера, внучкой Викторией Чавуновой, проживающей в г. Санкт-Петербурге, а главное – его дочерью Эвелиной Сиковой, проживающей в г. Белая Церковь, на Украине (Память и боль об отце... 2021). Последняя сообщила, что ни она, ни ее мать не обладали подробной информацией о месте и обстоятельствах гибели отца и мужа. Пришедшее извещение о его смерти содержало стандартную формулировку: «В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге проявив героизм и мужество, <...> 31 января 1943 года, при выполнении боевого задания над Черным морем пропал без вести». Эвелина Николаевна зналась, что на протяжении своего жизненного пути хранит память и

боль об отце, выразила благодарность всем, кто помог пролить свет на обстоятельства его гибели, и отметила, насколько важна для нее находка, сделанная у берегов Абхазии.

Родственники Николая Сикова предоставили Государственному музею боевой славы им. В.Г. Ардзинба ряд оригинальных документов, газетных статей военного времени, писем и фотографий из семейных архивов, позволяющих восстановить биографию боевого летчика. В результате сопоставления полученных материалов с уже имеющимися данными было установлено следующее.

Николай Иванович и Пелагея Ивановна Сиковы

Николай Сиков родился 31 декабря 1922 г. в семье слесаря маловишерского паровозного депо Николая Ивановича и домохозяйки Пелагеи Ивановны Сиковых. Имел старшую сестру Валентину (впоследствии пропала

без вести в период Великой Отечественной войны) и трех братьев: Евгения, Бориса и Федора. В декабре 1938 г. Николай получил восьмилетнее образование в средней школе № 2 г. Малая Вишера, а незадолго до того, – в октябре того же года, – был принят в комсомол первичной школьной комсомольской организацией (билет № 577–102). С декабря 1938 г. по сентябрь 1939 г. обучался в Чудовском аэроклубе Осоавиахима, где осваивал летное дело. В октябре 1939 г. был направлен в Ейское военно-морское авиационное училище им. И.В. Сталина, которое закончил летом 1941 г. 19 августа 1941 г., уже в ходе Великой Отечественной войны, Николаю Сикову было присвоено воинское звание сержанта, а немногим позже – старшего сержанта. Вскоре молодой летчик был направлен на Черноморский флот для прохождения военной службы.

Школьные годы. Николай Сиков – в центре

Николай Сиков сражался с врагом в рядах 3-й эскадрильи 8-го истребительного авиационного полка ВВС Черноморского флота, дислоцированного на аэродроме Херсонес в осажденном Севастополе¹. Боевые характеристики (равно как и выписанные ранее курсантские аттестации) на пилота Сикова отмечают его отличную боевую подготовку, дисциплинированность, умение применять свои знания и умения в борьбе с противником, хитрость и находчивость в ведении воздушного боя. За недолгое время он заслужил славу лучшего воздушного разведчика полка, а по свидетельству его бывшего сослуживца, Героя Советского Союза, генерал-майора Михаила Авдеева – и всего севастопольского гарнизона (Авдеев 1968: 63).

*Николай Сиков (второй слева) с сослуживцами в перерыве между боями.
29.03.1942, Севастополь*

В условиях интенсивных оборонительных боев за Севастополь особое значение, наряду с визуальной воздушной разведкой, приобрела аэрофото-

¹ 3 апреля 1942 г. за проявленную отвагу, стойкость, мужество, дисциплину, организованность и героизм личного состава Приказом Народного комиссариата ВМФ СССР № 73 8-й истребительный авиационный полк был преобразован в 6-й гвардейский истребительный авиационный полк ВВС Черноморского флота Краснознаменный истребительный авиационный Севастопольский полк ВВС ВМФ. Интернет-ресурс 2021).

разведка, позволяющая советскому командованию в течение сравнительно короткого периода времени документально зафиксировать местонахождение немецких воинских частей и соединений, полевых укреплений, командных пунктов, узлов связи, аэродромов, железнодорожных станций и узлов, военных складов, кораблей и т. д. Ведение этого вида разведки как на линии фронта, так и за ее пределами было поручено летчикам 3-й эскадрильи 8-го истребительного авиационного полка. Командиром эскадрильи, капитаном Константином Денисовым и военкомом, батальонным комиссаром Григорием Пятницким были отобраны пять лучших летчиков: Николай Сиков, Александр Касабьянц, Иван Белозеров, Алексей Колесников и Владимир Клюков. Их самолеты И-16 оснастили специальной фотоаппаратурой, позволяющей производить съемку на высоте в несколько сотен метров. Советские пилоты, постоянно рискуя жизнью, совершали полеты над занятой противником территорией, и доставляли в штаб ценные фотокадры. Только за декабрь 1941 г. и январь 1942 г. Николай Сиков произвел 17 вылетов на аэрофотосъемку и сделал до 600 снимков (Дорохов 1981: 67). Командование по достоинству оценило заслуги летчика – 5 января 1942 г. ему было присвоено воинское звание лейтенанта.

Делясь опытом на страницах фронтовой газеты «Атака», Сиков писал: «При фоторазведке нельзя маневрировать даже тогда, когда самолет получил пробоины. Если же появятся истребители противника, то съемку следует продолжать до тех пор, пока они не займут положение для атаки. Только после этого можно вступить в бой или же скрыться в облачное небо» (Дорохов 1981: 66).

22 января 1942 г. командир 8-го истребительного авиационного полка, полковник Константин Юмашев и полковой военком Шевченко подписали наградной лист на представление лейтенанта Николая Сикова к ордену Красного Знамени. В документе отмечалось хорошее знание Сиковым техники пилотирования, его смелость, энергичность, инициативность и решительность. «С 15.12.41 г. по 31.12.41 г. имеет 36 боевых вылетов с налетом 20.43, из них на штурмовых действиях по войскам, мотомехчастям и зенитно-пулеметным точкам противника – 20 вылетов. Им уничтожено: пять автомашин, четыре повозки, шесть зенитно-пулеметных точек, шесть лошадей и живая сила противника до 230 человек. В воздушных боях им сбито два самолета противника “Ю-88” и “Ме-109”. Эффективность штурмовых действий подтверждают командиры наземных войск и группа прикрытия. Вывод: достоин правительственной награды – Орден “Красное Знамя” (Центральный военно-морской архив. Ф. 3. Оп. 1. Дело 478. Л. 592).

10 мая 1942 г. Приказом Командующего Черноморским флотом № 32с Николай Сиков был награжден указанным орденом. Вскоре после этого, 29 июня, ему было присвоено воинское звание старшего лейтенанта.

Советский писатель, критик и литературовед Александр Ивич, в ходе Великой Отечественной войны находившийся в качестве военного корреспондента в действующих частях ВВС Черноморского флота, описывал Николая Сикова следующим образом: «Садятся штурмовики, садится часть истребителей. В воздухе остается только звено Сикова. Николай Сиков – командир звена. Ему сопутствует слава лучшего разведчика полка.

В тот самый миг, когда последняя пара сделала заход на посадку и вышла на прямую, спикировали два “Мессершмитта”. Сиков круто развернулся, пошел “мессерам” в лоб, как только те вышли из пике, и нажал на гашетки. Фашисты отвернули. Но сесть Сиков не может – враги сразу накинута на него.

Теперь решают секунды. Николай сделал единственно возможное – вираж на бреющем, чуть не задевая плоскостью землю, и посадку против правил, слева от только что приземлившегося самолета. Зарулил, на ходу, еще под огнем “мессершмиттов”, выскочил из кабины, и в блиндаж. В общем пятьдесят восемь минут летали, и все пятьдесят восемь минут шел бой. А вернулись без единой потери.

Сидит Сиков в блиндаже и не знает: то ли поблагодарят – все-таки хорошо прикрывал на посадке, то ли взгреют – все-таки сел против правил. Ничего, сошло» (Ивич 1957: 274).

Упоминания о Николае Сикове также присутствуют в мемуарах его бывших сослуживцев – Героя Советского Союза, подполковника Ивана Белозерова (Белозеров 1975: 123–127) и Героя Советского Союза, генерал-майора Константина Денисова (Денисов 1989: 120), в книгах писателя Александра Дорохова (Дорохов 1972: 66; Дорохов 1981: 66) и фронтовых газетах «Сталинский сокол» (Туровский 1941), «Красноармеец» (Ответственные и отважные 1942), «Красный черноморец» (Авдеев 1943; Ермаченков 1943; Ивич 1942). Все указанные публикации содержат высокую оценку как профессиональных, так и личных качеств Сикова. «Дисциплинированный, неизменно жизнерадостный, чрезвычайно коммуникабельный, он постоянно был в готовности к боевому вылету и, несомненно, в рискованных заданиях, с которыми, как правило, справлялся блестяще, испытывал полное удовлетворение, – вспоминал К. Денисов своего бывшего подчиненного. – Еще была у Николая привязанность, над которой сослуживцы нередко подшучивали – большой серый кот, преданный своему хозяину как собачонка. Поговаривали, что когда Сиков вылетал на задание, кот, умываясь лапой,

как бы желал ему удачи и скорого возвращения, а вот то, что когда лейтенант садился и заруливал на стоянку, кот подбегал к самолету и радостно мяукал, все знали точно» (Денисов 1989: 121).

Летом 1942 г. 6-й гвардейский истребительный авиационный полк из Крыма был передислоцирован на территорию Абхазии. С этого времени Николай Сиков принимал самое активное участие в битве за Кавказ, пересев со своего истребителя И-16 сначала на Як-1, а затем и на ЛаГГ-3. К середине июля 1942 г. на его боевом счету значилось 247 боевых вылетов, из чего 143 – на разведку линии фронта и 42 – на аэрофотосъемки территории, оккупированной противником. Он провел 25 воздушных боев, в которых сбил семь немецких самолетов: пять одномоторных поршневых истребителей Ме-109, один одномоторный пикирующий бомбардировщик и штурмовик Ю-87 и 1 бомбардировщик Ю-88. Штурмовыми ударами уничтожил свыше 500 солдат и офицеров Вермахта, подавил огонь десяти вражеских огневых точек – полевых и зенитных орудий, пулеметных гнезд и др. (Гайдовский 1942).

*Николай Сиков перед последним боевым вылетом.
31.01.1943, Гудаута*

31 января 1943 г. гвардии старший лейтенант Николай Сиков поднялся в небо с Гудаутского аэродрома в свой последний полет, имея целью произвести разведку воздушного пространства над акваторией, горами и предгорьями столицы Абхазии. При возвращении с боевого задания у пилотируемого им самолета ЛаГГ-3 произошло раскручивание винта и отказ разваливающегося двигателя. Летчик имел возможность покинуть борт и катапультироваться с парашютом, однако передал по радиации, что принял решение спасти машину и довести ее до Сухумского аэродрома. Затем связь с ним была потеряна. Техническое состояние самолета не позволило ему достичь цели, и поэтому Николай Сиков вынужден был приводниться в море. Специалисты из Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского, проанализировав характер деформации винта, определили, что посадка была выполнена профессионально. Однако низкая температура морской воды в январе и тяжелый комбинезон явились обстоятельствами непреодолимой силы – Черное море приняло летчика и стало местом его последнего упокоения. Николай Сиков сражался до конца так, как он это делал всегда – самоотверженно и мужественно и ушел из жизни непобежденным.

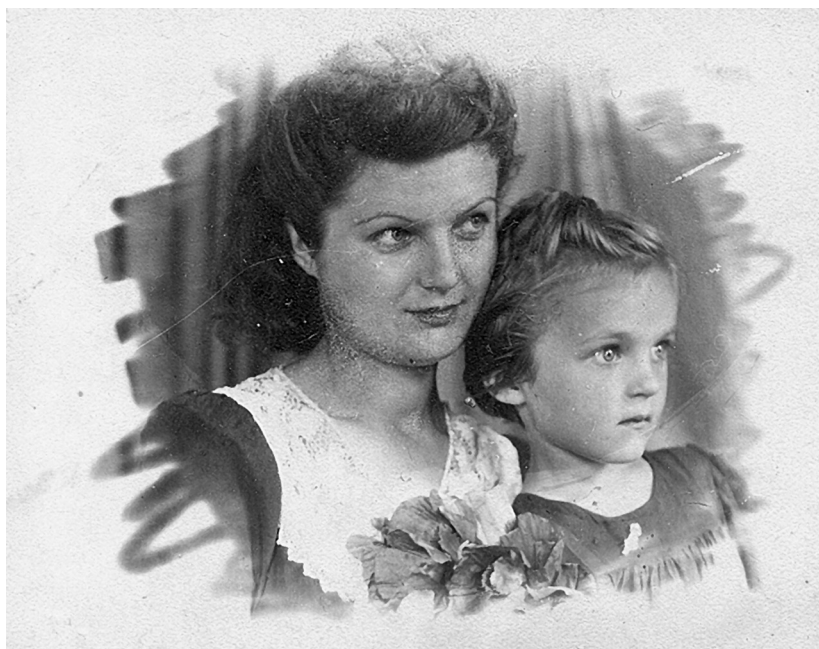
2 апреля 1943 г., в соответствии с циркуляром начальника организационно-строевого управления Черноморского флота № 0302, капитана I ранга П. Ипатова Николай Сиков был исключен из списков флотского личного состава.

В период описываемых событий Николай Сиков был уже не одинок. Еще в осажденном Севастополе герою-летчику не раз приходилось встречаться с представителями прессы. Во время одного из интервью весной 1942 г. он познакомился со своей будущей женой Инной Бессарабовой, военным корреспондентом газеты «Красный черноморец» и сотрудницей Севастопольского радио. За плечами избранницы Николая была не только журналистская работа в осажденном Севастополе, но и участие в обороне Одессы в августе–октябре 1941 г. Александр Ивич писал: «Николай Сиков, веселый и бесстрашный парень из эскадрильи Денисова, талантливый разведчик полюбил девушку. Полюбил так, как любят в двадцать лет, когда сердце полно нежности и страсти. Девушка была в Севастополе и виделись они урывками – Инна приезжала иногда по своим служебным делам на аэродром. Не было времени пойти в загс, тем более что надо было еще выяснять, не эвакуировался ли загс из города» (Ивич 1957: 272). Упомянувшийся ранее Михаил Авдеев в своих мемуарах вспоминал «о его (Сикова. – Н. М.) женитьбе с благословения командующего на красавице-журналистке из Севастопольского радио, об их свадьбе на огненном аэродроме

Херсонеса» (Авдеев 1968: 63). Однако в фондах Государственного музея Боевой Славы им. В.Г. Ардзинба имеется нотариально заверенная копия свидетельства о браке между Николаем Сиковым и Инной Бессарабовой, выданного 7 июля 1942 г. Отделом актов гражданского состояния НКВД в г. Гагра Абхазской АССР, то есть после падения Севастополя. Налицо противоречие. Вероятно, на херсонесском аэродроме была сыграна «полуофициальная», «военная» свадьба, а официальная процедура бракосочетания состоялась уже в Абхазии.

После гибели своего боевого товарища сослуживцы помогли овдовевшей Инне Бессарабовой выехать из Абхазии в Малую Вишеру, к родителям Николая. 24 июня 1943 г., спустя пять месяцев, родилась дочь Эвелина, которая знала об отце только по рассказам матери. В 1945 г. Инна Бессарабова повторно вышла замуж за советского военного летчика, выпускника Ленинградского авиационного училища ВВС. В 1947 г. он погиб на Западной Украине в ходе ликвидации бандеровского вооруженного подполья. Третий брак Инны Бессарабовой, заключенный с кадровым офицером Советской Армии, оказался более удачным. На протяжении всего жизненного пути она с большим уважением относилась к памяти первого мужа. Умерла в 2010 г. в возрасте 88 лет.

Инна Бессарабова и Эвелина Сикова

Известие об обнаружении фрагментов ЛаГГ-3 Николая Сикова, установлении его судьбы и розыске потомков вызвало определенный медийный и общественный резонанс как в России, так и в Абхазии. Благодаря соответствующим тематическим телерепортажам (Возвращение из неизвестности 2021), публикациям в периодической печати (Светина 2021) и сообщениям информационных агентств обеих стран (<https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia>), история погибшего летчика получила известность и имела свое продолжение.

*Винт и фрагменты боекомплекта от истребителя ЛаГГ-3
Николая Сикова в Сухумском морпорту*

В преддверии 75-летнего юбилея Великой Победы руководство Государственного музея боевой славы им. В.Г. Ардзинба обратилось к Президенту Республики Абхазия Аслану Бжания с просьбой об увековечении памяти Николая Сикова. Вскоре после этого глава государства поручил Администрации г. Сухум определить место и установить мемориал советским военным авиаторам – героям Великой Отечественной войны (<https://apsnypress.info/ru/interv-yu/24.05.21>). Центральным элементом памятника, открытого

в июне 2020 г. на сухумской набережной неподалеку от могилы Неизвестного солдата, стал трехлопастной винт от истребителя ЛаГГ-3 Николая Сикова. На информационных табличках, прикрепленных к основанию памятника, содержатся надписи на абхазском и русском языках: «Данный винт принадлежал советскому истребителю ЛаГГ-3 из состава 3-й эскадрильи 6-го гвардейского авиаполка ВВС Черноморского флота. Самолет пилотировал 20-летний гвардии старший лейтенант Сиков Николай Николаевич, погибший 31.01.1943 г. в ходе боевого вылета в небе над Сухумом» и «Памяти советских летчиков, спасших мир от фашизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Народ Абхазии всегда будет помнить и чтить ваши имена и подвиги!». Вскоре после этого, благодаря содействию командира поискового отряда «Батальон» из г. Реутов Московской области Юлии Кузнецовой, от имени участников поискового движения Абхазии Эвелине Николаевне Сиковой был передан обрамленный в рамку фотопортрет ее отца и фрагмент винта пилотируемого им истребителя ЛаГГ-3.

Памятник в Сухуме, увековечивающий подвиг Николая Сикова и всех советских летчиков, павших на фронтах Великой Отечественной войны

Таким образом, итогом взаимодействия поисковиков Абхазии и России стало не только установление судьбы Николая Сикова и розыск его ближайших родственников, но и мемориальное увековечение памяти героя в знак безграничной благодарности и уважения к подвигу защитников Отечества, спасших мир от фашизма. Стала известна еще одна героическая страница Великой Отечественной войны. Совместная деятельность по поиску и идентификации погибших и пропавших без вести военнослужащих Красной Армии и Военно-Морского Флота будет продолжена и в дальнейшем.

Литература

Авдеев 1943: Авдеев М. Год под гвардейским знаменем. Красный черноморец. 4.04.1943. № 85.

Авдеев 1968: Авдеев М. У самого Черного моря. Кн. I. М., 1968.

Белозеров 1975: Белозеров И. В небе Таврии. Записки летчика-истребителя. Симферополь, 1975.

Гайдовский 1942: Гайдовский Г. Дерзость и мастерство // Красный черноморец. 1942.07.17. № 198.

Денисов 1989: Денисов К. Под нами – Черное море. М., 1989.

Дорохов 1972: Дорохов А. Герои черноморского неба. М., 1972.

Дорохов 1981: Дорохов А. Крылатые защитники Севастополя. Симферополь, 1981.

Ермаченков 1943: Ермаченков В. Черноморские летчики в боях за Родину // Красный черноморец. 1943.08.15. № 199.

Ивич 1942: Ивич А. В июньский день // Красный черноморец. 1942.08.20. № 232.

Ивич 1957: Ивич А. Небо Севастополя // Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне. Т. 1. М., 1957.

Ответственные и отважные // Красноармеец. 1942. № 10.

Светина 2021: Светина Е. Навечно двадцатилетний // Малая Вишера. 2021.01.29. № 3.

Туровский 1941: Туровский Н. [Без названия] // Сталинский сокол. 1941.12.24.

ЦВМА: Центральный военно-морской архив. Ф. 3. Оп. 1. Дело 478. Л. 592.

URL: <http://ava.org.ru/iap/6gm.htm> (дата обращения: 24.05.2021).

URL: <https://53news.ru/novosti/57661-inostrannye-rybaki-nashli-mestogibeli-novgorodskogo-ljotchika-geroya.html> (дата обращения: 24.05.2021).

URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200523/1030193302/Byl-smel-i-reshitelen-ustanovlena-lichnost-pilota-pogibshego-v-Abkhazii-v-1943-m-godu.html> (дата обращения: 24.05.2021).

URL: <https://apsnypress.info/ru/interv-yu/item/385-v-abkhazii-poyavitsya-pamyatnik-sovetskim-geroyam-aviatoram-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 24.05.2021).

URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/231322387> (дата обращения: 24.05.2021).

URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20200526/1030207362/Pamyat-i-bol-ob-ottse-naydena-doch-pogibshego-v-Abkhazii-sovetskogo-pilota.html> (дата обращения: 24.05.2021).

Н.И. Медвенский

**АҔСНИ УРЫСТӘЫЛЕИ РЫЦШААҔЦӘА РЕИЦХЫРААРА
АҔЫШӘА АХЪТӘ: АГВАРДИА АЛЕИТЕНАНТ ЕИХАБЫ
Н.Н. СИКОВ ИЛАХЪЫНЦА АИЛКААРА**

Аннотация. *Астатиа азкуп АҔсни Урыстәылеи рыцшааҔцәа реицхыраара аихъзарақәа руак – Амиын Еиқәа афлот Арра-ҳаиртә мчқәа рлеитенант еиҳабы Н.Н. Сиков илахъынцә аилкаара.*

Ихадароу ажәакәа: *Аиынцәтәылатә еибашьра ду, Амиын Еиқәа афлот Арра-ҳаиртә мчқәа, аҳаирпланиәарыца, аҔшааратә йысра, агәа-лаиәара амырзра.*

N.I. Medvensky

**FROM THE EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN THE
SEARCH ENGINES OF ABKHAZIA AND RUSSIA: ESTABLISHING
THE FATE OF THE GUARD SENIOR LIEUTENANT N. N. SIKOV**

Annotation. *The article is devoted to one of the examples of successful cooperation between the search engines of Abkhazia and Russia – the establishment of the fate of Senior Lieutenant of the Black Sea Fleet Air Force N. N. Sikov.*

Key words: *The Great Patriotic War, Black Sea Fleet Air Force, fighter aircraft, search movement, perpetuation of memory.*

АРЦАРААЗАРА • ПЕДАГОГИКА

Л.Н. Черкезия

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ДЕФИНИЦИЯ, КОНСТРУКТЫ, УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

**Отзыв на статью аспиранта Абхазского государственного
университета Черкезия Л. Н.**

Конец второго десятилетия XXI в. породил такие изменения в организации учебного процесса в университете, которые требуют от коллективного субъекта процесса обучения (преподавателя и студента) мобильного социального поведения, восприятия себя в качестве ответчика за результативность в исполнении учебных программ, за готовность к проявлению творчества в реализации многочисленных социальных практик. Вместе с тем высокая скорость обновления содержания высшего образования в связи с нахождением самой высшей школы в «омуте» интенсивного обучения и социальных изменений вследствие вирусной инфекции COVID-19 усложнили процесс взаимодействия преподавателя и студента, их субъект-субъектные отношения.

Партнерское взаимодействие в процессе ориентации на социализацию и использование дидактических принципов, направленных на реализацию целей образования (обучаемость, самоопределение, самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности) проблематизирует выработку, усвоение и принятие новых норм для внутривузовского стандарта, усложняет процесс инкорпорирования в современную социальную реальность, обязывает в качестве инструментальных средств достижения этих целей использовать принципиально иные образовательные конструкты: компетентности и компетенции, модусы и модули, кредиты и рейтинги; метаобразовательные конструкты, имеющие отчетливо выраженную практико-ориентированную деятельность направленность.

Востребованность и необходимость подготовки образованных, компетентных, конкурентоспособных специалистов уже не предполагает, а закрепляет иное взаимодействие преподавателя и студента, когда и преподаватель, и студент являются не столько партнёрами в образовательном процессе, сколько ответчиками за его результативность, когда препода-

ватель «лишь» исподволь направляет студента в организации продуктивной учебно-познавательной деятельности, нацеленной на разрешение актуальных образовательных проблем.

Раскрывая сложность, многоплановость новой социальной реальности, нам было необходимо разработать шаги, не допускающие неустойчивости положения преподавателя и студента, как в собственных глазах, так и для других, которая порождает у них состояние несвязанного взаимодействия с социальной реальностью, становится всё более дезориентированным, беспомощным и незащищённым. Проблема несоответствия традиционных форм, классических типов организации учебного процесса и нового содержания образования – одна из причин этого негативного явления.

Научная новизна статьи заключается в том, что меняющуюся конфигурацию учебного процесса удалось соотнести с новым форматом учебной книги, а обеспечение динамичного ускоряющегося развития университета как источника высшего образования, научных знаний, взаимодействия с обществом предлагается провести на основе концепции АГЕС (Академическая гальванизация естества самости). Концепция АГЕС, созданная учёными АГУ в декабре 2018 года, позволяет осуществить перевод процесса образования в университете (универсализации) на более высокий уровень, когда личность современного человека была бы идентичной стремительно нарастающему потоку научных знаний и коллективному опыту. Это осознанный путь, отвечающий духу времени и задачам современной науки.

Статья Л.Н. Черкезия «Рабочая программа учебной дисциплины: дефиниция, конструкты, учебно-методическое сопровождение образовательного процесса в высшей школе» соответствует требованиям, предъявляемым к научным исследованиям, и рекомендуется для опубликования в журнале «Вестник Академии наук Абхазии».

Е.В. Сквин,
научный руководитель, доктор
педагогических наук, почётный профессор АГУ

Аннотация. Данная статья посвящена рабочей программе учебной дисциплины. В работе анализируются теоретико-методологические характеристики рабочей программы учебной дисциплины как модуля основной профессиональной образовательной программы высшего образования. Проведенное исследование описывает созданные почётным профессором Абхазского государственного университета Е.В. Сквиным и его учениками конструкты рабочей программы учебной дисциплины.

плины (нормативный, информационный, организационный и дидактический), а также разработанную Абстрактную модель учебно-методического комплекта-комплекса по учебной дисциплине.

В работе демонстрируется роль всего вышеперечисленного в качественном учебно-методическом обеспечении различных направлений подготовки с учетом требований современных образовательных стандартов высшего образования. На основе созданных конструкторов и модели процесса обучения преподаватель может осуществлять сборку учебно-методического комплекта-комплекса по учебной дисциплине.

Ключевые слова: рабочая программа учебной дисциплины, конструктор, учебно-методический комплект-комплекс по учебной дисциплине.

Современные теоретические представления о сущности учебного процесса в высшей школе утверждают необходимость существования рабочей программы учебной дисциплины (РПУД) как модуля основной профессиональной образовательной программы высшего образования (ОПОП ВО)¹ и как части учебно-методического комплекса по учебной дисциплине.

Процессы совершенствования и актуализации современной системы образования обуславливают четкие требования к учебным материалам и оценке их качества, в том числе необходимость проектирования учебного процесса на высоком качественном уровне.

По итогам анализа исследований РПУД мы можем сделать вывод, что данный объект изучения дидактики высшей школы действительно привлекает к себе внимание и является очень сложным и актуальным. Подтверждением тому – результаты анализа научных работ таких авторов, как: Н.И. Лыгина, Н.В. Лайко, Г.В. Семенова, Е.И. Сафонов, А.Ю. Чернавский, А.А. Колчина, Н.В. Авдеева, И.М. Космачёва, И.Ю. Квятковская, И.В. Сибикина, Р.Ю. Овчинникова, С.Н. Широкова, А.А. Кацупеев, В.А. Евсин.

Передовой педагогический опыт свидетельствует: определение понятия «рабочая программа учебной дисциплины» в своём развитии прошло путь от типового – лаконичного по структуре и наполнению учебно-программного издания, адресованного преподавателю, до инструмента педагогического проектирования, позволяющего субъектам образовательного процесса выбирать и реализовывать образовательную траекторию.

---

¹ **ОПОП ВО** – основная профессиональная образовательная программа высшего образования, реализуемая по направлению подготовки/специальности, представляет собой систему документов, разработанную и утвержденную образовательным учреждением высшего образования с учетом потребностей рынка труда на основе образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки, а также с учетом рекомендованной примерной основной профессиональной образовательной программы.

Между тем несмотря на то, что рабочая программа учебной дисциплины является объектом ряда исследований, обогативших наши знания об этом феномене, определение понятия не доведено до дефиниции. По существу, к анализу и описанию объектов такой сложности педагогическая наука только подходит. Своим исследованием мы попытаемся сформулировать собственное понимание спецификации РПУД.

В исследованиях Е.В. Сквина и его учеников (Качура 2002; Бондаренко 2003; Семенова 2006; Сквин 2015; Сквин, Черкезия 2017) продемонстрировано, что понятие «рабочая программа учебной дисциплины» в педагогических исследованиях трактуется неоднозначно, представления о ее сути и особенностях варьируются в зависимости от различных теоретических подходов.

РПУД рассматривается и как входящий в состав основной профессиональной образовательной программы нормативный документ, и как учебно-программное издание, учебная книга, встроенная в учебно-методический комплекс учебной дисциплины. Различные трактовки термина «рабочая программа учебной дисциплины» мы рассматриваем как стремление авторов к более полному раскрытию двух взаимосвязанных систем – системы знаний и системы учебно-познавательной деятельности по усвоению этих знаний.

Большой потенциал развития заложен в трактовке понятия «программа», предложенное Е.В. Сквиным и Г.В. Семёновой: программа – это совокупность трех моментов. Во-первых, ее трактовка как прогностикона (греч. предвидение, предвосхищение результата) – педагогического сценария процесса обучения в самой сжатой форме; во-вторых, ее графическая регистрация как записи в развитии, предполагающие продвижение вперед; в-третьих, ее представление в качестве информационной модели содержания обучения в наименьшем знаковом выражении (Семенова 2006: 18).

Итак, речь идёт о конструкте информационной модели содержания обучения в наименьшем знаковом выражении, что, собственно, и привело к цели нашего исследования – поиску конструкта рабочей программы учебной дисциплины для качественного учебно-методического обеспечения направлений подготовки на уровне требований современных образовательных стандартов.

Исходя из понимания методологии как учения об организации деятельности (Новиков А.Н., Новиков Д.А. 2007: 20), обозначим методологический статус учебной программы дисциплины следующим образом: она не только интегрирует комплекс учебно-методического обеспечения (содержание, условия, формы, методы, средства), но и выступает, по сути, инструментом

проектирования образовательного процесса. При этом учебная программа в ряду средств обучения является исходным звеном для системы учебных изданий по дисциплине (Штолер, Япринцева 2017: 78).

Безусловно, РПУД – нормативный документ, дидактика – наука нормативная. Рабочая программа как учебно-программное издание входит в состав учебно-методического комплекса дисциплины. Но в какой роли? Входит в состав как элемент или как зерно роста комплекса? Как соотносятся в программе нормативная и ресурсная части? Если нормативное поле содержания образования – конструкт программы, ее остов, то образовательные ресурсы дисциплины – движущая сила, т. е. система учебно-методического сопровождения, ее концепт. А что есть в деталях продуманный план работы?

Если это сценарий учебного процесса по дисциплине в его наименьшем знаковом выражении, то как в технологической карте связываются в единый функциональный узел единица содержания образования, оптимально распределенное время, необходимое для достижения цели обучения, соотношенные с общими целями основной профессиональной образовательной программы, условия и технологии реализации процесса обучения, система оценки качества подготовки по дисциплине с реальными возможностями коллективного субъекта процесса обучения. Может ли такой дидактический модуль исполнить роль носителя и выразителя качества образования, педагогического мастерства преподавателя, взять на себя функцию «зерна роста» учебно-методического комплекта дисциплины, дорожной карты дисциплины, управления организацией деятельности по добыванию знаний?

Следует подчеркнуть, что РПУД – не только дидактически адаптированная система научных знаний, но и система учебно-познавательной деятельности по усвоению этих знаний. Это не только учебно-методический документ в составе основной профессиональной образовательной программы, регламентирующий процесс изучения дисциплины, но и документ, определяющий структуру и содержание учебно-методического сопровождения дисциплины в его наименьшем знаковом выражении (зерно роста учебно-методического комплекта по дисциплине) (Сковин, Черкезия 2017: 425).

Н.И. Лыгина предлагает модель рабочей программы курса, позволяющую использовать рабочую программу в качестве показателя качества педагогической деятельности. Ею разработан общий подход к экспертному оцениванию качества рабочей программы учебного курса, который может быть использован в процедурах аттестации учебных заведений, а также при оценке качества методического обеспечения (Лыгина 2000).

Рабочая программа учебной дисциплины по Сковину – это педагогический сценарий процесса обучения по учебной дисциплине (в его наименьшем знаковом выражении), связывающий в единый функциональный узел единицу содержания образования из учебного плана, оптимально распределённое время, необходимое для достижения цели обучения, ресурсы, условия и технологии реализации учебного процесса с реальными возможностями коллективного субъекта процесса обучения, с установленной в вузе системой оценки качества подготовки по учебной дисциплине.

Вышеприведенная трактовка позволяет рассматривать рабочую программу как некое триединство, целостное существование 1) основного регламентирующего документа по дисциплине; 2) информационной модели учебно-методического комплекта по учебной дисциплине (банк информации в его наименьшем знаковом выражении); 3) инструмента для осознания и постижения учебной дисциплины (методическое руководство для достижения цели обучения).

Первоначальным конструктивным действием педагога в процессе педагогического проектирования является моделирование. Учебная программа, будучи модулем, является не только объектом педагогического проектирования, но и прообразом новых состояний моделируемого объекта, т. е. несет в себе структуру того, что только потенциально заложено в объекте и может быть реализовано во многих вариантах на практике. Моделирование является начальным этапом педагогического проектирования, завершающей фазой которого является педагогическое конструирование – создание новых дидактических материалов, новых форм и методов организации педагогического процесса, разработка организационных механизмов, различных способов и средств, позволяющих реализовать концептуальный замысел при имеющихся ограничениях, детализация проекта до базовых компонентов объектов, в том числе до конкретных действий реальных участников педагогических процессов (Семенова 2006: 186–187).

Дальнейшим шагом в достижении оптимального функционирования РПУД в учебном процессе является ее *конструирование*, создание ее *конструктов*, которые необходимы для качественного учебно-методического обеспечения направлений подготовки на уровне требований современных образовательных стандартов.

Термин «конструкт» образован от латинского *constructio* – построение. Определяется данное понятие как целостная, отделяемая от других сущность реального мира, недоступная непосредственному наблюдению, но гипотетически выводимая и/или выстраиваемая логическим путем на основе наблюдаемых признаков, в достаточной степени экспериментально и логически,

подтверждаемая и достоверно не опровергаемая, и понятие, используемое для ее представления. Термин определяется и как умозрительное построение, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жёстко установленными границами и точно выраженное в определённом языке, не предполагающее обязательного установления его онтологического статуса, то есть не требующее указания на конкретный денотат.

Поиск конструкта рабочей программы учебной дисциплины для качественного учебно-методического обеспечения направлений подготовки на уровне требований современных образовательных стандартов привел нас к созданию абстрактной модели «Конструкт рабочей программы учебной дисциплины», которая является не только носителем и выразителем нормативного и методического поля содержания образования в их наименьшем знаковом выражении, но и зерном роста для учебно-методического обеспечения учебной дисциплины как показателя профессионализма преподавателя и как фактора повышения качества образования в вузе.

Для возвращения рабочей программы учебной дисциплины как совокупности нормативной и учебно-методической документации мы создали следующие конструкты:

1) Нормативный конструкт рабочей программы учебной дисциплины – «Паспорт РПУД» (нормативный документ, определяющий необходимый обязательный уровень предъявляемых требований к содержанию, методам, формам и средствам обучения и контроля по учебной дисциплине) – документ, регламентирующий процесс изучения учебной дисциплины.

«Паспорт РПУД» является нормативным конструктом рабочей программы учебной дисциплины на основе созданного обобщения документов (ОС АГУ; ОПОП ВО; ППУД), университетских норм и требований, регламентирующих процесс изучения учебной дисциплины («Порядок организации и осуществления образовательной деятельности Абхазским государственным университетом по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», приказ от 25 июня 2014 г., № 67), кафедральных документов-свидетельств, подтверждающих эффективность осуществленной деятельности, содержащих достигнутые результаты и отражающих их анализ со стороны преподавателя как руководителя учебного процесса.

Паспорт РПУД – это не только перечень требований к структуре и содержанию учебной дисциплины, но и к целям, задачам и ожидаемым результатам (адекватным количеству и качеству образовательных ресурсов

АГУ), к условиям получения образования и педагогическим технологиям, потенциально гарантирующим достижение образовательного ценза, а также к формам входного, текущего и рубежного контроля и промежуточной аттестации.

В паспорте необходимо зафиксировать на нормативном уровне взаимосвязь всех компонентов РПУД как дидактической системы, отвечающей на вопросы: Кто? Что? Кому? Зачем? С какой целью? Какими средствами? Как? С каким результатом?

Необходимо определить:

1) к решению каких задач профессиональной деятельности готовит учебная дисциплина;

2) в формирование каких компетенций может внести вклад учебная дисциплина;

3) какой начальный уровень готовности обучающихся требуется для эффективного освоения учебной дисциплины (модуля) и т.д.;

4) круг основных знаний, навыков и умений, подлежащих усвоению по каждой отдельно взятой дидактической единице;

5) логику изучения основных идей с указанием последовательности тем, вопросов и общей дозировки времени на их изучение;

6) перечень контрольно-измерительных материалов, позволяющих продемонстрировать и зафиксировать результаты обучения.

Паспорт должен в обязательном порядке содержать следующие разделы:

1. Место дисциплины в структуре ОПОП.

2. Цель освоения учебной дисциплины и время, выделенное УП для её достижения.

3. Требования к результатам освоения учебной дисциплины.

4. Содержание учебной дисциплины и виды учебной работы.

5. Формы контроля знаний студентов и перечень примерных вопросов для промежуточной аттестации.

6. Список основной, дополнительной и учебно-методической литературы.

Нормативный конструкт создается на базе основной нормативно-правовой и организационно-методической документации, разрабатываемой вузом. При создании рабочей программы учебной дисциплины преподаватель должен руководствоваться следующими внутривузовскими локальными актами:

– Положение о контактной работе обучающихся;

– Инструкция о представлении информации о вузе в открытых источниках;

- Положение об учебно-методическом обеспечении дисциплин (модулей)² по основным профессиональным образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры;
- Положение о конкурсе на лучшую учебную книгу в системе учебно-методического комплекта-комплекса;
- Положение о самостоятельной работе студента;
- Положение о фонде оценочных средств для проведения текущего контроля успеваемости, промежуточной и итоговой (государственной итоговой) аттестации обучающихся;
- Положение о балльно-рейтинговой системе оценки;
- Положение о текущем, рубежном контроле успеваемости и промежуточной аттестации студентов;
- Положение о курсовой работе.

2) Информационный конструктор рабочей программы учебной дисциплины – «Модель учебно-методического комплекта-комплекса (УМК-К) по учебной дисциплине» – система взаимосвязанных учебно-методических материалов на различных носителях информации по учебной дисциплине конкретного учебного плана по специальности (направления), необходимых и достаточных для организации и осуществления учебного процесса с гарантированным результатом.

УМК-К в АГУ – это необходимый набор учебных книг по дисциплине, обеспечивающий достижение цели обучения в ходе аудиторной и внеаудиторной работы, осознание и постижение содержания каждой дидактической единицы учебной программы за отведенное учебным планом время. В состав УМК-К университета включаются следующие учебные книги:

- 1) учебник;
- 2) практикум;
- 3) сборник оценочных средств для текущего контроля, промежуточной аттестации, рубежного (деканского) контроля и ректорского контроля остаточных знаний;
- 4) тетрадь отличника;
- 5) глоссарий;
- 6) хрестоматия;
- 7) методические рекомендации;
- 8) рабочая тетрадь студента.

---

² Учебно-методическое обеспечение дисциплин (модулей) – совокупность учебно-методических материалов, способствующих достижению обучающимися планируемых результатов освоения образовательной программы высшего образования.

«Модель УМК-К по учебной дисциплине» – это система взаимосвязанных и взаимодополняющих средств обучения, проектируемых в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины и выбранными системами (линии, педагогические сценарии) обучения, достаточных для реализации целей и содержания образовательного стандарта³.

Например, в системе высшего образования Российской Федерации существует понятие «комплексное учебно-методическое обеспечение образовательного процесса по дисциплине (модулю)⁴», мы же предлагаем – «Модель УМК-К по учебной дисциплине».

Вариативная составная УМК-К является логичным развитием традиционных учебно-методических комплексов, обогащенных использованием современных информационных технологий и рассчитанных на открытую систему образования. Для обеспечения вариативности образования необходимо многообразие учебно-методических комплексов, способствующих удовлетворению различных образовательных потребностей.

Понятие учебно-методического комплекса используется нами для «обозначения открытой системы дидактических средств в отличие от термина комплект, который означает полный набор: комплект учебников такого-то класса, т. е. закрытую систему» (Зуев 1983:130), а также для «модельного описания проектируемой педагогической системы, которая лежит в его основе» (Беспалько, Татур 1989: 143).

Модель УМК-К по учебной дисциплине конструируется на основе документов, регламентирующих процесс изучения дисциплин, совершенствуется посредством разработки материалов для оформления документов-свидетельств, подтверждающих эффективность осуществления деятельности, содержащих достигнутые результаты и отражающих, их анализ со стороны преподавателя как руководителя учебного процесса. Все дидактические единицы имеют обязательное отражение в материалах УМК-К на различных уровнях реализации: минимальный, расширенный, углубленный для представления содержания дисциплины и простейший,

---

³ **Образовательный стандарт** – базовый нормативный документ, определяющий совокупность требований, обязательных при реализации образовательных программ всех уровней высшего образования (пункт 1.3 Положения об образовательных стандартах, устанавливаемых Абхазским государственным университетом от 13 июня 2014 г., протокол № 3).

⁴ **Комплексное учебно-методическое обеспечение образовательного процесса по дисциплине (модулю)** – это разработка и создание оптимальной системы нормативной и учебно-методической документации, средств обучения и контроля, необходимых для полного и качественного обучения дисциплинам (профессиональным модулям) в рамках времени, отведенного рабочим учебным планом конкретной специальности.

стандартный и развернутый для практико-инструментального наполнения дисциплины.

УМК-К должен иметь в рамках дидактической системы следующую структуру:

а) Нормативный конструкт (собрание норм, требований и квантов информации) «РПУД».

б) Концептуальный каркас (список понятий, категориальный аппарат, словарь терминов) «Глоссарий».

в) Набор ключевых базовых текстов для аудиторной, контактной и самостоятельной работы, из которых и состоит концепт предмета «Учебник».

г) Описание технологий, методов, методик, с помощью которых строится освоение материала и контроль за его усвоением.

Разработанная сотрудниками Учебно-методического отдела Абхазского государственного университета (Сковин Е.В., Черкезия Л.Н., Алексеева Т.Ю., Пейливанова В.И.) **Абстрактная модель учебно-методического комплекта-комплекса (УМК-К) по учебной дисциплине** – это набор одинаково структурированных учебных книг по учебной дисциплине, объединенных общей образовательной целью, состоящий из двух подсистем: **инвариантной**, включающей:

– курс лекций (учебник) / учебное пособие;

– практикум;

– сборник контрольно-оценочных заданий;

– «тетрадь отличника» (решебник),

а также **вариативной**, которая состоит из:

– глоссария;

– хрестоматии;

– методических рекомендаций;

– рабочей тетради студента.

Отметим, что инвариантная часть УМК-К представляет собой стабильную, предназначенную для длительного применения в образовательном процессе систему учебных книг, которые стандартизированы и в качестве рукописи должны проходить через учебно-методический отдел АГУ, процедуру грифования и в готовом виде рекомендованы УС АГУ для использования в процессе обучения.

В свою очередь вариативная часть УМК-К – открытая для изменений система учебных книг, результатом совместной работы преподавателя и студента, ежегодно обновляется на 10–15 % за счет реагирования преподавателя на ответную информацию со стороны студентов АГУ. Процесс постоянного наполнения вариативной части, внутреннего сообщения внутри

данной системы книг приводится в движение преподавателем (его мыслью, чувствами) и активизирует творческий потенциал студента, ориентирует на самостоятельный поиск знаний, индивидуальное творчество, на формирование умений ставить и решать задачи, восполнять пробелы, диагностировать и оценивать уровень собственной подготовленности. Соответственно изменениям и пополнению внутри учебно-методического комплекта-комплекса изменяется информационный банк дисциплин.

Таким образом, УМК-К по учебной дисциплине представляет собой спланированный и организованный преподавателем технологический цикл, выстроенный по маршруту «от информационного кванта – к хранилищу остаточных знаний», чтобы в рамках дисциплин учебно-познавательной и учебно-практической деятельности студент достиг образовательных целей.

Учебно-методический комплект-комплекс разрабатывается в соответствии с РПУД. Рабочая программа учебной дисциплины, выполняющая роль стандарта для УМК-К по учебной дисциплине и являясь «зерном роста», тем не менее не входит в комплект-комплекс. Она структурирована по другому принципу.

УМК-К, компоненты которого рационально сгруппированы, является действенным инструментом для достижения образовательных целей. Из соответствия рабочей программе учебной дисциплины вытекают такие особенности «комплекта-комплекса», как:

- четкая структуризация материала, единый принцип структурирования компонентов комплекта-комплекса: титульный лист, оборотная сторона титульного листа, оглавление, введение, разделы;
- последовательность изложения учебного материала;
- наличие основных базовых элементов: цель – результат, содержание – технология, учение – преподавание;
- определение и реализация компетенций студента;
- соответствие объема учебных материалов объему отведенных на изучение глоссов;
- комплексный подход (система модулей, обеспечивающих различные подходы к изучению дисциплины);
- мобильность – возможность модернизироваться, пополняться, расширяться.

Содержание учебной книги по сути есть учебная информация, представляющая собой совокупность апробированных теоретических знаний, достоверных фактов. При этом совокупность имеет конкретную организацию – структуру, которая соответствует учебной программе (Тюрина 2018: 54).

Ценность учебной информации – получение нового образовательного результата (это и знания, и умения, и опыт, и достижения личностного роста) (Тюрина 2018: 55).

Говоря об учебной информации, ее фиксации в наиболее сжатом текстовом выражении, мы выходим на один из главных элементов УМК-К, которым является учебная книга «Глоссарий», по сути, «живая книга», «арсенал слов», ключевых понятий и словосочетаний. Понятия в глоссарии служат «зернами роста» содержания обучения.

Глоссарий – это понятийный каркас, выстраиваемый из минимальных структурно-содержательных единиц, информационных (текстовых) квантов, совокупность которых способна дать полную понятийную картину той или иной предметной области.

На этапе изучения конкретной учебной дисциплины студент дополняет глоссарий глоссами (для него забытыми понятиями) из ранее пройденных учебных дисциплин (пререквизитов⁵). Понятия пререквизитов в глоссарии студента появляются в роли квантов информации, которые им были забыты или не изучены. Таким образом, глоссарий, как бы принуждая воспроизвести их в памяти, помогает восполнить пробел в знаниях.

Любое понятие изучаемой учебной дисциплины, как правило, используется в качестве информационного кванта при осознании и постижении понятий постреквизитов⁶.

В классическом словаре понятия в основном располагаются в алфавитном порядке в тезаурусе⁷ собрана специальная терминология и терминология с семантическими отношениями (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.), в названии глав глоссария же спрятаны понятия входящих в главу тем, а в темах есть параграфы, которые также содержат понятия, и таким образом создается сетка и происходит соответствующая систематизация.

---

⁵ **Пререквизит** – это учебная дисциплина, предшествующая изучению данной учебной дисциплины.

⁶ **Постреквизит** – это учебная дисциплина, для изучения которой необходимы знания, приобретаемые по завершении изучения данной учебной дисциплины.

⁷ **Тезаурус** (от греч. *θησαυρός* «сокровище»), в общем смысле – специальная терминология. Более строго и предметно – словарь, собрание сведений, корпус или свод, полномерно охватывающий понятия, определения и термины специальной области знаний или сферы деятельности, что должно способствовать правильной лексической, корпоративной коммуникации (пониманию в общении и взаимодействии лиц, связанных одной дисциплиной или профессией); в современной лингвистике – особая разновидность словарей, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т. п.) между лексическими единицами. Тезаурусы являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей.

3) Организационный конструкт рабочей программы учебной дисциплины – «Технологическая карта учебной дисциплины» (графическая регистрация в деталях продуманного плана работы коллективного субъекта процесса обучения) документ, в форме таблицы представляющий описание программы освоения студентом дидактических единиц дисциплины посредством использования аудиторной и самостоятельной работы, необходимых и достаточных для этого образовательных ресурсов, форм входного, текущего и рубежного контроля, промежуточной аттестации.

«Технологическая карта учебной дисциплины» – это:

– документ, в котором отражена последовательность изучения дидактических единиц для достижения поставленных целей учебной дисциплины, а также указаны учебные модули, формы аудиторной и внеаудиторной работы, текущей аттестации, виды деятельности студента по освоению дисциплины;

– описание программы освоения студентом дидактических единиц дисциплины посредством использования аудиторной и самостоятельной работы, необходимых и достаточных для этого образовательных ресурсов, форм входного, текущего и рубежного контроля, промежуточной аттестации;

– запись в развитии, графическая регистрация формы и срока отчетности, получения ответов на вопросы: что уже знает и умеет студент из ранее изученных дисциплин; чему должен научиться студент; что может сделать студент для повышения оценки; какие задания должен выполнить для компенсации пропущенных занятий или текущей аттестации.

По каждой учебной дисциплине преподавательским составом разрабатывается отдельная технологическая карта с указанием баллов за выполнение учебных аудиторных заданий, посещений и самостоятельной внеаудиторной работы. Все технологические карты утверждаются на заседании кафедры до начала семестра. В начале семестра студентам объясняются критерии выставления баллов по каждой дисциплине.

В технологической карте каждой учебной дисциплины выделяются следующие виды контроля:

– **ректорский контроль остаточных знаний** – что уже знает и умеет студент из ранее изученных дисциплин;

– **деканский контроль (текущая аттестация)** – чему научился студент за 36 часов учебной работы.

Технологическая карта также содержит перечень заданий, рассчитанных на повышение баллов текущей аттестации или на компенсацию пропущенных отчетных работ, т. е. то, что может сделать студент для повышения оценки.

Технологическая карта как модуль технологии интенсивного обучения позволяет преподавателю: 1) произвести предварительную педагогическую диагностику и оценить стартовый уровень готовности студентов к восприятию и усвоению учебной информации в отведенное время; 2) предоставить студенту информацию о месте изучаемого курса в содержании вузовского обучения, предполагаемый уровень овладения учебным предметом; 3) ознакомить студента с конечной целью, которую предстоит достичь по завершении модуля, и перечнем промежуточных целей каждого этапа функционирования учебного модуля; 4) оказать помощь студенту в выборе уровня цели, в зависимости от степени подготовленности студента – базовый уровень (гарантированное достижение образовательного стандарта, продвинутый (углубленное изучение дисциплины), углубленный (научно-исследовательская, творческая работа по изучаемой теме); а также один из трех вариантов своего участия в учебном процессе в соответствии с тремя уровнями интеллектуальной активности студентов: стимульно-продуктивного, эвристического, креативного (Бондаренко 2003: 23).

Технологическая карта предлагает студенту: 1) в соответствии с уровнем избранной цели избрать индивидуальную траекторию движения к ней; 2) ознакомиться с временными границами модулей, разноуровневыми целями, датами проведения промежуточного и итогового контроля, вариантами использования резервного времени (повторное изучение материала, знакомство с дополнительным материалом, решение исследовательских задач, выполнение творческих заданий и т. д.) (Бондаренко 2003: 24).

4) Дидактический конструкт рабочей программы учебной дисциплины – как содержание сценария учебного процесса в его наименьшем знаковом выражении по Сковину, являет собой проектно-технологический раздел РП учебной дисциплины, который включает содержание проекта (сценария) учебной дисциплины и отражает определенную процедурную траекторию процесса обучения. Главная функция проекта учебной дисциплины, представленного в любой форме, в том числе и в форме дидактического модуля (ДМ) – обеспечить достижение образовательного ценза в соответствии с требованиями к результатам освоения учебной дисциплины.

Мы предлагаем представлять учебную программу как объединённый дидактический модуль – педагогический сценарий в наименьшем знаковом выражении, связывающий воедино единицу содержания образования, оптимально распределенное учебное время, необходимое для достижения поставленной цели, технологию обучения, наиболее эффективные средства педагогической коммуникации и реальные возможности обучаемой учебной группы (Сковин 2000).

Дидактический модуль в качестве единицы, обладающей мерой формы и содержания учебного процесса, отражает и включает основные его составляющие: многоуровневую дифференцированную цель, информационный модуль, обладающий возможностью к сжатию и расширению, адекватные содержанию методы и формы организации учебного процесса, методический и технологический инструментарий, функции и образ действия коллективного субъекта педагогической деятельности (Семенова 2006: 181).

При проектировании содержания учебной дисциплины из цельного ее базиса, необходимо выделить понятийную базу, ядро – тезаурус, где представлены основные смысловые единицы. Необходимо систематизировать их по элементам научного знания и дать по разделам курса в виде перечней, отражающих вехи его содержания, следующим образом: термины; понятия-явления, свойства, модели, величины; приборы и устройства; классические опыты. Понятийный аппарат, необходимый для описания механизмов протекания явлений, выделяется особо и оформляется в виде глоссария. Базис учебной дисциплины, представленный в виде таких перечней, усваивается обучаемым как система знаний. Перечни способствуют объективизации методологического знания, делают его предметом осознанного усвоения.

Проектирование дидактического модуля и определение технологических параметров организации учебного процесса предполагают: последовательную ориентацию на четко определенные цели, их максимальное уточнение; строгую направленность всего хода обучения на гарантированное достижение результатов; оценку текущих результатов, коррекцию хода обучения, направленную на достижение поставленных целей; заключительную оценку результатов (Качура 2002: 21).

Дидактический модуль как проект учебной дисциплины – это педагогический сценарий, связывающий в единый функциональный узел единицу содержания образования, оптимально распределенное время, необходимое для достижения цели обучения, реальные возможности коллективного субъекта процесса обучения и технологию обучения, гарантирующую достижение образовательного ценза без стрессов и перегрузок. ДМ в своем наименьшем выражении – это относительно самостоятельная обучающая единица с объемом содержания, равным дидактической единице дисциплины (ее разделу или теме).

Разработанный на основе принципа обновления содержания высшего образования и дидактического модуля конструкт рабочей программы учебной дисциплины является зерном роста для универсальной строительной единицы педагогической моделирующей среды – именно той среды, в ко-

торой одновременно проектируется и моделируется реальный учебный процесс, операционно выстраиваемый строго в соответствии с целевыми установками, последовательно переводимыми из требований государственного или самостоятельно установленного университетом образовательного стандарта и в соответствии с ожиданием социума в форму конкретно ожидаемого результата. Результата, который непосредственными участниками процесса обучения будет восприниматься как привычный, естественный и очевидный.

Литература

Беспалько, Татур 1989: Беспалько В.П., Татур Ю.Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов / В.П. Беспалько Ю.Г. Татур. М., 1989. С. 143.

Бондаренко 2003: Бондаренко М.А. Интенсивное обучение как модуль дидактической системы: автореферат дис. на соиск. уч. ст. к. пед. н.: 13.00.01 / Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. Тула, 2003. С. 23–24.

Зуев 1983: Зуев Д.Д. Школьный учебник / Д.Д. Зуев. М.: Педагогика, 1983. С. 130.

Качура 2002: Качура Н.Е. Модульное обучение как педагогическая технология: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Моск. гос. обл. ун-т. - Москва, 2002. С. 21.

Лыгина 2000: Лыгина Н.И. Рабочая программа учебной дисциплины как показатель качества деятельности преподавателя: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Новосибирский гос. техн. ун-т. Новосибирск, 2000. 18 с.

Новиков, Новиков 2007: Новиков А.Н., Новиков Д.А. Методология / Ин-т проблем управления РАН; Ин-т управления образования РАО. М.: СИНТЕГ, 2007. С. 20.

Семенова 2006: Семенова Г.В. Модульный подход к конструированию и реализации учебной программы по освоению дополнительной квалификации «преподаватель»: дис. на соиск. уч. ст. к. пед. н.: 13.00.01. Тула, 2006. С. 18, 181, 186, 187.

Сковин 2000: Сковин Е.В. Путь к граду совершенному / Е.В. Сковин. Тула: Изд-во ТулГУ, 2000. 96 с.

Сковин 2004: Модульный подход к организации и планированию учебного процесса в высшей школе / М.А. Бондаренко, Н.Е. Качура, Е.В. Сковин / Под ред. Е.В. Сковина. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. 235 с.

Сковин 2015: Сковин Е.В. Шаги навстречу научной педагогике: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сухум: АГУ, 2015. 219.

Сковин, Черкезия 2017: Сковин Е.В., Черкезия Л.Н. Программа учебной дисциплины как дидактический объект педагогического модуля науки: Абхазский государственный университет, 85 [Текст] = Ацснытәи ахәынтқарратә университет, 85: Акәа – Сухум: юбилейное научное издание / [редакционная коллегия: А.А. Гварамия (ответственный редактор) и др.]. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 425.

Тюрина 2018: Тюрина Л.Г. Учебная книга в информационном обществе [Текст] / Л.Г. Тюрина // Alma mater = Вестник высшей школы: ежемес. науч. журн. 2018. N 8. С. 54–55.

Штолер, Япринцева 2017: Штолер Н.Н, Япринцева К.Л. Учебная программа дисциплины: от регламентации к проектированию образовательной деятельности // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 78.

Список сокращений

АГУ – Абхазский государственный университет

ДМ – дидактический модуль

ОПОП ВО – основная профессиональная образовательная программа высшего образования

ОС – образовательный стандарт

ППУД – примерная программа учебной дисциплины

РПУД – рабочая программа учебной дисциплины

УМК-К – учебно-методический комплект-комплекс

УП – учебный план

УС АГУ – Ученый Совет Абхазского государственного университета

Л.Н. Черкезия

АРЦАРА АМАТӘАР АУСУРАТӘ ПРОГРАММА АИҶАРТӘЫШЬА: АКОНСТРУКТҚӘА, ИРЕИҶАЗОУ АШКОЛ АҶЫ АРЦАРАТӘ ПРОЦЕСС АРЦАРА-МЕТОДИКАТӘ ЦЦА

Аннотация. Астатиа азкуп арҷаратә дисциплина аусутә программа.

Анализ рызууп арҷара иреиҶазоу аҶара аусутә программа ашьатак аҳасабала аматәар аусуратә программа атеоретико-методологиатә Ҷазыақәа. АусумтәҶы иаарҶиуп иреиҶау аҶара иамоу астандартқәа

*ирықәшәо азыкайара аиуразы ААУ хатыр зқәу апрофессор Е.В. Ско-
вин ийәәцәеи иареи ишықәдыргылаз аномативтә, аинформациатә,
аиәкааратә, адидактикатә, иара убас арйара амаҕәар абстрактә
модель ирымоу айакы.*

*Аусумҕәәы иаарҕишуп ҳаамҕәзтәи арйара аус еиуеиҕишым ахыр-
харҕәәа рәы икоу азнеишья ҳасаб азуны, арйара-методикатә ус
арманиәалараәы ари аусумҕә ишьяҕас иаиуз аҕйәарақәа хархәара
рыҕашья. Иаҕйоу аконструктқәа рыбзоурала арйафы илиоит иара
иду амаҕәар ала арйара-методикатә комплект ашықәдыргыларә.*

Ихадароу ажәәқәа: *арйара амаҕәар аусуратә дисциплина, аиәкаашья,
конструкт, арйара амаҕәар аомплекс ҳаамҕәзтәи арйара-методи-
катә комплект.*

L.N. Cherkezia

**WORKING PROGRAM OF THE EDUCATIONAL DISCIPLINE:
DEFINITION, STRUCTURES, TEACHING AND METHODOLOGICAL
SUPPORT OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER SCHOOL**

Annotation. *This article is devoted to the work program of the academic disci-
pline. The paper analyzes the theoretical and methodological characteris-
tics of the working program of the academic discipline as a module of the
main professional educational program of higher education. The study de-
scribed was created by the honorary professor of the Abkhaz State Universi-
ty E.V. Skovin and his students the constructs of the work program of the ac-
ademic discipline (normative, informational, organizational and didactic),
as well as the developed Abstract model of the educational-methodological
set-complex for the academic discipline.*

*The work demonstrates the role of all of the above in the high-quality educa-
tional and methodological support of various areas of training, taking into
account the requirements of modern educational standards of higher edu-
cation. On the basis of the created constructs and the model of the learning
process, the teacher can assemble the educational-methodical set-complex
for the academic discipline.*

Key words: *work program of the academic discipline, construct, education-
al-methodical set-complex for the academic discipline.*

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

А.З. Гумба

АРХИТЕКТОНИКА НАРОДНОГО ТАНЦА И ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА АБХАЗОВ

Научное сопровождение доктора исторических наук, профессора АГУ В.Л. Бигуаа:

В работе А.З. Гумба впервые исследуется «Аспект взаимовлияния национальной одежды и танцевальной лексики абхазов». В современном обществе, когда мы наблюдаем тенденцию к возвращению национальной одежды не только по особым случаям, но и в повседневную жизнь, статья приобретает особую актуальность и, несомненно, вызовет интерес.

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимообусловленности традиционной одежды абхазов, как одного из факторов формирования эстетического аспекта танца и танцевальной лексики, имеющего широкое распространение и в современной хореографической действительности.*

Ключевые слова: *абхазы, танец, хореографическая лексика, характер танца, народная одежда, сценический костюм.*

Традиционная одежда является знаком и символом творческого выражения этноса, одновременно она выполняет еще и утилитарную и эстетическую функции. Утилитарная функция сводится к защите человека от воздействия природы (холода, жары, ветра, дождя и т. д.), удобству, созданию комфортного пододежного микроклимата. Эстетическая функция раскрывает духовную составляющую этноса и несет информацию о социальной, гендерной и этнической принадлежности человека.

Формирование традиционной одежды происходит под влиянием природно-климатических и историко-культурных факторов. Тем не менее форма одежды не отличается абсолютной консервативностью. По мере развития этноса и изменений хозяйственно-экономического уклада, одежда трансформируется и в стремлении к оптимальной функциональности, совершенствуется и дополняется новыми элементами. Как подчеркивал Ш.Д. Инал-ипа, «главное в одежде не в форме и не в материале, а в характере ее употребления, всегда связанном с какой-либо деятельностью человека, с его движением и трудом» (Инал-ипа 1960: 200).

Между тем традиционная одежда обладает еще одной функциональной характеристикой. Она играет непосредственную роль в формировании хореографической лексики любого народа. «Архитектоника народных кабардинских танцев в известной мере определяется национальной одеждой...», – пишет Л.Г. Нагайцева (Нагайцева 1986: 39). Очевидные взаимодействия и взаимообусловленность архитектуры народного танца и традиционной формы одежды прослеживаются и на абхазском этнографическом материале.

Традиционная одежда абхазов в своей повседневной и празднично-выходной формах в ходе социальных преобразований 1920–1930-х гг. была вытеснена европейской. Сегодня старшее поколение, а также часть молодежи используют традиционную одежду исключительно в качестве парадной или празднично-выходной. Необходимо отметить, что данное явление не носит массового характера. Полный комплект традиционной одежды можно увидеть лишь на сцене, в театральных и хореографических постановках. Нетрудно заметить, что, став сценической, народная одежда подверглась значительной стилизации¹. Тем не менее основные элементы архитектуры народного танца, в частности, положения рук, ног и технические элементы определяются традиционной одеждой.

Одежда абхазов подробно описана в абхазоведческой этнографической литературе (Аджинджал 1969; Малия, Акаба 1982; Малия 1985), и это освобождает нас от необходимости заострять внимание на видах, формах, компонентах и способах ношения отдельных ее комплексов. Мы остановимся только на тех формах, элементах и аксессуарах, которые оказали влияние на архитектуру народных абхазских танцев.

Амплитуда танцевальных движений зависит от материала, формы, кроя и аксессуаров традиционного костюма. При исполнении быстрых, технически сложных, насыщенных трюками танцев одежда должна быть свободной, удобной и не сковывать движений. В данном случае учитывается фактура ткани, из которой сшита одежда, она должна быть либо легкой, либо тяжелой, мягкой или жесткой; важна форма кроя, фасон, объем. Интересно, что в одежде используется минимум украшений; облегчаются, упрощаются головные уборы и обувь. Красота и богатство традиционного костюма даются не случайно. Как правило, они сопряжены с некоторыми неудобствами. Головные уборы, вышивки, нашивки, чапразы (застежки), серебряные и золотые пояса, – все это утяжеляет костюм. По-

---

¹ Стилизация – сознательный, творческий процесс, при котором костюм подвергается трансформации, обобщению форм, облегчению и упрощению конструкций, отдельные элементы ликвидируются, дополняются или заменяются.

этому такие детали демонстрируются исключительно в лирических медленных танцах.

Одежда абхазов, как и других горских народов Кавказа, строго дифференцировалась по гендеру и социальному положению. Естественно, эти дифференциации нашли отражение и в хореографическом искусстве, сформировав в свою очередь отдельные группы хореографической лексики – как мужские, так и женские.

Наблюдается прямая логическая связь между элементами мужского комплекта традиционной одежды и танцевальной лексикой. Для более детального анализа рассмотрим по отдельности составляющие костюма: головной убор, одежду и обувь.

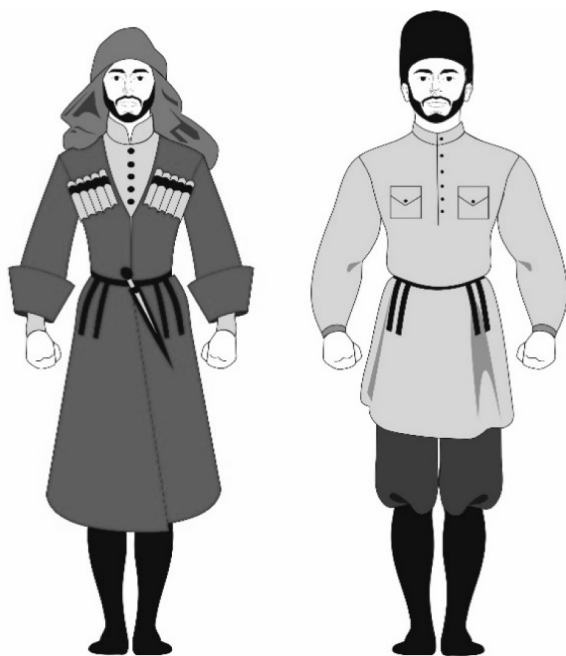

Рисунок 1. Наиболее распространенные комплекты мужской одежды

Степень активности головы в танце в известной мере зависит от головного убора: башлыка – *ахтырча*, войлочной шапки – *ауацзахылча*, либо меховой шапки – *ахылчарч*. Во время танца положение головы танцора должно быть статичным, поскольку динамичные движения могут привести к падению головного убора, что считалось неприемлемым. Ношение головного убора у абхазов было обязательным, с непокрытой головой абхаз мог находиться только у себя дома. Даже при встрече, приветствуя друг друга, абхазы не снимали папаху или башлык.

Головной убор снимали только на похоронах, в момент, когда оплакивали покойного.

Свободным краем рукавов черкески *акдымжэы*, бешмета *акаба*, рубахи *ахарч* объясняются разнообразные позиции, положения и свободные, размашистые движения рук во время танца. В мужском танце мы часто наблюдаем положение руки в третьей позиции. Но при этом необходимо отметить, что корпус должен оставаться в статичном положении, и это объясняется тем, что абхазы являются представителями воинской культуры,

и, следовательно, им несвойственны перекосы и прогибы корпуса – так как корпус в первую очередь является показателем не гордости, как мы привыкли предполагать, а уверенности в себе.

Подвижность ног в танце зависит от длины черкески и удобных свободных штанин *азеиқаа*. Удобные штаны позволяют с легкостью выполнить такие элементы как *шьапыршә* – выбросы и *шьапырс* – выпады ног разной глубины.

Продемонстрировать богатую технику ног позволяет мягкий материал, из которого изготовлена обувь. Именно обувь для танцев способствовала формированию сложной системы технических элементов, таких как *ашьа-цәхыртәра* – последовательные удары в пол пяткой и пальцем; *еихатә-хашь* («ножницы») – *вскоки на пальцы ног из третьей во вторую* и обратно в третью позицию (или из второй в третью и обратно во вторую позицию); *айқаркьакьара* – легкий «укол» в пол дистальной фалангой большого пальца ноги. Обязательным условием исполнения вышеперечисленных элементов являются задействование а) дистальной фаланги больших пальцев ног; б) задействование пальцев ног за исключением мизинца. Заметим: в обуви европейского типа исполнение данных элементов с сохранением их колорита невозможно.

Рисунок 2. Наиболее распространенные комплекты женской одежды

Для более детального анализа роли женской одежды рассмотрим по отдельности составляющие части костюма: головной убор, одежду и обувь.

Активность головы в танце зависит от головного убора, а женские головные уборы представляли собой сложные конструкции, состоящие из нескольких деталей, поэтому положение головы танцующей оставалось статичным, в противном случае она могла опростоволоситься, как говорили в старину, то есть остаться с непокрытой головой.

Отличительной чертой женского танца является

большая танцевальность рук при статичном положении корпуса, это объясняется ношением плотно прилегающего лифа – *аилакъ*. По поводу аилакъ, Н.М. Альбов писал: «Существует мнение, будто черкешенок, в том числе абхазок, еще с детства зашивают в длинный корсет, от которого они будто бы освобождаются только по выходе замуж» (Альбов 2016: 111). Но Е.Н. Студенецкая уточняет функциональную значимость этого элемента «...кафтанчик был предназначен для того, чтобы туго схватывать и стягивать фигуру, от плеч до талии <...> при застегивании кафтанчик туго натягивался. Если же одежда с такими застежками была свободной, они расстегивались» (Студенецкая 1989: 137).

Немалое количество разнообразных движений и положений рук обязано свободным длинным рукавам. Все движения рук от плеча до кисти пластичны, плавны и мягки. Однако, при всем этом, до недавнего времени девушки не поднимали рук выше плеч и в третью позицию. Этому есть несколько объяснений: а) *џасзам* – не по обычаю, табу; б) зона подмышек относится к категории *акэа*, демонстрация которой запрещена; в) показывать зону подмышек некрасиво (*пхашьароуп*), (вероятнее всего, таким образом танцор избегал даже случайно продемонстрировать, что он вспотел во время танца). Предположительно, отсутствие третьей позиции рук в женском танце обусловлено формой одежды, в частности, ношением плотно прилегающего лифа-корсета, который застегивался на вышеуказанные металлические пуговицы *ачапраз* на груди и сковывал корпус, препятствуя свободному поднятию рук вверх. При неловких и резких движениях пуговицы могли разойтись.

Между тем, даже при наличии удобной обуви, техника ног женского танца могла быть ограничена из-за нескольких нижних юбок и штанов, надеваемых под длинное платье. Женский танец в основном состоял из скользящих маленьких шагов на полупальцах, которые исполнялись на месте и в продвижении. После того, как вышли из употребления юбки длины макси, техника ног женского танца стала обогащаться за счет копирования мужской техники, но при этом движения исполнялись мягко, легко и неслышно. Но все же женский танец так и остался «танцем рук» в отличии от мужского «танца ног».

Одежда не обходилась без украшений, которые завершали образ человека. «В мужском костюме высоко ценились серебряные либо костяные поясные украшения, холодное и огнестрельное оружие, инкрустированное костью, рогом, либо украшенное серебром. Женский костюм характеризовался различного рода съемными украшениями: поясами,

браслетами, серьгами, кольцами» (Малия 1985: 6). Главный аксессуар мужской одежды – наборный пояс с кинжалом *акама* (акама) – определил положение рук при исполнении технически сложных танцевальных элементов ногами. При их исполнении руки фиксировались на кинжале для удерживания его от раскачиваний и создания помех: а) кисти рук фиксируются на рукояти кинжала сверху (правой рукой берется рукоять, а левая рука кладется на правую), локти отведены в стороны; б) правая рука фиксируется на рукояти, а левая, посередине ножен, локти отведены в стороны).

Следует подчеркнуть, что в прошлом одежда служила отражением социального расслоения абхазов. И.А. Аджинджал пишет: «... князья и дворяне носили одежду и обувь из высококачественных, преимущественно завозных товаров, богато украшенную разноцветными галунами» (Аджинджал 1969: 367). Далее он продолжает: «“Независимые” и “зависимые” крестьяне носили одежду и обувь без всяких украшений, главным образом из самодельного грубого холста, войлока, сукна, сыромятной кожи, самодельного сафьяна и пр.» (Аджинджал 1969: 368).

Интересно, что социальное расслоение абхазов, нашедшее отражение в одежде, никак не отразилось в танцевальной лексике. Различия наблюдаются исключительно в характере подачи танцевальных элементов. Это говорит о том, что у абхазов княжеских танцев не было. Представители высшей сословной знати танцевали по-дворянски (*аамсташэала*), гордо переступая (*иныхгыла-аахгыло*), как подобает людям высшего сословия. Крестьяне танцевали быстрее и стремительнее; взлетая – *икэпраауа*, вращаясь и паря (*ихагежьюа*), скользя (*икэшъкъраауа*) и т. д. И сегодня среди абхазов о людях, танцующих медленно и степенно, бытует выражение: танцует по-дворянски – *аамсташэала джэшоит* или *икэашашья аамсташэоуп*.

Из вышесказанного вытекает предположение, что при однообразии хореографической лексики абхазов различия в характере исполнения танцевальных элементов продиктованы как уровнем мастерства танцора, так и отличительными особенностями одежды. На характер исполнения танца влиял социальный статус танцора. Князья и дворяне в длинных черкесках, богато украшенных драгоценным металлом, оружием, инкрустированным костью, не могли бы позволить себе танцевать быстро и стремительно, как крестьяне, одеяния которых были скромнее, на порядок легче и свободнее.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы о взаимовлиянии и взаимообусловленности формы одежды и лексики танца. В частности,

очевидно, что головные уборы определяют активность головы; крой и длина рукавов диктуют подвижность рук; штаны и обувь – подвижность ног.

О том, что одежда сыграла не последнюю роль в формировании танцевальной лексики, спорить не приходится. Но в то же время нельзя утверждать, что хореография могла повлиять на модель одежды абхазов. Если бы это было так, то, помимо существующих комплектов одежды – повседневной, праздничной, походной, всаднической – существовал бы еще один образец для танца. Данными о наличии каких-либо других комплектов традиционной абхазской одежды мы не располагаем.

Изучая народный танец, убеждаемся, что необходимо исследовать не только танцевальную лексику, но и источник ее формирования – историю, быт, нравы, традиции, характер народа, традиционную одежду, которая является визуальным воспроизведением и наглядным отражением эстетического мироощущения этноса и выступает в качестве одного из важнейших этнодифференцирующих факторов.

Литература

Аджинджал 1969: Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии (Материалы и исследования). Сухуми: Алашара, 1969. 536 с.

Альбов 2016: Альбов Н.М. Очарованный Абхазией // Жизнь и странствия Николая Альбова. Дневники, статьи, письма, воспоминания. Сухум: 2016.

Инал-ипа 1960: Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми: Абгосиздат, 1960. 447 с.

Малия, Акаба 1982: Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов (Материалы для историко-этнографического атласа Грузии). Тбилиси: Мецниереба, 1982. 211 с.

Малия 1985: Малия Е.М. Украшение одежды у абхазов. Сухуми: Алашара, 1985. 100 с.

Нагайцева 1986: Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. Нальчик: Эльбрус, 1986. 141 с.

Студенецкая 1989: Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.

А.З. Гəымба

**ЖƏЛАР РЫКƏШАРА АРХИТЕКТОНИКЕИ АЦСУА
ТРАДИЦИАТƏ ШƏЦАТƏИ**

Аннотация. *Астатиаҕы иҗдыргоуп акэашареи аматэеи реихьыңшызаареи, реимадареи рызҗаара. Иара убас иазаатгылоуп аҗсуа милаттэ матэа ахореографиатэ лексика ашьақдыргылараҕы иааннакыло атҗың.*

Ихадароу ажэақэа: *аҗсуаа, акэашара, ахореографиатэ лексика, акэашаратэ кэзшьа, ажэлар рышэҗатэы, асценатэ костюм.*

A.Z. Gumba

**ARCHITECTONICS OF FOLK DANCE AND TRADITIONAL
CLOTHING OF ABKHAZIANS**

Annotation. *The article examines the issues of interaction and interdependence of traditional Abkhazian clothing as one of the factors in the formation of the aesthetic aspect of dance and dance vocabulary, which are widespread in modern choreographic reality.*

Key words: *Abkhazians, dance, choreographic vocabulary, character of dance, folk clothes, stage costume.*

АЕКОНОМИКА • ЭКОНОМИКА

З.И. Шьалашьаа, А.Р. Гэлиа

АПСНЫ АБИУЦЬЕТ АШЭАРТАДАРАҒЫ АШЭАХТЭҚӘА РЦАКЫ

Аннотация. Астатиаҕы зйаара хаданы иқэгылоуп хазтагылоу аамтазы Аңсны абиуцьет ашэартара итамгыларц азы ашэахтэқәа инарыгзариц ирыхэтоу аусхкқәа реилкаара. Убри инадкыланы ирзаатгылоуп итаҳйаауа азйаара хада иадхэалоу егырт аекономикатэ категориакәа: ашэахтэ-биуцьет системей аекономика ашэартадареи, амилат шэартадара хэтақәас иамоу, амчрагыы еиха изыргэғәо. Абарт, айак чыда змоу азйаарақәа, еиҕекааны ианызбаха, ахэынтқарра иазыманшэалахоит Аңсны иқэынхо ауаажэлар рсоциалтэ бзавара еиха ихаракны ашьтыхра.

Ихадароу ажэакәа: ашэахтэ-биуцьет система, абиуцьет шэартадара, аекономикатэ шэартадара, амилаттэ шэартадара, аекономикатэ шэартадара ашьақэыргэғәаразы аусхкқәа.

Хазтагылоу аамтазы проблема гэгэаны Апсны ахэынтқарра апхья иқэгылоуп адунеижэларбжьараҕы имоапысуа аусхкқәа зинеипшрала рыҕерылархэра. Абри азцаара таула азбара иаҕагылоу апроблемақәа рапхья игылоуп 25 шықәса инареиханы аладатэи атэылақәа имоапырго «0-стандартк» хэа зыхьзу аполитика. Ари атагылазаашья кырза ирпырхагоуп аиташьақэыргыларатэ усхкқәа реиҕекаара, насгыы иацхраауам асоциал-економикатэ еитакрақәа рымоацгара. Иара убас иазгэататэуп, зызбахэ ххэаз апынгылақәа ишыладыркэуа ахэынтқарра мчрақәа рылшара, Апсны амилаттэ интерескәа ахэаанырцэтэи аекономикеи аполитикеи ирызку азцаарақәа рызбараҕыы, иара убри алагыы идырпсыҕеуеит иалшаша амилаттэ шэартадара апроблемақәа реиҕекаараҕыы.

Иатцшыны ихэатэуп, 2008 шықәса раахыс Апсны ахэынтқарра азхатаразын Урыстэылатэи Афедерациеи егырт ООН иалахэылоу ахэынтқаррақэеи ишьақэдыргэгэаз акэцарақәа Апсны апхья ишаадыртуа аекономикеи асоциалтэ зцаарақәа рышьтыхразы еиха иманшэалақэоу амоақәа, насгыы акыр ишацхраауа амилат шэартадаратэ проблемақәа рызбара.

Ашэахтэ-биуцьеттэ шэартадара азцаарақәа ирыцанакуеит аекономикатэ шэартадара ииҕекааразы хадара злоу аусхкқәа, насгыы, уа апхьягылара амоуп --ахэынтқарратэ шэахтэтэ система.

Ҳаззатгыло азцаарақәа еиуеипшым ахырхатақәа рытцаркуеит. Урт инарт-бааны ирыхцәажәахъеит атыцантәии аҳәанырцәтәии атцарауаа, аха иахьанза итцаамкәа иаанханы икоуп, иарбан тыцу иааннакыло ашәахтәтә-биуцәттә шәартадара аеконмикей амилати ршәартадара ашьақәыргәгәараҕы. Еихаракгы ари азцаара ирцауланы атцаара рацхьа икәгылоуп Апснейпш икоу, икәыпшқәоу, ихьыпшым, зхатә шыаҕақәа рыкатцара иаҕу, жәларбжьарала ахатцара нагзаны измауц, ахәынтқаррақәа.

Иазгәатәтәуп, 2016 шықәсазы ишьақәыргәгәаз 2025 шықәсанза зцазкуа Апсны ахәынтқарра асоциал-экономикатә ҕиара астратегия аҕы иацшыны ишарбаз, ахәынтқарра шәартадарала аус аҕы ихадароу атыц шааннакылоу Апсны ашәахтә-биуцәттә система. Избанзар уи иалшоит аэкономика аизырхара, ацхыраара атара, насгы ажәлар рзы акрызцазкуа асоциалтә, азинхьчаратә, атәылахьчаратә, апсабарыхьчаратә усмәапгәтәкәа рынагзара.

Хгәаанагарала, ахәынтқарратә шәахтәтә система ианыпшуазароуп иахьатәи аамтазы ауаажәлар икәдыргыло апроблемақәа аобъективтә шыаа атаны рызнеира, насгы иара апхьа зцаара хаданы икәгылазарц ахәтоуп иагьазбароуп еизааигәоу азцаарақәа ъба:

- актәи, ахәынтқарра финанстә уасхырла аикәыршәара;
- аѡбатәи, аусдкылацәеи аинвесторцәеи рус дыртбааразы агәазыкатцара рытара.

Абарт азцаарақәа рызбаразы Апснытәи ашәахтәтә система, хымпада, апсахрақәа мачымкәа иалагалатәуп, избанзар иара аиҕкаара иналагаз, 90-тәи ашықәсқәа ралагамта аахиийжәтеи иахьанза, акыр аамта бжьысит, аитакрақәа мачымкәа икалеит, насгы зцаараны икәгылеит Апсни Урыстәылеи ршәахтәтә системақәа цакыла еицәыхарамкәа рышьақәыргыллара.

Иахьатәи аамтазы Апснытәи ашәахтә-биуцәттә политика иалшозароуп рызбара еиуеипшым ауснагзатәкәа. Убарт рахьтә иалахкаауеит:

- ахәынтқарра еицмыркьазакәа афинанс-экономикатә уасхырла аикәы-ршәара;
- амилаттә экономикей, аусхкқәеи, анаплакқәеи, зхатәы ус иаҕуи, хаҳарала аусура рзапцара;
- ахәынтқарра амчрей, анапхгарей, иара убас атыцантәи ахатәы напхгарей финансла реикәыршәара;
- абиуцәттә иадхәалоу аусхкқәа рҕы аус зуа ауаажәлар ауалафахәы рызшәара;
- зхатәлшара змам ауаапсыра аматериалтә цхыраара рытара.

Ахәынтқарратә финансқәа хазыртәауа ахәтақәа иреиуоуп: ашәахтәкәеи, аҳазалхратә бацьи, аизгақәеи. Урт аһнытқатәии адәахьтәии ахыпцхыртақәа рымоуп.

Аекономикатэ шэартадара шыакэдыргээоит Ацсны аоныткатэи азеипш аалытци, ахэынтқарратэ биуцети, ашэахтэкеи рќацарбаќа, урт ртагылазааша 2015–2019 шыќэскэа ирыцаркуа арбоуп атазшыра 1 акны.

Атазшыра 1. Ацсны аоныткатэи азеипш аалытци, ахэынтқарратэ биуцети, ашэахтэкеи рќацарбаќа 2015–2019 шш. рзы

Аќацарбаќа	2015			2016			2017			2018			2019		
	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%
Аоныткатэи азеипш аалытци	28569,2	30292,2	106,0	30397,1	100,3	31872,0	104,9	34833,1	109,3						
Ахэынтқарратэ биуцет	6343,1	10071,9	158,8	10200,9	101,3	9169,5	89,9	10132,8	110,5						
Абиуцет ахатэы хашэала	3217,0	5362,6	165,6	5424,7	101,2	4450,6	82,1	5081,5	114,2						
Ашэахтэка	2375,6	2733,9	115,1	2482,5	90,8	2570,2	103,5	3574,9	139,1						
Урыстэылафинанстэ цхыраара	2700,0	5362,2	198,6	5424,7	101,2	4450,6	82,0	5051,1	113,5						

Атазшыра иунарбоит ацыхэтэантэи ашыќэскэа рзы аоныткатэи азеипш аалытци есаира иацло ишаауа, уи хар змам усуп, аха ахэынтқарратэ биуцети ашэахтэка рќацарбаќеи ирныцшуеит уи ишаќэымшэо, еиќаракгы абиуцет 2018 ш. рзы аитцахара аман, ашэахтэка – 2017 ш. Насгы абра иазгэататэуп ахэынтқарратэ биуцет ахартэараќны имаќымќа атыц шааннаќыло Урыстэылатэи афинанстэ цхыраара. Иааидќыланы хэышыќэса рыонытќала уи иартэеит 23,0 миллиард маат рќынза, хэарада, ари цхыраара дууп Ацсны азыхэан.

Даеа ганкахыла уахэапшуазар, абарт аќацарбаќа иуеилдыркауеит ацхыраара ахараќыра анмаќхалаќ, 2018 ш. рзы ишыќалаз еипш, ахэынтқарратэ биуцет ахартэарагы шмаќхо. Абриашыза атагылазааша иазќны ахэынтқарра ахадара аганахыла иатахуп иахэтоу алкааќа рыќацара, еиќаракгы абиуцет хыпшымра ашытыхразы. Убасќан уи ацхрауеит Ацсны аекономикатэ шэартадаратэ усќа рызбара.

Ашэахтэ шэартадара атагылазааша ахэшыра аутар алшоит Ацсны ахэынтқарратэ биуцет ахатэы хашэалеи ашэахтэкеи реиќырпшрала, уи убартууп атазшыра 2 акны (Гэлиа 2020).

Атазшыра 2. Ацсны ахэынтқарратэ биуцети ашэахтэкеи рќацарбаќа 2015–2019 шш. рзы

Аќацарбаќа	2015			2016			2017			2018			2019		
	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%	млн. маат	млн. маат	азх.,%
Абиуцет ахатэы хашэала	3217,0	5362,6	165,6	5424,7	101,2	4450,6	82,1	5081,5	114,2						
Ашэахтэка	2375,6	2733,9	115,1	2482,5	90,8	2570,2	103,5	3574,9	139,1						

Атазшыра ағы иарбоу ақатарбақәа еиғырпшыны урыхәапшыр, иумбар залшом ашәахтә шәартадара ацакы шылақәу. Уи иаангоит Апсны ахәынтқарра ахадара иқарцар рыхәтоуп, еиуеипшым аорганизациатә-экономикатә усқәа хықәкы хадас иқатаны, амилати ахәынтқарреи ршәартадара тә проблемақәа рызбаразы ашыағақәа.

Апсны административ-цакырадгьылтә еихшара инақәыршәаны, ашәахтәтә-биуцеттә система иацанакуеит ареспубликатәии атыцантәии абиуцетқәа. Апсны араионқәа рбиуцетқәа рыоныцқа иарбоуп ақытақәеи, ахаблақәеи, араионқәа ирылоу ақалакықәеи рбиуцетқәа (Апсны ахтныклакь – Акәа, иамоуп ахатәи биуцет). Зызбахә хәоу абиуцетқәа зегьы аайдкыланы ишыақәдыргылоит Апсны Ахәынтқарратә биуцет. Абас ала, Апсны ишыақәыргылоуп ө-харакырак рыла еиқәыршәоу абиуцеттә система, ареспубликатәии аоныцқатәии. Дара ирыбжьоуп еидызкылои еидызхуеи, ахашәалақәеи аныхрақәеи рганахьала еиуеипшым азакәантә цқарақәа.

Хыхь иаххәаз иаанаго убри ауп, – иахьатәи Апснытәи абиуцеттә система өнытқала иацуп еиуеипшым аэкономикатә интересқәа, урт есаaira ахылацшара рымазароуп ахәынтқарра аганахьала.

Апсны абиуцеттә система иацанакуа аэкономикатә интересқәа иреиуоуп:

а) ахатә наплакқәа реихабыреи аусуөцәеи рыбжьара – амал арҳара, уи аихшара, аусзуөцәа ауалафахәы рытара, уи ақынтәи ашәахтә ашәара, иара убас аусзуөцәа рсоциалтә базара ахә ахшәара;

б) ажәлар еицырзеипшу азцаарақәеи ауаөы ихатәи интересқәеи;

в) ааглыхратәии ақытанхамөатәии ирыцаркуа араионқәа рыбжьара ашәахтәқәеи ахашәалахәқәеи аобъективтә казшыа рытаны реихшара, насгы ахәынтқарра ақынтәи ацхыраара ирзеипшыны рытара.

Аамтақәак ирылагзаны абарт аинтересқәа аиғагылара роур калоит. Убасқан уи аэкономикатә шәартадара аус анагзара апырхагахоит.

Абас еипш икоу иееим аусқәа анцәырцуа ахәынтқарра анапхгара ирыхәтоуп астратегиятә шыаца змоу аэкономикатә программа адкылара, уи цақа иаагоу аусхкқәа шыацас иатаны:

1) ицшаатәуп еиуеипшым амөақәа ахәынтқарратә асоциал-экономикатә политика еидгыланы анагзаразы;

2) Хаз-хазы аус зуа анаплакыөцәа инарыгзо аусқәа ахәынтқарратә цакы змоу аусхкқәа ирықәшәо аметодқәа;

3) имөапгалатәуп еиуеипшым аиғакарақәа ахәынтқарра ажәлар русқәа рынагзарағы иапырхагоу аусқәа пзыркәкәауа.

Апсны ашәахтә-биуцеттә политика анагзара ханалацәажәо, хазы зцаараны ирыхәапштәуп ахәынтқарратә биуцет иахьа иакәытханы икоу афондқәа, имачымкәа ахәынтқарратә цара нызхуа.

Убарт иреиуоуп асоциалтэ ускэа рынагзара знапы иану хэ-фондк:

- Атэанчаратэ фонд, 2019 шыкэсазы иаланагалеит иагыннахит бжъаратэла 960,0 млн. маат;
- Арепатриация афонд – 145,0 млн. маат;
- 1992–1993 шш. рзы Ацсны аибашьрафы ахэракэа зауз рфонд – 117,0 млн. маат;
- асоциалтэ пгапсаркратэ фонд – 102,0 млн. маат;
- хымцадатэи амедицинатэ пгапсатэ фонд – 38,0 млн. маат.

Иара убас хазы икоу фондкэоуп: Амэатэ фонд – 80 млн. маат., Априватизациатэ фонд – 1,5 млн. маат.

Еикэахапхьазаз зегьы ааицуцар идьртэоит 1,4 миллиард маат апара.

Иара убас азбахэ хэатэуп Ацснэтэи абиуцъет-финанстэ системафы атыц шамоу даеа проблемакгы, уи рыдхэалоуп имачымкэа ахэынтқарратэ наплаккэа, абиуцъет иалоугьы наццаны. Урт ахэынтқарра акынтэи азин рытоуп хазы икоу ахатэы банктэ пхьазаракэа раартра, еихаракгы акомерция аганахьала, уахь итанагалоит имачымкэа ахашэалахэкэа.

Абра еикэахапхьазаз афырпштэкэа иуеилдыркаауеит ишацэхьатцу абиуцъеттэ система ашыакэгьыларазы иалкаау априципкэа руак: абиуцъет акзаареи атбаареи.

Даеакала иаххэозар, абас еипш ишыакэгьылаз аус даараза иапырхагоуп ахэынтқаррафы атыц змоу иреалтэу афинанстэ тагылазашья аилкаара. Ари абыза атагылазашья аэкономиактэ шэартадара аргэгэара иапырхагоуп.

Абра икататэуп даеа лкаакгы, иаххэаз иаанагом ахэынтқарратэ биуцъет иахьпхьазаламхаз апаракэа зегьы ишрыхэтам иныхуп хэа. Насгы иазгэататэуп, ахэынтқарратэ биуцъет иалам афондкэа ишынарыгзо ичыдакэоу аусхккэа (еихаракгы асоциалтэ усхккэа рынагзарафы), убри алагы акыр ихадьртэаауеит ауаажэлар рыцхыраарафы ахэынтқарратэ дцакэа.

Иахья Ацсны проблеманы икэгьылоуп амилактэ экономика ахэтак, азакэан ишыакэнаргыло апкаракэа еилаганы, шэшьырала аусура. Ари абыза атагылазашья, хэарада, Ацсны ахэынтқаррагы цхьака иазгом, ажэлар еицырзеипшу азцааракэа рызбара иапырхагоуп. Иаанагоугьы агоуп – афинанс-экономикатэ шэартара артбаара.

Ацарауао Х.А. Шьатица лгэаанагарала, 2018 шыкэсазы аонытқатэи азеипш аалытц акынтэи ашэшьыратэ экономика иартэон 53% инареиханы. Апарахь ииаугар уи бжъаратэла иартэоит 15–18 миллиард маат ркынза (Шьат-ипа 2019). Абас еипш ишыакэгьылаз атагылазашья иахкьаны, ахэынтқарратэ биуцъет 2 миллиардк инареиханы апара агхоит. Уи абиуцъет ахатэы хашэала иафурцшыр, иартэоит 45% инареиханы.

Ара иаахгаз ағырпштэы акынтэи икауцар алшоит абас еипш икоу алкаакэа:

- ахэынтқарратэ шэахтэ система ишақэнагоу иазынагзом иара закэанла иаду афискалтэ уснагзара;
- азакэан икэныкэо анаплагыөцэа рзы иазхауеит ашэахтэ угэ;
- ахэынқарра иазынагзом ауаажэлар рғацхья иахэтоу асоциалтэ усхккэа: агэабзирахьчара, атарадырра, акультура, атцаарадырра, абафырцэырей аспорти ухэа убас ирацэаны рганахьала.

Иаидкыланы иухэозар, ашэшьыратэ економика ахэынтқарра цнашэауеит, иарпсыгеуеит амилаттэ шэартадара, убри азыхэан есааира иатахуп ахэынтқарра аганахьала еиуеипшым аусхккэа рымөацгара. Ари имариам аус ағы ахархэара рытатэуп административтэи аекономикатэи аметодкэа ирытцаркуа аусхккэа.

Ацсны иахья ашэшьыратэ економикағы аус зуа азакэан мөа икэныкэо рыкатцара имариоу усым. Избанзар, хыхь ишаххэахьоу еипш, хыпхьазаралагы имацым, насгы аамталагы ус икоижьтэи акраацуеит, 90-тэи ашықэскэа инадыркны.

Ацсны аибашьра ашьтахь, апхьатэи ашықэскэа рзы, ахэынтқарра ахадара ажэлар иреичахауан, рсоциалтэ тагылазаашья ахьымариамыз азы. Зхатэ ускэа ирғызгы ашэахтэкэа рымшэаргы, ауал ахасабла ироуз акредиткэа ианаамтоу идмыргыжьыргы, иранарыжьуан. Абас аамта шцоз ари аус ашьцыларахь ииасит, иахьанзагы убас иаауеит.

Иахья хазтагылоу даға аамтоуп, ахэынтқарра инанагзаша аускэа кыр ирыцлеит. Урт зегы ианаамтоу рынагзаразы иатахуп имацымкэа ахарць. Убри азыхэан ахэынтқарра иаланагалозароуп иахэтоу афинанскэа. Ацсны ахатэ пара тнажьуам, абиуцет хазыртэаауа шыатас икоу еихарак ашэахтэкэа роуп. Урыстэылантэи афинанстэ цхьраара даара атцакы дууп, аха уи иазыпцэоуп хазы игоу аныхратэ мөакэа.

Ажэакала иухэозар, иахьатэи аамтазы Ацсны ахэынтқарра аихабыра рғацхья зцаара тбааны икэгылоуп – ашэшьыратэ економика ацэыргара, азакэанкэа ирыкэшэо аусура раларгара. Ари аус анагзаразы икацатэу рацэазоуп, убарт рахьтэ хара иалахқаауеит:

- ашэахтэ система иалагалатэуп анаплагыөцэа зырманшэало, еиуеипшым ашэахтэтэ арежимкэа;
- анаплагыөцэа азин рытатэуп дара рбизнес еиха иазыманшэалоу ашэахтэ режим алхра;
- ишьақэыргэгэатэуп акорупция иағагыло ахэынтқарратэ усхккэа;
- иаццатэуп иманшэалоу аинвестициатэ тагылазаашья;
- иаарпштэуп ахэынтқарратэ реестр итагалазамкэа аус зуа анаплагыөцэа.

Атдыхэтэантэи аамтазы ашэахтэкэцара арежим чыда шьатас иатаны Ацсны напаркуп ашэахтэ система апсахракэа ралагалара, уи дырцабыргуеит 2018 шыкэсазы Жэлэр Реизара иаднакылаз азакэан «Апатенттэ шэахтэ система». Ари азакэан ахыпхьазалоуп ашэахтэкэцара ирмариоу рсистема, избанзар иарманшэалоит ашэахтэкэа радминистративтэ хылапшра. Ари ашэахтэ режим ахь ииасуа апатент ахэ ршэоит. Уи иатцанакуеит шыкэсык афынза аамта, насгьы рхы иакэитхоит ашэахтэкэеи абиуцъет иатэым афондкэеи рахь ашэатэкэа рахыпхьазалара.

Иара убас амилат шэахтэ система аицкракэа алагалара азкуп азакэан апрокект «Ирцсыгеу ашэахтэкэцара арежим». Ари апрокект хыкэкыс иамоуп Ацсны алагалара иаку аикэыршара афынтэ ашэахтэ, насгэы иара азин унацоит ирцсыгеу ашэахтэ режим ала аусура, ахасабеилыргара, иара убас иацхраауеит ииашаны еикэыршэоу еикэыршэаму ашэахтэ шьата (Шьалашьяа, Багба 2020).

Иатцшыны иазгэататэуп, абра хыхь хаззаатгылаз ашэахтэ система аицкракэа рнаос, ашэахтэшэафы азин иманы даанхар илшоит (иара изыманшэалазар), уажэраанза аус злаиуаз ашэахтэ режимкэа ркны, урт ирыцаркуеит азеипши ачыдеи ррежимкэа.

Атдыхэтэантэи ашыкэскэа рзы Ацсны ашэахтэ система афы ицэырцит даеа проблемак, уи адхэалоуп 2018 шыкэса раахыс, ыщ аусура иалагаз азакэан «Ацсаццазы ашэахтэ», ахэаанырцэынтэи Ацсныка атауаркэа алазгало анаплагыоцэа ирызкны.

Азакэан ишахэо ала, Ацсны ахазалхратэ цакырадгыл ахь ахэаанырцэынтэи атауар тазгалоу анаплагыоцэа иршэалар ауп 10 % ацсаццазы ашэахатэ, насгьы 3 % ахазалхратэ еизга. Ари афыза атагылазаашья урт ирыцэырнагеит апрокекта: иааргаз атауар азы ахазалхратэ хэаа афы зызбахэ ххэаз ахэкэа шэатэуп иара ртиаанза. Абри азцаара азбара цатцгэыс иатаны, Ацсны жэлэр реизара иаднакылеит азакэан, 2021 ш. инаркны анаплагыоцэа хымз рыоныцкэала ашэахтэкэа ршэара азин рынато.

Анаплагыоцэа ргэаанагарала, ари акэцара рыпроблемакэа азызбазом, избанзар, урт ирыцхьазоит, ашэахтэ шэатэуп атауар ахэпса зегьы афынтэи акэымкэа, ахэпса иаццоу амацара афынтэи, даеакала иухэозар, ирмацтэуп иршэо алагаларатэ цсаццазы ашэахтэ.

Хара хгэаанагарала ари азцаара адгыларе аутартэ икоуп, избанзар, Ацсны аоныцкэа имачуп итрыжьуа, ауафы ипстазаарафы ихы иаирхэо афатэи ааглыхратэ тауаркэеи. Насгэы урт шатэуп гэып-гэыпла, ауафы еснагь иитаху, зда цсыхэа имами егыи агэып – ихараку атахра иалоу атауаркэеи хэа.

Абас еипш азнейшья атаны избазар ари азцаара, нас анаплагыоцэагыи ажэларгыи еиха еилыркаауеит, атауаркэа рыхэпса ашыкэыргылашья. Из-

банзар, ари ашәахтә аҕынтәи атауар иацло ахәпса ишәоит иара аазхәо ауаабы. Ажәакала иухәозар, атауар ахә амцхә ашьтыхра ауаабы ихатә мал агнархоит. Иара убас иахья Ацсны рхыцхьазара рацәоуп имачны апара зауа атәанчаәцәа, асоциалтә бзазара аҕы аус зуа, зхы иамыхәо ауаажәлар, ахәычкәа, убас егырт асоциалтә гәыцкәа, ахәынтқарра аҕынтәи ацхыррара зтаху.

Ари апроблема иахаггы иарымчит ацыхәтәантәи ашыкәс азы ицәыртцыз авирустә чымазара, уи ажәларггы, анаплакыәцәаггы, ахәынтқарраггы кырза ирпырхагахеит.

Хыхь иаххәаз инадхәаланы, ахәынтқарратә мчкәа ирыдахгәлеит, азакәан иаларгаларц абас еипш икоу ацсахрақәа.

Иазгәатәтәуп, алагаларатә псапцазы ашәахтә еиуеипшым азыцтәкәа:

- 0 % – ауаабы еихарак ихы иаирхәо афатәкәеи, ахәшәтәкәеи ирыцаркуа атауаркәа, айбытаратә матәахәкәа, Ацсны Аминистрцәа реилазаара ишьакәнаргәгәо асиа ала;
- 5 % – егырт афатәи ааглыхратә тауаркәеи, Ацсны итырмыжьуа рзы, уиггы Ацсны Аминистрцәа реилазаара ишьакәнаргәгәо асиа ала;
- 10 % – ихараку атахра иалоу атауартә гәыц иатцанакуа.

Хаззаатгылаз азцаарақәа хыркәшо, лкаак ахасаб ала иазгәатәтәуп, Ацсны ахәынтқарра абиуцәет-шәахтәтә политика анагзараҕы хыкәкы хадас ишьтыхтәуп, инеипынкыланы ашәахтәкәа реизгара анаәс, хымпада, зызбара иазыцшу, абарт азцаарақәа:

а) Еиха ииашоу ашәахтәтә система ашьакәыргылара, уи иалнакаартә еипш иахьатәи аамтазы еиха ацхыраара зтаху, изыдгылатәу ашәахтәшәәцәа, урт рсоциал-бзазаратә тагылазаашья шыагәытс иатаны;

б) ахәынтқарра аганахьала, ацхыраареи адгылареи рытатәуп амилаттә наплакыәцәа, еиуеипшым урт ирыхәо ахьчаратә усхккәа ахархәара рытаны.

Абас еипш еиҕкаау ашәахтәтә политика иалшоит амилаттә экономика атышәныртәалара, анаәс уи аизырҳара. Еихаракгы иазбоит ажәлар еицырзеипшу азцаарақәа, ииашаны, аобиективтә кәзшыа рытаны рызбара, убаскан ахәынтқарраггы иалшо икалоит, ажәлар рҕацхья иаду аусхккәа еиха ирманшәаланы рызбара, насгы Ацсны аекономикеи амилати ршәартадара рышьакәыргәгәара иацхраауеит.

Алитература

Гулиа 2020: Гулиа А.Р. Налоговая безопасность Республики Абхазия / Налоговая система в условиях современных трансформаций: Материалы XX Международной научно-практической интернет-конференции (До-

нецк, 24 ноября 2020 г.). Донецк: ГО ВПО «ДонНУЭТ им. Михаила Туган-Барановского», 2020. С. 308–312.

Шалашаа, Багба 2020: Шалашаа З.И., Багба А.Н. Налогово-бюджетная система в стратегии социально-экономического развития Республики Абхазия / Налоговая система в условиях современных трансформаций: Материалы XX Международной научно-практической интернет-конференции. Донецк: ГО ВПО «ДонНУЭТ им. Михаила Туган-Барановского», 2020. С. 15–20.

Шат-уна 2019: Шат-ипа Х.А. Угроза национальной безопасности: ЦСИ оценил состояние экономики Абхазии. Электронный ресурс: <https://m.sputnik-abkhazia.ru/interview/20191025/1028682337/Ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-TsSI-otsenil-sostoyanie-ekonomiki-Abkhazii.html?mobile>

З.И. Шалашаа., А.Р. Гулиа

РОЛЬ НАЛОГОВ В БЮДЖЕТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АБХАЗИИ

Аннотация. *В статье, в качестве базовой цели, ставится выявление роли налогов в обеспечении бюджетной безопасности Абхазии. Наряду с этим выявляется содержание других экономических категорий, тесно связанных с исследуемой проблемой, как налогово-бюджетная система, экономическая безопасность, являющиеся составными элементами национальной безопасности, которые ее укрепляют. Организованное решение рассматриваемых проблем позволят государству поднять социальное положение граждан Абхазии на более высокий уровень.*

Ключевые слова: *налогово-бюджетная система, бюджетная безопасность, экономическая безопасность, национальная безопасность, стратегия обеспечения экономической безопасности.*

Z.I. Shalashaa, A.R. Gulia

THE ROLE OF TAXES IN THE BUDGET SECURITY OF ABKHAZIA

Annotation. *The article aims to identify the role of taxes in ensuring the budget security of Abkhazia. At the same time, the contents of other economic categories closely related to the problem under study, such as the fiscal system, economic security, which are constituent elements of national security*

that strengthen it, are revealed. An organized solution to these problems will allow the state to raise the social position of the citizens of Abkhazia to a higher level.

Key words: *fiscal system, fiscal security, economic security, national security, economic security strategy.*

АРХИВТӘ ЦШААМТАҚӘЕИ АКЪЫЦХЪЫМТАҚӘЕИ • АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

«ВЫДЕЛИТЬ ИЗ СОСТАВА СУХУМСКОГО ОКРУГА...»: ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГАГРИНСКОЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ К ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1904 г.

(Публикация, введение и комментарии Л.И. Цвижба)

Аннотация. Публикация посвящена обсуждению и решению вопроса о выделении части территории Сухумского округа и присоединении ее к Черноморской губернии в начале XX столетия.

Ключевые слова: Сухумский округ, Черноморская губерния, Гагра, Гагринская климатическая станция, принц А.П. Ольденбургский, полицейское управление, присоединение к Черноморской губернии.

В соответствии с принятым решением Комитета министров, 25 декабря 1904 г. по Высочайшему указу часть территории Сухумского округа Кутаисской губернии была передана в состав соседней губернии – Черноморской. Причина, по которой произошел административный обмен территориями, была связана с Гагринской климатической станцией. Основанная и отстроенная принцем А.П. Ольденбургским, она приобрела к тому времени всероссийскую известность как морской курорт, имеющий большие перспективы социального, культурного и инфраструктурного развития.

Между тем Гагра – один из населенных пунктов Абхазии, известный с древнейших времен и переживший в своей истории множество событий: взлеты, падения, разруху, запустения. После присоединения Абхазии к России в 1810 году территория Гагры станет одним из ключевых пунктов в процессе покорения народов Западного Кавказа, поэтому неудивительно, что к этому региону проявлялось пристальное внимание со стороны российского командования.

В июле 1830 г. военный отряд под руководством полковника А.Г. Пацовского направился по морю из Сухума в Гагрское укрепление и, несмотря на сопротивление, оказанное местным населением, занял его. Здесь началось строительство оборонительных сооружений, так как Гагра служила «единственным ключом между абхазскими и соседствующими с ними племенами»¹.

Многие документы, составленные российскими офицерами в указанное время, содержат подробные описания местностей, отдельных регионов, на-

---

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. д. 6239. Л. 12–12 об., 18.

селенных пунктов. Эти источники бывают неравнозначными по содержанию информации, но, тем не менее, они дают нам весьма важные сведения. Так, в описании, сделанном командиром Отдельного Кавказского корпуса генералом И.Ф. Паскевичем для Главного штаба 18 августа 1830 г., отмечалось, что «местоположение Гагры заключается в плоскости, заросшей густым лесом, сплетенным плющом и колючкою. Плоскость окружена высокими скалистыми и покрытыми лесом горами, которые круто упираются в море и тут совершенно запирают проход к Анапе, так что сами черкесы, проезжая эти места, проводят своих лошадей морем без всяких тяжестей и тогда только, когда бывает в море хорошая погода².

Следующий командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Е.А. Головин в 1840 г. отмечал, что «укрепление, построенное на развалинах древнего монастыря невыгодно, так как с одной стороны на pistolетный выстрел возвышается над ним огромный каменный утес, с другой – морской прибой, который каждую осень разрушает забор, составляющий фас укрепления». Головин указывает, что укрепление необходимо, так как Гагринский хребет упирается в море, а по берегу пролегает «от хищного джигетского племени самая удобная и единственная дорога в Абхазию, ибо проложенные по вершинам гор тропинки с трудом проходимы»³. Действительно, укрепление, построенное в 1830 г., через 10 лет выглядело весьма плачевно, все это время оно не ремонтировалось, турлучные здания разрушились, о чем свидетельствуют архивные материалы (Цвижба 2000: 50–52).

Военный гарнизон обустроивался. Помимо строительства укрепления, здесь проводилась работа по оздоровлению климата (вырубали кустарники, нестройной лес, осушали болота), так как такие болезни, как цинга и лихорадка, уносили жизнь солдат. По имеющейся информации, к 1848 г. для гарнизона, состоявшего из 637 человек, были построены казармы, лазарет из трех комнат на 50 человек, аптека в каменном здании, офицерские флигеля со службами, гауптвахта, пороховой погреб, цейхгауз и провиантский магазин⁴. Ремонтно-строительные работы в Гагринском гарнизоне продолжались и в дальнейшем. В период Крымской войны 1853–1856 гг. все гарнизоны, в том числе Гагринский, за малочисленностью были эвакуированы, что позволило турецкому десанту обстрелять и разрушить прибрежные населенные пункты Абхазии. Это история повторилась во время очередного десанта турецких войск в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Гагра подверглась новым разрушениям.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. Л. 5.

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 11–13.

⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 274. Л. 253–253 об.

В октябре 1864 г., когда еще сотни горцев Кавказа погибали на море, следуя в Турцию, и на берегу, в ожидании погружения на корабли для переселения под натиском войск русской армии, капитан Генерального штаба П.И. Кутайсов производит рекогносцировку «земель Джигетов и части земель убыхов, прилегающих к Восточному берегу Черного моря»⁵. В составленной им записке есть и описание дорог из Гагр к бывшему укреплению Навагинскому на реке Соче:

«Из Гагр к бывшему укр. Навагинскому на р[еке] Соче существуют три дороги: 1. Береговая через взорванное укр[епление] Св. Духа. 2. От пикета за рекой Жеуадзех по горному хребту, образующему правую сторону Гагринского ущелья до речки Хошупсе, а от сей последней снова по горным отрогам второстепенного хребта через р[еки] Лапепсту, Хосту и Мсцу к бывшей башне Навагинского укрепления и 3. От Гагринской башни чрез аул Хашка к аулу Хушхарибш на р. Псоу, где она соединяется со второю дорогою Первая осмотрена мною вся, вторая и третья только частями^{6*}.

Первая дорога – от р[еки] Жеуадзех, вытекающей из Гагринского ущелья до р[еки] Чугурханаха, т. е. на расстоянии не менее шести верст горные отроги примыкают отвесными обрывами так близко к морю, что или совершенно вдаются в воду, прекращая береговое сообщение или образуют у подошвы своего основания весьма узкую песчано-щебневую плоскость, заваленную в некоторых местах огромными камнями и имеющую в самых широких местах не более 8 сажень ширины. Во время морского прилива, большая часть этой дороги не проходима. Судя по цвету вдающихся в море или близко к нему примыкающих скал, а также и по отличительной гладкости нижних их частей, происшедшей от частого удара волн, можно полагать, что вода при сильном волнении заливают утесы от шести до десяти фут выше натурального горизонта. Обходных тропинок я нигде не примечал, и по расспросам оказалось, что сообщение во время бурной погоды прекращается совершенно не только для конных, но даже и для пеших. Потому что весьма немногие горцы рискуют

⁵ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 4830. Л. 11–31.

⁶ *Существует еще дорога по прибрежным скалам для обхода моря, но дорога эта так узка и служит так мало для сообщений, что едва доступна даже для пешеходов. Впрочем, я об ней буду далее говорить (*постраничный комментарий автора документа*; Л. 11. – Л. Ц.).

**Месяца три тому назад джигетский князь Солох Цамбаев, шедший по берегу с двадцатью двумя всадниками, был застигнут бурей и принужден был искать спасение по обходной тропинке, которая оказалась столь узкою, что все лошади попадали в кручу (*постраничный комментарий автора документа*; Л. 12. – Л. Ц.).

пробираться по утесам или правильнее сказать просто перепрыгивают со скалы на скалу ⁷ **.

К концу XIX века сведения о Гагре станут известны по опросным листам материалов (1896 г.). Тогда, село Гагра Отхарской сельской общины, расположенное при проселочной дороге, насчитывало 18 дворов, в которых проживали 106 человек: 54 человека мужского пола и 54 – женского пола⁸.

В начале XX столетия в истории Гагры началась новая глава, и ее облик коренным образом изменился. В 1901 г. принц А.П. Ольденбургский начал работы по устройству Гагринской климатической станции. Уже в скором времени Климатическая станция имела морские купальни, 5 гостиниц на 300 номеров. На отдых приезжали преимущественно морским путем на 20–25 дней отдыха. Открывались рабочие места. Так, на 1913 г. в Гагре численность служащих и рабочих климатической станции доходило до 250 человек, из них 15 – медицинского персонала. Интересна информация по поставкам в рестораны Гагра овощей и фруктов, месячный объем которых доходил до 150 пудов. Гагринская климатическая станция развивалась: строился порт, была запланирована большая гостиница, намечалось строительство фуникулера и санаторных комплексов на высоте 200 метров и выше [на склонах гор]⁹. Начавшаяся Первая мировая война летом 1914 г. не позволила осуществить намеченные планы по дальнейшему развитию Гагринской климатической станции.

С началом работы по устройству Гагринской климатической станции сразу же возник вопрос организации полицейского надзора в этом населенном пункте, куда были привлечены рабочие для ведения строительных работ. Необходимость особого полицейского управления в Гагре понимали в администрации Сухумского округа, и эта необходимость диктовалась удаленностью станции от центра и обширностью территории самого округа, что затрудняло осуществление надзора за населением. Да и ближайший полицейский начальник Гудаутского участка, в районе которого находилась станция, также из-за обширности своего участка, не мог должным образом выполнять свои контрольные функции, лишь изредка посещая станцию, тогда как ситуация требовала «непрерывного надзора, возможного лишь для органа полицейской власти, постоянно пребывающего на станции».

Таким образом, перед кавказской администрацией стоял вопрос правового и дисциплинарного надзора за населением в целях соблюдения и со-

⁷ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 4830. Л. 11–12.

⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1146. Л. 69–73 об.

⁹ РГИА. Ф. 376. Оп. 1. Д. 493. Л. 37.

хранения правопорядка. Это требовало учреждения в Гаграх особого полицейского органа, тем более, что здесь на строительные и иные работы было привлечено свыше 2 500 рабочих, сама строящаяся климатическая станция, с прилегающим к ней районом Гагринской дачи, имела площадь 14 000 десятин. При решении возникшего вопроса сопоставляли аргументы, такие как расстояния между значимыми административными центрами и Гагрой. Как следует из представленной ниже [Записки], Черноморская губерния, состоящая из трех округов, занимала пространство в 5994,67 квадратных верст, тогда как площадь одного Сухумского округа равнялась 7386,93 квадратных верст. Отмечалось, что «громоздкость площади Сухумского округа и отдаленность крайних населенных пунктов от окружного и участкового управлений крайне затрудняют административный надзор за населением и в этом отношении в худших условиях находится часть округа за рекою Бзыбью». В этой ситуации присоединение части Сухумского округа к Черноморской губернии облегчало бы деятельность администрации Сухумского округа, «с большой пользой для дела», а для администрации Черноморской губернии «не вызвало бы сколько-нибудь значительных затруднений», так как и при таком раскладе ее территория оставалась меньшей, чем Сухумского округа: 6612,95 квадратных верст и 6768,65 квадратных верст соответственно¹⁰.

Малозначаций в условиях административного устройства Российской империи факт приобрел существенное значение после начала советского национально-государственного строительства, когда провозглашенная на территории бывшего Сухумского округа ССР Абхазия оказалась лишенной значительной части своих исторических земель. Это побудило абхазское руководство обратиться в центральные органы власти СССР с соответствующими прошениями и обоснованиями, которые нашли в Москве понимание. В 1924 г. состоялось решение, по которому отторгнутые земли вновь были возвращены Абхазии.

Между тем, вопрос о принадлежности тех или иных территорий, в частности и Гагры с прилегающими землями и ее горными склонами, неожиданно вновь приобрел актуальность. Этот вопрос возникал и среди «специалистов» по демаркации границ России после распада СССР, плохо знавшими историю расселения народов Кавказа, или делавшими вид, что Гагра, с прилегающей к ней территорией, не принадлежала Абхазии, а молодая Советская Россия передала ей часть своих земель на побережье Черного моря. Надеемся, что публикуемые ниже документы внесут определенную ясность в эти вопросы.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 3–5.

Все документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде Главного штаба Военного министерства. Это «Дело по вопросу о присоединении Гагринской климатической станции с окружающим ее районом к Черноморской губернии». 12.01.1904–17.01.1905. 23 листа с картой 5 в[ерст]»¹¹. В деле имеются дублирующие по содержанию документы, в связи с чем они будут опущены или даны в извлечении. Текст документов приведен в соответствии с современными правилами публикации документов.

* * *

[Записка директора] канцелярии по военно-народному управлению Кавказского края В.О. Трофимова в Совет Главнначальствующего гражданской частью на Кавказе [А.А. Фрезе]. 10 декабря 1903 г. № 6222, (в Тифлисе)

По всеподданнейшему докладу Министра земледелия и государственных имуществ и финансов, в 9 день июля 1901 года Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше соизволить: 1) на продажу Его Высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому до 1000 десятин из казенной Гагринской лесной дачи с береговой полосой от 250 до 300 сажень и с развалинами крепости и храма, с тем, чтобы ближайшие условия таковой продажи были определены по соглашению Его Высочества с Министром земледелия и государственных имуществ; 2) на предназначение части названной дачи, площадью, примерно, до 1000 десятин, в границах, имеющих быть установленными по соглашению Министра земледелия и государственных имуществ с Его Величеством, по разбивке сей площади на участки небольшой величины в продажу частным лицам, под условием раскультивирования этих участков, возведения на них дач и проч[его] и 3) на устройство в пределах остающейся за сим собственностью казны наибольшей части Гагринской дачи климатической станции с возложением всех забот по организации этой станции, возведению потребных зданий и приспособлений, а равно и заведыванию дачей на Его Высочество принца Ольденбургского.

В 15 день февраля 1903 г. Государь Император Высочайше утвердить соизволил Положение о временном управлении Гагринской климатической станцией, в силу которого Гагринская климатическая станция, с прилегающим к ней районом Гагринской дачи, общею площадью в 14000 десятин, находится в главном заведывании Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского.

---

¹¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187.

Управление климатической станцией, с прилегающим к ней районом, в административном и хозяйственном отношениях возлагается непосредственно на начальника ея, назначаемого Его Высочеством принцем Александром Петровичем Ольденбургским, из военных или гражданских чинов, в общеустановленном порядке. Начальник станции состоит на государственной службе по ведомству Министерства внутренних дел в V классе по должности и шитью на мундире и получает оклад содержания из доходов с Гагринской дачи в размере по усмотрению Его Высочества.

Хозяйственное заведывание казенным участком в пределах указанных границ устанавливается по соглашению Его Высочества с Министром земледелия и государственных имуществ.

Издание обязательных постановлений в районе климатической станции и в прилегающих к ней дачных и казенных участках, по предметам, указанным в 108 ст[атье] Городового Положения (Св. Зак. Т. 11. Изд. 182 г.) и с соблюдением начал, указанных в 109 ст[атье] то же Положения, а равно и установление общих и частных обязательных правил о порядке возведения всякого рода построек, утверждение планов и фасадов на эти постройки и выдача в каждом отдельном случае разрешений на сооружение, перестройку и починку таковых предоставляется начальнику Гагринской климатической станции по указаниям Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского.

Во всем остальном Гагринская климатическая станция с прилегающим к ней районом подчиняется действию общих узаконений и остается в ведении Кутаисского губернского и Сухумского окружного начальств, причем отношение означенных начальств к управлению климатическою станцією представляется Главнначальствующему гражданскою частью на Кавказе по соглашению с Его Величеством принцем Ольденбургским, [и] определить особую инструкцию.

* * *

Работы по устройству Гагринской климатической станции начались в 1901 г. и тотчас же, вследствие значительного наплыва рабочих возник вопрос об организации на станции полицейского надзора.

В письме на имя Главнначальствующего гражданскою частью на Кавказе от 30 апреля 1902 г. Его Высочество принц Ольденбургский сообщил, что обширные работы на Гагринской климатической станции вызвали огромный прилив в Гагры рабочих, требующих тщательного полицейского надзора, который, при существующих условиях ограничивается наездом в Гагры, в экстренных случаях, чинов местной окружной администрации

и наружным дозором за порядком со стороны поста полицейской стражи. Между тем, в Гаграх работает свыше 2500 рабочих, а число частных посетителей все увеличивается по мере движения работ. С предполагаемым же в недалеком будущем открытием лечебного сезона и ожидаемым наплывом приезжих, отсутствие правильно организованного полицейского надзора делается весьма ощутительным. В виду этого и принимая во внимание, что учреждение в Гаграх особого органа полицейской власти может последовать лишь в законодательном порядке, на что потребуются значительный промежуток времени, в течение которого население станции не может быть оставлено без полицейского надзора, Его Высочество просил Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, впредь до учреждения в законодательном порядке особого полицейского управления, командировать в Гагры для временного заведывания полицейской частью одного из штатных чинов военно-народного управления.

Согласно изложенной выше просьбе Его Высочества учреждено было временное заведывание полицейской частью в Гаграх в лице командированного туда офицера, существующее и поныне, вопрос же об учреждении постоянного полицейского органа остается открытым до сих пор.

Между тем, учреждение в Гаграх особого полицейского управления представляется, безусловно, необходимым, так как, вследствие обширности территории Сухумского округа и отдаленности станции, администрация округа не может не иметь постоянного и непосредственного полицейского надзора за ее населением.

Начальник Гудаутского участка, в районе которого находится станция, вследствие обширности своего участка, лишь изредка может посещать станцию, а между тем население станции, по своей многочисленности и крайней разнохарактерности, требует непрерывного надзора, возможного лишь для органа полицейской власти, постоянно пребывающего на станции. Высшая Кавказская власть с самого начала образования станции признавала учреждение такого органа безусловно необходимым, но по штатам военно-народного управления не существует должностей чисто полицейских, а кроме того, на содержание военно-народного управления отпускается ежегодно одна и та же сумма, размер которой был определен Высочайше утвержденным 12 июня 1883 года мнением Государственного Совета. Сумма эта вся расходуется на содержание военно-народных управлений по существующим штатам и на образование новых органов никаких средств не имеется. Вследствие этого главная кавказская власть поставлена в невозможность удовлетворить сознаваемую ею потребность в учреждении в Гаграх особого полицейского органа.

Гагринская лесная дача, предоставленная в главное заведывание Его Высочества принца Ольденбургского вместе с климатической станцией, входит в состав северо-западной оконечности Сухумского округа, ограниченной Черным морем и Черноморской губернией и отделенной от остальной части территории округа рекою Бзыбю и притоком ея Пшицей. Весь этот район представляет резкие различия с остальной частью Сухумского округа. Земли по левому берегу реки Бзыби густо заселены абхазцами, земельное устройство которых еще не закончено и подлежит действию специального закона 8 ноября 1870 г. о поземельном устройстве населения Сухумского округа, приведение в исполнение которого возложено на подлежащие органы военно-народного управления. По правую сторону реки Бзыби постановлениям упомянутого закона подчиняется лишь небольшая часть жителей Калдахварской общины, имеющих надельные земли по берегу реки, по обе стороны Сухумо-Новороссийского шоссе. Все остальное пространство от реки Бзыби и притока ея Пшицы, вплоть до границы Черноморской губернии, представляет горно-лесную площадь весьма мало заселенную. На ней, преимущественно в береговой ея полосе, имеется лишь несколько имений частных лиц, а также наделов туземцев привилегированных сословий, уже изъятых, за окончательным устройством их из действия всех особых постановлений, характеризующих военно-народное управление. Таким образом, все население этой площади в настоящее время ничего общего с военно-народным управлением не имеет и во всех отношениях может быть подчинено без затруднений общегражданскому управлению.

Главнейшим населенным пунктом на всем пространстве между рекою Бзыбю и Черноморской губернией является Гагринская климатическая станция, которая, по всем данным, в непродолжительном будущем обещает сделаться первоклассным курортом. Быстрое развитие курортной жизни, большой наплыв самой разнохарактерной публики и обусловленная этим сложность отношений требуют установления такого порядка, при котором было бы возможно скорое разрешение всех возникающих вопросов, немедленное устранение условий, нарушающих правильное течение жизни и вообще ближайшее участие в ней и руководство не только местной, но также окружной и губернской властей. В этом отношении Гагринская станция, оставаясь в составе Сухумского округа, будет поставлена в условия неблагоприятные. От города Сухума Гагры находятся в 105 верстах, а от Тифлиса, местопребывания Главного начальствующего гражданскою частью на Кавказе, которому по закону 17 марта сего года непосредственно подчинен Сухумский округ, в 473 верстах. Притом между Гаграми и Сухумом име-

ется сообщение только морем, почтового тракта между этими пунктами нет. При отсутствии в местечке Гаграх удобной гавани, сообщение с этим местечком в зимнее время, при бурной погоде, чрезвычайно затрудняется, а, следовательно, в той же мере замедляются и сношения с окружной администрацией.

В гораздо более благоприятных условиях по удобству, быстроте и обеспеченности сообщений Гагринская климатическая станция находится в отношении Черноморской губернии. М[естность] Сочи, местопребывание начальника округа находится от Гагр в 72 вер[стах], а город Новороссийск – в 381 версте. От Новороссийска до Адлера установлено почтовое сообщение и уже возбужден вопрос о продолжении почтового тракта до самых Гагр. Таким образом, сообщение между этими пунктами, выигрывая во времени вследствие меньших расстояний, чем до Сухума и Батума, в то же время представляется более обеспеченным, так как при бурной погоде морское сообщение всегда может быть заменено сухопутным почтовым.

Черноморская губерния, состоящая из трех округов, занимает пространство в 5994,67 кв[адратных] верст, тогда как площадь одного Сухумского округа равняется 7386,93 кв[адратным] верстам. Громадность площади Сухумского округа и отдаленность крайних населенных пунктов от окружного и участкового управлений крайне затрудняют административный надзор за населением и в этом отношении в худших условиях находится часть округа за рекою Бзыбю.

Присоединение этой части Сухумского округа к Черноморской губернии облегчило бы администрацию Сухумского округа, с большой пользой для дела и в то же время не вызвало бы сколько-нибудь значительных затруднений для администрации Черноморской губернии, так как последняя и засим занимала бы меньшее пространство (6612,95 кв[адратных] вер[ст]), чем Сухумский округ (6768,65 кв[адратных] вер[ст]).

Таким образом, из изложенного видно, что население Сухумского округа, лежащего между Черноморской губернией и реками Бзыбю и Пшицей, кроме жителей Калдахварской общины, хотя и состоит в ведении военно-народной администрации, но подчиняется порядку общегражданского управления, действующему в соседней Черноморской губернии. С военно-народным же управлением население это ничего общего не имеет и ни одно из исключительных постановлений, характеризующих это управление, на него не распространяется. Вследствие таких условий возникло предположение выделить пространство, лежащее к северу от реки Бзыби, из Сухумского округа и включить его в состав прилегающей Черномор-

ской губернии. Предположение это было доведено г[осподином] Главн[о]начальствующим до сведения принца Александра Петровича Ольденбургского, и Его Высочество не встретил к этому препятствий, тем более что с осуществлением этого предположения представится возможность скорее и легче разрешить и вопрос об учреждении в районе Гагринской климатической станции специального полицейского органа.

По соображении всех местных условий, для осуществления вышеприведенных предположений необходимо перенести границу Черноморской губернии и Сухумского округа с ныне установленной условной линии на новую, определяющуюся направлением: течение реки Бзыби от устья до пересечения с границей земельного надела Калдахварской общины в точке 58° 0' 43», 6

43° 13' 2,8», затем вдоль этой последней границы до нового пересечения ее с течением р. Бзыби в точке 58° 3' 38,4»

43° 16' 8,4», далее по р. Бзыби до впадения в нее р. Пшицы, по этой последней реке до ее истоков у горы Ачха в точке

58° 19' 31,9»

43° 26' 44,8», отсюда по тропе к Главному Кавказскому хребту к точке 58° 15' 0»,

43° 32' 10,14» на существующей границе с Черноморской губернией.

Вышеизложенные предложения, по приказанию Главн[о]начальствующего и на основании 35 ст[атьи] Учр[еждения] Управ[ления] Кавк[азского] края, Канцелярия по военно-народному управлению имеет честь представить на рассмотрение Совета Главн[о]начальствующего гражданскою частью на Кавказе.

Приложение: Лист пятиверстной карты Кавказа¹².

Подписал: Начальник Канцелярии, Генерального штаба генерал-майор Вл. Трофимов.

Скрепил: начальник отделения Усачев.

Примечание: на л. 3 карандашная резолюция военного министра Куропаткина¹³: «Читал. Согласен с заключением.9/1». (Подпись).

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 3–5. Типографский
экземпляр.

¹² Это карта, на которой нанесены территории Кубанской области, Черноморской и Кутаисской губерний. Ее параметры: 35,5x62. Бумага, в цвете, на графической основе. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 6–7.

¹³ Куропаткин Алексей Николаевич – военный министр (01.01.1898 – 07.02.1904).

*****

Утверждаю
Генерал-от инфантерии Фрезе
20 декабря 1903 г.

ЖУРНАЛ
Совета Главного начальствующего гражданского частию на Кавказе
20 декабря 1903 года

№

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАЛ

Исправляющий обязанности Главного начальствующего гражданского частию на Кавказе, генерал от инфантерии Александр Александрович Фрезе.

ПРИСУТСТВОВАЛИ ЧЛЕНЫ СОВЕТА

ТАЙНЫЕ СОВЕТНИКИ:

Старший председатель Тифлисской судебной палаты сенатор Степан Борисович Враский.

Николай Иванович Прибиль¹⁴.

Действительный статский советник Василий Гаврилович Устругов.

Директор Канцелярии Главного начальствующего Генерального штаба генерал-майор Владимир Онуфриевич Трофимов.

ПО ОСОБОМУ ПРИГЛАШЕНИЮ:

И[сполняющий] д[олжность] Тифлисского губернатора полковник Иван Николаевич Свечин.

Черноморский губернатор генерал-майор Евгений Николаевич Волков.

Управляющий Тифлисской казенной палатой, статский советник Алексей Борисович Михайлов.

СЛУШАЛИ:

Записку канцелярии Главного начальствующего по военно-народному управлению от 10-го сего декабря за № 6222 о присоединении Гагринской климатической станции к Черноморской губернии.

РЕЗОЛЮЦИЯ:

В виду изложенных в заслушанной записке данных Совет полагает, Гагринскую климатическую станцию, с окружающим ее районом, границы которого подробно обозначены на стр[анице] 5-й настоящей записки Канцелярии военно-народного управления и на приложенном к ней плане, выделить из состава Сухумского округа и присоединить к Черноморской губернии.

Вместе с тем Совет находит необходимым с присоединением этого района к Черноморской губернии учредить в Гаграх должность участкового

---

¹⁴ Прибиль Николай Иванович – тайный советник, член Совета главного начальствующего гражданского частию на Кавказе. Председатель Закавказского статистического комитета.

судьи, на действующих для Черноморской губернии основаниях, вместо ныне существующей должности помощника мирового судьи Кутаисского судебного округа.

Подлинный за надлежащим подписали.

С подлинным верно:

Начальник канцелярии, Генерального штаба генерал-майор (подпись)
[Трофимов]

Сверял: начальник отделения (подпись) [Усачев]¹⁵.

РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 4830. Л. 2–2 об.

Копия.

*****

**Отношение Военного министра г[енерал]-а[дъютанта] Куропаткина
Министру внутренних дел [Святополку-Мирскому]¹⁶
от 24 января 1904 г.**

«<...> Присоединяясь с Главнначальствующим гражданской частью на Кавказе г[енерал]-а[дъютантом] кн[язем] Голицыным, представивший ему записку канцелярии своей по военно-народному управлению от 10 дек[абря] за № 6222 и по вопросу о присоединении Гагринской климатической станции с окружающим ее районом к Черноморской губернии, он со своей стороны не встречал бы препятствий к внесению предположений кавказского начальства на рассмотрение Комитета министров.

Военный министр г[енерал]-а[дъютант] Куропаткин.

Начальник Гл[вного] штаба ген[ерал]-ад[ъютант] Сахаров В.В.¹⁷

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 8. Подлинник.

*****

**Изложение дел Министерства Внутренних Дел в Комитет
Министров В.В. Сахарову от 20 ноября 1904 г.**

О присоединении Гагринского района Сухумского округа к Черноморской губернии <...> Министерство финансов, Юстиции, Путей сообщения, Земледелия и Государственных имуществ, Государственный контроль, Главное управление торгового мореплавания и портов, Собственная Его Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии и

¹⁵ Усачев Владимир Андреевич – коллежский советник, делопроизводитель сословно-поземельной комиссии.

¹⁶ Святополк Мирский Петр Дмитриевич – генерал-адъютант, министр внутренних дел (26.08.1904–18.01.1905).

¹⁷ Сахаров Виктор Викторович – начальник Главного штаба, председатель комитета Главного штаба (20.01.1904–11.03.1904).

Обер-прокурор Святейшего Синода не встретили препятствий к проектируемому изменению границы, причем статс-секретарь Муравьев¹⁸ находил необходимым, чтобы в судебном отношении Гагринская станция с окружающим районом оставалась временно в ведении Кутаисского окружного суда. Статс-секретарь Ермолов¹⁹ заметил, что при перенесении границы Черноморской губернии и Сухумского округа, было бы желательно установить ее в следующем направлении: течение реки Бзыби от устья до пересечения с границей земельного надела Калдахварской общины в точке (см. текст выше с обозначением широт – Л. Ц.) далее по реке Бзыби, но не до впадения в нее реки Пшицы, а до пересечения ее с 43° 18' 0» широты, отсюда на водораздельный хребет левого берега р. Бзыби и затем этим хребтом через горы Чипшира, Дзышра, Акургра, Ахашбок, Чедым и Савайбаши до горы Капашистра в главном хребте. Такое изменение первоначально проектированного направления линии вызывается тем обстоятельством, что по топографическим условиям местность, которую Министерство земледелия и Государственных имуществ полагало бы включить дополнительно к проекту главного Кавказского начальства в присоединяемый к Черноморской губернии район, более доступна именно со стороны Черноморской губернии, почему и должна быть признана тяготеющей к ней. Вместе с тем, такое направление границы Черноморской губернии имеет за собою и то основание, что влево от реки Пшицы, по притокам реки Бзыби: Мукараза, Ахей, Бауль и др[угие], находятся удобные для поселения земли, с присоединением которых к Черноморской губернии необходимо присоединить к ней и близлежащие, расположенные по склонам перечисленных выше гор пастбища, так как переселенцы, которых было бы желательно устраивать по правилам, действующим в Черноморской губернии, будут, по местным условиям, преимущественно, заниматься не хлебопашеством, а скотоводством.

Соображения статс-секретаря Ермолова были сообщены генерал-адъютанту князю Голицыну²⁰, который уведомил, что вполне их разделяет, так как Министерство земледелия и Государственных имуществ имеет в виду не только интересы Гагринской станции, но также и заселение русскими заселенцами, на основании действующих в Черноморской губернии правил, свободных и пригодных земель горно-лесной полосы, входящей ныне в состав Сухумского округа.

¹⁸ Муравьев Николай Валерианович – действительный тайный советник, министр юстиции (01.01.1894–14.01.1905).

¹⁹ Ермолов Алексей Сергеевич – статс-секретарь, министр земледелия и государственных имуществ (22.03.1894–06.05.1905).

²⁰ Голицын Григорий Сергеевич – генерал-адъютант, член Государственного совета, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказ-

СПРАВКА

1. Высочайше утвержденное 15 февраля 1903 г. положение о временном управлении Гагринскою климатической станцією (Собр[ание] узак[онений] и расп[оряжений] Прав[ительства] 1903 г., ст[атья] 793).

2. Высочайше утвержденное 17 марта 1903 г. мнение Государственного Совета об учреждении Батумской области (Собр[ание] узак[онений] и расп[оряжений] Прав[ительства], ст[атья] 568).

3. Сочинский округ Черноморской губернии: площадь 2,300 кв[адратных]. вер[ст], жителей 13,153.

Сухумский округ Кутаисской губернии, площадь 7,387 кв[адратных] вер[ст], жителей 100,498.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 11–14 об. Типографский экземпляр.

*****

Завершением истории отчуждения Гагринской климатической станции из состава Сухумского округа и присоединения ее к Черноморской губернии является документ (отпуск) от 15 января 1905 г. следующего содержания:

«Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] нач[альника] Гл[авного] штаба, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Федору Николаевичу [Васильеву – начальнику Азиатского отдела Главного штаба], возвращает при сем дело, со справкою о присоединении Гагринского района Сухумского округа к Черноморской губернии».

На документе помета:

Получено в Азиат[ском] Отделе Г[лавного] ш[таба] 17 янв[аря] 1905 [г.].

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187. Л. 23.

Список сокращений

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

Источники и литература

Источники:

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6239.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 274.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3187.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259.
РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 4830.
РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1146.
РГИА. Ф. 376. Оп. 1. Д. 493.

Литература

Цвижба 2000: Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000.

«АКӘАТӘИ АОКРУГ АКЫНТӘИ ИАЛХЗАРЦ...» 1904 ШЫҚӘСАЗЫ ГАГРАТӘИ АҒАУАГӘАҒАРАТӘ СТАНЦИЯ АМШЫНЕИҚӘАҒТӘИ АГУБЕРНИЯ АДЦАРА

(Акыпцхь иазлырхиент, ацхьяжәа, акомментариакәа
лөит Л.И. Цыццба)

Аннотация. *Астатиа азкуп ХХ аиәышықәса алагамтәзы Акәатәи аокруг ахәтәк Амишынеиқәағтәи агуберния адцара иазкыз аилацәажәарақәеи уи азцәараз ырыдыркылаз азбамтәеи.*

Ихадароу ажәакәа: *акәатәи аокруг, Амишынеиқәағтәи агубериниа, Гагра, Гагратәи аґауагәағаратә станция, апринц А.П. Ольденбургтәи, аполицуиатә напхгаратәртә, Амишынеиқәағтәи агуберния адцара.*

ON THE ACCESSION OF THE GAGRIN CLIMATE STATION TO THE BLACK SEA PROVINCE

(Publication and comments by L.I. Tsvizhba)

Annotation. *The publication is devoted to discussing and resolving the issue of allocating part of the territory of the Sukhumi district and joining it to the Black Sea province at the beginning of the XX century.*

Keywords: *Sukhumi district, Black Sea province, Gagra, Gagrin climate station, Prince A.P. Oldenburg, police department, joining the Black Sea province.*

АДӘЫНТӘИ АНЦАМТӘҚӘА • ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

СКАЗАНИЯ БАБУЦЫ МАХАЗОВНЫ АДЛЕЙБА

Запись, расшифровка текстов, перевод и комментарии – В.А. ЧИРИКБА

Данные три текста были записаны мной 22 июля 1981 г. в г. Сухуме и представляют собой часть богатого фольклорного репертуара замечательной абхазской сказительницы Бабуцы Махазовны Адлейба (Адлей Махаз-иңҕа Бабуца; 1922 – 2007). Бабуца родилась в селе Уатап Очамчирского района в 1922 г. в семье известных сказителей Мажягу (дед) и Махаза Адлейба (отец), от которых она в основном и почерпнула свой репертуар. Бабуца окончила 6 классов Моквинской школы. Её учителем был известный поэт Леонтий Лабахуа. Она помнила его стихи, а также его арест в 1937 году. Кроме абхазского языка, владела русским, немного понимала мегрельский. Бывала в Тбилиси, Баку, Ростове. Умела играть на апхярце и гитаре. Воспитала 10 детей, имела 24 внука. Мужем её был известный деятель культуры Абхазии, заслуженный артист Грузинской ССР и народный артист Абхазской АССР Самсон Гуджирович Кобахия (Маҕыҕ-иңҕа). Во время Отечественной войны народа Абхазии Бабуца потеряла дочь (погибла в вертолете) и внука (погиб в боевых действиях).

Бабуца – очень интересный сказитель, она довольно активно вторгается в фольклорный текст, обогащая его своими пояснениями и комментариями. В её репертуаре – нартский эпос, космогонические предания, сказки, мифологические рассказы, заговоры, пословицы, поговорки. Она считалась великолепной плакальщицей (амыткәмаҳәаф). Характерной чертой её изложения является то, что по ходу рассказа, как бы в скобках, она кратко объясняла или комментировала ту или иную реалию или слово, которые современные слушатели, с её точки зрения, могли не знать. Ср., напр., ее пояснения к словам ахәырҕан, арашь, агәылишьаң и т.д. Хотя она выросла в абжуйской среде, долгое время пребывала в семье мужа, уроженца села Лыхны, где представлен бзыпский диалект абхазского языка. Это обстоятельство обусловило нередкое наличие в её речи бзыпских фонетических черт, наряду со стандартными абжуйскими, ср. йахьырҕаңшььоз вместо йахьырҕаңшььоз ('там, где они поджидали'), алас вместо аласа ('шерсть'), аай вместо айей ('да') и т.д. В ее словаре встречаются и типично бзыпские слова, напр. аңьқәрей 'кукуруза' вместо абжуйского аңи.

Язык сказительницы передан в публикации максимально точно, с сохранением диалектных (абжуйский диалект) и индивидуальных особенностей

речи. Слова снабжены ударением; в длинных словах иногда налицо два равноударных слога (напр. *хабейқәшиәгәбшьой*), либо имеется главное и дополнительное ударение (напр. *йәанхазы*). В русском переводе даны по необходимости краткие комментарии.

Содействие в расшифровке записанного на магнитофон текста «Нарт Сасыкәа» оказал Алхас Аргун; расшифровки отдельных фрагментов текстов были уточнены при содействии Расидац Тания, Саиды Хаджим, Альбины Анкуаб, Астанды Ахуба и Любы Цвейба; всем им я приношу искреннюю благодарность.

1.

НАРТ САСРЫКӘЕЙ САҒАНЕЙ-ГӘАШЬЕЙ.

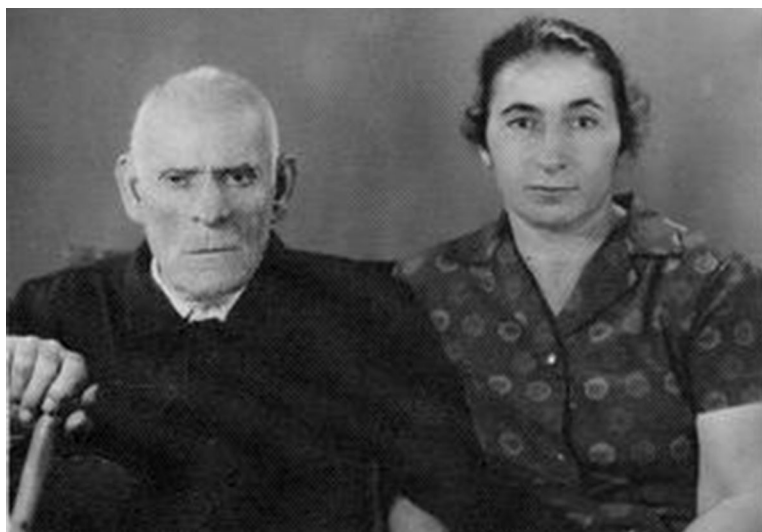
Нарт Сасыкәа Кәыдры нырцә дгылан. Аарцә дгылан Сатаней-Гәашья, ампахьшкәа лрышхауа. Абри дийгәапхейт, абри Нарт Сасыкәа Сағаней-Гәашья. «Бсгәапхейт, аха, – ихәейт, – сзыруам азы, сзыланейри?», – ихәан, ибжы иргейт. «Саргы усгәапхейт, уаха зтахым уафуп, аха хабейкәшәгәбшьой?» – лхәейт.

Убрәнтәий, нас хацарей цхәысрей хәоу ауаа ирзәйлоу ыками? Убри акәаракны икәшәейт хәоуп, нас, ажәйтәуаа ишырхәо. Убри шьтыхны, ампахьшы йлацаны лымгәацәа йадғәлхәалейт. Абри апхәыс жәымз рами ахшаа данлоуа, жәымз лымгәацәа йадғәлхәалан дыкан. Убри акынтәын лцәылтәымкәа дкалейт ларә, хшаа длоут. «Нарт Сасыкәа йыхьызтәы!» – ихәейт. «Сарә сыхьыз убри ихьзтә апә дбоуазар» – хәаны, уыбас лейхәейт. Нарт Сасыкәа йыхьзылтәит.

Убри ашьтахь хәца дцәйт ларә. Хәца данцә, бжьоык ахшаара лоут. Абжьоык ахшаара илоуз ари Нарт Сасыкәагы драшьоуп хәакәын ишырдыруаз, ирәлхәазомызт, дшәашьям хәа ирәлымхәазацызт. Арт, Нарт Сасыкәа ахәыцкәа агы адәахьы йахьыхәмаруаз, «Уарә бәша абарт, абарт сәшьцәа роуп хәа бзиа ибә урышьтоуп. Уарә урашьязам, иузымдырзо?» – хәан йәрхәейт. «Сшпәрашьам, сарә сән убас исәлхәейт, урашьоуп хәа исәлхәейт, үс оуп сә ишыздыруа» – ихәейт.

«Уарә урашьязам» хәа аниәрхәа, йән лкын даайт йарә. Йән лкын дахьяайз, «Барә, сән, – ихәейт – сарә абарт срашьязами?» – анийхәа, – «Ушпәрашьам, нан?» – лхәейт. Абыста дахагыланы, абыстаура дағын. Абыста, амхәбыста ла абыста айларшынтымтазыхәан лнапы алаикийт абыста ачуән акын. «Срашьоу, срашьаму сәбымхәар калом! – хәа.

«Соушьт, иуәсхәойт!» – лхәейт. Лнапгы былгәбшьейт, аха дәауыйшьтийт. «Абас, абас ушыкалаз» – лхәейт – «ажәлар ирәйгыызгы аб йәкәын, аха» – лхәейт – «уый дағәк (үсуп), уарә ухәычуп, уый акарақәа, уый ака-

Бабуца Адлейба с отцом Махазом Адлейба

рақәа узейлкаауам» – лхәейт. «Сарá устәуп, сá усхылтцит, уарá уáб Нарт Сасры́кәа йáкәын» – лхәейт. «Убри́ данпсуóз убáс ихәейт, апá дбóуазар, – уарá уыйáанза йарá дыпсит – лхәейт, – «Апá дбóуазар, Нарт Сасры́кәа йхьызтәы!» хәа сейхәахьан, убри́ азы́хәа и́хьзыстәит» – лхәейт. «Йахьца-лакгы́» – лхәейт – «уáшьцәа рáми áртгы́» – лхәейт, «сá сáми изхылтцыз, кьатейк ейфы́шәымтәей?» – лхәейт.

Абáрт, абáрт áбжыфык ейшьцәа абри́ Нарт Сасры́кәа дыртахза-мызт, хшы́фла дырйаайуан азы́хәа. Абáрт рфы́лархан, ажәы́тә аráшькәа хәа, аráшькәа рáкәын изыкәтәóз, уажә аеқәá рóуп изыкәтәóу, аеқәагы́ ы́кан, ахá аráшь ейхá игәгәóуп хәа, аráшь áкәын изыкәтәауáз, абáрт аráшькәа иры́кәтәаны, руáпакәа рышәцаны́, ршәáккәа, рпатрóнакәа рее́йкәыршәаны áшәарыцара хәа ицәйт. Áшәарыцара ицәйт ишы́каз, уы́рт уáхь имáчымкәан ишәары́цон, мызкы́-фымыз áбна йлан. Áшәарахкәагы́ ааргалóн рáн лахь, нáс ейтáцалон, абáрт йахьцáз хәауейт хәа рáн илáхәаны йанцáз, афхәарá йахы́цаны изымаакәан инхейт. Жәámш рáкара йанынхá, йáшьцәа аны́маа, нас лы́чкәынцәа аны́маа агәáкра дáлагейт, «сы́чкәынцәа абри́гы-абри́гы áамтазы́хәа хәауейт хәа сáрхәан, сы́чкәынцәа ма́йит, йка́ла сызды́рам, сы́чкәынцәа ейбгáм!» хәа абри́ хя́ас икалтцó дáлагейт.

«Бымшәán, сáн», – ихәейт – бы́чкәынцәа йахьы́казаалакгы́, Апсны́ йáламзаргь сарá йыспшаауойт!», – ихәán, ира́шь дáкәтәан ддэ́ыкәылт. Ды-дэ́ыкәлейт, ие́ы «Áжәәан уáцала, áжәәан ахь упры́!» – аны́йхәалак йарá аráшь азы́хәа, йарá ца́кá ае́ы амгәацәá дáцаланы убри́ áкара иласны́ áжәәан ахь ихáлон айарплáн ейцш. «Ца́кá ушьтайаны́, ца́кáла уцалá» – аны́йхәалак,

хыьх дақэтэон, адгьыл акны йанлейлак. Убри ейпш абахэкэа дырғысуан ажэон акын ихалан, импрыр ада псыхэа амамкэа абарт рейпш абахэкэа ирғысуан азыхэан акэын абри, абас икамча анаайырхалак ибжыь анакэый-ргалак ирашь, аоада ихаланы ицон. Абас дшнейуаз, йашыцэа ахышэара-цауоз атыцағы днейт. Абри данней йашыцэа ахышэарыцоз атыц, йашыцэа имбейт, ргэарта-ргыларта зегыь абгыь ґаны икажыны, йахьтэаз-йахьгылаз, ршэакькэа, рыбжьоыкгы ршэакькэа, абас ейдыргылан руапакэа харцаны, ркантируазкэа убри йахшыны рпсахьыршыоз <...>, дарá камызт, рыматэахэкэа йибейт. Абасоп икалаз, ишпсыз идырт, аха йан илеймхэейт.

Ари бжяаха-бжыьмш убра дахаоейт, абжяахакгы уао акгыь имбейт. Аабатэий амш аены, шыжыьмтанк, шыьмтан шаанзак абраьх ... уфф, уара, ...¹ агылышьац, агылышьац хэазо йаауейт. Агылышьац хэазо йаауейт, аха амгэацэа изынархэархэом. Агылышьац хэа, ускан, уажэь агылышьац хэангы ирхэот ара итаккэангы иныкэыргот егыь амац ейпшшэа-егыйшэа пшь-шьапык атцаны-егыйны, аха ус акэым. Ажэьтэ агылышьацкэа адуней апсыц километрак-о-километрак угылазар, «хха!» нахэалак, апсыц ала амгэа утанатон, ушейбгаз умкаказакэан улбаанадон, ажэьтэ гылышьацкэа убас икан. Ажэьтэ аамтаз, уый шэышыкэса рышьтахька нак.

Агылышьац аауа йанийба, амгэацэа дуу, дууны, йышьтархэазо изымнахэаахэо агылышьац аайуашэа анийба, йашыцэа амни агылышьац ишагрэз идырт. Агылышьац ахы дейхсын агылышьац ишыьйт. Импатцатэо-агыьйуа нас агылышьац псызшэа ибаанза ампан дымнейт, ипсызшэа анийба данней, йахэызба аатийхын, амгэацэа ныйркья, йашыцэа абжьоыкгы аатыцэраайт.

«Хай, уанацалбейт, Нарт Сасыкэа ара уахзаазгэзей уара?!» – рхэейт. «Сшэышьталан саайт, шэанысымба, шэтахара, шэыхьтахаз ейлыскаауейт», хэан ихэейт. Афыр-сырхэа реаайлахэаны рыматэакэа наршэцаны азэазэала йааганы аоны иныйжыуа, ирашь ала азэазэала аоны иныйжыуа, ашьтах айтыбза йаанхазы ирашь апхья дакэыртэаны, йара дйгехантэала аоны дйьман даайт.

Аоны дахьяайз ари гэьиргьарахейт, ран илыбаргызи дгэьиргьатэа дкалейт, «Сычкэынцэа ааугейт, уан дубкэыхшоуп!» – лхэейт. Абри «сычкэынцэа ааугейт, уан дубкэыхшоуп!» хэа ран йахьылхэаз, абарт абжыьоыкгы агылышьац йаграны, ишыны, йагрыхны, абри ачкэын Нарт Сасыкэа йахьяайгэз, абри игэаг шытырхыйт абарт ачкэынцэа. Абри Нарт Сасыкэа хшыола зегыь дахйаайуо, «йара ейтцкыс ха хайцэазамкэа хапшракэагыь хсахьақэагыь, абри хара дахйаайуо хшыола дзыкалази, дтахархароуп!» ха, абри рызбейт абарт ачкэынцэа.

¹ Сказительница сначала запомнила слово для дракона (уфф..., уара...), но затем быстро вспомнила.

Абарт йарá йанакэ́йзаалакгы шэары́цара дцалон, а́мѡакэа хьейхагáло, бжымѡакы ахьейхагáлоу убрá дйалон, убрá дтэалон, а́шэарыцаракэа адгьыл харакэ́а абарткэ́а-абарткэ́а дрыйштан, ша́махада аоны даангылазомзт йарá. Абри́ данца, дийасын дахьцоз, ймѡа рымдыруази, йарá дызлацалоз ймѡа, илалаган анышэ ржыйт. Иржын ачалт шышны абни́ анышэаѣ хыхь икэ́цан икартэ́йт, дыкэгылан дышнейуа абри́ ачалт алада изаахаланы абри́ Нарт Сасры́кэа убрá дыцсратэ́ы. Аха́ уый ихаракны́ хца-цшьба километра ажра жны икартэ́йт, хыхь ачалт ыкэ́цаны. Абри́ Нарт Сасры́кэа аоны да́йт, даанааны́ дгылан данцауаз абра́ дышлейуазы да́лкьан абра́ дта́хайт. Да́лкьан дынта́ха ира́шь убас ибжы́акэыиргейт: «А́баапс, абыржэ́азоуп узыстахыз, сымшьы́кэан сты́га!» – хэа. Ира́шь инапы́ акэ́ыиршан, абри́ ара́шь акамчы́ ана́айырха, ара́шь ры́цха ипырны́ иткьэ́йт. Дытны́гейт Нарт Сасры́кэа. Убри́ ашты́хы йа́шыца рѣы днэ́йт: «Сызышэ́цэымыгуый уара́?» – ихэ́йт, – сызышэ́хы-ркьой́ сара́? – ихэ́йт. «йа́шоуп, са сшэашы́ам здыруойт, сара́ ейлы́скаахьейт сан лы́ла, – ихэ́йт – аха́ сара́ цэ́ымгас скашэ́ымца́н!» – ихэ́йт.

«Абри́ нахы́с, абри́ нахы́с хайшы́ца́заап!», рхэ́ан – абас рнапы́ э́йкэ́ыршаны а́бжы́оык э́йшы́цаггы ейбабо́н.

Уый и́цегь а́цкэ́азар кала́п, аха́ се исгэ́алашэом, се исгэ́алашэа́кэо уба́рткэ́а-уба́рткэ́а роуп. Сара́ са́б дыпсы́ижьтей ѡажэ́йпцшьба шы́кэса́ цуэ́йт. Са́б йыха́ан абри́ ажэ́абж ани́йхэуоз, сара́ исхы́цуан жэ́ыхэ шы́кэса́. Убри́ ала са́лгот абри́ Нарт Сасры́кэа итэ́ы.

НАРТ САСРЫКВА И САТАНЕЙ–ГУАЩА.

На том берегу Кудры стоял нарт Сасрыква. На этом берегу стояла Сатаней-Гуаща, отбеливая полотенца. Она ему понравилась, нарту Сасрыкве Сатаней-Гуаща. «Ты мне понравилась, – сказал он, – но не могу перейти реку, как туда попаду?», сказал он, подав голос. «Ты мне тоже понравился, отменный мужчина, но как же нам встретиться?».

Есть же то, что происходит между мужчиной и женщиной, вот именно то оттуда упало на тот берег реки, как говорят старые люди. Подняв это и завернув в полотенце, она привязала его к своему животу. Женщины ведь носят ребенка девять месяцев, (и) то было подвязано к ее животу девять месяцев. От этого она забеременела, и родила ребенка. «Назови его Нарт Сасрыква!», – сказал (тогда) он ей. – «Дай ему мое имя, если у тебя родится сын!», – так он ей сказал. Она (и) дала ему имя Нарт Сасрыква.

После этого она вышла замуж. Выйдя замуж, родила семерых детей. Те семеро, которых она родила, знали, что Нарт Сасрыква их брат, она им не сказала, что он им не брат. Когда Нарт Сасрыква играл с детьми во дворе, ему сказали: «Ты напрасно с ними водишься, считая их братьями и любя

их. Ты им не брат, разве ты этого не знаешь?». «Как я им не брат, мне мать так сказала – это твои братья, так она мне сказала, так я и знаю!».

«Ты им не брат!», – сказали ему, и (тогда) он пошел к матери. Подошел к ней и сказал: «Мама, я им не брат?». Когда он так сказал, она ответила: «Как ты им не брат, сынок?». Она стояла и варила абысту.² Когда она стала помешивать абысту лопаточкой в котелке, он схватил ее за руку. «Ты обязана мне сказать, братья они мне или нет!».

«Отпусти меня, скажу тебе!» – сказала она. Обожгла руку (абыстой), но он уже отпустил ее. «Вот так-то и так-то ты появился на свет, – рассказала она, – твой отец был лучшим из людей, но это другое дело, ты еще маленький, столько не понимаешь. Ты мой, я тебя родила, твоим отцом был Нарт Сасрыква», – сказала она. «Когда он умирал, он умер еще до твоего рождения, так сказал: «Если родится сын, назови его Нарт Сасрыква!», сказал он мне, поэтому я дала тебе это имя. Где бы они ни были, они твои братья! Я их родила, разве вы не единокровные?».

А в то же время эти семь братьев не любили нарта Сасрыкву, потому что он превосходил их умом. Они собрались в путь. В старину ездили на арацах³, а сейчас ездят на конях. Были и кони, но араши более крепкие, они ездили на арацах. Накинув бурки и взяв ружья и патроны, они сели на этих вот аращей и отправились на охоту.

Вот так они отправились на охоту, немало поохотились, находясь в лесу один-два месяца. Приносили дичь матери, а затем вновь отправлялись обратно. Вот так они ушли, пообещав матери вернуться, однако срок прошел, а они так и не появились. Когда их не было уже десять дней (по окончании срока), когда братья, ее дети, не вернулись, она стала переживать. «Мои дети обещали вернуться в такое-то время, не вернулись, не знаю, что случилось, с детьми что-то не так!», – начала она волноваться.

«Не бойся, мама!», – сказал он (Нарт Сасрыква), – «где бы твои дети ни были, даже если они не в Абхазии, я их найду!», – сказал он, сел на своего араца и отправился в путь. Отправляясь, он сказал своему арацу: «Полети в небо, подлети под небо!», сказал он арацу и переместился под живот лошади. (Арац) быстро поднялся в небо, как аэроплан.

«(Теперь) понизу стелись, низом иди!» – приказал он арацу, сидя сверху на коне, когда тот спускался к земле. Так он проносился меж скалами,

---

² Абыста (*а-быста*) – крутая каша из кукурузы (в старину – из проса), подаваемая вместо хлеба.

³ Арац (абх. *арашь*) – сказочный могучий конь, обладающий способностью летать. Слово персидского происхождения, в абхазский проникло через посредство картвельских языков (ср. грузинское и мегрельское *гаи* ‘сказочный конь’).

взмывая в небо. Летя (на коне), он смог пронестись мимо таких вот скал. Хлестал плетью и вскрикивал, и тогда арац взмывал вверх. Таким вот образом он добрался до места, где охотились его братья. Когда он туда добрался, братьев не увидел. По всей их стоянке, там, где они сидели и стояли, валялись листья, семь ружей братьев стояли прислоненными друг к другу, накрытые бурками, там висели их патронташи, на месте, где они отдыхали <...>, но их самих не было, (только) некоторые из их вещей. Вот так это случилось; он понял, что их нет в живых, но не сообщил об этом матери.

Он пробыл там семь ночей и семь дней, и на седьмой день ни одного человека не увидел. На утро восьмого дня, перед рассветом, к этому месту подползает дракон с неповоротливым брюхом. Раньше говорили «дракон», и сейчас так говорят, он вроде похож на змею с четырьмя ногами, но это не так. В древности дракон, если ты стоишь (от него на расстоянии) одного-двух километров, когда он произносил «хха!», то своим дыханием он всасывал тебя в свой живот, вот такие были в древности драконы. В старое время, лет сто назад.

Когда (Нарт Сасрыква) увидел приближающегося большебрюхого дракона, когда он увидел, как тот волочит свое брюхо, не может его повернуть, он понял, что его братья в животе у дракона. Выстрелив в голову дракона, убил его, но не подходил близко к нему до тех пор, пока не убедился, что он стал неподвижным, вроде умер. Тогда он подошел, вытащил нож, распорол его брюхо и оттуда вывалились его братья.

«Ой, боже мой, как ты сюда попал, Нарт Сасрыква?» – сказали они.

«Я пошел за вами, и когда вас не увидел, понял, что вы погибли», – сказал он.

Быстро одев их в одежды, по одному он перенес их домой на своем араще. Наконец, посадив самого младшего впереди себя и сев сзади него, он приехал с ним домой.

Их возвращение домой стало радостью, что же их матери еще было нужно, она обрадовалась. «Ты привез моих детей, мой дорогой!», – сказала она. Когда мать это сказала, те семеро, которые были в брюхе у дракона, те, которых из убитого им дракона вытащил этот парень, Нарт Сасрыква, за то, что он их вернул, эти ребята затаили зло. (За то), что нарт Сасрыква превосходил их умом. «Мы не хуже его ни лицом, ни видом, как может быть так, что он нас превосходит умом! Мы должны его погубить!», – решили эти ребята.

Когда бы Нарт Сасрыква не отправлялся на охоту в поисках дичи, в далеких землях он устраивался на ночлег на перекрестке семи дорог. Очень редко он ночевал дома. Когда он отправился, они (братья) ведь знали его

дорогу, там они вырыли яму. Вырыли и прикрыли плетенкой. Проходя, он должен был наступить на ту плетенку, которую положили, чтобы погубить Нарта Сасрыква. Они сделали яму глубиной в три-четыре километра, и сверху накрыли плетенкой. И вот Нарт Сасрыква шел домой, и идя, наступил (на плетенку) и сорвался, упал вниз. Когда он сорвался и упал вниз, он крикнул своему аращу: «Прошу тебя, именно сейчас ты мне нужен, не дай мне погибнуть, вызволи меня отсюда!».

Руками обвил араща и хлестнул его плеткой. Бедный аращ взмыл вверх и выпрыгнул. Вызволил Нарта Сасрыкву. После этого Нарт Сасрыква пошел к своим братьям: «За что вы меня ненавидите?», сказал он, «в чем я перед вами виноват? Да, я знаю, что я вам не брат, я это узнал от матери, но перестаньте меня ненавидеть!», – сказал он.

«Давайте отныне станем братьями!», – сказали они, и вот так взявшись за руки, семеро братьев стали жить дружно (с Нартом Сасрыквой).

Там, (в рассказе), наверное, еще что-то было, но я не помню, вот все, что я помню. С того времени, как умер мой отец, прошло 24 года. Когда мой отец мне это рассказывал, мне было 15 лет. Вот так я закончу этот рассказ о Нарте Сасрыкве.

Комментарии.

Данный нартский текст включает в себя три сюжета: чудесное рождение нарта Сасрыквы, главного героя абхазского нартского эпоса, спасение им проглоченных драконом братьев, и покушение на Сасрыкву, организованное его завистливыми братьями. В тексте в целом излагается довольно стандартный вариант рождения и одного из первых подвигов Сасрыквы. Особенности текста являются следующие: мужчина на том берегу р. Кудры (Кодора) посылает на другой берег свое семя, которое Сатаней-Гуаша привязывает к животу, и оттого она беременеет – т. е. речь не идет о рождении героя из камня и закалке его в кузне, как в других версиях нартского эпоса абхазов (ср. Джапуа 2003: 29); отца Нарта Сасрыквы также зовут Сасрыква, поскольку он просит Сатаней-Гуашу назвать сына его именем; Сасрыква не младший, а старший сын; после его рождения мать выходит замуж и рождает семь мальчиков, при этом имя их отца не упоминается; отсутствует мотив добывания огня; братьев проглатывает не старуха-ведьма (ср. Джапуа 2003: 57), а дракон; хотя братья пытаются погубить Сасрыкву, он не гибнет, а с помощью чудесного коня-араща вызволяет себя из глубокой ямы; в итоге Сасрыква, упрекая братьев в ненависти к нему, призывает их к миру, и с тех пор они живут дружно, что также отличается от других версий абхазского эпоса.

2.

АМЗА АТЫҘА ИШАКЫЗ АЖӘАБЖЬ.

Ажәабжь шәасхәот, шәысызырәлә. Амза атыҥа йакуойт хәаны ажәабжь. Амза атыҥа изакуаз убри акэын. Бжьык ейшыцә ыкан, йахәшья зацәык дрымазаарын. Амәнт рахәшья уахгы-еынгы лызхауан агара дахыгараз. Абарт абжьыкгы ейшыцә арах рацәаны ирыман. Абарт рырахә абнахь йахыказ убарт ицаны амәнт ачкэынцә есы-уаха ирчапшьялон. Абри йахырчапшыуоз пстхәак аахыланы, абарт арахә инарылагъежны, есы-уаха цьмакы-цьмакы афон. Йахыцәз йахьяаз ирбазомыт. Абри рзейлымкаайт. Айхабы дцан ийзейлымкаайт. Агы, уый йыштанейуаз дцан ийзейлымкаайт. Абри ейцабза убас ихәейт: «Са сәот уаха» – ихәейт, «са счапшөйт уаха абарт арахә рыкны. Абри апстхәа йахылуо закәу збаруп» – ихәейт.

Абри ейтыбза ифинеяхан дцан, дмыцәзакәан ишәакь кын дыштәаз, йрахә дшырхылапшыуоз, ейбаркәымпылуа абри накантәый пстхәак ыкәланы йаауойт. Абри апстхәа йырбаны ашәакь данейхс, абри апстхәа данейхс, агәыбжьымацәа, ауащыпсы игәыбжьымацәа ихцәан инапы йаншәәлеит. Абри агәыбжьымацәа аашьткәыцәаны итацәа рфы дцәйт. Итацәа рфы дцан, ахычы агара даагарейкәыцәан лнапы данахыпш лнапы хцәаны йкан. «Йыкоу шәасхәап» – ихәан, итацәа аайызганы йангы, йабгы, йашьцәагы днарылагыланы убыс рейхәейт: «Абри ахәчы дгызмәлуп, – ихәейт. – Абри ахычы лызхәргы, – ихәейт, – зегь таацәала хәкәылхойт», – ихәейт. «Дахшып» – хәа рейхәейт. «Хай, йыухәо закәызей, бжьык ейшыцәа хәкан, йахәшья дхәмазәмыт. Хәхәшья зацәы ийыз, дахшыброуп хәа шпахаухәо» – рхәейт. «Уарә үкәцны уца, уахпыртц уахамбан» – рхәейт. «Шәымш аабзиахаат» – ихәан, иеый икәадырый инейкәцаны, «сыкәцыйт» – ихәан, ддәыкәылт. Абри бжьаха-бжьымш амәа дыкэын. Уахей-еный аныкәара дафын. Дышцәз акәымкәа бжьымәакы йахейхагалаз абра анхарта тыпны йакәыйкит. Длалаган, апхәыс даайгәйт, дынхәйт-дынцыйт, амацуар хәа лақәа ныйцейт. Абри илақәа, ихәычкәа, ичкэынцәа, ипхәыс анцәа ишыйхәара даныкалагы, абарт ихәычкәа ианрызха, йарә ишьяхька дхәахәар итаххәйт абри. «Сани, саби, сашьцәей йансыжыыз йахыкоу збаруп» – ихәейт. «Ажәйтә хәхынхәз хтыц йкоу зымбәкәан цсыхәа сымам» – хәа илөйхәейт ипхәыс. «Умцан, – лхәейт, – уарә зака шыкәса цуөзей уахь укамийжытей, жәухә-жәаф шыкәса цуойт уахь умцәйжытей» – лхәейт. «Абыржә уцәйт хәан йыубой, умцан» – лхәейт ипхәыс. «Сымцар калом» – ихәейт.

Длалаган (ажәйтә ахәырцьанкәа хәан ирзахәан әлас йәлхны), ахәырцьанкәа әба ейәехнылхәәлейт иеы даныәежәла. Акакан аарыпкан цьрақ интәлпсейт, агырахь ашый ахәызей таны йкан ажәйтә, ашый ахәызей инәган интәлпсейт агы ахәырцьан афы. «Абри уцапхьаза, – лхәейт, –

ашый ахэызей икархэхэо уцалá уарá уáпхьака уанцауá» – лхэейт. «Ашый ахэызей ананцэалáк, – лхэейт, – акакán ирыпканы иу́стаз убýрт капсó уцалá» – лхэейт. «Уýс-уýс, уáб ионны уагьнейуойт» – лхэейт. Абри капсó-икапсó ифэнейхан дышнейуаз ажэытэ йахынхауаз данынапш аурá-заурóу бнарóуп, уафýтэыса дынхазóм. Абри ажэытэ йахынхóз рынафэы кэацэ-хэычык гылоуп. Амни акэáцэ афэ лфáцэк хэхэза амнá ицóт. «Хан-хárта атýц абрá акэзар калáп» – ихэán, даафэыжэцан, ифэы (цлáк убрá йкан), áцла кны ифэы нáган инафэейхэан. Аонны данынефнала, «БЫ, уахэшьá дубýкэхшааат, – лхэейт, – усзаазгáзей» – лхэán, лашьá даайцылейт, ахá дзам-замуо, áгызмал, йаалыкэыршан, уафýтэыса дынхазóм, зегьы лфахьейт, дрýлгахьейт. Дышлашьáзгы йáлылдраауаз, йарá дыкэцны дынцóз, ларá дхэчын, агáра дгáран. «Усзаазгáзей, уахэшьá дубýкэхшоуп?» – лхэán, – «Сфэый скэадýрей ейкэцаны сáайт» – ихэейт.

Дындэблкбан дцán ифэы шьяпык аатцгэыцэаан ифааны даán. «Уахэшьá дубýкэхшаат, уфэы х-шьяпык рыла йáама?». «Áай, гэышьá, х-шьяпык рыла йáайт» – ихэейт. Дейтáцан, ак лфán, дейтáайн: «Уфэы ф-шьяпык рыла йáама?» – лхэán, – «Áай, ф-шьяпык рыла йáайт» – ихэейт. Дейтáцан, дафэак лфахьán, дейтáан: «Шьяпык áла уфэы áама?» – лхэán, – «Шьяпык áла йáайт» – ихэейт. Агы ашьапгы аатцхны илфán: «Укэадýр укэáкэа йкэцаны уáама?» – лхэейт афэы фан даныфнала. «Áай, скэадýргыы скэáкэа йкэцаны сáайт» – ихэейт. «Нáс, – лхэейт, – уахэшьá дубýкэхшаат», – лхэейт, уáжэ ифэы фán данáлга, шьтá ибóйт йаргыы дылфáрц лгэы иштóу. Лхапыц аххрá ддэбкэылт. Ари áкара ае дýзза зфáз лхапыцгы мцагэый! «Абыржэбцáкьа, – лхэейт, – агэблара сцаны, ашьла псáхны иузаазгóт, абыста узызуойт» – лхэейт.

Убри áамтазыхэаны абри ахэыблафэы хэынапык икэыркэыруо йáакэлейт. «Áбаапс, уánaцьалбейт, лхапыц аххрá дцейт, абыржэ лхапыц хын данаá, уаргыы уылфóт! Уый ейткыс абри áмца акны ифэхэапсоу áхэей áмцей шейлоу, акы йкэцан, тэаргэык йкэцсан исыт хыхь ахэыблафэы».

Абри ларá данцóз ачамгэыр иларкыйт, «дцó-дымцó илыскаауойт» хэа. «Ачамгэыр афэасцойт, ачамгэыр архэалá, уахэшьá дубýкэхшоуп» – лхэейт. «Айей» – ихэейт, ачамгэыр дафэсуа дтэóуп.

«Учамгэыргыы сыт, абри áхэа ацáрагы абрá исыт! «Сашьá дабáцей?» – хэан, данáасытцапшлак, сарá сáлапалойт ихышэтны, лыла ихыспсалойт, лыла дахьынзахыхо, уарá пытк узцóзар уцá!» – ахэейт абри ахэынап.

Длáлаган, áхэа нáган, ани ахэынап ахэыблакны иныкэйыргылейт, агы ачамгэыргыы найыркит ани ахэынап. «Хьар-хьхьар-хэа» ахэынап ахьынзафэсуоз, йарá ддэблцны ддэбкэлейт. Ари áхэыз икапсó дмаауóзи, акакán рыпкан икапсó, йарá дылсны дцáцпхьаза, áхэыз дызлысуази, ибнаршэбýрахон арахь ишьтахька.

Данаай, йа́хэа, дано́атцапшы, ани́ ачамгэ́ыр абжы́ анлаха́, «Ха́хай, сашы́а хыхь ахэ́ыблы́ ды́кэтэ́азаап. Ара́ у́кэ́ызгалазей, уа́хэшы́а ду́ыкэ́хшоуп?» – хэа дано́атцапш, ани́ ахэ́ынап о́аны́палан, йаахна́ршэ́тын лы́ла ихна́пса́лейт. Лы́ла дышхы́уоз ари́ пы́тк дна́скэ́йт. «Ха́й, сыйшы́ыйт, сашы́а дце́йт хэан сы́коуп!» – хэан, даны́нышы́тала, ани́ а́хэ́ыз да́лсны дымцо́зей йа́ра! А́хэ́ыз бна́ршэ́ыраха́хан. Уы́й хапы́цла ирху́о, ирху́о, дышы́ышы́таз, агы́и да́лсын дышцо́з, абарт ике́йпса́кэ́оз зегы́и нтэ́а, ка́канкэ́а рэ́ы дне́йт. Ла́ргы́и дйы́шы́таланы дцо́т. Ка́канк ды́кэ́лан, уы́й хы́лтэ́ейт, агы́и йа́вагы́лаз агы́и йа́зымха́уазей ака́канкэ́а ра́цэ́аны ика́пса́ны дма́уо́зей! Ани́ хтэ́аны, ани́ ды́кэ́лан, агы́и хы́лтэ́о. . . .

Ари́ лара́ лха́тца дандэ́ыкэ́лоз, уы́скан ари́ ипцхэ́ыс, уы́скан а́хш и́кэ́ларгы́лейт а́тэ́ца а́зна. Абри́ ашы́а нха́тэ́арыло, сха́тца ипсы́ та́м хэан (ажэ́ытэ́ уа́а уы́с а́тара́ ры́мамы́т, аха́ анаша́на ры́маны ирды́руан). Абри́ лха́тца ака́канкэ́а зегы́и аахтэ́аны йа́хэшы́агы́и ака́кан хтэ́аны а́фара да́фу́п, лара́ инка́лы́жы́уейт, ани́ лашы́а ды́ныы́хы́зэ́йт. Абри́гы́и а́хш, а́хш ашы́а нха́тэ́ары́ла, лы́лакэ́агы́и, лхэ́ычкэ́агы́и, ла́ргы́и абри́ лха́тца дйы́шы́тале́йт. Лха́тца дйы́шы́талт. Абри́ *послэ́дный* ака́кан ашы́апы́ анхы́лтэ́а, лашы́агы́и длы́мтца́хайт. Лашы́а ды́лфе́агалан, абас ды́лфа́рц лашы́а йзбжа́к ле́алгале́йт, а́рт ихэ́ычкэ́агы́и, ила́кэ́агы́и йзбжа́к йа́хайт.

Абри́ а́мза аты́оа йа́куо́йт хэан изы́рпцхэ́азо убри́ о́уп. Абри́ данылфе́алгала́уа лашы́а даны́лбаалда́уа ала́мта́ла, уба́скан а́нт ала́кэ́а-ама́тца́ркэ́ей, ахэ́ычкэ́ей илы́хэ́азом лара́. Абри́ данылфе́алго а́ламта́зы́хэан ихы́суан уы́скан ажэ́ытэ́. Хы́шэ́к ра́хь, хы́-к амни́ илы́кэ́шэ́он лара́, йанлы́кэ́шэ́алак лашы́а ды́лфе́ыты́фрон.

Убри́ азы́хэан а́кэ́ын абри́ а́мза аты́оа йа́куо́йт хэан уба́скан изы́рхэ́ауоз. Хы́шэ́ынтэ́ инхы́слак хы́к лара́ илы́кэ́ымшэ́ар ка́лазо́мы́т.

Абыржэ́ыгы́ ани́ ажэ́ытэ́ра йа́цэ́ынханы́ йко́у а́та́хма́дце́а ихы́сгэ́ышы́от, аха́ уажэ́ы а́фе́ара́це́а азы́ыр акры́рды́руама? Абри́ йа́кэ́ын ажэ́ытэ́ изы́рхэ́оз а́мза аты́оа йа́куо́йт хэа.

РАССКАЗ О ЧУДОВИЩЕ, ПОЙМАВШЕМ ЛУНУ.

Расскажу вам рассказ, послушайте! Рассказ о чудовище, поймавшем луну. Чудовище, поймавшее луну – вот как это было. Было семь братьев, они имели, как говорят, единственную сестру. Их сестра днем и ночью росла в люльке. Эти семь братьев имели много скота. Их скот был в лесу, и ребята каждую ночь сторожили его. Туда, где они сторожили, налетала туча, окутывала скот и каждую ночь съедала по козе. Откуда приходила, куда уходила, не видели. Им это было непонятно. Пошел старший, не разобрался. И другой вслед за ним пошел, не разобрался. Младший так сказал:

«Сегодня ночью пойду я, посторожу сегодня ночью скот. Посмотрю, что это за такое облако появляется», – сказал он.

Младший собрался и пошел. Не спал, держал (наготове) свое ружье и сидя наблюдал за скотом. (И вот) оттуда стало, перекатываясь (клубами), надвигаться облако. Увидев это облако, он в него выстрелил из ружья, и ему в руки упал оторванный палец, человеческий средний палец. Он схватил этот палец и пошел к своей семье. Придя в семью, он вынул из люльки ребенка и посмотрел на ее руку. Он увидел, что рука у нее была срезана (не хватало пальца).

Собрав семью, и отца, и мать, и братьев, и став между ними, он им так сказал: «Я скажу вам, в чем дело. Этот ребенок – ведьма. Когда этот ребенок вырастет, она уничтожит всю нашу семью. Давайте убьем ее!».

«Эй, что ты говоришь, нас было семь братьев, сестры у нас не было. У нас родилась сестра, как ты можешь говорить, что мы должны ее убить! Сам уходи отсюда, покинь нас, уйди с наших глаз!», – сказали они ему.

«Всего вам доброго, я ухожу!», – сказав, он оседлал коня и ушел прочь. В пути он был семь ночей и семь дней. Шел и ночью, и днем. Подойдя к тому месту, где перекрещивалось семь путей, там он решил построить себе жилье.

Зажил, привел жену. Живет-поживает, разводит гончих собак. У него, благодаря богу, появились жена, дети, собаки. Когда дети подросли, он захотел вернуться назад. «Повидаю оставленных мной отца, мать и братьев. Покоя мне не будет, если не навещу наше старое место», – сказал он жене. «Не ходи!», – сказала ему жена, – «Тебя там столько лет не было, 15-16 лет как тебя там не было. Что ты там сможешь увидеть, не ходи!», – сказала жена. «Не могу не пойти!», – сказал он.

Собрался, повесил на лошадь два хурджина,⁴ в старину из шерсти ткали хурджины, и сел верхом. (Жена), поколов орехи, куда-то (ему) насыпала, а просо, в старину было просо, насыпала в другой хурджин. «В пути, – сказала она ему, – сыпь на дорогу просо! Когда просо закончится, начинай сыпать те орехи, которые я тебе наколола! Так потихоньку и доедешь до дома твоего отца».

Он отправился, ссыпая просо, и вот увидел свой старый дом. Вокруг лес и ни одной живой души. Только стоит их маленький домик с остроконечной крышей, с которой поднимался столбик дыма.

«Здесь должно быть наше жилье», – сказал он и спешился. Там росло дерево, и он привязал к нему лошадь. Когда вошел в дом, к нему вышла его сестра. «Ах, дорогой братец, что тебя привело ко мне?» – сказала ведьма, такая полнолицая, всех вокруг съела, прикончила. Как же она узнала, что

---

⁴ Хурджин 'переметная сумка'.

это ее брат, ведь когда он покинул дом, она была еще ребенком, лежала в люльке! «Что тебя привело ко мне, дорогой братец?», – спросила она. «Оседлал коня и приехал», ответил он.

Она быстро выскочила (из дому), отгрызла у его лошади ногу, съела ее и вернулась обратно. «Дорогой братец, что, твоя лошадь на трех ногах пришла?». «Да, бедная, на трех ногах пришла», – ответил он. Выйдя, (еще одну (ногу) съела, и вновь вернулась. «Что, твоя лошадь на двух ногах пришла?». «Да, бедная, на двух ногах пришла», – сказал он. Снова вышла, еще одну (ногу) съела, и вновь вернулась: «(Лошадь) на одной ноге пришла?». «На одной ноге пришла», – сказал он. Съела другую (последнюю) ногу: «Ты что, сюда пришел, взвалив седло на спину?», сказала она. «Да, я пришел, взвалив седло на спину», – сказал он. Съела (всю) лошадь и вернулась в дом. «Хорошо, дорогой братец», – сказала она. Теперь, когда она доела лошадь, он видит, что она задумала съесть и его.

Она вышла поточить зубы. Съела такую большую лошадь, ведь ее зубы затупились! «Сейчас же пойду к соседям, займу муки, чтобы приготовить тебе абысту», – сказала она (и вышла).

В это время на надочажной балке появилась, семена (ножками), мышка. «Ради бога, она пошла точить зубы, как только она их поточит и вернется, и тебя съест! Лучше будет, если ты горячую золу из очага насыплешь в деревянную лопату и подашь мне сюда на балку!».

Когда ведьма уходила, вручила ему ачамгур,⁵ мол, «пойму, не ушел ли он». «Я настроила ачамгур, играй на нем, дорогой братец!», сказала она. «Хорошо», сказал он и сел, наигрывая на ачамгуре.

(Мышь ему говорит): «Дай мне свой ачамгур, и эту горячую золу на лопате тоже сюда подай! Когда она спросит: «Куда ушел мой брат?» и станет подо мной искать, я прыгну, опрокину золу и насыплю в ее глаза. Пока она будет возиться с глазами, убегай куда можешь!», – сказала мышь.

Вытащил золу и подал на надочажную балку, а мышь тем временем наигрывала на ачамгуре. «Хяр-хяр-хяр» – играла она на ачамгуре, а он вышел и пустился прочь. Когда он сюда шел, он ведь сыпал просо и колотые орехи. Как только он проходил рассыпанное просо, за спиной у него вырастал густой лес.

Она зашла в дом и, услышав звук ачамгура, глянула вверх, «Ах, наверное, мой брат наверху на балке сидит! Что тебя туда занесло, дорогой братец?». Когда она взглянула вверх, мышь подпрыгнула, перевернула (лопату с золой) и насыпала (золу) ей в глаза. Пока та возилась с глазами, он достаточно удалился.

⁵ Ачамгур (*a-чамгэ́р*) - щипковый музыкальный инструмент.

«Ах, он убил меня, кажется, мой брат ушел!», – сказала и бросилась вслед за ним. (Но) он ведь рассыпал просо! Просо превратилось в чашу. Она зубами перегрызала (деревья), и гналась за ним. А он от нее уходил. И вот кончилось просо, и он подошел к (дороге), где были насыпаны орехи. Она продолжает его преследовать. Она забралась на ореховое дерево, перегрызла его, но и другие деревья там выросли, так как он много орехов разбросал, пока шел. Она перегрызала одно дерево, (затем) залазила на другое и грызла его.

Когда он (в путь) отправлялся, жена его поставила полный стакан молока. «Если в стакане появится кровь, значит, моего мужа нет в живых». В старину люди были неграмотные, но обладали даром предвидения.

Ее муж разбросал орехи, а его сестра, перегрызая ореховые деревья, валит их. И (так) она добралась до брата. Вот это молоко (в стакане), когда в нем появилась кровь, жена (все поняв), вместе с собаками и детьми, бросилась по следу мужа. Когда ведьма перегрызла последний ствол орехового дерева, брат свалился к ее ногам. Она проглотила брата наполовину, намереваясь съесть, но за другую его половину (ухватились) дети, (жена) и собаки, и тянули (к себе).

Именно поэтому считается, что луну поймало чудовище. Когда (ведьма) заглывает своего брата, в то время, когда она его заглывает, гончие собаки и дети препятствуют ей его проглотить. В то время, когда она его глотала, в старину стреляли. Из трехста пуль одна пуля в нее попадала, и когда попадала, ведьма выпускала брата из пасти.

Вот поэтому раньше об этом говорили: чудовище, мол, поймало луну. Из трех сотен выпущенных пуль одна пуля обязательно должна была попасть. И сейчас оставшиеся со старых времен старики стреляют, но сегодняшняя молодежь разве что-нибудь знает?

Вот об этом в старину говорили: «Чудовище поймало луну».

Комментарии.

1. Абжуйское *а-тыѠ(а)*, бзыпское *а-тѠѠа* (формально совпадая с *а-тѠѠа* ‘рог’) встречается лишь в выражении *Амза атыѠ(а) йакуѠйт* ‘аത്യю(а) хватает луну’: так говорят во время затмения луны; в бзыпском огубленный *тѠ* – под влиянием *Ѡ*; в абхазских словарях *а-тыѠ(а)* переводится как ‘дракон’, ‘чудовище, пожирающее луну’, но вне этой фразы слово самостоятельно не встречается; ср. также глаголы *а-тыѠкра* ‘затмение’, *а-мратыѠкра* ‘затмение солнца’, *а-мзатыѠкра* ‘затмение луны’. Я усматриваю то же слово в *а-тыѠша* ‘сера’ (в абазинском *тІІѠвыш* ‘сера’), анализируя его как ‘драконий (*тыѠ//тІІѠвы*) жир (*ша/ш*)’, ср. для второй ча-

сти сложения структурно сходное *á-мза-ша* ‘сосновая (*мза*) смола (*ша*)’. Праабхазское **mьг’да* (**t’ǝʁʷa*) ‘монстр, чудовище’ я связываю с предполагаемым праадыгским **mkx̣:ya* (**tq̣ʷa < *t’ǝq̣ʷa*) ‘дракон’; ср. абазинское *тIкьва* ‘крокодил’, по всей видимости, заимствованное из кабардинского; к сожалению, мне пока не удалось найти это слово в имеющихся кабардинских словарях; на основе этих данных я реконструирую праабхазо-адыгское **t’ǝGʷa* ‘дракон, чудовище’ (см. Chirikba 1996: 209).

2. Брат ведьмы функционально соответствует луне, его заглатывание наполовину сестрой-ведьмой (чудовищем) – соответствует фазе первой или последней четверти лунного цикла, когда освещена половина луны. Первая публикация абхазского лунарного мифа, объясняющего фазы луны и сходная по сюжету с публикуемым здесь текстом, принадлежит учителю сухумской горской школы А. Иоакимову (1873). Другой вариант был опубликован Н.С. Джанашиа (1915: 83). Сходные предания были записаны в Абхазии в 1928 г. известным этнологом Г.Ф. Чурсиным и вошли в его посмертное издание (Чурсин 1957: 150-153). У турецких абхазов мной был записан вариант данного мифа, где брата спасают от сестры-ведьмы две его собаки, Ак и Чак. В сходном сюжете, записанном Баграмом Шинкуба в с. Агу-Бедиа (сказка «Амреи Амзеи»), имена собак – Амра («Солнце») и Амза («Луна»), см. Шьынқэба (1990: 317-318). Чурсин (1957: 153-154) отметил близкие сюжеты в фольклоре мегрелов, карачаевцев, киргизов. Схожий сюжет встречается в мифах абазин (сказка «Младший брат и сестра-людоедка» в сб. «Абазинские народные сказки», с. 91-93), осетин (сказка о клыкастой сестре, см. Таказов 2013), ингушей (сказка «Сын Месяца» в сб. «Сказки и легенды ингушей и чеченцев», с. 297-299), грузин (сказка «Брат и двузубая сестра» в сб. «Грузинские народные сказки», с. 182-187), турок (сказка «Сестра-людоедка» в сб. «Турецкие сказки», с. 45-46), русских (сказка «Ведьма и Солнцева сестра» в сб. «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева, с. 110-112), кетов (Иванов 1992: 79) и других народов. В цитируемых грузинской, турецкой и некоторых других версиях связь сюжета с фазами луны отсутствует. То же характерно для абхазского варианта, записанного Б. Шинкуба (1990), хотя на изначальном лунарный/солнечный характер этого фольклорного текста указывают имена собак (Солнце, Луна).

3.

АБРСКЬЫЛ.

Сарá уажэ́ы ажэ́абжьны ишэ́асхэот Абрскьы́л⁶ дызта́ҕахэо ахапы́, Уо́та́п акы́та. Убри́ Абрскьы́л дахьта́ҕахэо харей́, ажэ́йтэ са́б дахьынхо́зи ки-

⁶ Произносится [ʁbr̩ʁsk̩'kʲijl], со слоговым [r̩].

лόμεтракгы бжъазам. Убыскан сарá сабдú шэый џажэá шықэсá йхытцуан убрí ахапы анырпшаауаз. Ахапы зыпшаáз сарá сабдú Адлэй Мажьáгэ, сабдú йóуп изыпшаáз абрí ахапы. Абрí ахапы марданы йкоуп, цака хэычык ишыакастаран йкан, абна ирхыйт-агыйт, абрí Мажьáгэ рыцха. Ауаá ейзыйгейт, ауаá дýкэа уá йказ-егыйз рызымтэыкэаггы, ацэашькэá рпшаáйт, алáмпакэа рпшаáйт, агáз, ажэытэ... уажэ алáмпакэа áкоуп, ахá ажэытэ агáз, áпсуа кэачáбкэа хэаны икарцон абамбá хáханы áхэсакэа итатаны-агыйны, абрí áла áкэын изланейџейуаз. Аспичкэаггы дэыкэыргалейт-агыйт, абрí италт, абрí Абрскыйл дахьтáфахэо хцот хэа.

Ицэйт ахá, уáха áхара изымцейт, рапхьа йыхьынталотэкьа, абрí Абрскыйл дахьтáфахэо уый нак ихарóуп, рапхьа йахьынтало áшта, Адлей Мажьáгэ йáшта хэан йáшьтоуп, убрый сарá сабдú йóуп, Адлэй Мажьáгэ сарá сабдú йóуп. Убрí йдаггы уáха псуак дтамлазацыт убрí Аекый тызго.

Уый йанакэбызалакгы ексýрсиа Очамчырантэи инейуан, Гэыдауытантэи инейуан, йахьымнейуаз кытас йказ зегый ажэытэ апсшьара аныказ, акалхóз аныкамыз, асавхоз аныкамыз, ауаá рпсы аныршьауаз, хара ханацэа хáбацэа, абыгькэá фаны йтажьны, ихьшэáшэаза йкан азыхэан, убрá рпсы ршьон ачафáақэа кацаны аонынтэи йааргон, айлацькэа аонынтэи йааргон, áшэахэара áкан, áкэашара áкан, йаайуаз ауаá хáбацэа йагарáан áрахэ рыман, áшэахэ рыман, ишьны йагарáан акэáц жэны, абыста уны, ханацэа абыста дыруыны, дарá акэáц жэны ирыман, йаайны ауаá йрдыруаз ақытақэа ркынтэ, Мыкэынтэи йаауáн, агый Члоуынтэи йаауáн, Цакэáшьынтэи инейуан, Гэыдауытантэиггы, абрэхь сарá смамида дрыман ажэытэ Лхны Гагэылийа Чáгэ, ипхэыс хэа, йаргый дыпсхэейт рыцха, ларгый дыпсхэейт, абрантэи ауаá йман Гагэылийа Чáгэ Гэыдауытантэи абзыцэа йыманы Уотáп днэйт. Убрá днэйт, «Áбаапс, Махáз!» – ихэейт, «абрí ахапы хтáгаланы йахуырбароуп» хэа.

Уыбáрт таланы абрí Адлэй Мажьáгэ сара сабдú йáштáкны ицáн йáанза, ихынхэáанза, áчкэынцэа азыйкын, ашьтэы рзышьны, акэáц жэны, абыста уны, убрá аухаггы аеынгый убра ихэмáруан, иччон, убрá акрырфэйт-акрыржэейт, убрá итэáн.

Уый уыс ара акытауаа, апахьа ажэытэза бжъ-гэыжьк рйаа áфатэ рыманы, быжьџык ауаá, хымыз рыфатэ, рспичка, ргáз, рыфатэ-агый зегь рыманы, абрí адуней йакэыршома, йаарласны инцэома, «аканец йахьыко аабáроуп!» хэа абáрт ауаá тáлейт.

Абáрт абрí Мажьáгэ, сарá сабдú рыцха убáс ауаá азыйкыйт, нас хымыз хэан афэхэарá йанáлга, хымыз рышьтахь йанзымхынхэ áрт итáлаз, йессыуаха хџык-хџык ауаá ирчапшьон абрí ахацафы, йыкоу-йаныу, азэыр дтыцуозар-агыйуазар хэа. Жэáмш áчапшьара йафын, ахá жэáмшггы азэгый дзы.

маазейт. Уый ашьтахь хымзгы, ессыуахаггы ессынгы ачапшыра йафын, уафгы дызтымт.

Уыс-уыс ишыказ акэымкэа шкэсык ашьтахь аефы аффы тытцуо йалагейт. Аекаа итапсыз рыгефы азы йаанагауан. Убри ашьтахь арашыкэа ршыа-пкэа, ркэацкэаггы пытк ахымакэазгы убарын аха, абеоакэа цканы йаанатон. Ауафгытэса ихы, азы йазэзэахыан ажы-агый хэан акагы акэзамызт, аха ауаф ихы аанагахыан, сара сабду азы йамыйхыан убра.

Абри арашь ашыапы сара сахануп амала, са сызхаану иуасхауа. Агый ауаф ихы хэан йкоу, уый са саб рыцха ихэо сахахейт. «Уара Мажыагэ!», – ихэейт, – «уанацалбейт!», – ихэейт, «ауаф ихы ипашэшэза хыхэапшуа, абра йкэцаны апсы ихы шпахуырбо, йуужыруп, ихаумырбан, йахзычхауам!» – ихэан, йчкэынцэа данхтарк, анышэ йартейт убри.

Амала агый арашь ашыапы сара схан са сылагы йабахыан. Абри ауытра аанда акынцэка ацэан иахарцаны иман абри «Смотацэа-агый, агэразымго хыкэынцэа, зегь агэаргома, ас икалома адуней, апхыакагы даеа закэанк калахуазар акэхап, даеак аамтак калозар акэхап, Мажыагэ, йухэаз башоуп, им-цуп» – хэан азэы исейхэар ейткыс абри пытфык идсырбот!», – хэан агэара аанда иахаркыкыан иман ани бабаду рыцха. Убри сара схан сыла йабаз оуп.

Абарт изымцейт Абрскыыл дахытафахэаз. Амала ажэйтэ убас рхэон нас, Абрскыыл хэан йказ убри дыдауын. Дытытыр, адуней дыкэлар, адуней акаамет ауаажэлар ыкэыйхуон хэа. Ажэйтэ адауы адэы дыкэлар, адуней акаамет калот хэа убас ирхэон, уажэ акагы йказам, зегь пырфейт-егыйт акэымзар.

Абри Абрскыыл дахытафахэаз убра йара дыздфахэалаз астолб, айхатэы столб ацоуп хэа, убри саб рыцха ихэо сахахыан. Абри ипхэысы йарей роуп убра итаз. Абри айхатэы столб дыздхэалаз убри айхатэ астолба ирцысны шкэсык ахь знык агыйгымкэан абар йытыйхуойт, «абри ашыака шты итысхойт, абри ахапы стытцуойт, ажэлар срылалот, ауаа ыкэсхуейт» – хэан, «уаштыа исыбаргызей!», – хэа, – «абри ашыака ацсхуейт!» хэан данналагалак, ажэтыс акэын убри итаз, ажэтыс ада изакэызаалакгы зыпсы то, цыра хэача-мачак ахапакны итазам уа, Аефы тызго хэа хыхышьто, уаха даеа хэаз-мазак талазом. Абри ажэтыс чыр-чыр-чыр-ччыр хэан амни астолб ахы йкэтэоот, абри ацыс хычза сстолб ахы йкэтэан «сара ишпасэцажэо, адау дүзза» хэан, алэм изышьтан, убри штыхны, амни ауыра, ауыра ахызын, уажэы алэм хэа хышьтоуп, аха ажэйтэ ауыра хэан йашытан, ауыра дүкэа. Абни штыхны астолба данаслак, астолба йытытыз акара алада итцанацалон. Йейссышыкэса абри ажэтыс чыр-ччыр хэа амна инейны йара дытныжыуамызт, абри дытытырц игэы йантейкуа, абри ацыс амна йаныкэтэалак, алада абри астолб ацалауон, убри азыхэан Абрскыыл дызтыцуамызт хэан. Абри ха хабачэа ханацэа ирхэауан.

Убра лахтаала анцэа, анцэа дйыхэон йарá ийтáхыз ифатэума, ижэтэума ишэцатэума зегь убра изкáхауейт хэа. Ажэйтэуаа убас рхэон, убри сáбацэа ирхэо сахэхейт. Амала уажэбй кагы́иказам, амала айáшазы́хэатэка, сарá схáан, саргы́и схэычын, жэáа-жэáа шыкэса анысхы́цуаз, ауаá нэйуан, Ае́кы́и тызго хтáлот хэа ауаá мнэйуази, итáлац ауаá нтáло áмш бзийан, шэахэак цы́ара йахзáмкэан, икáххаа áмш ейлфачá, апхзы́и уылытэцэа, ашбу́ра уцсуá, «Шы́ири, абри́ аха́пафе́и афе́и сны́тцаланы, сесы́рхы́шэашэанда хэан уанынны́тцалалак итáмлац ауаá антáлалак аха́пахы́и, на́к аону́тца интáлалак, иты́тцны йáанза идыдуá има́цэы́суа ихы́суа, акы́рцх лэйуа, сарá схáан избахы́о, са схáан убри́ избахы́ейт.

Идыдны́и-има́цэы́сны акы́рцх лэйуа, атэ́бла бганы́и иты́тцуа, ана́аты́тцлак, «Уарá, шэánaцьалбейт, амш кáххаа ишы́иказ аха́пы́и хтáлан, нас хара́ уахь хшы́тцаз ара́хь ика́лазэй?» – хэан ауаá зака́нтэ ирхэо́з уды́руо?

Сара́ сахэ́шы́пак ды́кан, Цна́риа́ Ха́цы́арáт и́чкэын, Туча́ хэа ры́цха, уый ды́цсхы́ейт уажэ́бй, абри́ днэй́т, Кэ́толоп дахы́нхауá, сáб ры́цха убас йей́хэейт, «Ма́хаз», ихэ́ейт, «абри́ Ае́кы́и тызго зба́р с́тахуп!», – ихэ́ейт. Ае́и... Йáб Ха́цы́арáт ры́цхагы́и ае́и акэ́ады́р, акэ́ады́р на́кэ́тцаны, уыйгы́и да́кэы́ртэаны днэй́гейт, йаргы́и фе́ла днэй́т. Сáбгы́и, афо́на́ркэа шы́тыйхейт, агы́и шы́тыйхейт, ха хáззагы́и арт аха́пы́и йахы́тáло аабот ханы́и хцэй́т. Сáб арт Ха́цы́арáтгы́и Туча́гы́и йы́маны аха́пы́и дтáлейт аону́тца. Ае́кэá уа ае́харпа́рта атэ́о́ан ы́тцацаны иры́моуп, уый йаны́рбаз инаркы́нгы́и. Иба́аргы́и, уый анбаала́к, дае́ак пканы́и, дае́а шы́оукы́и йы́тцартот, убы́с ае́харпа́рта хэан ика́тцаны иры́моуп. Амна́ инáганы а́гэ́ракэа аарфе́ыршэ́шэаны́и, айха́кэá аарфе́ыршэ́шэаны́и, амни́ ае́харпа́ртафе́и а́гэ́ракэа наха́псаны́и ины́карцейт, дара́ ны́тцалейт. Дара́ áанза, убри́ ей́цш áдыд-áма́цэы́с калей́т, сарá са́хэшы́-ца о́ы́цагы́и саргы́и убра́ хтэан, нас уá Адлэй́аа ры́чкынца́кэакгы́и хáдтэалан. Убри́ ей́цш áдыд-áма́цэы́с калей́т, слы́мха́кэа скын исзы́чхауомы́т, абарт абра́хь на́к йы́тцан йáанза. Ае́кэá рхáн, йара́знак ры́гэ́ракэа ае́харпа́рта йахы́ршэ́шэаны́и, рфе́ылархан, ае́кэá йы́шыйáшаз ха ха́оны́ика ицей́т. Сан ры́цха ае́кэá аны́лба, «Ди́да, арт ры́гэ́кэагы́и ара́хь йа́айт, шы́та излауо́зей, шы́пы́ла йаа́гэ́ы́шы́ома?» – лхэ́ейт са́н ры́цха.

Ае́кэá аннэй́, áш́та интáлцалан, а́цы́кэ́рей ры́мтцалы́ргы́лан, ала́гáн йанпса́ланы ае́кэá лкы́н, ака́за́рмафе́и инáганы ркэ́ады́ркэа ры́кэ́хны итакны́и илы́ман са́н.

Хара́ убы́рт ы́тцы́тцны, саб, Ха́цы́арáт, Туча́ ры́цха-агы́и ана́й, зегь шы́пы́ла ха хлы́кэ́лан ао́ны́ика хцей́т. Ханнэй́, ае́кэá са́н лы́кны́и иней́хы́ан убра́ итáн. Изхы́схэ́ауо, убы́скан убас й́кан.

Уажэ́бй áка́тцара йа́е́уп, áлаша́рагы́и ата́галара йа́е́уп, абри́ Йешы́́ратэ́и аха́пы́и шы́коу ей́цш ика́хцот хэан йа́е́уп, áкэ́ымзар егы́ый йа́гы́ымды́дыц,

йагьыммацэбысыц. Амала сыздырам, сынтэа абри ашыкэс убра йалагейжтей, айаша ххэозар, мышк аайлганы хэан йагьысымбатэкьац, айашаз. Сынтэоуп йаргьы аналага. Убра йалагейжтей амш ейлымгац, абас йысқыангьы амш ашэахэа хышышьыла йкоуп.

Убри ажэбтэуаа ирхэатэкьаз, ийашан йыкоу закэбы сыздырам аха.

АБРЫСКИЛ.

Сейчас я расскажу о пещере, внутри которой прикован⁷ Аبرىскил, в селе Уатап. Оттуда, где прикован этот Аبرىскил, до того места, где раньше жил мой отец, нет и километра. Моему деду, когда была найдена пещера, было сто двадцать лет. Адлей Мажягу, мой дед, нашел эту пещеру. Пещера находится на возвышенности, а ниже нее небольшая площадка. Этот бедный⁸ Мажягу (там) немного расчистил лес. Собрал людей, уважаемых людей, нашли свечи, лампы, керосин; сейчас есть лампы, но в старину (использовали) керосин, женщины из хлопчатобумажной нити изготовляли так называемые абхазские светильники, с помощью которых они передвигались (освещая путь). Принесли спички, и тому подобное. И вошли (в пещеру): «Дойдем дотуда, где прикован Аبرىскил!».

Вошли, но далеко не продвинулись. От того места, где они первоначально вошли, от площадки, которая называется полянкой Адлей Мажягу, до того места, где прикован Аبرىскил, было очень далеко. Адлей Мажягу – это мой дед. Кроме него ни один абхаз не вошел в эту (пещеру,) (называемую) Ачки тызго⁹.

Туда всегда были экскурсии из Очамчыры, из Гудауты приезжали, со всяких сел приезжали, это было в старину местом отдыха, когда еще не было колхозов, не было совхозов, когда люди отдыхали, наши матери и отцы. Нарвав молодые листья, потому что они давали прохладу, там они отдыхали. Из дома приносили куличи, айладж¹⁰, пели, танцевали. Приходившие (туда) люди, наши отцы, имели скот, зарезав его, всегда варили мясо, заставляли наших матерей варить абысту, а сами варили мясо. Приезжали из известных сел, из Мыку приезжали, также из Члоу приезжали, приезжали и из Пакуаща. Из Гудауты, из Лыхны (приезжали) сюда в старину, вместе с моей тетей, Гагулия Чагу и его жена, он бедный скончался, и она скончалась. Гагулия Чагу из Гудауты вместе с бзыпцами приезжал в Уатап. Приехал и говорит: «Махаз, ты должен завести нас в эту пещеру и показать ее нам!».

⁷ Букв. ‘внутри привязан’.

⁸ Слово ‘бедный’ (*а-рыцха*) при упоминании человека обычно указывает на то, что речь идет об умершем.

⁹ *Аекьы Тызго* – букв. ‘выносящий конский навоз’.

¹⁰ *Айлац* – сваренная с сыром абыста.

Они прошли полянку моего деда, Адлея Мажягу, и забрались туда (в пещеру). До их возвращения, Махаз назначил (снаружи сторожить) ребят. (Вернувшись,) зарезали козу, сварили мясо, приготовили абысту, вот так и днем, и ночью там развлекались, смеялись, пели, пили, находясь там.

В старину семь человек сельчан, погрузив на семь мулов груз с едой, (запас) еды, спичек и керосина на три месяца, взяли все это с собой. (Хотели выяснить,) простирается ли эта пещера через весь свет, либо же она быстро заканчивается. «Мы должны увидеть, где конец (пещеры)», – сказали люди и зашли в нее.

Спустя три месяца после окончания срока (возвращения), когда через три месяца проникшие в пещеру не вернулись, Мажягу, мой бедный дед, назначил людей, и каждую ночь три человека дежурили возле этой пещеры, (наблюдая,) что происходит, мол, может быть кто-нибудь выйдет, и тому подобное. Десять дней дежурили, но и на десятый день никто не вышел. И после этого три месяца ежедневно и еженощно там дежурили, но никто не вышел.

И вот через год (из пещеры) стал раздаваться запах конского навоза. Вода выносила навоз павших внутри лошадей. После этого можно было увидеть ноги аращей, части их тела, то небольшое, что от них осталось. Приносила (вода) и чистые кости. Мой дед из вытекающей (из пещеры) речки выловил человеческую голову (череп), промытую водой, уже без плоти.

Нога этого араща, о чем я упомянула – это было (уже) в мое время. А о той человеческой голове (черепе) я слышала от моего бедного отца. «Мажягу, – кто-то сказал ему, – что за дела, мы глядим на эту белую человеческую голову (череп), как ты можешь нам показывать голову трупа, ее необходимо захоронить, не показывай ее нам, мы не можем этого вынести!». (И) когда к нему с этим (же) пристали его сыновья, он голову захоронил.

Но ногу араща я своими собственными глазами видела. Она была насажена на кол на ограде этого огорода. «Мои внуки, наши не верующие дети, разве (мне) поверят? Чем мне кто-то скажет: «Мажягу, что за ерунду ты несешь!», лучше я покажу некоторым (эту) насаженную на ограде двора (ногу)», (говорил Мажягу). Я видела ногу своими глазами.

Те люди так и не смогли дойти до места, где был прикован Абырыскил. Но в старину так говорили: «Этот Абырыскил – великан. Если он выйдет (из пещеры), войдет в мир, то уничтожит человечество». В старину (говорили), что, если великан выйдет наружу, в мире будет бедствие, вот так говорили.

Этот Абырыскил прикован внутри к столбу, (там) вбит железный столб, это я слышала от моего бедного отца. Там сидели Абырыскил и его жена. Тот железный столб, к которому он прикован, этот столб он в течение года

раскачивает, и вот-вот вытащит. «Сейчас я вытащу этот столб, выйду из пещеры, пойду к людям и уничтожу их!», – говорил он. – «Мне теперь не о чем волноваться, (осталось только) выдернуть этот столб!».

Но как только он начинал (расшатывать столб), там внутри (пещеры) была ласточка. Кроме ласточки ничего живого, (даже) никакого насекомого, в пещере Ачки тызго не водилось и в пещеру никакой живности не пролезало. Эта ласточка, вот эта малюсенькая птичка, садилась на верхушку столба, (щебеча) «чик-чирик!».

«Как она смеет разговаривать со мной, великим великаном!» говорил (Абрыскил). Там у него лежал лом, (раньше,) в старину, он назывался молотом, теперь его называют ломом. (Так что там были) большие молоты. Подняв молот, он ударял по столбу, но насколько он столб вытаскивал, настолько же он его (в землю) вгонял. Ежегодно эта ласточка, щебеча «чик-чирик», залетев (в пещеру), не давала ему выйти. Щебеча «чик-чирик», эта птичка садилась (на столб), и столб погружался вниз (в землю). Вот поэтому-то Абрыскил никак не мог высвободиться. Так рассказывали наши отцы и матери.

Он просил у бога все, чего хотел, будь это пища, напитки, одежда, все это ему (сверху) падало. В старину люди так рассказывали, я слышала, как наши отцы это рассказывали.

По правде говоря, когда я была маленькой, мне было 12-13 лет, люди приходили с целью попасть в пещеру Ачки тызго. Когда они заходили в пещеру, была хорошая погода, (на небе) ни облачка, хороший погожий день, пот струился, была смертельная жара. (Они думали:) «Заберусь-ка я в эту пещеру, освежусь!». И вот когда они туда забирались, те, кто ранее там не бывал, когда они забирались внутрь пещеры и там находились, (снаружи начинал) громыхать гром и сверкали молнии, падал град, я сама это видела. Гром, молнии и град обрушивалась на землю. Когда же они выходили (из пещеры), говорили: «Что же это такое, когда мы заходили в пещеру, была такая прекрасная погода, что же здесь произошло, пока мы были внутри?». Знаешь, сколько раз люди так спрашивали?

Был у меня племянник, сын Цнария Хаджарата, бедный Туча, он уже умер, в Кутоле жил, он приехал и так сказал моему бедному отцу: «Махаз!», – говорит, – «хочу осмотреть эту (пещеру) Ачки тызго». Он со своим отцом, бедным Хаджаратом, верхом на коне приехали. Мой отец взял фонари и другие вещи, и мы тоже все туда пошли посмотреть. Мой отец вместе с Хаджаратом и Тучей вошли внутрь. Там (у пещеры) был установлен столб для коновязи, еще с тех пор, как ее обнаружили. Когда столб сгнивал, вырубали другой, убрав старый, так что там имелась коновязь.

Подошли, уздечки и удила (лошадей) накинули на коновязь, а сами вошли в пещеру. Но пока они еще были внутри, начал сильно греметь гром и сверкать молнии. Мы там (рядом) были с моими двумя сестрами, и еще с нами были ребята Адлейбовцы. Так гремел гром и сверкали молнии, что я закрыла уши, не в силах терпеть, до тех пор, пока находишиеся внутри (пещеры) не вышли наружу.

Лошади же, сорвав уздечки с коновязи, напрямик поскакали к нам домой. Моя бедная мама, увидев лошадей, сказала: «Мать моя, их лошади пришли (одни), как же сейчас они бедные сюда доберутся, пешком что ли?». Она загнала лошадей во двор, насыпала в тазик кукурузу и поставила перед ними. (Потом) повела лошадей к сараю, сняла с них седла и заперла их внутри.

Когда же они вышли (из пещеры), мой отец, Хаджарат, Туча и остальные, когда вышли, все мы пешком направились домой. Придя, (увидели, что) лошади пришли домой и находились в стойле. Я об этом говорю, потому что тогда так было.

Сейчас занимаются устройством (пещеры), устанавливают свет, как в Эшерской пещере¹¹ собираются сделать, однако ни гром не гремит, не молнии не сверкают. Хотя, не знаю, в этом году же начали, по правде говоря, погожего дня вообще еще не было, это правда. В этом году начали. С тех пор, как начали, погода не улучшается, вот так все время небо затянуто тучами.

Вот то, что говорили старые люди, не знаю, правда ли это.

Комментарии.

Рассказ о закованном в пещере герое Абрскиле характеризуется важными отличиями: в данном варианте мифа Абрскил – не народный герой и богорец, как в большинстве версий абхазского сказания, а демонический великан, чье освобождение из заточения грозит уничтожением человечества. Изложение мифа перемежается со вставками из современности, что придает тексту историческую глубину. Отличием от других версий является также сообщение о присутствии в пещере вместе с Абрскилом его жены. Рассказ содержит информацию лишь о заключительном этапе сказания – нахождении закованного Абрскила в пещере и его безуспешных попытках выйти на волю, расшатав железный столб, к которому он прикован, чему препятствует садящаяся на вершину столба ласточка. Текст не включает информацию ни об обстоятельствах рождения Абрскила, ни о его подвигах (ср. Джапуа 2003: 95). Рассказчица говорит не только о закованном в пещере Абрскиле, но и о попытках людей добраться до великана, заканчи-

¹¹ Рассказчица имела в виду Новоафонскую пещеру.

вающихся гибелью смельчаков. Даже сам заход людей в пещеру вызывает негодование природы, реагирующей на это громом, молниями и градом, несмотря на изначально погожий день. При этом рассказчица выступает как очевидец данных грозных проявлений природы.

Литература

Афанасьев 1984: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева // Литературные памятники. М.: Наука, 1984. Т. 1.

Джапуа 2003: Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрскиле. Сухум: Алашара, 2003.

Джанашиа 1915: Джанашиа Н.С. Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. IV. Вып. I. № 1. Петроград: Издание Императорской Академии Наук, 1915. С. 72–112.

Иванов 1992: Иванов Вяч.Вс. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2. К-Я. М.: Советская Энциклопедия, 1992. С. 78–80.

Иокимов 1873: Иоакимов А. Предрассудки моих учеников (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы). (Окончание). III // Кавказ. Тифлис, 1873. № 82.

Курдованидзе 1988: Грузинские народные сказки. Книга 1 / Сост. Т.Д. Курдованидзе. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.

Мальсагова 1983: Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост. А.О. Мальсагова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983.

Стеблева 1986: Турецкие сказки / Сост. И.В. Стеблевой. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986.

Таказова 2013: Таказов Ф.М. Луна в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. Электронный научный журнал. 2013. № 2.

Тугов 1985: Абазинские народные сказки / Сост. В.Б. Тугова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.

Чурсин 1957: Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957.

Chirikba 1996: Chirikba V.A. Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: CNWS Publications, 1996.

АРЕЦЕНЗИАҚӘА • РЕЦЕНЗИИ

Ю.Д. Анчабадзе

Рецензия на кн.: АбНО и его разгром (1922–1931) / Сост. С.З. Лакоба, А.Я. Дбар. Сухум: Дом печати, 2021. 296 с.

Рассматриваемая книга вышла в серии «Неизвестная Абхазия», интригующее название которой маркирует научно-издательский проект, направленный на стирание «белых пятен» абхазской истории. Собственно говоря, любое исследование или публикация на исторические темы всегда в идеале имеет целью ввести в научный оборот, равно как и в более широкий общественный контент, некое новое знание – и этот процесс бесконечен. В его основе – не только принципиальная невозможность конечного знания исторического прошлого, но и периодически возникающая в обществе потребность в переосмыслении его опыта, а также актуализация тех сторон прошлого, которые до последнего времени находились на периферии исследовательского внимания и широкого общественного интереса.

Сказанное, к сожалению, относилось и к Абхазскому научному обществу (АбНО). Нельзя сказать, что АбНО, активная деятельность которого протекала в 1922–1931 гг., являлась совершенно забытой институцией, однако многие связанные с ней важные факты и реалии оставались неизвестными. Соответственно в должной мере не были осмыслены и отрафлексированы место и роль Общества в культурной и интеллектуальной истории Абхазии своего времени. С выходом в свет рассматриваемой книги возможности изменить это значительно расширились.

Структура сборника двухчастная. Наибольший объем отдан второй части, в которой представлен блок документальных материалов, характеризующих многогранную деятельность АбНО. В первой части помещен обстоятельный и очень содержательный исследовательский очерк С.З. Лакоба, посвященный основным вехам истории Абхазского научного общества.

АбНО было учреждено через год после установления советской власти, однако очевидно, что его идейные и организационные истоки следует искать в предшествующем этапе развития Абхазии. С.З. Лакоба отмечает, что АбНО было создано на базе существовавшего до революции Сухумского общества сельского хозяйства (СОСХ). Начав работу в 1898 г., СОСХ сыграло важную роль в консолидации сообщества квалифицированных

специалистов и любителей, объединенных интересом к практической хозяйственной деятельности в субтропической зоне Черноморья. Деятельность Общества была разносторонней. Под его эгидой работала Сухумская опытная станция, выходили в свет специализированные издания – «Черноморское сельское хозяйство» с приложением «Черноморский селянин». Важно отметить, что в Абхазии действовали другие общественные организации. В 1915 г. начало работу Сухумское общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа; в это же время начинает свою деятельность Сухумское медицинское общество, а также ряд просветительских организаций: Сухумское общество народных университетов, Общество распространения просвещения среди абхазцев, Сухумское отделение Общества по распространению грамотности среди грузин и др. (Смыр 1996).

Таким образом, Абхазия и административный центр Сухумского округа – г. Сухум не были заштатной окраиной империи, но обладали известным опытом социальной самоорганизации общественно-культурной деятельности, выразившейся в частности в функционировании ряда научно-просветительских организаций, опиравшихся на соответствующий человеческий и интеллектуальный потенциал. В этом отношении учреждение новой организации было бы вполне закономерным и далеко не уникальным шагом в эволюции культурной жизни края.

Между тем в литературе образование АБНО часто соотносят с наступившим советским периодом в истории Абхазии. В известном смысле в этом есть определенный резон, так как в исторических условиях начала 1920-х гг. это событие оказалось в тренде основной политической линии большевиков по модернизации социокультурной жизни советского общества. Характерно, что советские руководители республики – Н.А. Лакоба и Н.Н. Акиртава стали членами АБНО, что, безусловно, повысило статус и значение новой общественной организации. Важное символическое значение приобретало и его название. Соотносимое с национальным самоопределением и официальным государственным наименованием республики оно закрепляло за АБНО позицию знакового культурного атрибута ССР Абхазия. Как отметил С.З. Лакоба, «с самого начала своей деятельности в 1922 г. АБНО способствовало укреплению суверенитета молодой Абхазской республики» (с. 28).

В то же время главным в деятельности АБНО, конечно, была ее научная составляющая. Как показывают материалы сборника, научная программа АБНО характеризовалась сугубой прагматичностью. Она в основном была направлена на решение проблем, актуализированных практикой со-

циального и хозяйственного строительства, исходя из чего ставившиеся цели и задачи отличались конкретностью и детализированностью, хотя их многообразие и широта не были лишены известной доли амбициозности. Например, планом на 1925–1926 гг. намечалось проведение «экспедиционных научно-исследовательских работ по изучению Абхазии в отношении геологическом, почвенном, географическом, биологическом, антропологическом, этнографическом, археологическом и санитарно-нозологическом» (с. 69).

Между тем по многим направлениям деятельности АБНО были достигнуты немалые успехи. Об этом свидетельствуют помещенные в сборнике материалы, в частности, большой блок документов – бюллетени, отчеты, вопросники и др., которые всесторонне характеризуют многогранную деятельность Общества. Последняя осуществлялась как по естественнонаучным, так и гуманитарным направлениям. Им соответствовали специализированные секции (сельскохозяйственная, экономическая, техническая, медицинская, географии и этнографии, абхазоведения), в рамках которых координировались плановые работы в их апробированных методах и формах, в частности проводились экспедиции, читались доклады, устраивались слушания по тем или иным проблемам, готовились справочно-документальные материалы для руководства республики, составлялись вопросники и методические пособия и др.

С.З. Лакоба отмечает большую работу АБНО по формированию музейного фонда, в который поступали артефакты, отражавшие природные и исторические богатства Абхазии. Другим направлением было целенаправленное комплектование научной библиотеки с впечатляющей географией корреспондентских адресов, откуда АБНО получало специальную литературу. Просветительская деятельность Общества сопровождалась тенденцией – стремлением вовлечь как можно больше людей в изыскательскую и краеведческую работу. Это принимало порой черты административной кампанейщины, когда, например, неожиданно возникала идея ввести в состав АБНО поголовно всех учителей. Но в целом интерес к работе Общества и так был высок, среди его членов были жители практически всех уголков Абхазии, а в Гагре было открыто отделение Общества.

«Реконструируя» вехи истории АБНО, С.З. Лакоба сосредотачивает внимание на его роли в организации и проведении в 1924 г. в Сухуме представительного 1-го съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Успешное мероприятие повысило авторитет Общества, по праву получившего известность одного из крупных и деятельных исследовательских центров в Кавказском регионе.

АБНО вело издательскую деятельность. В тщательно подготовленном А.Я. Дбар библиографическом указателе собраны сведения обо всех печатных изданиях, вышедших в свет под грифом Общества, а «Известия АБНО» представлены в постатейных росписях, что станет неоценимым подспорьем для всех заинтересованных исследователей.

Документальные материалы, относящиеся к непосредственной деятельности АБНО, являются важнейшим источником для изучения и реконструкции его истории. Однако сборник содержит еще один пласт источниковых материалов, который представлен в его эпистолярном разделе, где размещены письма, принадлежащие лицам, активно сотрудничавшим с АБНО. Адресатом всех посланий является В.И. Стражев – сотрудник АБНО, один из ключевых участников культурной жизни Абхазии 1920-х гг., его корреспондентами – председатель АБНО Г.П. Барач, ученый секретарь Общества В.П. Малеев, член ученого совета М.М. Иващенко, активно сотрудничавший с Обществом археолог и историк А.С. Башкиров. Эти ценнейшие документы выявлены С.З. Лакоба в фонде В.И. Стражева, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Письма датированы 1926–1931 гг. К тому времени В.И. Стражев уже жил в Москве, но живо интересовался положением в Абхазии, в особенности делами АБНО, разговор о котором составляет основную сюжеттику публикуемых писем. Корреспонденты делились со своим адресатом подробностями сухумской жизни, давали происходящему личностные, безусловно, субъективные оценки и характеристики, делились сомнениями, тревогами, надеждами и т. д., и отражение этого индивидуального взгляда придает дополнительную емкость информационному потенциалу источника. В то же время С.З. Лакоба обратил внимание, что авторы прибегают «к намекам, умолчанию, иносказательной речи, понимая, что их письма контролируются (перлюстрация), а порой и не доходят до адресата». Увы, это обычная специфика многих советских эго-документов, тем не менее даже в этих условиях публикуемые письма представляют значительный интерес.

АБНО прекратило свое существование 5 августа 1931 г. В этот день было принято решение о слиянии Абхазского научного общества и НИИ абхазского языка и литературы; одновременно на этой базе учреждался Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК). По мнению С.З. Лакоба, – это был разгром. И формальное слияние двух научных институций было лишь завершающим актом ликвидации АБНО, последовательная и планомерная подготовка к которому велась задолго до рокового дня.

Причину произошедшего С.З. Лакоба видит в том, что «кураторы» Абхазии совсем не ожидали, что «в считанные годы АБНО станет столь се-

рьезной организацией, будет способствовать положительному имиджу республики в масштабах всего СССР и привлечет к себе внимание многих ведущих научных центров зарубежных стран» (с. 28). Это очевидно. Но думаю, в Тбилиси вызывали беспокойство несколько факторов: не только внешний эффект деятельности АБНО, но и та роль, которую Общество играло внутри самой Абхазии. За время существования Абхазское научное общество стало центром единения широких слоев интернациональной по составу интеллигенции республики, посвящавшей свои знания, умения и общественный энтузиазм интересам Абхазии. Совместная работа, осознание общих важных целей стали важнейшим стимулом, способствующим формированию групповой идентичности гражданского сообщества, основанной на «подданстве» ССР Абхазии. Такой результат совершенно не входил в планы «кураторов», готовивших для республики совсем иную судьбу, зловещим предзнаменованием которой явилось произошедшее за несколько месяцев до этого понижение политического статуса Абхазии до положения грузинской автономии. Очевидно также, что общественный характер АБНО затруднял контрольный надзор над организацией и его членами, поэтому Обществу уже не было места в системе укреплявшегося сталинского тоталитаризма. Характерно, что ликвидация АБНО отсекала десятки его членов от активной изыскательской деятельности. Разрешенные формы последней отныне замыкались исключительно в рамках ново-созданного института, название которого демонстративно исключало научный дискурс, обозначив приоритетным направлением деятельности лишь проведение краеведческих работ.

Разгром АБНО, считает С.З. Лакоба, имел также целью нанести удар и по руководителю республики Н.А. Лакоба, который был одним из инициаторов создания Общества, состоял в нем и оказывал всяческое содействие и поддержку. Предположение не лишено оснований. Однако в тот период руководитель Абхазии еще не мог быть подвергнут прямой атаке, но под пресс репрессий один за другим стали попадать его соратники, в том числе из ряда деятелей АБНО – после унижительной публичной травли в местных СМИ были арестованы много лет являвшийся председателем Общества Г.П. Барач и его активный член М.М. Иващенко; поневоле вспоминается последующая трагическая судьба абхазских членов АБНО С.П. Басария С.Я. Чанба, Д.И. Алания, Р.И. Какуба и др. И этим окончательно был завершен разгром Абхазского научного общества.

Недолгая, но яркая история АБНО, к сожалению, долгое время оставалась в тени неизвестности и формального поверхностного знания. Выход в свет рассматриваемого сборника благоприятно изменил ситуацию. Вве-

денный в научный оборот ценнейший исследовательский и источниковый материал позволяет зримо и предметно реконструировать яркие и одновременно трагические страницы культурной жизни Абхазии первой половины XX столетия.

Литература

Смыр 1996: *Смыр Л.Г.* Научно-просветительские общества в Абхазии в конце XIX – начале XX вв. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Сухум, 1966.

Рецензия на: Борисов П.И. Мои воспоминания о Гаграх. История Абхазии в мемуарах и воспоминаниях. Вып. 1. Сухум, 2021. 165 с.

Публикация рукописи мемуаров «Мои воспоминания о Гаграх», принадлежащих перу Петра Ивановича Борисова, открывает серию «История Абхазии в мемуарах и воспоминаниях», издаваемых отделом политологии и конфликтологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Во вступительном слове основатель и редактор указанной серии проф. В.А. Чирикба рассказывает о судьбе сохранившейся рукописи. Как сообщает В.А. Чирикба, материалы были переданы ему вдовой проф. Ш.Д. Инал-ипа, видным абхазским историком Мирой Константиновной Хотелашвили-Инал-ипа. Оригинал рукописи был сдан Ш.Д. Инал-ипа в 1987 г. в архив Абхазского института языка, литературы и истории. Копия этих материалов, благополучно пережив ужасы военного времени 1992–1993 гг., сохранилась в личном архиве Инал-ипа.

Идея написания воспоминаний была внушена П.И. Борисову Шалвой Денисовичем, который был хорошо знаком с будущим автором и выражал убеждение, что обширные краеведческие познания Петра Борисовича не должны пропасть даром.

Автор мемуаров – Петр Иванович Борисов (1897–1978) работал в Гагре рабочим, мастером, инженером на различных предприятиях и в учреждениях города и его окрестностей с начала 1912 г. до выхода на пенсию в 1962 г.

В воспоминаниях П.И. Борисова идет речь о строительстве знаменитой Гагрской климатической станции, возведенной по инициативе принца Александра Петровича Ольденбургского. Мемуары содержат ценные воспоминания о развитии городского хозяйства, культурной и общественной жизни, а также об особенностях быта разных слоев населения города-курорта – от самого принца Ольденбургского до рядовых рабочих и служащих.

Автор раскрывает обстоятельства, побудившие Петербург, желавший основать в Российской империи фешенебельный курорт, остановить свой выбор именно на Гагре. Члены специально созданной комиссии под председательством А.П. Ольденбургского, осмотрев разные места от Одессы до Батума, пришли к выводу, что необходимым требованиям отвечает именно Гагра: наиболее теплое место, закрытое от холодных ветров.

При формировании стилевой композиции за образцы были взяты швейцарские и французские средиземноморские курорты.

Материалы данной книги содержат, пусть отрывочные и неполные, но малоизвестные, и потому представляющие несомненный интерес, сведения об обстоятельствах и деталях строительства знаменитого курорта, хозяйственной истории Гагры в целом, имена людей, внесших вклад в становление и развитие города.

Некоторые интересные штрихи автора мемуаров о принце Ольденбургском позволяют лучше понять личность принца, а также стиль его работы. Александр Петрович предстает перед нами как преданный своему делу, увлеченный человек, заботящийся в первую очередь о благосостоянии края. Приводятся интересные сведения и о семье Ольденбургского – его жене Евгении Максимилиановне, сыне Петре Александровиче и невестке Ольге Александровне, младшей сестре императора Николая II.

В воспоминаниях П.И. Борисова нашли отражение и отзвуки событий революции 1905 г. в России, а также событий «смутного времени» 1918–1921 гг. в Абхазии.

В книге также упоминается известный абхазский общественный деятель, священник Георгий Давыдович Туманов (Ахан-ипа) (1880–1920). Автор вспоминает о нем, как о человеке с «большим духовным образованием», тепло отзывается о Г.Д. Туманове как о «священнике и человеке», отмечает, что он не брал с бедных денег на крещение, иногда даже сам помогал материально.

Хронологически рамки мемуаров охватывают период от начала строительства Гагрской климатической станции в 1900 г. до 1930-х годов.

В качестве приложения к мемуарам Петра Борисова в рецензируемом издании помещен путеводитель «Гагры. Климатическая станция на Черноморском побережье», впервые изданный в Санкт-Петербурге в 1905 г., а также очерк «Гагры» из книги Григория Москвина «Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу», изданной в Одессе в 1903 г.

Издание снабжено краткими, но информативными редакторскими комментариями, картой Гагры и окрестностей, а также многочисленными (в том числе цветными) иллюстрациями. Особенно интересны фото, запечатлевшие приезд в Гагру императора Николая II.

Книга воспоминаний П.И. Борисова, безусловно, станет важным вкладом в изучение истории и культуры города-курорта Гагра, позволит больше узнать об этапах становления и развития одного из наиболее живописных мест Абхазии.

АҚӘРАНЫҲӘА • ЮБИЛЕИ

Л.Х. Саманба

**ААЦСАРА ЗЗЫМДЫРУА АЦАРАУАӨ
(В.Е. Кэарчия 75 шықэса ихыцра иазкны)**

Ацсны атцаарадырракэа ракадемия Д.И. Гэлиа ихыз зху Ацсуатцааратэ институт аспециалист хада, иналукааша ауаажэларратэ, ахэынтқарратэ, аполитикатэ усзуфы, Гь.А. Зизариа ихыз зху Ацсны Ахэынтқарратэ премиа алауреат, адунеи доухала акзаара Жэларбжыаратэи академия академик, Ацсны атцаарадырракэа ракадемия академик, Ацсны Ахэынтқарра атцаарадырра зэапсазтэыз аусзуфы, афилологиагэ тцаарадырракэа рдоктор, Ацснэтэи ахэынқарратэ университет апрофессор, Ацсны ахэынтқарра «Ахыз-апша» аорден 1-тэи аазара занашьюу, Ацсны жэлар реизара 6-тэи аапхьара айхабы Валери Ермеи-ипа Кэарчия 75-шықэса ихыцит.

Иуадафу, аха хьзи-цшеи змоу амэа данысит Валери Ермеи-ипа – атцаарадырратэ усзуфы еитцбы инаиркны хинститут иналукааша атцарауаө икынза.

В.Е. Кэарчия диит 1946 шықэса, жэабран 10 рзы Ткэарчал ақалақь ағы. Уи ашкол дантазгы атцаарадырракэа интересс иман. Абжыаратэ школ да-

налга, 1964 шыкэсазы дталеит А.М. Горки ихъз зху Ахэынтқарратэ ртцаратэ институт атоурыхтэ факультет, кэфиарала дагьалгоит 1970 шыкэсазы. 1969 шыкэса инаркны В.Е. Кэарчия Апсны Ахэынтқарратэ музеи даусзуоын, нас акэша деихабын. 1970–1971 шыкэсақэа рзы арраматцура ихигон.

1975 шыкэса инаркны 1980 шыкэсанза В.Е. Кэарчия Апсуатцаратэ институт лексикология акэшафэи аус иуан. Аспирантура далгеит Кабарда-Балкартэи ауниверситет афэи. «Арахэаазара (ахьчара) лексика апсуа бызшэафэи» захъзу атемала акандидаттэ диссертация ихъчеит асоветтэ лингвист ду Б.Х. Балкаров инапхгарала. Абри адиссертация монографиак ахасабала итыжбын 1981 шыкэсазы. Автор еизигаз лексикографиатэ материал аганкэа зегь рыла итцитауеит. Ари аусумта абызшэатцааоцэа ахэшьара харақы артеит.

1980 шыкэса инаркны 1992 шыкэсанза В.Е. Кэарчия тцарадырратэ усзуоы еихабыс, ашьтахь Апсуатцаратэ институт лексикология акэша аихабыс аус иуан.

В.Е. Кэарчия итцитауеит апсуа лексикологияи аономастикей. Абри аганахьала уи икалам итцйтхьейт 100 инареиханы атцаамта хатэрақэа.

В.Е. Кэарчия «Апсны атопонимика», «Апсны атоурыхтэи хаамтазтэи атопонимиа» ухэа егырт иусумтақэа рыла апсуа тцарадырра акырза ирбеихьейт. 2002 шыкэсазы Акэа итижыыз, анаоос Москва, Урыстэылатэи Афедерация атцарадыррақэа ракадемия абызшэадырра Аинститут афэи доктортэ диссертацияк ахасабала иихьчаз имонография «Апсны атопонимика», Апсны атопонимиа зегьы монографияла атцарафэи рацхьатэи усумтоуп.

1985 шыкэсазы, даара атагылазашьакэа шымариамызгы, уи итижыит «Ашэкэшыратэ хьтцхьиртақэа ркны Апсны оиконимкэа» хэа аусумта. Уи усқан апсуатцааоцэа рганахьала ахэшьара харақы аиуит, иахьагы ацакы тбаауп. Анаоосан, автор Апсны агеографиатэ тыцхьызкэа ашэкэы ианитцейт, иагьтцитаит. 1988 шыкэсазы апсышэала итыжбын даеа усумтак – «Апснытэи АССР Очамчыра араион атопонимикатэ материалкэа» (актэи ахэтэ). Уи акны еизгоу анализгы зызуу атопонимикатэ материал ацак ду амоуп ажэлар ртоурыхи, ркультуреи, рбызшэеи ирыдхэалоу бакак ахасабала. Аусумтафэи хаз-хазы иалкаауп ақытақэа, ахаблақэа, ашьхақэа, азиаскэа ухэа жэйтэнатэ аахыс ирху ахьызкэа. Асеипш хьтцхьазара рацэала Апсны икоу атыцхьызкэа еизганы акьыцхьахь рцэыргара – урт реикэырхаразы рацхьатэи ашьафэақэа ируакуп. 2002 шыкэсазы «Апсны атопонимика» захъзу имонография тытит. Ари аусумта атытцра анаука аусзуаоцэа, ауаажэларра зегьы гэхэара дула ирыдыркылейт. Амэхак алагы, иагэылоу аматериалкэа рылагы «Апсны атопонимика» егырт аусумтақэа зегьы ирылукаауеит. Уака еизакуп Апсны агеографиатэ тыцхьызкэа зегьы. Иатцанакуа мачым абри аусумта атцара

аганахьалагы. Абрака рапхьазакэны анализ рзыкацоуп Апсны агеографи-атэ тыпхьызкэа зегьы. Урт ирыхэапшуп лингвистикала, тоурыхла, культура-ла. Иара убас инацшыны иазгэататэуп, ашэкэы иагэылоу атыпхьызкэа рзы автор икаитцо алкаакэа. Урт рышьатала Апсны атопонимкэа ретимологиатэ жэар апцара шалшо. Ашэкэы урыс бызшэала, анлыз бызшэала алкаакэа ацуп. Абарткэа зегьы ирнубаалоит ари аусумта ағыцра, апсуа топонимика атцара аганахьала рапхьатэи усумтаны ишыкоу. Ари ашэкэы рцагатэ цы-раагзак ахасабала рхы иадырхэоит Апснытэи ахэынцарратэ университет афилологиатэ, атоурыхтэ, агеографиатэ факультеткэа ркны.

В.Е. Кэарčia иусумтакэа Кавказ атцараағы акырза зцазкуа лагамтакэа-ны ахэшьяра хараккэа рыртахьейт еицырдыруа апсуа царауаа реипш ахэаа-нырцэтэи атцарауаагы. Урыстэылатэи атцарадырракэа Ракадемия алахэы-ла-корреспондентцэа Е.Р. Тенишьчев, С.А. Старостин, академикцэа Ш.К. Арстаа, Л.П. Цкадуа, Гь.Кэ. Шамба, М.А. Кумахов, З.М. Габуниа, Ць.Н. Коков, А.К. Шагиров ухэа егыртгы. С.А. Старостин иоуейт: «...Аусумта даара ишьахэуп, ахэшьяра харакы атара иапцоуп. Уи иагэылоуп ирацэаза-ны абызшэа аматериал, ихы иаирхэоит, аус здырулахьоу ахытхьиртакэа...». З.М. Габуниа иазгэалтоит: «Апсны атопонимика» атыцрала уааы ихэар ауейт апсуатцара акырза зцазкуа апроблемакэа руак атыц икэцоуп хэа. Асеипш икоу аусумта жэашыкэсала аколлективкэа рнапы рылакуп... Хара хастол икэуп азэ имацара икаитцаз аусумта ду, уи абыза аусумта зхы иады-зцо зтэыла, зыжэлар бзиа избо, уи ажэйтэ-ағатэ, цхьакатэи ацеипш згэы итцо атцарауаа иоуп».

В.Е. Кэарčia имонография «Апсны атопонимика», адунеитэ Артиитэ Хеилаки Нхыц-Кавказтэи ахатарнакра агуманитартэ тцараакэа Урыстэы-латэи рконкурс ахь инаган 2003 шыкэсазы. Ари аусумта ахэшьяра харакза аиуит, уи автор ианашьян ахьтэы медали адипломи. 2005 шыкэсазы ари аусумта ианашьян Гь.А. Зизариа ихьз зху Апсны Ахэынцарратэ премиа.

2006 шыкэсазы итыцыз В.Е. Кэарčia имонография «Апсны атоурыхтэи хаамтазтэи атопонимиа» Апсны атопонимиа атцара аганахьала рапхьатэи пышэоуп.

Ихтыс дуны икалейт апсуа тцарадырраағы 2015 шыкэсазы итыцыз В.Е. Кэарčia имонография «Апсуа // абаза жэлэр рхылтышьтэра ахьтэ, мамзаргы апсуааи ашэуааи рбызшэеи ртоурыхи рзы». Аусумта, апсуа-абаза ретногенез, ретникатэ дунеи ажэйтэзатэи аамтакэа инадыркны XIII ашэышыкэса хашыкэспхьазара ғыц антцэамтанза, автор ганрацэала, тоурыхла азцараакэа дрызнейны итицаауейт. Атцаамта автор шыатас иа-зышьтэейт Апснытэи атцарауаа русумтакэа рматериалкэа реипш, егырт атэылакэа рцарауаа рытцаамтакэа рматериалкэагы. Иара убас инартбаа-

ны ахархэара рытоуп ажэытэзатэи, антикатэи, абжьарашэышыкэсатэи абыратэ хыцхыртакэа, атоурыхтэ, аетнографиатэ, афольклортэ материалкэа, еихаразакгы ацсуа-абаза материалкэа реицш, егырт еиуеицшым атэым бызшэакэагы. Комплексла апроблема атцаара автор илнаршеит ацсуааи ашэуааи ираосхэуу аамтакэа рыдагы, хаз игоу аамтакэак раан Кавказ жэлэр ртоурых принципла ифьцзоу ала ахэшьаракэа рытара.

2012 шыкэсазы акыпцхь абеит В.Е. Кэарчиа иполитикатэ шэкэы «Ацсуа жэлэр 1967–1992 шыкэскэа рэтэи рмилат-хэынтқарратэ кэпара атоурых акынтэ (агэалашэаракэа, азгэатакэа, аматериалкэа)» хэа захьзу. 1967–1992 шыкэскэа ацсуаа рмилат-хақэитратэ кэпара атоурых афэи иалкаатэу Ацсны ахыпцшымрахь икылызгаз етапуп. Ашэкэы шыбатас иамоуп амила-т-хақэитратэ кэпара 1967–1992 шыкэскэа рзы активла иалахэыз, уи аифэкааоцэа ируазэку – автор – игэалашэаракэеи, акыпцхь зымбац аматериалкэеи адокументкэеи. Чыдала аус адулоуп амила-т-хақэитратэ кэпара активистцэа рсиа ашьакэыргылары.

В.Е. Кэарчиа дырцаоуп, длекторуп, Ацснытэи ахэынтқарратэ университет афэи уи дзыпцхь алекциякэа рцакы цаулоуп, ргэынкылары мар-иоуп. Кыршыкэса раахыс уи афилологиатэи атоурыхтэи факультеткэа ркны ахэынтқарратэ пышэаракэа анцо хантэафра иуеит.

Акыршыкэса инеипынкыланы В.Е. Кэарчиа Ацсны атцаарадырракэа академия Д.И. Гэлиа ихьз зху Ацсуатцааратэ институт афилологиатэ тцаарадырракэа ркандидаттэи рдоктортэи тцаарадырратэ «азаракэа риуразы Адиссертациатэ хеилак ахантэафэи ихатыцуаос дыкоуп.

В.Е. Кэарчиа арцаофреи ауаажэлэрратэ усуреи кфэиарала еилеигзоит. Уи данстудентыз инаркны ацсуа жэлэр рзинкэа реиташьакэыргыларызы акэпара активла далахэын. 1966–1970 шыкэскэа рзы азинхьчара иазкыз астудентцэа рхеидкыла напхгара аитон, ихыбгалаз СССР ацентртэ усбартакэа рахь идэыкэыртцоз ашэкэкэа дравторын, авторцэа дрылахэын, 1988 шыкэсазы Ацсны Жэлэр Рфорум «Аидгылары» аифэкааоцэеи анапхгаоцэеи дыруазэкын, Ацсны Жэлэр Реизара дадепутатын. 2003 шыкэса инаркны ауаажэлэрра – политикатэ хеидкыла «Аидгылары» дахантэафын.

В.Е. Кэарчиа Ацсны Жэлэр реизарахь цшынтэны депутатс далырххэит. 1992–1993 шыкэскэа рэтэи Ацсны Ацынцэтэылатэи еибашьраан Апарламент амандаттэ комиссия аихабы ихатыцуаос дыкан, атэылахьчареи ашэартадареи рзы Акомитет далахэылан. 2007–2012 шыкэскэа рзы атцаарадырреи, атцарадырреи, акультуреи, афари аспорти рускэа рзы Акомитет напхгафыс дыкан. 2011 шыкэсазы Ацсынтэылеи Урыстэылеи рхэаакэа рышьакэыргыларызы еифэкааз Ацсны ахэынтқарратэ комиссия хантэафыс датан. 2012 шыкэсазы В.Е. Кэарчиа Ацсны Жэлэр реизара ахэбатэи аапцхьа-

рахь депутатс деиталхын, Ацсны ахэынтқарратэ бызшэеи адемографиен русқэа рзы Ахеилак хантэафис датан.

Итцааратэ, иуаажэларра-политикатэ усуразы В.Е. Кэарčia ианашьоуп «Ахьз-ацша» аорден, иара убас Ацсны иреихазоу Асовет Апрезидиум ахатыртэ грамотакэа.

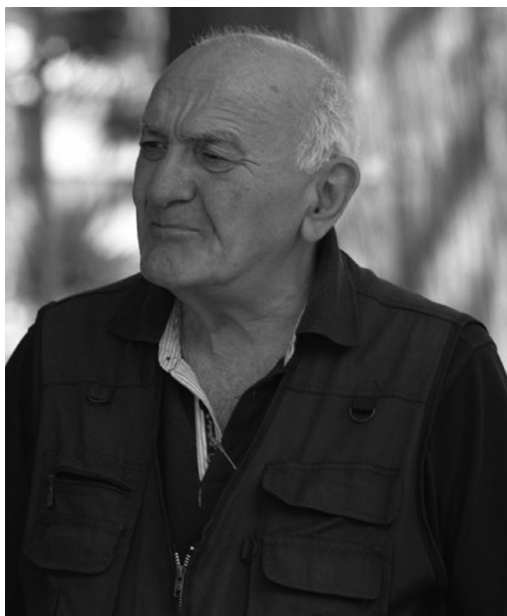
В.Е. Кэарčia 2004 ш. ианашьан Ацсны ахэынтқарра «Ахьз-ацша» аорден ахпатэи афазара. Иубилеи (70 ш. анихытцуаз) амш аены ианашьан «Ахьз-ацша» аорден афбатэи афазара. Сынтэа ианаршьеит уи аорден актэи афазара.

В.Е. Кэарčia 75 шықэса ихытра дапылоит арфеиаратэ гэтак дукэа иманы, иагьизеигьахшьоит аманшэалара, агэамч, агэабзиара!

А.Ф. Авидзба

СЛОВО О НАСТАВНИКЕ

(Олегу Хухутовичу Бгажба – 80 лет)

«Наука должна быть самым возвышенным воплощением отечества,
ибо из всех народов первым будет всегда тот, который
опередит других в области мысли и умственной деятельности»
Луи Пастер

«Достояние республики» – так, как помнится, называлась телевизионная передача на российском телевидении, которая была посвящена творчеству всенародно любимых и популярных артистов. Думаю, такие люди как Олег Хухутович Бгажба являются достоянием уже нашей Республики Абхазия. Было бы хорошо, если бы сама Республика хоть иногда, лучше чаще, прислушивалась к их голосу.

Олег Хухутович Бгажба родился 1 августа 1941 г. в г. Сухуме в семье известных в Абхазии людей. Его отец, Хухут Соломонович Бгажба – лингвист, доктор филологических наук и академик. «Это были другие люди» – часто повторяет Олег Хухутович, вспоминая о методах работы своего отца.

Его мать, Татьяна Андреевна Чочуа – кандидат биологических наук, цветовод – дочь известного общественного деятеля, просветителя А.М. Чочуа. О.Х. Бгажба в детстве иногда вел себя несколько вольно и не всегда мог сосредоточиться на учебе. Знаменитый дед достаточно долго не вмешивался в процесс воспитания внука, но однажды проговорил с ним около часа и в конце разговора предложил расписаться на клочке бумажки, как свидетельство того, что не будет больше огорчать своих старших. «Андрей Максимович больше ни разу не говорил со мной на эту тему, а я стал вести себя хорошо и учиться» – вспоминает Олег Хухутович.

Другой его дед – Салуман Бгажба – народный герой, про которого сложили песню как о человеке, отомстившем за убийство своего брата до заката солнца того же дня. Забегая вперед, скажу, что Олег Хухутович очень тактичный и учтивый человек, но иногда вынужден в шутку и всерьез напоминать: «Я – внук Салумана Бгажба».

О.Х. Бгажба в 1958 г. окончил абхазскую школу № 10 им. Н.А. Лакоба с золотой медалью, затем, в 1963 г. – историко-филологический факультет СГПИ с красным дипломом. В 1968 г. начал работать в отделе археологии АБИЯЛИ (ныне АБИГИ) им. Д.И. Гулиа, где служил на должностях младшего, старшего и ведущего научного сотрудника, а с 1996 г. заведующим отделом истории.

В 1968 г. О.Х. Бгажба поступил в аспирантуру при Институте археологии АН СССР, где в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура средневековой Абхазии VI–XV вв.». В ней исследованы гончарное ремесло и металлургия с применением новых естественно-научных методов (петрографический и спектральный анализы керамики, металлографический анализ железа). Интерес к новейшим исследовательским методам был закреплен в 1973–1980 гг. во время стажировки по металлографии железа в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Здесь О.Х. Бгажба провел более 500 металлографических анализов железных и стальных изделий древней и средневековой Абхазии. В частности, О.Х. Бгажба был первым в Абхазии, кто освоил металлографический анализ. Выводы, полученные им на основе комплексного подхода (археология, история, металлография, этнология, фольклор, лингвистика) стали основой его последующих работ и докторской диссертации.

Круг научных интересов О.Х. Бгажба чрезвычайно широк, но основные его работы посвящены археологии и истории древнего и средневекового Кавказа, истории древних производств (металлургия, металлообработка, гончарное дело). Он вел раскопки поселений, могильников, церквей и кре-

постей древней и средневековой Абхазии, а также исследовал фортификационные сооружения и памятники Мыку, Бедии, Нового Афона (Анакопийская крепость, храм Симона Кананита), Ачандары, Герзеула, Замка Баграта, Арасадзыхь, на перевале Напра, в Кодорском ущелье, памятники Цебельдинской культуры (Цебельдинская долина, крепость и базилика Шапки и др.), Сухумскую крепость, Келасурскую стену и др. С 1977 по 1986 гг. О.Х. Бгажба (вместе с Ю.Н. Вороновым) играл ключевую роль в работе Цебельдинской археологической экспедиции в окрестностях с. Цабал.

Докторская диссертация на тему «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье в нач. I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.» была защищена О.Х. Бгажба в 1995 г. в Москве в Институте археологии РАН. В ее основу легли данные более 500 металлографических анализов железных и стальных изделий древней Абхазии, о которых говорилось выше. В результате сделано открытие самых ранних на территории бывшего Советского Союза мечей из дамасской стали, найденных в различных регионах Абхазии и относящихся к III–IV вв. Среди них были и бракованные мечи, свидетельствующие об их местном происхождении. В своей диссертации О.Х. Бгажба, проследив историю Абхазии от VIII в. до н. э. до XV в. н. э. в контексте процессов на Кавказе, юге России, в Средиземноморье, Поволжье, Малой Азии, на основе одного только железоделательного производства, пришел к выводу о том, что Абхазия была одним из очагов древней металлургии железа.

Олег Хухутович Бгажба является автором более 150 научных работ, в том числе 15 монографий, в числе которых: «Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV в. н. э.)» (Сухуми, 1977); «Памятники села Герзеул» (совм. с Ю.Н. Вороновым) (Сухуми, 1980); «По следам кузнеца Айнара. Из истории кузнечного ремесла древней и средневековой Абхазии (VII в. до н. э. – XV в. н. э.)» (Сухум, 1982); «Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII до н. э. – XV в. н. э.)» (Тбилиси, 1983); «Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.)» (Тбилиси, 1985); «Главная крепость Апсилии» (Соавтор Ю.Н. Воронов) (Сухум, 1986). О.Х. Бгажба также соавтор сборников «The Abkhazians» – («Art, handicrafts and architecture», Pp.189–204; «History: 1–18th centuries», Pp. 59–66). (Gurzon, 1999); «Абхазы» (М., 2007, 2014); «Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости» (СПб, 2011) и др.

Немаловажен вклад О.Х. Бгажба в историографию и библиографию истории Абхазии. Среди его работ этого жанра можно назвать: «История изучения средневековых памятников Абхазии» // Материалы по археоло-

гии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 115–128; «История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.) (соавтор Ю.Н. Воронов) (Тбилиси, 1982); «Изучение истории Абхазии в XX в.» // Кавказ: история, культура, традиции, языки: (По материалам Межд. науч. конф., посв. 75-летию АБИГИ им. Д.И. Гулия АНА. 28–31 мая 2001 г.). Сухум, 2004. С. 15–20; «Вианор Панджович Пачулия. Краткий очерк жизни и творчества. Библиография трудов» (Сухум, 1999); «М.М. Трапш и изучение древнего кузнечества в Абхазии» // Вопросы археологии Абхазии. Сухум, 1989. С. 59–64 и др.

Нужно отметить, что О.Х. Бгажба делает многое для увековечения памяти, сохранения и ретрансляции научного наследия своего друга, коллеги и соавтора ученого и государственного деятеля Ю.В. Воронова: В частности, он автор множества статей и публикаций, среди которых отмечу – «Немногое о многом» // Памяти Ю. Воронова. М., 1998; «Цебельдинская экспедиция Ю.Н. Воронова» // Литературная Абхазия. Сухум, 1998; «Заглянувший в XXI век» // Юрий Воронов. Свет и боль. М.; Сухум, 2005. С. 234–239; «Ю. Воронов – выдающийся ученый-кавказовед» // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006; «Юрий Николаевич Воронов (1941–1995 гг.)» // Русские в Абхазии. Сухум, 2006. С. 111–115. Кроме того, О.Х. Бгажба является главным редактором «Научных трудов» Ю.Н. Воронова (Том I–V), выходящих с 2006 г.

Существенен его вклад и в биографистику. Он автор более 100 статей для «Абхазского биографического словаря» (Сухум, 2015). О.Х. Бгажба также является автором предисловий к работам своих коллег, в частности, В.Ф. Бутба. «Труды» (Сухум, 2005); Дорофея (Дбар), иеромонаха. «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (Новый Афон, 2005 и др.).

О.Х. Бгажба активный участник международных, советских / российских и региональных форумов, в том числе антиковедов и византинистов, где отстаивал позиции абхазской историографии по вопросам истории древней и средневековой Абхазии, что в условиях засилья политически ангажированной грузинской историографии, было отнюдь не легко. Правда, кое-кому все это теперь может казаться не таким уж трудным делом. Но хотелось бы напомнить о том, что в определенных условиях иного можно добиться ценой жизни, а в других исторических обстоятельствах этого же можно достичь без всяких усилий. В общем, опять во всем виновата классика: «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». Вы повоюйте, господа, причем по законам жанра, а потом – поговорим, если у вас на то останется желание!

С 1975 г., одновременно с научной деятельностью, Олег Хухутович преподает в Абхазском государственном университете, где читает курс лекций

по археологии и истории Абхазии, ведет спецкурсы и спецсеминары, работает с бакалаврами и магистрантами. Принимал участие в написании учебного пособия «История Абхазии» под редакцией С.З. Лакоба (1991, 1993). Является одним из авторов учебника «Истории Абхазии» для 10–11 классов (2006), который переиздан в доработанном и дополненном виде (2015).

Олег Хухутович Бгажба – действительный член Академии наук Абхазии, бессменный председатель специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций по историческим дисциплинам при АБИГИ с 2006, председатель археологической комиссии при Президиуме АНА, член Комиссии по государственной премии Республики Абхазия им. Г.А. Дзидзария в области науки, главный редактор «Абхазоведения» (Историческая серия) с момента ее основания (2000). Ему, первым среди ученых Абхазии, присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Абхазия» (2011), он также кавалер Ордена «Ахьдз апша» II степени (2015).

Но не регалии и звания определяют значимость ученого. О.Х. Бгажба тот, про кого с полным основанием можно сказать, что наука является делом его жизни. Его отношение к своему делу, преданность профессии и, как следствие, высокий профессионализм, безусловно, должны быть примером для последующих поколений исследователей. Мне выпала честь наблюдать названные качества ученого в течение двадцати пяти лет, сначала студентом, а затем и коллегой Олега Хухутовича Бгажба.

В наше время мало стать ученым, хотя и это уже не легко, но надо им оставаться и соответствовать этому званию везде и всегда, что еще труднее. В науке, порой, нужна не меньшая смелость, чем на поле брани, ибо нередко приходится идти против течения, поставив под вопрос свое относительное благополучие и спокойную жизнь.

Профессионализм и ответственность – незаменимые спутники друг друга. Однако, в наше время – время кривых зеркал – порой настоящее и показное меняются местами. В кривом зеркале, как известно, отражается не оригинал, поэтому сложно отличить белое от черного, а часто они меняются местами, что приводит к смене ценностей и потере ориентиров.

Как результат, наука теперь нередко становится не самостоятельной субстанцией, а средством, трамплином для решения других задач. Но это путь в никуда, т. к. наука – как спорт высоких достижений (кстати, О. Бгажба – почетный мастер спорта по баскетболу).

Еще одной серьезной угрозой для сегодняшней абхазской науки является «кадровый голод» и старение кадров. Мы, по сути, стоим перед коллапсом. Об этой опасности, которую, судя по всему, осознают немногие,

предупреждает Олег Хухтович Бгажба, по крайней мере, последние 20 лет. Но проблема остается, если не сказать – усугубляется.

Олег Хухтович – равнодушный человек. Ему не все равно, что будет после него. Он посвятил жизнь передаче своих знаний и навыков ученого последующим поколениям исследователей. Практически большинство сегодняшних историков Абхазии так или иначе являются его учениками или теми, кого он привел в науку. Олег Хухтович – тот учитель и наставник, который искренне радуется успехам и достижениям своих учеников. Такое, как показывает жизнь, могут не все.

Мы – суть наши учителя, но не всегда бываем достойны их усилий и труда, вложенных в нас. О.Х. Бгажба поддерживает своих учеников даже тогда, когда те начинают себя вести нечестно как по отношению к нему самому, так и к науке в целом. Хорошо, когда ученик превосходит учителя, но плохо, если за этим ничего кроме амбиций и стремления самоутвердиться нет. Олег Хухтович снисходителен даже в таких случаях. Он – мудрый человек, и с высоты своих прожитых лет и накопленных знаний, в том числе и о человеческой сущности, взирает на подобную суету безмятежно, ибо он знал, что может быть и такое.

О.Х. Бгажба содействует популяризации науки и академических знаний. Часто выступает на страницах прессы с освещением вопросов культуры и истории. В частности, на Абхазском телевидении были представлены его лекции: «История государственности Абхазии», «Этногенез и ранние этапы этнической истории абхазов», «Великий шелковый путь и Абхазия», «Диоскуриада», «История Абхазского царства» и др.

О.Х. Бгажба – носитель фундаментальных знаний, тонкий публицист и непревзойденный полемист. Уже название некоторых его статей – «Опять двадцать пять...», «“Немного о многом”»: реплика на одну статью из одного сборника», «Без гнева и пристрастия», «“Метаморфозы” не по Овидию» – служат подтверждением сказанному. Но, думается, он предпочел бы не вступать в полемику на страницах прессы. Однако вокруг него, как и вокруг многих других умных людей, хватает козней и интриг. Конечно, О.Х. Бгажба не может быть идеальным человеком, ангелом во плоти, уже только потому, что такого не бывает. Но и претензии к нему зачастую беспочвенны, а природа их происхождения в сущности «нашей гнусной действительности», где «человек человеку волк», а люди перманентно пребывают в состоянии «войны всех против всех». О.Х. Бгажба, конечно, знает это и старается относиться к этому сдержанно и невозмутимо.

Редактор газеты «Сухумский вестник» Добровольский в обращении к читателям еще в октябре 1910 г. писал: «В наше время нередки, к сожа-

лению, случаи, когда печатным словом пользуются, как наиболее подходящим оружием для сведения личных счетов...». Мало, что изменилось с тех пор и как здесь не быть солидарным с Олегом Хухутовичем, когда он призывает – «Не превращайте научную полемику в дешевый сериал».

Талантливый человек, талантлив во всем. О.Х. Бгажба – знаток и тонкий ценитель поэзии, а равно как и всего того, что выше обыденности. В этом контексте очень важна его красивая и емкая, говорящая сама за себя, фраза – «Поэтами рождаются, историками становятся». Это афоризм-напутствие для начинающих ученых, о справедливости которого свидетельствует творческий путь самого О.Х. Бгажба.

Олегу Хухутовичу Бгажба – 80 лет. Юбилей совпал с тяжелым недугом для всего человечества – пандемией, которая, к большому сожалению, не обошла и его стороной. Он потерял единственного сына. Несмотря на столь тяжелый удар судьбы, О.Х. Бгажба остается в строю, т. к. он в ответе перед прошлым и будущим; ибо миссия историка – быть мостом между тем, что было и тем, что будет.

АЦАРАУАФ ИХАФСАХЪА • ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

З.Д. Джапуа

АНАТОЛИЙ НЕСТОРОВИЧ ГЕНКО

(К 125-летию со дня рождения)

Аннотация. *Статья посвящена жизни и научному наследию выдающегося востоковеда, кавказоведа А.Н. Генко, которому в нынешнем году исполняется 125 лет. В статье освещаются как основные вехи жизни ученого, так и значимость его трудов в изучении горских народов Кавказа. В исследовании языков, культур, этнического состава, этногенеза, этнической истории этих народов научные разыскания и полевые работы А.Н. Генко явились ключевыми, основополагающими и во многом новаторскими. Новаторские усилия ученого выражались и в создании алфавитов, первых грамматик и словарей бесписьменных и младописьменных языков Кавказа, в установлении научных связей с учеными и учреждениями Кавказа, в подготовке молодых специалистов-кавказоведов.*

Ключевые слова: *А.Н. Генко, кавказовед, горские народы Кавказа, языки, культуры, этническая история, экспедиции, фольклорные записи, архивные материалы.*

В ноябре 2021 г. исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося кавказоведа, лингвиста, этнографа, фольклориста, историка, крупнейшего специалиста по языкам и культурам горских народов Кавказа, доктора языковедения, профессора Анатолия Несторовича Генко (1896–1941)¹.

А.Н. Генко родился 4 (16) ноября 1896 г. в семье ученого-лесоведа. Согласно автобиографии ученого (от 25 августа 1923 г.) (Архив ИИМК РАН: Л. 3), в 1914 г., после окончания Петербургской Первой гимназии с серебряной медалью, поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, слушателем которого состоял до 1921 г., с перерывом в два с половиной года (1917–1919)². На историко-филологическом факультете Университета проходил подготовку под руководством профессоров М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева, С.К. Булича, А.И. Малеина, С.А. Жебелева и доцента К.В. Хилинского, у которого занимался специально ранней историей Греции и прилегающих стран Малой Азии, результатом чего явилась написанная в 1917 г. работа «Греческие источники истории Ликии». Занятия на изучение языков расширил с 1915 г. на факультете восточных языков Петербургского университета, грузинского языка – под руководством И.А. Капшидзе, древнееврейского – под руководством П.К. Коковцова. С 1919 г. у Н.Я. Марра прослушал ряд курсов и участвовал в практических занятиях по языкам и литературе народов Кавказа и Армении. Состоял хранителем библиотеки классического семинара Петербургского университета, находящегося в ведении С.А. Жебелева (1919–1923), также слушателем новоармянского языка в Петроградском институте живых восточных языков (1920–1921).

В 1921 г., по предложению Н.Я. Марра, А.Н. Генко был избран научным сотрудником Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского при Петербургском университете. Вместе с В.И. Абаевым работал над «Осетино-черкесским словарем» (Решетов 2003: 319). С 1922 г. принимал активное участие в качестве нештатного сотрудника в работе Яфетического института РАН, где прочитал ряд докладов и сообщений по языкам Древней Греции, Италии и Малой Азии. Позже, по предложению Н.Я. Марра, И.А. Орбели и С.А. Жебелева, он включился в деятельность разряда «Археологии Кавказа и Яфетическо-

¹ Литература о жизни и творчестве А.Н. Генко обширна. Подробнее об этом см.: Памяти ученого-востоковеда 2002; Генко 2016: 40–41; Решетов 2003: 330, примеч. № 12. См. также: Тигонян 1992; Юдакин 2000: 202–203; Бгажба 2001; Цъапуа 2001а: 4–10; Джапуа 2015; 2019; Гиреев; Дзарохова 2007; Анчабадзе 1987; Камча 2006; Словарь 2002: 434; Генко 2016; Кумахов 2006: 922–923; Габуния 2011: 285–298, 502–504; Чекалов 2019; 2019а.

² В связи с материальными трудностями ему приходилось подрабатывать: учительствовал, служил переводчиком, был техническим сотрудником редакции газеты.

го мира» Российской академии истории материальной культуры. По словам академиков, «научными докладами, делавшими им в Восточном отделении Русского археологического общества и многократно в Яфетическом институте, А.Н. Генко уже хорошо известен среди тесного круга интересующихся яфетическим учением. В них он проявляет большой интерес к памятникам материальной культуры, проявляя строгость филологических приемов и всегда хорошую осведомленность в литературе предмета» (Архив ИИМК РАН: Л. 2).

Трудился над подготовкой к печати академического издания древнегрузинской версии Библии; по приглашению Российской академии наук был экспертом при «Полномочной Комиссии по передаче Грузии древних художественных и исторических памятников, хранящихся в РСФСР» (1922–1923). В связи с этим просмотрел свыше 700 грузинских рукописей Азиатского музея РАН и Российской публичной библиотеки, представил по ним свое заключение. Благодаря полугодовой скрупулезной работе А.Н. Генко удалось сохранить в Петроградских книгохранилищах, в интересах науки, свыше половины из указанного числа рукописей (Архив ИИМК РАН: Л. 3).

В последующие годы А.Н. Генко работал в Азиатском музее (ныне – Институт восточных рукописей РАН) сначала нештатным сотрудником, далее – научным сотрудником третьего, второго, первого разряда, а с 1930 г. – заведующим впервые созданного в структуре Института Кабинетом Кавказа. В 1936 г. А.Н. Генко по совместительству возглавил Кабинет Кавказа уже в другом учреждении – в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР (ныне – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).

Масштабы кавказоведа А.Н. Генко постоянно расширялись и углублялись. О высоком научном авторитете ученого свидетельствуют, в частности: доклады на Первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа в г. Сухум в 1924 г. – «Свидетельство Геродота о колхах», на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде – «Об отношении турецких языков к яфетическим языкам»; создание серьезного коллектива кавказоведов в Кабинете Кавказа, установление тесных научных связей с учеными и учреждениями Кавказа, подготовка молодых специалистов через аспирантуру; членство во Всесоюзном Центральном комитете Нового алфавита при Президиуме Совета национальностей Центрального исполнительного комитета СССР, в Ассоциации кавказоведов и в Ассоциации арабистов при Институте востоковедения АН СССР и целый ряд других начинаний. А.Н. Генко – «редчайший пример полиглота, яркий педагог, организатор науки, человек большого таланта, для которого наука

всегда была главным смыслом жизни» (Арутюнов, Волкова, Сергеева 1987: 61); «тонкий исследователь этнической истории народов Кавказа» (Решетов 203: 323).

А.Н. Генко много и успешно преподавал. С 1924 г. читал курсы лекций, вел практические занятия по кавказским языкам, истории, этнографии и источниковедению Кавказа – в Ленинградском государственном университете, Ленинградском историко-лингвистическом институте, Ленинградском историко-филолософско-лингвистическом институте, Ленинградском Восточном институте, Московском государственном университете, Ростовском государственном университете. В Ленинградском государственном университете заведовал кафедрой горских кавказских языков. В 1926–1930 гг. руководил работой аспирантов по истории и языкам народов Кавказа в Московском научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока СССР. В начале 1930-х гг. преподавал абхазский язык в Ленинградском институте истории, языка и литературы. В этих университетах и институтах А.Н. Генко последовательно состоял преподавателем, доцентом (1925 г.), профессором (1935 г.). Учитывая разностороннюю научно-исследовательскую, преподавательскую, научно-организационную деятельность и капитальные работы ученого по языкам кавказских горцев, президиум АН СССР 25 октября 1935 г. принял решение присвоить А.Н. Генко степень доктора языковедения без защиты диссертации.

А.Н. Генко много времени и энергии посвящал участию в культурном строительстве национальных районов Кавказа. В качестве члена Всесоюзного Центрального комитета Нового алфавита он занимался созданием алфавитов для бесписьменных и младописьменных языков Кавказа.

А.Н. Генко – кавказовед широкого профиля. Диапазон его научных интересов включал в себя большой круг лингвистических и историко-этнографических вопросов: древнегреческий язык, древние языки Передней Азии, историю финских, германских и кельтских народов. Однако главное направление научной деятельности А.Н. Генко – кавказоведение, преимущественно изучение языков, истории и культур горских народов Кавказа: абхазов, абазин, убыхов, адыгов, вайнахов, бацбийцев, лезгин, рутульцев, цахурцев, табасаранцев, хыналыгцев (хиналугцев), хапутлинцев (герапов) и т. п. По определению А.М. Решетова, «тема изучения этнического состава народов Кавказа, их этногенеза, этнической истории и современного этнокультурного развития была ведущей в деятельности А.Н. Генко как этнографа» (Решетов 2003: 324). При этом «лингвистические познания Анатолия Несторовича были

феноменальны. Он владел грузинским, армянским, азербайджанским, абхазским, адыгейским, черкесским, кабардинским, абазинским, убыхским, чеченским, ингушским, бацбийским, лезгинским, рутульским, цахурским, табасаранским, хыналыгским (хиналугским), свободно переводил с арабского, знал персидский, турецкий, немецкий, французский, английский, древнегреческий и латынь» (Арутюнов, Волкова, Сергеева 1987: 64). «Владел примерно 20-ю языками народов Северного Кавказа и Закавказья – и умению собирать материал в полевых этнографических экспедициях» (Решетов 2003: 325).

Многие исследования ученого в области языков и культур Кавказа, а также его фольклорные записи были поистине новаторскими. В частности, А.Н. Генко первым начал заниматься убыхами (Генко 1928), абазинами (Генко 1955; Джапуа, Чекалов 2019), хыналыгцами (хиналугцами), цахурами; написал «Граматику абхазского языка»³; составил «Абхазско-русский словарь» (Генко 1998); «Табасаранско-русский словарь» (Генко 2005); собрал ценные материалы разных жанров абхазского (Джапуа 2001), абазинского (Джапуа, Чекалов 2019), бацбийского, табасаранского (Генко 2005: 249–327), лезгинского фольклора.

С 1920-х гг. А.Н. Генко проводил важнейшие длительные полевые исследования среди целого ряда этносов Кавказа – абхазов, адыгейцев, бацбийцев (цова-тушинцев), ингушей, чеченцев, лезгин, хыналыгцев (хиналугцев), хапутлинцев (герапов), абазин, рутульцев, цахур, табасаранцев, лакцев и других, «время пребывания в которых суммарно составило около двух лет» (Решетов 2003: 325). В результате этих экспедиционных поездок (их более 20), проходивших в сложнейших условиях бездорожья, А.Н. Генко сохранил для науки и человечества уникальные лингвистические, фольклорные и этнографические материалы, дошедшие до нас, к великому сожалению, далеко не полностью. На этих материалах в большей степени основываются его капитальные работы, поднимающие неизученные пласты языков и культур горских народов Кавказа. Фольклорные записи А.Н. Генко сделаны на высочайшем уровне текстологических принципов первой половины XX в. Этим материалам ученый уделял особое внимание, считая их чрезвычайно важным источником анализа истории и культур изучаемых им этносов и субэтносов. По всей вероятности, большая часть фольклорных записей А.Н. Генко утеряна, а из сохранившихся коллекций

---

³ К великому сожалению, рукопись книги утеряна. «Пропала во время блокады Ленинграда, но остались черновые тексты, которые заслуживают специального изучения, в результате чего можно было бы опубликовать наиболее ценные извлечения с комментариями» (Бгажба 2001: 160).

к настоящему времени изданы всего лишь некоторые образцы ахтинской (Генко 1926), южнодагестанской (Генко 1927), хыналыгской (хиналугской) (Генко 1928а), табасаранской (Генко 2005: 249–327), абхазской (Цъапуа 2001) фольклорных традиций. Вообще, после мучительной смерти ученого многие его труды «остались в рукописи, некоторые похищены или использованы в чужих работах без соответствующих ссылок» (Васильков, Сорокина 2003: 114).

При всем при этом над уцелевшими рукописями ученого работают исследователи, находят, готовят к изданию и издают их. Несколько подробнее скажу о материалах ученого, к которым я имею непосредственное отношение.

Летом 1928 г. А.Н. Генко (тогда доцент Ленинградского государственного университета) по поручению АН СССР приехал в научную командировку в Абхазию. К экспедиционной работе он приобщил природных абхазов (впоследствии первых абхазских профессиональных филологов-лингвистов) – студента IV курса Восточного отделения ЛГУ А.К. Хашбу (представителя абжуйского диалекта абхазского языка) и студента Восточного института В.И. Кукбу (представителя бзыбского диалекта абхазского языка). Им удалось собрать весьма ценный материал по абхазскому фольклору – как в Абжуйской (восточной), так и в Бзыбской (западной) Абхазии. Записи, сделанные во время той экспедиции, по всей вероятности, хранились у самих ученых. Уцелели (и то частично) лишь рукописи А.Н. Генко. В 1960 году вдова ученого – этнолог Л.Б. Панек вместе с другими лингвистическими материалами передала их Х.С. Бгажбе (в то время директору Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР). Однако по разным причинам материалы эти оставались неизданными и хранились в личном архиве Х.С. Бгажбы. Коллекция произведений абхазского фольклора, собранная в 1928 г., не была известна до конца XX в. Лишь в 2001 году мне (совместно с лингвистом Б.Г. Джонуа) удалось осуществить ее научное издание (по рукописям А.Н. Генко) под названием «Ранние записи абхазского фольклора (Из рукописей А.Н. Генко)» (Цъапуа 2001). Рукописи содержат произведения, относящиеся ко всем основным жанрам абхазского фольклора: обрядово-мифологические, эпические (о нартах и Абрьскиле), героико-исторические песни и сказания, сказки, бытовые песни. Эти записи 1928 г. и по содержанию, и по поэтической насыщенности относятся к самым аутентичным материалам абхазского фольклора; большинство из них представляют собой ранее неизвестные сюжеты и мотивы. Особая их ценность заключается в том, что это – самые первые фонетически наиболее точные записи абхазской устной традиции, произведенные профессиональ-

ными филологами-лингвистами. Они являются достоверным источником для фольклористов-текстологов, дающим возможность установить первоначальный облик текстов из неоднократно отредактированных публикаций абхазского фольклора. Тексты передают «память традиции» (по В.М. Гацаку), сохраняя этнопоэтические константы устной культуры абхазов, характерные до 1928 г.

В 2019 г. был издан уникальный сборник, содержащий научные записи А.Н. Генко, сделанные им в 1929 и 1933 гг., – «Абазинские материалы А.Н. Генко» (Джапуа, Чекалов 2019). Рукописи, хранящиеся в Архиве Института восточных рукописей РАН, были выявлены мною во время поисковых работ в 2007, 2016 (совместно с П.К. Чекаловым) и 2018 гг. Издание подготовили З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. Книга является совершенно уникальным явлением в абазиноведении, в области фольклористики, лингвистики, диалектологии и истории гуманитарной науки. Сборник издан под грифом Отделения гуманитарных, социальных и общественных наук Академии наук Абхазии, Международного объединения содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» и Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете, в рамках серии «Ведущие абхазоведы». Почти 100 лет наука не знала о существовании столь ранних и важнейших записей абазинского фольклора. А коллекция эта состоит из образцов практически всех жанров абазинского фольклора: архаических нартских сказаний, обрядового фольклора, сказок, исторических и героико-исторических сказаний, пословиц и поговорок, устных рассказов, советских песен, частушек, анекдотов, песен-диалогов, загадок и т. д. На мой взгляд, эти записи А.Н. Генко абазинского фольклора по значимости, составу, качеству и аутентичности войдут в золотой фонд фольклора народов Кавказа. Во второй части книги «Генко и абазинский язык» приводятся неизвестные (или малоизвестные) материалы, бескомпромиссные и живые архивные документы, освещающие невероятную историю научных разысканий выдающегося ученого по абазинскому языку. Здесь можно найти много интересного, даже таинственного для выявления истины в историографии кавказских народов, весьма ценные материалы, свидетельствующее о колоссальном вкладе А.Н. Генко в кавказоведение, о том, через какие чрезвычайно сложные перипетии проходил ученый. Также чрезвычайно важно, что в этой части книги впервые опубликован ряд работ, отчетов и писем А.Н. Генко (Джапуа, Чекалов 2019: 298–319, 322–323, 331–361, 363–378, 403–409, 410–412, 437–459, 460–461).

Завершен проект по изданию курса лекций А.Н. Генко «Введение в этнографию Кавказа», читанного им студентам-первокурсникам филологического факультета Ленинградского государственного университета в 1940 г. Эти важнейшие и бесценные материалы были обнаружены мною в 2007 г. в Архиве Института восточных рукописей РАН и издаются впервые; над рукописью работали З.Д. Джапуа, Ю.Д. Анчабадзе, С.О. Хаджим и Н.С. Барциц. Лекционный курс состоит из обзора географических условий Кавказа, этнолингвистической классификации и этнографической характеристики кавказских народов: абхазов, абазин, адыгов, чеченцев и ингушей, бацбийцев, кавказоязычных народов Дагестана, карачаевцев и балкарцев, ногайцев, кумыков, азербайджанцев, осетин, армян, грузин. В лекциях хорошо отражается доскональное знание А.Н. Генко языков и культур горских народов Кавказа, и лекции эти основаны как на разысканиях ученого в области кавказской этнографии, так и на экспедиционных материалах, собранных им на Кавказе.

На разных этапах поиска и подготовки к изданию этих уникальных материалов А.Н. Генко оказали мне содействие Х.С. Бгажба, В.Г. Ардзинба, И.Ф. Попова, Я.В. Васильков, М.Х. Экзекоев, П.К. Чекалов, Ю.Д. Анчабадзе, А.А. Сизова, Н.С. Барциц, С.О. Хаджим, А.Ш. Беренджи, М.А. Такушинов, И.Т. Цугба, которым выражаю искреннюю благодарность. Особая признательность Галине Анатольевне Генко – дочери ученого, без поддержки и гостеприимства которой вряд ли удалось найти рукописи А.Н. Генко в таком объеме и предложить читателю эти три книги.

А.Н. Генко был дважды арестован – в 1938 и 1941 гг. Первый арест ученого с группой востоковедов длился около двух лет. «Реально следствие могло инкриминировать Генко разве что неосторожные разговоры в Институте востоковедения АН СССР, в которых он резко критиковал политику Советской власти на Кавказе» (Васильков, Сорокина 2003: 114). При втором аресте содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы УНКВД, умер от сильного истощения в больничном изоляторе той же тюрьмы 26 декабря 1941 г.

«С кончиной Анатолия Несторовича Генко наука потеряла своего верного рыцаря, отечественное кавказоведение – своего лидера. <...> Пока будет наука о народах Кавказа (а она бессмертна!), пока будут изучаться их языки, этнография, фольклор, история, литература (а они будут изучаться всегда!), будет живо имя одного из основателей этой науки и ее преданного служителя Анатолия Несторовича Генко, мученика жестокого и противоречивого времени, в котором он страстно, ярко и насыщенно жил, вдохновенно и много творил во имя высокой и вечной науки», – справедливо и весьма емко заключает А. М. Решетов (Решетов 2003: 328–329).

Литература

Анчабадзе 1987: Анчабадзе Ю.Д. Заседание ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное памяти А.Н. Генко // Советская этнография. 1987. №3. С. 133–134.

Арутюнов, Волкова, Сергеева 1987: Арутюнов С.А., Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Вклад А.Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. М., 1987. №3. С. 61–73.

Архив ИИМК РАН: Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. №2. Оп. №3, Ед. хр. №143.

Бгажба 2001: Бгажба Х.С. А.Н. Генко – лингвист-кавказовед-абхазовед // Ацсуаа рфольклор заатәи анцамтақәа (А. Н. Генко инапылашырақәа рахьтә) / Еикәиршәеит, ацхьажәеи акомментарикәеи ииит З. Ць. Цьапуа. Ақәа, 2001. С. 155–162.

Васильков, Сорокина 2003: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Габуня 2011: Габуня З.М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков). Владикавказ, 2011.

Генко 1926: Генко А.Н. Ахтинские тексты // Доклады РАН. Серия В. Л., 1926. Март-апрель.

Генко 1927: Генко А.Н. Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1.

Генко 1928: Генко А.Н. О языке убыхов // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. Серия 7. М.; Л., 1928. №3. С. 227–242.

Генко 1928а: Генко А.Н. Сообщение о результатах поездки в Хиналуг // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Тифлис, 1928. №1–3.

Генко 1955: Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.

Генко 1998: Генко А.Н. Абхазско-русский словарь / Подгот. текста, предисл. и коммент. Т.Х. Халбада. Сухум, 1998.

Генко 2005: Генко А.Н. Табасаранско-русский словарь / Под общ. ред. М.Е. Алексеева. М., 2005.

Генко 2016: Генко Г.А. Кавказовед Анатолий Несторович Генко // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (К 90-летию Ингушского научно-исследовательского института): Материалы Международной научной конференции (г. Магас, 14–16 ноября 2016 г.). Магас, 2016. С. 28–41.

Гиреев: Гиреев Б. Человек, влюбленный в Кавказ (Анатолий Несторович Генко) // Сайт Targim.ru <http://www.targim.ru>.

Джапуа 2015: Джапуа З.Д. Генко Анатолий Несторович // Абхазский биографический словарь / Под ред. В.Ш. Авидзба. Сухум, 2015. С. 224.

Джапуа 2019: Джапуа З.Д. А.Н. Генко – один из основателей кавказоведения // Абазинские материалы А.Н. Генко / Изд. подгот. З.Д. Джапуа и П. К. Чекалов. Сухум, 2019. С. 5–14.

Джапуа, Чекалов 2019: Абазинские материалы А.Н. Генко / Изд. подгот. З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. Сухум, 2019.

Дзарохова 2007: Дзарохова З.М. Анатолий Генко и кавказоведение (К 110-летию со дня рождения) // Вопросы истории Ингушетии: Исследования и материалы. Магас, 2007. Вып. 6. С. 1–8.

Камча 2006: Камча И. Политики должны прислушиваться к этнографам // Невское время. 2006. 2 июня.

Кумахов 2006: Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. проф. М.А. Кумахов. М., 2006.

Памяти ученого-востоковеда 2002: Анатолий Несторович Генко (1896–1941): памяти ученого-востоковеда // Петербургское востоковедение. СПб., 2002. Вып. 10. С. 479–511.

Решетов 2003: Решетов А. М. А. Н. Генко как этнограф (К 100-летию со дня рождения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 2003. Вып. 13. С. 318–332.

Словарь 2002: Российский гуманитарный словарь. М., 2002. №1.

Тигонян 1992: Дело № 3433–41 на Генко Анатолия Несторовича // Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий (20-е–80-е гг.) // Сост. и ред. Т. Тигонян. СПб., 1992. С. 61–69.

Чекалов 2019: Чекалов П. К. Абазинские записи А.Н. Генко // Абазинские материалы А.Н. Генко / Изд. подгот. З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. Сухум, 2019. С. 15–35.

Чекалов 2019а: Чекалов П.К. К истории работ А.Н. Генко по абазинскому языку // Абазинские материалы А.Н. Генко / Изд. подгот. З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. Сухум, 2019. С. 288–294.

Юдакин 2000: Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. М., 2000.

Цьапуа 2001: Ацсуаа рфольклор заатэи анцамтакэа (А.Н. Генко инапылашыракэа рахьтэ) / Еикэиршэеит, ацхьяжэеи акомментариқэеи ишит З.Ць. Цьапуа. Акэа, 2001.

Цьапуа 2001а: Цьапуа З.Ць. А.Н. Генко 1928 шықэсазтэи иацсуа фольклортэ напылашыракэа ранцащэеи рхаташьеи // Ацсуаа рфольклор заатэи

анцамтақәа (А.Н. Генко инапылаҕырақәа рахьтә) / Еикәиршәеит, ацхьажәеи акомментариқәеи иҕит З.Ць. Цьапуа. Ақәа, 2001. Ад. 3–24.

Z.D. Dzhapua

ANATOLY NESTOROVICH GENKO
(To the 125 th anniversary)

Annotation. *The article is devoted to the life and scientific heritage of the outstanding orientalist, researcher of Caucasus A.N. Genko, who turns 125 this year. The article highlights both the main milestones in the life of the scholar and the significance of his works in the study of the mountain peoples of the Caucasus. Scientific research and fieldwork by A.N. Genko were key, fundamental and in many respects innovative in the study of languages, cultures, ethnic composition, ethnogenesis, ethnic history of these peoples. The scholar's innovative efforts were also expressed in the creation of alphabets, the first grammars and dictionaries of the unwritten and early-written languages of the Caucasus, in the establishment of scientific relations with scholars and institutions of the Caucasus, in the training of young specialists in Caucasian studies.*

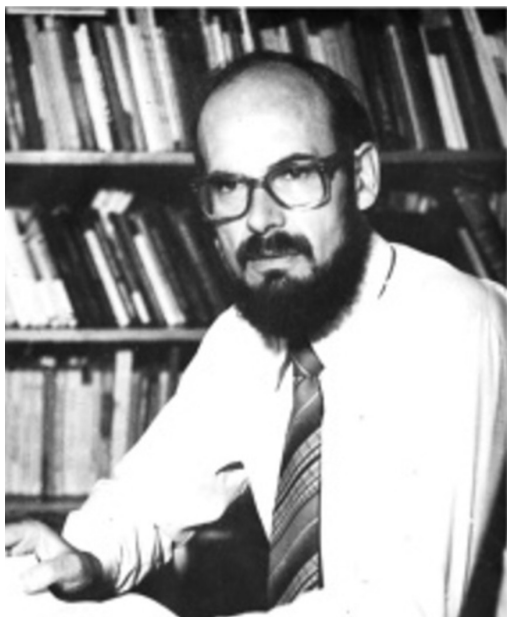
Key words: *A.N. Genko, researcher of Caucasus, mountain peoples of the Caucasus, languages, cultures, ethnic history, expeditions, folklore records, archival materials*

**А.И. Джопа
В.А. Нюшков**

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ РОДИНЕ И НАУКЕ

(К 80-летию Юрия Николаевича Воронова)

*«Русский по крови, апсил по душе»
(Ю.Н. Воронов)*

История развития кавказоведения неразрывно связана с именем Юрия Николаевича Воронова – известного археолога, исследователя древнейших, античных и средневековых памятников Черноморского побережья Кавказа, и в первую очередь Абхазии.

Юрий Николаевич родился 8 мая 1941 г. в селе Цебельда (Цабал, Республика Абхазия) в родовом имении Вороновых – усадьбе «Ясочка». Цебельдинская долина и ее окрестности – уникальное место, перекресток различных культур. Здесь проживали абхазы: апсилы, мисимиане, на этой территории бывали римляне, византийцы и др. народы. Археологическое богатство Цебельдинской долины было известно и старшим поколениям

семьи Вороновых, но исследовать его выпало Юрию Николаевичу Воронову.

Уже в 13 лет ученик Юра передал в Абхазский краеведческий музей (ныне Абхазский государственный музей) найденные им археологические артефакты.

Юрий Николаевич Воронов был настоящий ученый, который стремился донести знания до всех людей. Он каким-то удивительным образом одновременно жил и прошлым, которое скрупулезно изучал, и сегодняшним днем, и будущим, легко переносясь из одного века в другой. Он абсолютно не способен был действовать вопреки истине, научным фактам. Его жизнь в археологии была счастливой, но отнюдь не легкой и безоблачной – и это в основном из-за его представлений о порядочности и бескомпромиссности. Он принимал только то, в чем был полностью убежден, и до шепетильности был честен в оценке фактов.

При всей своей принципиальности Ю.Н. Воронов был контактным человеком, легко и охотно общался – у него был широкий круг знакомств в самых разных сферах. Любовь к Абхазии, ее древним памятникам, ущельям и высокогорьям, ее путям сделали его знатоком своего края. Многие археологи Москвы, Ленинграда, Киева, Казани и др. городов видели Абхазию глазами Юрия Николаевича, он буквально заражал людей своей трепетной любовью к родной республике.

Это был по-настоящему и великий труженик. Так, например, Юрий Николаевич как руководитель экспедиций все рисунки для книг и статей (независимо от того, были ли это его собственные работы или работы коллег) делал лично. А книг и статей выходило много.

Его рисунки и таблицы всегда узнаешь по твердости линий, отточенности рисунка, археологической адекватности. К вещам и уж тем более к археологическим находкам Юрий Николаевич относился с любовью. В его рабочем кабинете все полки и шкафы были заняты коробками и коробочками с бесценным содержимым – наполнены самой историей.

Одним из безусловных признаков его научной одаренности в гуманитарной науке являлась способность к непрерывной работе над текстом. Он много писал, вкладывая в каждую строку колоссальный объем информации. Он – автор более 500 научных публикаций, включающих монографии по древней истории Абхазии.

Ю.Н. Воронов был воспитанником Ленинградского университета. Завершив в 1965 г. обучение на его Восточном факультете, он возвращается на родину и через некоторое время становится сотрудником отдела археологии Абхазского института языка, литературы и истории. С этого времени

и началась его выдающаяся исследовательская деятельность на ниве истории и археологии Абхазии.

Уже первая работа Ю.Н. Воронова стала одним из многих его научных достижений и в то же время своего рода научной сенсацией. В 1969 г. из печати вышла «Археологическая карта Абхазии» (Воронов 1969), которой как настольной книгой пользуются все археологи. Это солидный труд, включающий 49 таблиц, которые в тщательно выполненных самим автором зарисовках представляют типологическое, видовое и хронологическое многообразие артефактов со всех известных к тому времени памятников. Эта его первая монография легла в основу кандидатской диссертации «История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии)», которую в 1971 г. Ю.Н. Воронов защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Как отмечал сам Юрий Николаевич, эта работа явилась логическим завершением его «Карты». В целом, в диссертации и в монографии обобщены данные, охватывающие огромный период – от эпохи камня и до раннего средневековья.

Эти же работы примечательны тем, что явились основой для важнейших исследовательских постулатов, которые Ю.Н. Воронов неизменно отстаивал и в дальнейшем: аргументированно, опираясь на археологический материал, он утверждал аборигенность абхазов, местные корни генезиса их культуры и государственности. При этом Юрию Николаевичу Воронову зачастую приходилось делать это в острой научной полемике с многочисленными и не всегда добросовестными оппонентами.

Яркая характеристика местных культурных традиций дана в последующих исследованиях Ю.Н. Воронова. Счастливо соединившиеся любовь к малой родине и научные интересы археолога дали импульс для исследований в Цебельдинской долине. Результаты раскопок были обобщены в прекрасно иллюстрированной книге (Воронов 1975), которая рассказывает о древних памятниках Апсилии. Тщательный анализ и описание крепостей, поселений, могильников, в том числе и с остатками ритуальных кремаций, огромное количество вещей (разнообразная посуда, оружие, орудия труда, бытовые предметы, монеты и ювелирные изделия), относящихся ко II–VI вв. н. э., дают яркое представление, как же жили апсилы в описываемое время. Как заметил редактор издания А.К. Амброз, «Апсилия представляется в настоящей книге не скоплением мертвых руин на холмах и выходами битых глиняных черепков на пашнях, а цветущей страной, густо покрытой сетью крепостей, селений и дорог, открывающихся как бы с высоты птичьего полета» (Амброз 1975: 4).

«Тайны Цебельдинской долины» не отпускали Юрия Николаевича и в дальнейшем. Как образно заметил О.Х. Бгажба, «здесь его ждала своя Троя в Цебельде, в сердце Апсилии, которой он служил верой и правдой до конца жизни. Результаты его работ в Цебельдинской экспедиции далеко выходят за рамки Абхазии» (Бгажба 2006: 8).

Цебельдинская археологическая экспедиция стала поворотным моментом в жизни Юрия Николаевича. Ее целью было изучить археологические памятники древнеабхазского населения – апсилов. Под руководством Ю.Н. Воронова в 1977 г. экспедиция начала работу в самом сердце исторической Апсилии – у крепости Цибилиум (Цебельда, Цабал) и до 1986 года исследования не прекращались. За 10 лет Цебельдинской экспедицией было раскопано 500 могил и выявлено более 80 тысяч разнообразных изделий. Цебельдинский могильник является крупнейшим памятником материальной культуры в Восточном Причерноморье, который можно сравнить с могильником Абрау-Дюрсо у Новороссийска (Нюшков 2020).

Основные итоги цебельдинских исследований были подведены в специальной монографии (Воронов, Бгажба 1986). Книга написана Юрием Николаевичем в соавторстве с Олегом Хухутовичем Бгажба – коллегой и другом, с которым они вместе работали в археологических экспедициях, прекрасно понимали и дополняли друг друга. Дружеский и творческий тандем дал блестящие исследовательские результаты, нашедшие отражение в многочисленных, тщательно подготовленных публикациях. Ярким примером этого является другая, более ранняя их совместная книга, в которой дано комплексное историко-археологическое исследование Герзеула – эталонного памятника позднеантичной Абхазии (Бгажба, Воронов 1980).

Одно из направлений исследовательских интересов Ю.Н. Воронова было связано с изучением механизмов древних коммуникаций, в частности функционирования транскавказских путей и перевалов, связывавших северную и южную части региона. Именно таким важнейшим коридором был путь, ведущий из Абхазии через хребет в долину реки Теберды (известная уже в новое и новейшее время Военно-Сухумская дорога, по существу, проложена по этому маршруту). Изучая археологические памятники вдоль этого древнего пути, Юрий Николаевич дал широкую панораму культурного развития местных и проходивших здесь народов от эпохи бронзы (III тыс. до н. э.) до X в. н. э. (Воронов 1977). Именно представители этих народов прокладывали хорошо известные теперь дороги и тропы. Исследования древностей Военно-Сухумской дороги были продолжены Ю.Н. Вороновым и в дальнейшем (Воронов 1984).

Широту научных интересов Ю.Н. Воронова характеризуют ряд других его исследований: «Диоскуриада-Сébastополис-Цхум» (1980), «Древности Азантской долины» (1982), или же работа, в которой реконструируются детали средневекового пастушества, описываются ацангуары – каменные оградки и сооружения, служившие жильем пастухов и загонами для скота (Воронов, Левинтас 1982).

Ю.Н. Воронов вел работы не только в Абхазии. Ряд весьма плодотворных раскопчных сезонов он провел на сопредельной территории, в Краснодарском крае, в частности в районе Сочи. И там Юрий Николаевич оставил у коллег добрые впечатления о себе.

Так, образ Юрия Николаевича как ученого и человека воссоздан в воспоминаниях Н.В. Диденко: «Шел 1989 год, экспедиция Сочинского отделения Русского географического общества под руководством доктора исторических наук Юрия Николаевича Воронова проводила археологическую разведку в долине реки Сочи. Наш руководитель был деятелен и неутомим. Высокий, крепкий, по всему видно, привыкший к полевой жизни, с небольшой академической бородкой и зоркими черными глазами – все это вместе с чем-то неуловимым выдавало в Юрии Николаевиче особую Вороновскую породу. Только что закончили расчистку Агвинского храма и гончарной мастерской у поселка Нижне-Ореховое. Найденную керамику пронумеровали и сфотографировали. А впереди ждали новые находки.

Воодушевленные его трудолюбием и энтузиазмом, мы – десяток добровольцев – с увлечением лопатили и перебирали кубометры грунта, расчищая старые храмовые и крепостные стены, участки горских поселений и могильников. Каждый найденный черепок, ржавый обломок или обычный на первый взгляд камень в руках Воронова обретал образ кувшина, черкесского кинжала или мельничного жернова. Своим знанием и воображением он достраивал предметы и будто возвращал давно ушедшую жизнь» (Кучерявая 2020: 65).

Однако главным итогом сочинских работ Ю.Н. Воронова стала книга, посвященная древностям города и его окрестностей (Воронов 1979).

Ценность материалов из Сочи заключалась еще и в том, что они представили исследователю важнейшую фактологию для его концептуальных представлений об эволюции этнокультурных, социальных и хозяйственно-производственных процессов на широком пространстве восточного сектора Причерноморья. В завершенном виде эти идеи кристаллизовались в докторской диссертации Ю.Н. Воронова – «Восточное Причерноморье в железном веке (VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.)».

«Главным результатом настоящего исследования является впервые разработанная на основе корреляционного метода схема развития основных форм материальной культуры Восточного Причерноморья на протяжении 1500 лет» (Воронов 1984: 35).

Огромную работу Ю.Н. Воронов проводил и в связи с изданием научных работ своих коллег, ученых-археологов. Так, после смерти первого абхазского археолога Михаила Маметовича Трапш, он, разобрав и упорядочив его архив, подготовил к изданию его «Труды». Так же бережно он поступил и с работами старейшего археолога Абхазии Льва Николаевича Соловьева, написал книгу о нем (Воронов 1994).

Будучи по природе человеком доброжелательным и тактичным, Юрий Николаевич становился непримиримым, когда дело касалось его научных взглядов и морально-этических воззрений. Он служил Науке. В нем жил дух борца! У него было обостренное чувство настоящего, и он мгновенно и точно реагировал на любую фальшь, декорацию, неправду, по сути, придерживался постулата: «Путь к Истине тоже должен быть истинным...».

Между тем истину Ю.Н. Воронов часто был вынужден отстаивать в жесткой полемике с оппонентами. Считаю важным заметить, что исследователь столкнулся с этим еще на начальном этапе серьезной работы, так как уже тогда не всем пришлось по душе в частности тема диссертационного исследования молодого ученого по древней истории Абхазии, равно как и взгляды автора на историю Абхазии и Грузии. Впрочем, ни обыски (и такое было), ни попытки АН Грузинской ССР привлечь Ю.Н. Воронова и его коллег к административной ответственности не помешали успешной защите кандидатской диссертации в Москве.

Известно, что Ю.Н. Воронов был подвергнут сильнейшему прессингу после того, как в Москве, в издательстве «Искусство», вышла его книга «В мире архитектурных памятников Абхазии» (Воронов 1978). В работе Ю.Н. Воронов справедливо называет абхазов аборигенами своей страны, а архитектуру Абхазского царства VIII–X вв. причисляет к византийской абхазо-аланской (а не грузинской!) школе зодчества. Оппоненты ученого из Тбилиси сразу усмотрели в этом крамолу и устроили книге Юрия Николаевича аутодафе, а ее автору (используя связи в высших властных кругах ЦК КП СССР) организовали даже специальное указание тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии М.А. Сулова, по которому Ю.Н. Воронову вообще было запрещено печататься в Москве.

Войдут в анналы и события, развернувшиеся 22 февраля 1984 г. в Институте археологии АН СССР, где Юрий Николаевич Воронов защищал докторскую диссертацию «Восточное Причерноморье в железном веке (VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.)».

Защита продолжалась семь часов. Конференц-зал Института археологии в Москве был переполнен. Недоброжелатели из Грузии прибыли в Москву с намерением сорвать защиту. Они мешали говорить не только диссертанту, но и его официальным оппонентам, которыми выступали ученые О.М. Джапаридзе, В.В. Кропоткин и В.А. Леквинадзе. Председательствующий несколько раз призывал «народ» к тишине. А тишины не было.

Посланцы Тбилиси неожиданно для самих себя – выкриками и вызывающим поведением – «добились» результата, прямо противоположного желаемому: Юрий Николаевич оказался на высоте положения, он словно не замечал происходящего и блестяще выступил на защите, члены диссертационного совета единогласно проголосовали «за» присвоение ему степени доктора наук.

Основное значение докторской диссертации ученого из Абхазии, дерзнувшему найти границу между бронзовым и железным веком, заключалось в датировке многих памятников не только на самом Кавказе, но и на сопредельных с ним территориях.

Всю свою жизнь Юрий Николаевич вступал в противоречия с устоявшимися канонами грузинской историографии, и этого ему простить не могли.

Сам Ю.Н. Воронов писал: «Нагнетание обстановки вокруг моего имени через грузинские прессу, радио, телевидение и прокламации привело к тому, что во время кровопролития 15–16 июля в Абхазии вооруженные “патриоты” совершили разбойное нападение на историко-революционный мемориальный музей в древне-абхазском селе Цебельда, посвященный моим предкам-революционерам, ученым-кавказоведам, педагогам, журналистам... Остающиеся до сих пор неизвестными налетчики ставили своей целью физическую расправу со мною, однако, поскольку я успел скрыться, ограничились стрельбой по кустам, погромом и поджогом экспозиционного здания. Музей был эвакуирован с помощью войск МВД СССР, дислоцированных ныне в Абхазии, а его восстановление и функционирование в связи с сохранением в округе антисоветских настроений отложено на время» (Воронов 1989).

Конечно, деятельность блестящего ученого нравилась далеко не всем. С приходом к власти в Грузии З. Гамсахурдиа травля Ю.Н. Воронова еще более усилилась. В грузинских газетах, по телевидению, на радио и в прочих изданиях насаждался образ «лжеученого», «фашиста», «русского оккупанта» Юрия Воронова.

Последние годы жизни Юрия Николаевича неразрывно связаны с общественно-политическими событиями, которые происходили вокруг горячо любимой им Абхазии. Апогеем этих событий стала Отечественная война

народа Абхазии (1992–1993 гг.). Еще до войны, в 1991 г. Ю.Н. Воронов был избран депутатом Верховного Совета Абхазии, работал в комиссии по правам человека и межнациональным отношениям. Парламентскую деятельность он совмещал с общественной, являлся также членом-корреспондентом Международной Славянской академии наук и сопредседателем Конгресса русских общин Абхазии. Работая много и увлеченно на политическом поприще, он продолжает и научную работу – Юрий Николаевич становится профессором Абхазского государственного университета и директором Цебельдинского историко-архитектурного заповедника. Одна за другой следуют научные командировки во Францию, Италию, Англию.

В ходе Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993) Ю.Н. Воронов много раз принимал участие в переговорах, в частности и в болезненных для абхазской стороны сентябрьских (1992) переговорах в Москве, когда состоялась встреча В.Г. Ардзинба, Э.А. Шеварднадзе и Б.Н. Ельцина.

Где бы ни был Юрий Николаевич – в Москве ли, Санкт-Петербурге, на Северном Кавказе, Великобритании или Приднестровье, – везде он стремился донести до людей правду о происходящем в Абхазии. Он сотрудничал с журналистами, писал статьи, давал интервью, выступал по радио.

Природная деликатность, аналитический ум, блестящий ораторский талант помогли ему в разногласии российских общественных сил каждый раз избирать верный тон и находить тропу к сердцам собеседников, журналистов, зрителей, слушателей, читателей. Постепенно под давлением общественности средства массовой информации были вынуждены перейти к более объективной оценке происходящего в Абхазии, люди слышали правду и верили абхазской точке зрения на события.

Первый президент Республики Абхазия Владислав Григорьевич Ардзинба с благодарностью оценил миссию Юрия Николаевича Воронова: «Во время агрессии 1992–1993 гг. Ю.Н. Воронов фактически возглавил информационную борьбу за Абхазию, и мы ее выиграли. Эта борьба шла повсюду, даже в оккупированном Сухуме, где важно было не только выжить, но и сохранить честь и достоинство граждан Абхазии» (Ардзинба 2000: 17).

В 1993 г. Ю.Н. Воронов готовит «Белую книгу Абхазии» – сборник документов, публикаций и свидетельств трагических событий войны. Книга была издана ко дню годовщины начала войны – 14 августа 1993 года, когда война еще шла. Юрий Николаевич стремился издать книгу как можно оперативнее, чтобы мир узнал чудовищную правду непосредственно из опубликованных документов, фактов и цифр.

Во время оккупации Сухума войсками Госсвета Грузии враги сожгли Абхазский институт языка, литературы, искусства и истории им. Д.И. Гу-

лиа (ныне АБИГИ) и Государственный архив, надеясь, что тем самым можно «покончить» с историей абхазского народа.

В огне вместе с архивом Абхазского института погибли и 85 тысяч единиц археологического материала Цебельдинской экспедиции и 1750 машинописных страниц годовых тем Ю.Н. Воронова за 15 плодотворных исследовательских лет. Буквально каждая погибшая страница могла бы стать неординарной статьей в каком-нибудь престижном научном журнале или одной из глав очередной книги ученого.

По окончании войны 30 сентября 1993 г. Ю.Н. Воронов был назначен вице-премьером Правительства Республики Абхазия. В неимоверно тяжелых условиях послевоенной разрухи он работал для консолидации всего населения республики, преодоления последствий войны, много говорил и писал о том, что после победы в войне следует пройти не менее сложное «испытание миром».

Юрий Николаевич был очень жизнерадостным и светлым человеком. Кто бы ни обращался к нему со своей бедой и болью, каким бы сложным не было дело, он всегда мог найти выход, помочь, поддержать.

«Ничего, ничего. Все идет нормально. Все будет хорошо!» – спокойно и твердо говорил он отчаявшимся людям, вселяя уверенность.

11 сентября 1995 г. Юрий Николаевич был зверски убит на пороге своего дома. Он был полон надежд и планов.

К великому сожалению, нет более Юрия Николаевича с нами, но мы его помним и неизменно будем с большой благодарностью вспоминать все, что он сделал для своей любимой Абхазии, судьбе которой он посвятил всего себя без остатка – как ученый, как политик и гражданин.

Знаменательно, что книги Юрия Николаевича Воронова продолжали выходить и после его гибели – «Древняя Апсилия», «Колхида на рубеже средневековья» (1998), «Могилы апсиров» (2003).

Научное наследие Ю.Н. Воронова огромно. Уже издано пять томов (Воронов 2006, 2009, 2010, 2014, 2016).

В 2000 г. вышла в Москве книга: «Юрий Воронов. Свет и боль». Она посвящена памяти выдающегося ученого-историка, государственного и общественного деятеля Юрия Николаевича Воронова (1941–1995). В ней собраны воспоминания о жизни, деятельности и трагической гибели известного русского археолога. Книга была подготовлена его верным другом Н.Д. Бондаревым.

Каждый год в дни рождения и гибели Юрия Николаевича Воронова общественность, руководители Абхазского государства, друзья, коллеги, студенты, ученики приходят к могиле ученого во дворе Абхазского госу-

дарственного музея, чтобы почтить его память. Именем Ю.Н. Воронова названы улица в центре Сухума – столицы Республики Абхазия, аудитория в Абхазском государственном университете, Научно-культурный центр, Сухумская средняя школа № 3.

С 2006 г. регулярно проводятся научные конференции, встречи за круглым столом, посвященные Ю.Н. Воронову¹.

Это и есть подлинная народная любовь к дорогому Юрию Николаевичу Воронову. Он навсегда останется в наших сердцах.

Литература

Амброз 1975: Амброз А.К. Предисловие к книге «Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины». М.: Наука, 1975.

Ардзинба 2000: Ардзинба В.Г. Навеки с Абхазией // Юрий Воронов. Свет и боль. М., 2000.

Бгажба 2006: Бгажба О.Х. Стремление души // Воронов Ю.Н. Научное наследие. Т. I. Сухум, 2006.

Бгажба, Воронов 1980: Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми: Алашара, 1980.

Воронов 1989: Воронов Ю.Н. «Абхазский синдром» (исповедь археолога) // Бзыбь. 1989. 21, 23.09. № 114, 115.

Воронов 1969: Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухум: Алашара, 1998.

Воронов 1975: Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975.

Воронов 1977: Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара: 1977.

Воронов 1978: Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978.

Воронов 1979: Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979.

Воронов 1984: Воронов Ю.Н. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. Сухуми: Алашара, 1984.

Воронов 1984: Воронов Ю.Н. Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.) Авт. дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М., 1984.

---

¹ Первая международная конференция, посвященная Ю.Н. Воронову, состоялась в Сухуме в 2006 г.

Воронов 1994: Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев (1894–1972). СПб.: Триал, 1994.

Воронов, Бгажба 1986: Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсолии. Сухуми: Алашара, 1986.

Воронов, Левинтас 1982: Воронов Ю.Н., Левинтас В.Б. По древним тропам горной Абхазии (Материалы по средневековому пастушеству). Сухум: Алашара, 1982.

Воронов 2006: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. I. Сухум, 2006.

Воронов 2009: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. II. Сухум, 2009.

Воронов 2010: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. III. Сухум, 2010.

Воронов 2014: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.

Воронов 2016: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. V. Сухум, 2016.

Кучерявая 2020: Кучерявая Н.А. Нужны экскурсоводы. Воспоминания. Часть 1. Сочи, 2020.

Ньюшков 2020: Ньюшков В.А. Ю.Н. Воронов: ученый и политик // Республика Абхазия. Сухум. № 52. 27. 05. 2020.

В.А. Чирикба

ПАМЯТИ ЛИДИИ ПЛАТОНОВНЫ ЧКАДУА

Ушла из жизни Лидия Платоновна Чкадуа – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Абхазии, академик Академии наук Абхазии, лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа, лауреат международной премии им. А.С. Чикобава, лауреат Государственной премии им. Г.А. Дзидзария. Она принадлежала к «золотой плеяде» абхазских ученых, которым отечественная наука обязана высоким авторитетом далеко за пределами Абхазии. Лидия Платоновна относилась к числу немногих абхазских ученых, работы которых часто цитируют зарубежные авторы.

Лидия Платоновна Чкадуа внесла огромный вклад в абхазскую филологическую науку, став одним из наиболее авторитетных специалистов в области абхазо-абазинского языкознания.

Не менее значима ее педагогическая деятельность, среди учеников Чкадуа – поколения абхазских филологов. И в последние годы, несмотря на свой почтенный возраст, Лидия Платоновна продолжала публиковать статьи и монографии высокого научного уровня по важным аспектам абхазского языкознания, участвовала в выработке норм орфографии абхазского

языка, работала над разделами коллективной монографии «Грамматика абхазского языка».

Трудовую деятельность Лидия Платоновна начала в 1957 г. с должности младшего, а затем старшего преподавателя Сухумского госпединститута. В 1975–1977 гг. она заведует кафедрой абхазского языка. Одновременно с 1957 г. она работает научным сотрудником в отделе языка АБИЯЛИ, а с 1977 по 1999 гг. – заведующей отделом языка и до последних дней – главным научным сотрудником АБИГИ и ведущим научным сотрудником института Педагогики им. Н.Х. Адзинба.

Лидия Платоновна Чкадуа была воспитана в лучших традициях советской лингвистической науки. Она окончила отделение кавказских языков филологического факультета Тбилисского государственного университета и аспирантуру по специальности «Кавказская филология». Ее учителями были видные представители советского кавказоведения, в первую очередь – академик Кетеван Виссарионовна Ломтатидзе, крупнейший специалист в области абхазского, абазинского и кавказского языкознания.

Кандидатская диссертация Лидии Платоновны – «Образование условного наклонения в абхазском языке» (Тбилиси, 1959 г.) заложила основы для всестороннего описания модальной и видовременной системы абхазского языка. Разработанные во время работы над кандидатской диссертацией методы и способы описания получили завершение в фундаментальной монографии ученого «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах», изданной в 1970 г. в Тбилиси. Эта монография вошла в золотой фонд кавказской науки, стала одним из важнейших трудов, без обращения к которому невозможно себе представить ни одну серьезную работу в области не только абхазо-абазинской, но и абхазо-адыгской и кавказской лингвистики.

Лидия Платоновна Чкадуа принимала активное участие в составлении учебников, учебных программ и пособий по абхазскому языку для ВУЗов и абхазских школ. В 1963 г. в соавторстве с Ш.К. Аристава вышла ее первая программа по абхазскому языку, в которой определен объем теоретического материала, знание которого предполагается обязательным для преподавателя абхазского языка. В 1966 г. на абхазском языке (также в соавторстве с Ш.К. Арстаа) выходит учебник «Абхазский язык (фонетика, морфология)». В течение нескольких десятков лет эта книга была единственным вузовским учебником для студентов филологического факультета.

В 1983 году в соавторстве с Ш.К. Аристава Л.П. Чкадуа издает на абхазском языке «Синтаксис абхазского языка» – для студентов филологического факультета. В 2002 г. (соавтор Ш.К. Аристава) на абхазском языке выхо-

дит учебник «Грамматика абхазского литературного языка» для студентов филологического факультета, авторы учебника были удостоены Государственной премии по науке им. Г.А. Дзидзария.

Среди других созданных ученой Л.П. Чкадуа учебников абхазского языка для средних школ можно назвать учебник для 7 класса абхазских школ (в соавторстве с В.Х. Конджария), учебник для 8–9 классов абхазских школ (соавторы Ш. К. Аристава, Д. Тарба), учебник для 10–11 классов абхазских школ, «Сборник диктантов для 5–9 классов абхазских школ» (соавтор А.И. Зантария), «Программа по абхазскому языку для 10–11 классов», «Программа по абхазскому языку для 5–9 классов абхазских школ».

Следует особо отметить работы Лидии Платоновны Чкадуа в области абхазской орфографии. В 1978 г. она издала монографию «Ацсуа бызшэа апунктуация». В ней наряду с универсальными правилами постановки знаков препинания в тексте автор вводит правила, учитывающие специфику синтаксической структуры абхазского языка и ее интонационные проявления в речи. Лидия Платоновна Чкадуа является соавтором опубликованного справочника по абхазской орфографии, а также готовящегося к публикации орфографического словаря абхазского языка.

Если говорить о лексикографии, то помимо упомянутого орфографического словаря, а также изданного в соавторстве терминологического словаря абхазского языка Лидия Платоновна является соавтором (вместе с Константином Семеновичем Шакрыл и Валентиной Хаджметовной Конджария) большого двухтомного словаря «Ацсуа бызшэа ажэар» (1982). Авторы словаря были удостоены звания лауреатов Государственной премии им. Д.И. Гулиа.

Лидия Платоновна Чкадуа совместно со своей коллегой и другом, ведущим лингвистом из Адыгеи Зейнаб Ибрагимовной Керашевой издала ряд статей, посвященных сравнительному изучению системы превербов в абхазо-адыгских языках, которые должны были стать частью планируемой сравнительно-исторической грамматики абхазско-адыгских языков. К сожалению, болезнь З.И. Керашевой, война в Абхазии, а также другие причины не позволили им завершить работу.

Последней по времени важной для абхазского языкознания и крупной работой ученого является монография «Глагольное словообразование в абхазском языке», изданная в Сухуме в 2005 г.

Можно долго говорить о вкладе Лидии Платоновны Чкадуа в науку. Он поистине бесценен. Она прожила долгую жизнь, что позволило ей реализовать многие свои научные планы. Ни возраст, ни болезни не являлись для нее преградой научному творчеству. Лидия Платоновна до последних дней

работала над следующими научными проектами, в частности, над своим видением решения некоторых спорных проблем абхазской орфографии. Были другие важные научные планы. К сожалению, для истинно большого ученого мало одной жизни.

Лидия Платоновна была не только большим ученым, но и очень теплым и сердечным человеком, умным и деликатным, но при этом всегда отстаивающим свои жизненные и научные принципы. Ее уход – большая потеря для абхазской науки, для всего абхазского научного сообщества. Но нет никакого сомнения в том, что замечательные научные труды Лидии Платоновны Чкадуа будут всегда освещать путь новым поколениям абхазских ученых.

В своих трудах истинно большой ученый обретает вечность.

З.Ць. Цьапуа

АПСУА ЦАРАУАӨ ДУ АЦЫХЭТГЭАНТЭИ ИМӨА

Абцарамза 9, 2021 шыкэсазы инарцэымөахь днаскьахгеит адунеи зыхьз адыруа атцарауаө, аазаө ду, ацсуа гуманитартэ тцарадырра акырза изырфеи-аз, еихазха-еицазхаз, ацсуа фольклортцаара, нартдырра, алитературатцара, алитературатэ критика, апедагогика ухэа зыда ухафы иузаамго ауаөы лаша Шоҭа Хьыч-ица Салакаиа.

Ш.Хь. Салакаиа диит цхынгэымза 18, 1933 шыкэсазы Очамчыра араион, Тхына акытан ацсуа традиатэ таацэарафы. Ихэычреи икэыпшреи 1930–1940-тэи ашыкэс хьантэкэа ирыкэшэеит. 1940 шыкэсазы икыта гэакьафэти ашкол дталоит. Аттестат кацшылыла уи даналга, 1948 шыкэсазы пышэарада даднакылоит Акэатэи ахэынтқарратэ рцафратэ царайурта. 1952 шыкэсазы Акэатэи арцафратэ институт афилологиатэ факультет дталоит. Ибзиазаны атцара ахьипози арфеиаратэ ускэа рфы иеахьаликаауази рзы, Ленин ихьз зху астипендиа иоуан. Истудентра шыкэсқэа инадыркны ареспубликатэ газеткэеи ажурналкэеи рфы иөымтэкэа цэырцуа иалагеит.

1956 шыкэсазы дталоит Руставели ихьз зху Акыртуа литература атоурых аинститут аспирантура, афольклортцаара азанаат ала. Итцарадырратэ на-

пхгааы, XX ашэышықэсазтэи афилолог нага Е.Б. Вирсалазе, иазгэлтахан Ш.Хь. Салакаиа зегь реиха абаахатэра змаз ласпирантцаа дышреиуаз.

1965 шықэсазы Ш.Хь. Салакаиа ихьчеит акандидаттэ диссертация Пушкин ихьз зху Қарттэи ахэынтқарратэ рцаафратэ институт ағы, «Апсуа фырхацаратэи атоурыхтэи эпос ахкы хадақэа» ирызкны. Адоктортэ диссертация ихьчеит 1999 шықэсазы Урыстэылатэи Атцаарадыррақэа академия иатцанакуа Адунеитэ литература аинститут ағы, «Апсуа жэлар репикатэ рфеиара» атцааразы.

1959 шықэса раахыс Ш.Хь. Салакаиа аус иуан Д.И. Гэлиа ихьз зху Абызшэеи, алитературеи, атоурыхи Апснытэи ринститут ағы. 60 шықэса рыоныцка уи дырхысит атцаарадырратэ усзуоцаа академиятэ иерархиақэа зегьы – атцаарадырратэ усзуо еитцбы инаиркны атцаарадырратэ усзуо хада икынза. Насгы 11 шықэса инеицынкылан аинститут ацарауаа-мазаныкэгааос дыкан. Иара убас 1960-тэи ашықэсқэа инадыркны Акэатэи Арцаафратэ институт (Апснытэи ахэынтқарратэ университет) ағы дрыцхьон апсуа фольклори алитературеи ирызку азеипштэи чыдалатэи акурсқэа, Нхытц-Кавказтэи алитературақэа ирызку алекциақэа. Алекциақэа дрыцхьон, иара убас Москватэи Алитературатэ институти Қарттэи ахэынтқарратэ университети рғы. Апсны Атцаарадыррақэа академия анеицекааха апхьатэи ашықэсқэа инадыркны Ш.Хь. Салакаиа уи Академия апрезидиум ацарауаа-мазаныкэгаао хадас дкалеит. Апсуа академия ахыцхыртағы дгылан, академия ашыақэгылареи афеиареи рғы еицекааратэ усура, илагала даеакы иалаашьом.

Атцаарадырразы Гь.А. Зизариа ихьз зху Апсны Ахэынтқарратэ премиа анапцаха инаркны Ш.Хь. Салакаиа уи апремиа атаразы Аминистрцаа реилазаара Акомиссия хантэааыс даман.

Ацарауаа ирфеиаратэ хырхартақэа рымехак акырза итбаан, ицаулан. Уахь иатцанакуеит афольклори, алитература атоурыхи, алитературатэ критикеи, апедагогикеи.

Ш.Хь. Салакаиа инапы злакыз шырацэазгы, апхьаза иргыланы филолог-фольклортцаааын. Итцаарадырратэ псцазаарағы ихадараз, ицшыаз усны икалеит, еихау еихьзарақэа зегьы зыдхэалоу акэхеит апсуаа репикатэ традиция аизгареи атцаареи. Убарт аепикатэ жанрқэа хатала ирызкуп идиссертациятэ усумтақэа аобагы – ифундаменталтэу амонография-тцаамтақэа «Апсуа жэлар рфырхацаратэ эпоси» «Апсуа нарттэ эпоси». Арт аусумтақэа атцаарадырратэ дунеи ағы инартбааны иазхарцахьейт, рыгэра ргахьейт.

Ш.Хь. Салакаиа иразкхейт апсуа профессионалтэ фольклортцаара ахачырка. 1950-тэи ашықэсқэа рынтэамтэи 1960-тэикэа рылагамтэи рзы ап-

суатцаарағы ицәырцит ицаулоу атеориатә зыкацара зауз азанаатдырыоцәа. Убырт рахытә дапхытәин Ш.Хь. Салакаиа.

Иара ирәиарағы аханатә иалкаау атыц ааннакылеит афырхатцаратә эпос атцаара. Ацарауао итцаамтакәа инадыркны апсуа епикатә традиция атцара академиатә тцаарадырра аказшыакәа аиуит. Шота Салакаиа алагаламта ду каицеит апсуаа рәапыцтә фольклор аизгарағы, апшаареи айқәырхареи рғы.

1950-тәи ашықәсқәа инадыркны абаоцхатәра змаз ажәабжьхәаоцәа рғынтә ианицеит хыпхызара рацәала афольклортәи аетнологиатәи тексткәа. Насгы, иазгәататәу, иара ианцамтакәа зегь реиха тцаарадыррала ииашан ишъткаау апсуа фольклор аматериалкәа рахь иатцанакуеит.

Шота Салакаиа апхыза акәны апсуа фольклор ағы хыпхызаралагы цакылагы зегь реиха зымехак тбаау жанр – афырхатцаратә эпос – нагза-а-агзаны итицааит. Аусумта шаатыцыз еицш, Апсынгы ахәанырцәгы атцарауаа еицгәртеит, иазғлымхахеит, еиуеицшым арцензиакәа азыркит.

Ш.Хь. Салакаиа илагала дууп апсуа литературатә критикеи алитература атоурыхи рғы. Апсуа литература актуалтә зцаарақәа, иара убас хатала апоетцәеи ашәкәыоцәеи ирызкны итижыит алитература-критикатә стати-акәеи аочеркәеи зғылоу еиуеицшым аизгақәа. Урт зегы апсуа литературатә критикеи алитературатцаареи рышыакәгылареи рығиареи ирышыа-гәытхеит, акырза еихархаит.

Ш.Хь. Салакаиа, авторк, редакторк иахасабала, еиуеицшым алитерату-радырратә усумтакәа рапцара далахәын. Иара убас атцарауао дрылахәын Москва итыцуаз ифундаменталтәу ашәкәқәа равтортә еилазарақәа: «Милатрацәалатәи асовет литература атоурых ф-томкны», «Иаазыркыағу алите-ратуратә енциклопедиа жә-томкны», «Адуinei жәлар рмифқәа. Аинцикло-педиа о-томкны» ухәа убас егьыртгы.

Ш.Хь. Салакаиа иаамтеи, идыррақәеи, ипышәеи акырза азикхъеит апсуа школкәеи иреихау атцараиуртакәеи рзы арцагатәи арцага-методикатәи ли-тература атцара.

Ш.Хь. Салакаиа итцаарадырратә усумтакәа кыпхыуп Акәа, Москва, Санкт-Петербург, Қарт, Ереван, Иакутск, Кишиниов, Нальчик, Маикоп, Черкесск – убас акырцъара. Бжеихан урт аматериалкәа иара хатала дыз-лахәыз, адунеижәларбжьаратәи, арегионтә, ареспубликатә ухәа атцаарады-рратә симпозиумкәа рғы икәгыларақәа роуп. Уи, ус ухәар калозар, Асовет Еидгыла ареспубликақәа зегы дрылсхәан, асовет тцаарадырратә дунеи дакәшахәан, апсуаа хдоухатә культура азыргаразы. Ш. Хь Салакаиа итца-амта цаулақәеи иказшыа бзиени ирыбзоураны, атцарауаа рыбжьара авторитет ду иман, чыдала хатыр икәын, атцарауаа нагақәа азәырөи иареи арәиаратә еимадарақәа ааигәаны ирыбжьан.

Ш.Хь. Салакаиа ианакэзаалак згэы аартыз, ауаа бзиа ирбоз, бзиа избоз царуааын, иавторитет хараки ирѣиаратэ лшарақеи зегы еицгэартахьан. Уи ианакэзаалак ауаажэларратэ цстазаара далхэданы дыкамызт. 1973 шықэса инаркны Асовет Еидгылеи Апсни рышэкэыооцэа реидгылақэа дрылан, Апсны Ашэкэыооцэа реидгыла абиуро ашка акырынтэ далырххьан, Апсны Ажурналистцэа реидгылеи Ажурналистцэа Адунеижэларбжьаратэи рконфедерациеи дрылахэын. Апсны Ашэкэыооцэа рассоциация далахэын.

Ацаруаа ицьабааи илшареи рыхэ харакны иршьахьейт ажэларгыы аrespублика анапхгарагыы. Ишэкэы «Апсуа нарттэ епос» азы ианашьан Д.И. Гэлиа ихьз зху Ахэынтқарратэ премия, Иусумтақэа реизгазы – Гь. А. Зизариа ихьз зху Ахэынтқарратэ премия, Апсны зѣапсазгэыз акультуратэ усзуо хэа ахатыргтэ хьзы ихцан. Ианашьан «Ахьз-Апша» аорден аобатэи аозара.

Аха Шоҭа Хьыч-ица Салакаиа зегы иреихау хамтас ирхаз ижэлари, ацаруааи, ицаооцэеи рѣы иаанижьыз абзиабароуп.

В.Л. Бигуаа

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ И ДРУГЕ ТЕЙМУРАЗЕ АЧУГБА

Говорить в прошедшем времени о коллеге и единомышленнике, еще вчера полном творческих сил, тем более близком друге, от которого не было тайн, с которым делился хлебом и солью не один десяток лет – тяжелый крест, но и промолчать невозможно – сердце не даст покоя.

Нет больше с нами Теймураза Ачугба, как мы его называли. Абхазоведение и все абхазское научное общество, да и абхазский народ в целом понесли невосполнимую утрату: ушел из жизни Теймураз Алиевич Ачугба (1946–2021), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований АНА, профессор Абхазского государственного университета, академик Академии наук Абхазии, заслуженный деятель науки Республики Абхазия, депутат Народного собрания страны второго и третьего созывов, кавалер ордена «Ахыз-ацша» III степени.

С Теймуразом Ачугба судьба связала меня более сорока пяти лет назад, мы оба одновременно были приняты в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии Академии наук Грузинской ССР. И, что интересно,

оба мы работали над одной и той же этнографической проблемой – фамилистикой: он исследовал современную семью аджарцев, а я – абхазов.

Говорят, если человек находит свое дело, то оно дается ему легко и приносит радость. Когда я наблюдал за своим другом Теймуразом, мне представлялось, что его профессия сама нашла его: он жил и дышал ею, всецело подчинив себя Ее величеству Науке, и особенно когда он начал заниматься историческим абхазоведением. В подтверждение я готов привести массу примеров из биографии ученого. Была у него некая особая психологическая установка на организацию труда, четко характеризующая его как индивида.

Но сегодня я остановлюсь лишь на небольшом срезе его жизненного и творческого пути.

Теймураз – потомок одного из славных дворянских родов садзов – западно-абхазского этнического образования, как и подавляющее большинство населения Западного Кавказа, представлявшего собой этнический массив абхазо-адыгского мира¹. В 1864 г., в год окончания Кавказской войны, силой оружия Российской царской армии садзы были депортированы из родных мест в Турецкую империю.

Думаю, достаточно штриха к портрету предков Теймураза: сразу после высадки абхазских изгнанников на чужом берегу Черного моря, прадед Теймураза, Маху, долго не думая, вместе со своими сельчанами тайно направился обратно на родину, в Абхазию. Пешком. Но застрял в окрестностях Батума, города в северо-восточной части Османской Турции (поскольку на северных окраинах стояли российские военные формирования).

Семья Ачугба, как и многие другие наши соотечественники, обосновалась в селении Ферия. В Ферии родились дед, Раджаб, и отец Теймураза, Али. 28 октября 1946 г. здесь родился и сам Теймураз – представитель уже четвертого поколения семьи Ачугба.

В 1953 г. Теймураз пошел в первый класс Батумской средней школы № 16, которую окончил с отличием в 1964 г. В 1965–1968 гг. служил в рядах группы войск Советской Армии, дислоцированной на территории Герман-

---

¹ Кавказская война не соответствует сути войны, которую на протяжении сорока семи лет (1817–1864 гг.) официально вел на Кавказе Российский царизм. Война велась лишь против кавказских горцев – нахо-дагестанцев, адыгов и северо-западных абхазов, не желавших мириться с политикой покорения региона. Остальные кавказские страны, в том числе собственно Абхазское княжество, были уже присоединены к Российской империи. Что касается депортации абхазского населения, то мы знаем три основных волны – 1864, 1867 и 1877–1878 гг. В результате всего этого значительная территория Абхазии опустела – на собственной исторической родине чудом уцелели не более десяти-пятнадцати процентов некогда относительно моноэтнического абхазского населения.

ской Демократической республики. В 1969 г. поступает на историко-филологический факультет Батумского государственного педагогического института (БГПИ). После блестящего завершения учебы в 1974 г. преподает историю и обществоведение в Батумском профессионально-техническом училище. В 1978–1981 гг. заочно учится в аспирантуре в Тбилиси. Еще с 1980 г. Т.А. Ачугба заведует лабораторией межнациональных отношений в отделе истории Батумского научно-исследовательского института Академии наук ГССР и одновременно преподает историю древнего мира в БГПИ.

В 1983 г. на Специализированном ученом совете Института истории, археологии и этнографии АН Грузии Т.А. Ачугба защищает кандидатскую диссертацию «Семья и семейный быт в Аджарии. Историко-этнографическое исследование» (научный руководитель – известный грузинский кавказовед, член-корреспондент АН Грузии профессор А.И. Робакидзе). Затем Т.А. Ачугба возвращается в родной институт, где продолжает исследовательскую деятельность уже в ранге научного сотрудника.

В 1989 г., в дни абхазо-грузинского вооруженного конфликта, вспыхнувшего на очередной волне национально-освободительного движения абхазского народа, Темыр Ачугба незамедлительно прибывает в столицу нашей республики и принимает в происходящем активное участие. Почувствовав, что он нужен на исторической родине, Т.А. Ачугба принимает решение о переезде в Сухум на постоянное место жительства.

В том же году руководство Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР (ныне АБИГИ АНА) приглашает Теймураза Ачугба на работу и утверждает его в должности старшего научного сотрудника Отдела этнографии. Параллельно Т.А. Ачугба начинает читать лекции по политической истории и спецкурс по истории Абхазии на историческом факультете Абхазского государственного университета (АГУ). Он – доцент университета. В 2006–2007 гг. Т.А. Ачугба возглавляет еще и Отдел энциклопедии АБИГИ.

В 2009 г. в стенах Абхазского института на разовом Ученом совете, в который вошли известные абхазские академические историки и приглашенные коллеги из крупных научно-исследовательских учреждений Российской академии наук, Тимур Алиевич защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по специальности «история, этнология / этнография» на тему «Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные процессы».

Через некоторое время на заседании Ученого совета Института единогласно было принято решение перевести Т.А. Ачугба на должность веду-

щего научного сотрудника Отдела этнологии, а несколько позже он становится главным научным сотрудником. В последнее время он работал по совместительству в АГУ – в качестве профессора Кафедры истории, археологии и этнологии.

Значителен научный вклад Т.А. Ачугба в историческое абхазоведение. Его перу принадлежит свыше 120 публикаций, в том числе 24 исследования монографического плана, документальные разыскания, научно-популярные работы и учебные пособия по истории и этнологии Абхазии. Большая их часть увидела свет на русском языке, а отдельные – на грузинском (речь идет о ранних работах, изданных в Батуми) и турецком (Стамбул). Последнее – по просьбе многочисленной абхазской диаспоры Турции. Вне всякого сомнения, все эти работы актуальны и во многом восполняют имеющиеся пробелы в истории родного народа.

На мой взгляд, наиболее весомыми трудами Т.А. Ачугба являются следующие: Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 (в соавторстве). Сухум, 1992; Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Документы и материалы. Т. 1. Сухум, 2003; Т. 2. Сухум, 2004; Абхазия и абхазы в российской периодике XIX – нач. XX в. Книга I. Сухум, 2005 (в соавторстве); Книга II. Сухум, 2008 (в соавторстве); Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007; Этническая история абхазов в XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Издание II, дополненное. Сухум, 2010; Сухум, 2016; История Абхазии в датах. Справочник. Издание, дополненное. Сухум, 2011; Этническая история абхазов (XIX – начало XX вв.). Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

Считаю важным отметить две последние из перечисленных книг: «Этническая история...» не имеет себе равных среди аналогичных изданий, заполняющих полки библиотек Абхазии и за ее пределами. В этой работе рассматриваются процессы изменения этнического состава Абхазии и механизмы его организации, запущенные и осуществляемые ассимиляторской политикой Грузии в течение последних ста пятидесяти лет. В книге указывается, что страна абхазов, некогда представлявшая густое моноэтническое население, уже в середине минувшего столетия стала полиязычной. Таковой она стала из-за планомерной деятельности тбилисской политической элиты и подручных ей представителей интеллигенции, выдвигавших лживые идеологические обоснования содеянного. Работа написана на основе подлинных документальных источников, найденных автором в различных архивных учреждениях. Это издание – настольная книга историка, серьезно изучающего вопросы новой истории Абхазии. Без всякого сомне-

ния, она – научный и практический ориентир в построении абхазского национального государства в аспекте демографической политики.

Не только историк, но и любой абхазский политик, или просто представитель интеллигенции, для которого чувство тревоги за судьбу родного народа является частью жизни, не может обойтись без монографии «Абхазия: депортация абхазов (XIX)».

К написанию этой работы Т.А. Ачугба подвигла некоторая политизация современной российской историографии в отношении войны на Кавказе, развязанной в XIX столетии властью царской России. В книге приводятся данные, как отдельные ученые переосмысливают цели и задачи войны, оценку ее результатов, поставивших ряд горских народов на грань исчезновения. По сути, теория эта не нова. Она является продолжением концепции военных историков тех времен, ставивших целью навязать мировому сообществу идею о «благородной миссии царизма», «стремившегося» распространить передовой образ жизни своей страны в среде отсталых в культурном отношении народов. Т.А. Ачугба не только разоблачает попытку исказить истинный мотив захватнической политики войны со стороны Империи и национально-освободительный характер сопротивления кавказских горцев.

При этом Т.А. Ачугба опирается в монографии не только на собственные материалы, но и, главным образом, на капитальный труд выдающегося абхазского историка, профессора Г.А. Дзидзария «Махаджирство и история Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 1975), в котором приведены письменные источники – свидетельства национальной трагедии абхазского народа в указанный период. Поскольку книга Г.А. Дзидзария была издана в советское время, Георгий Алексеевич не мог избежать в своем труде небезызвестного принципа партийности, особенно в стиле изложения использованного им материала, а также и в выводах из основной части работы. Тем более, что Георгий Алексеевич как один из трех авторов известного письма (К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба, Г.А. Дзидзария), направленного в 1947 г. на имя руководства советской страны, и так был «на заметке», числился в списке идеологических лидеров «абхазских националистов». Он был вынужден обходить такие ключевые термины, как «депортация» и «выселение». После развала Советского Союза и последовавшего образования на постсоветском пространстве суверенных государств, в том числе и Абхазии, развалилась и система государственной цензуры, жестко ограничивавшая свободу слова. Пользуясь моментом, Теймураз Алиевич называет вещи своими именами и тем самым ставит все точки над «i» в разрешении интересовавшей его актуальной проблемы.

Ничуть не меньше (и я считаю важным это подчеркнуть!) Теймураза Ачугба волновало, что за последнее время в периодической печати и в электронных средствах массовой информации стала отчетливо прослеживаться проблема «перетягивания каната» относительно ареала распространения на Западном Кавказе абхазо-адыгского этнического мира. И даже не сам факт, а то, что верх в дискуссиях на эту тему стали брать не профессиональные ученые, а любители истории абхазского и адыгского народов, которые генетически и лингвистически происходят из одного этнического корня.

Т.А. Ачугба был не только видным ученым, но и видным политиком. Из-под его пера вышли работы, посвященные политической жизни государства абхазского: Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX века). Сухум, 1995; К обоснованию государственной независимости Абхазии. Сухум, 2002; Родину надо беречь. Сухум, 2014.

Это – в теоретическом плане. Но и в реальной жизни он занимал в политике заметное место. В 1988–1992 гг. Теймураз Алиевич Ачугба является членом правления Народного форума Абхазии «Аидгылара», во время Отечественной войны абхазского народа (1992–1993 гг.) он служил корреспондентом, а также редактором в Абхазском радио и одновременно руководил информационным отделом Пресс-службы Верховного совета Республики Абхазия. В 1996–2007 гг. был депутатом Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия, возглавлял Комиссию по межпарламентским связям и связям с соотечественниками за рубежом. Его деятельность как народного избранника была оценена – «за большой вклад в совершенствование законодательной базы Республики Абхазия» он был награжден Почетной грамотой Парламента Республики.

Не было такого дела в Абхазии, к которому Теймураз Ачугба не чувствовал себя причастным. Как правило, он всегда находился в центре событий, имевших как внутривнутриполитическое значение, так и внешнее. Очень ревностно он подходит к проблеме языка и традициям абхазов как государствообразующего народа.

Он жил в соответствии с собственной шкалой ценностей: истинное дружелюбие, предельная порядочность и честность. Как раз эти качества и породили особую гражданскую позицию ученого, имя которой Железная принципиальность.

Теймураз Алиевич Ачугба немного не дожил до 75-летия. При этом он был не по возрасту силен, бодр, энергичен, его научный потенциал был неиссякаем, у него было много новых научных проектов, и он работал, как привык за много лет, напряженно и заинтересованно. Особенно он был щепетилен и с головой уходил в тему, когда в руках у него оказывался тот или иной исторический источник. Среди его проектов была работа над древни-

ми грузинскими письменными памятниками, так или иначе говорящими об абхазах и нашей стране.

Это направление исследовал до него видный абхазский медиевист профессор Георгий Амичба, блестяще владевший грузинским языком, как современным, так и древним. Перу Г.А. Амичба принадлежит перевод ряда важных первоисточников, которые он снабжал богатыми информацией предисловиями и научными комментариями.

Однажды в разговоре со мной Т.А. Ачугба поведал, что намерен продолжить дело, начатое нашим старшим коллегой и другом Георгием Александровичем Амичба. По сведениям Теймураза, оставались еще источники, с которыми пока не работали абхазские историки. В душе я почувствовал необъяснимое словами некое тепло («если есть тот свет, то наш покойный друг обрадуется») и посоветовал ему немедленно вынести вопрос на заседание – отдела этнологии Института. Но он возразил мне, заметив с присутствующей ему скромностью, что обнародовать этот вопрос преждевременно и попросил никому не рассказывать о нашем разговоре. Но я не смог сдерживать слова и открыл наш секретный план завотделом Симе Андреевне Дбар. В итоге, на очередном заседании отдела, когда Теймураз Алиевич выступал с отчетом о проделанной работе за год, Сима Андреевна предложила нам с коллегами обсудить и одобрить новый проект Теймураза Алиевича Ачугба, не дав ему самому даже вставить слова в наши прения. Весь отдел единогласно проголосовал за утверждение новой темы ученого на пять предстоящих лет. Теймураз Ачугба был незаменимым специалистом – он вырос среди говорящих на грузинском языке, учился на этом языке как в среднем, так и в высшем учебном заведении. И даже кандидатскую диссертацию он защитил на грузинском языке.

К сожалению, его бесценная работа над грузинскими источниками, осталась незавершенной: 16 ноября 2020 года Т.А. Ачугба – ученый, который был полон идей покинул этот мир.

А время между тем течет своим чередом – жизнь продолжается, и научный мир пользуется историко-этнологическим наследием Теймураза Ачугба. Пользоваться им будут и будущие поколения ученых.

Вместе со спутницей жизни Нелли Шакрыл Теймураз Алиевич воспитал двух замечательных детей: сына Даура и дочь Мзию, получивших прекрасное университетское образование. Их знают в абхазском обществе как носителей лучших черт своего славного отца².

---

² Приведенные данные о жизни и творческой деятельности Т.А. Ачугба, содержащиеся в статье автора: «Ученость, проникнутая подлинным патриотизмом» // Вестник Академии наук Абхазии. Серия гуманитарных наук. Сухум: Academia, 2017. № 7: 198–202.

АШӘКӘ ҒЫЦҚӘА • НОВЫЕ КНИГИ

Абазинские материалы А.Н. Генко / Изд. подгот. З.Д. Джапуа и П.К. Чекалов. Сухум: Academia, 2019.

Возба С.З. Пятьдесят пять судеб. Устная история детей грузино-абхазской войны // Сухум, 2020 г. 472 с.+16 илл.

Габуниа З.М. Очерки по истории кавказского языкознания. Книга I, 471 с.; Книга II, 591 с. Нальчик, 2020.

Госадарственно-частное партнерство как инструмент развития международного сотрудничества России и Абхазии в условиях цифровизации / Под ред. В.Н. Парахиной, З.И. Шалашаа, Р.М. Устаева. М., 2020.

Кварчия В.Е. Собрание трудов в 7-ми томах. Т. V. Этническая история. Сухум, 2020. 664 с.

Кварчия В.Е. Собрание трудов в 7-ми томах. Т. VI. История. Демография. Сухум, 2020. 406 с.

Кварчия В.Е. Собрание трудов в 7-ми томах. Т. VII. Выступления. Интервью. Отзывы. Сухум, 2020. 385 с.

«Нарты» и другие устные традиции. Сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа / Ред.-сост. С.О. Хаджим, Н.С. Барцыц. Сухум: Academia, 2019.

Сакания С.М., Требелева Г.В. Позднеантичные и средневековые христианские храмы Северо-восточного Причерноморья. Каталог. Т. I. Магнитогорск, 2019 (факт.2020).

Чирикба В.А. Абхазия и итальянские города-государства (XIII – XVI вв.). Очерки взаимоотношений // Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 212 с.

Чурсин Г.Ф. Абхазы: Опыт этнологического исследования. Сухум: Academia, 2019.

АВТОРЦӘА ИРЫЗКНЫ • СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авидзба Аслан Фазлыбеевич – доктор исторических наук, заместитель директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, главный научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. E-mail: aslanavid@mail.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА, ведущий научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: anchabadze@list.ru

Архимандрит Дорофей (Дбар Дмитрий Заурович) – доктор богословия, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. E-mail: dbardorotheos@gmail.com

Багаши Нури Валериевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, доцент кафедры географии АГУ. E-mail: nbagapsh@gmail.com

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. E-mail: valera.biguaa@yandex.ru

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА, сотрудник отдела литератур народов Российской Федерации и СНГ Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. E-mail: lit-sng@mail.ru

Гулиа Александр Ризабеевич – кандидат экономических наук, вед. н.с. Института экономики и права АНА, заведующий сектором по бюджету Управления экономики Администрации Президента РА. E-mail: alex-gulia@mail.ru

Гумба Асида Зурабовна – аспирантка отдела этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. Телефон: +79409932629. E-mail: gumba.asida2014@yandex.ru

Данилова Вера Софроновна – доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея Республики Абхазия, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, доцент АГУ. E-mail: arkadi100@rambler.ru

Джасуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА, президент АНА; директор Центра нартоведения и полевой фольклористики АГУ, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. E-mail: zjap2016@yandex.ru

Кварчелия Фатима Зурабовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языка АБИГИ АНА, доцент кафедры абхазского языка АГУ. E-mail: fatima.kvarchelia@yandex.ru

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, профессор АГУ, академик АНА, академик-секретарь АНА. E-mail: kogonia-v@mail.ru

Кожевников Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

Медвенский Николай Игоревич – научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА. E-mail: nick_medvenski@mail.ru

Нюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. E-mail: valenti74@yandex.ru

Саманба Леонид Хигович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Цвижба Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва). E-mail: laratas@mail.ru

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, директор Института экономики и права АНА, чл.-корр. АНА. E-mail: shal-57@mail.ru

Шанава Тимур Александрович – кандидат политических наук, советник министра иностранных дел РА, ученый секретарь ЦСИ при Президенте РА. E-mail: timur.apsny@mail.ru

Черкезия Любовь Николаевна – аспирант кафедры педагогики и психологии АГУ. E-mail: cherkeziya.lyubov@mail.ru

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА, старший научный сотрудник сектора кавказских языков Института языкознания РАН (г. Москва), заведующий отделом политологии и конфликтологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА; директор Центра Стратегических Исследований при Президенте Республики Абхазия; академик-секретарь отделения гуманитарных, социальных и общественных наук АНА. E-mail: chirikba@gmail.com

«ААР АДЫРРАҘАРА» АВТОРЦӘА РЗЫ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНА»

В «Вестник АНА» принимаются ранее не публиковавшиеся материалы (статьи, архивные документы, фольклорно-этнографические записи, рецензии на изданную научную литературу, научное наследие выдающихся ученых и т.д.). Авторы предоставляют один распечатанный экземпляр работы и ее электронную версию (электронный адрес: hadjim.s@yandex.ru). На титульном листе указываются Ф.И.О. автора, место работы, должность, ученая степень, контактные телефоны, адрес электронной почты. Публикации в «Вестнике АНА» бесплатные. Журнал «Вестник АНА» размещается также на сайте Академии наук Абхазии ([www. anra.info](http://www.anra.info)) в формате pdf.

Требования к оформлению текста:

1. Максимальный объем статей до 1 п.л. (40 000 знаков), рецензий – до 0,5 п.л.

2. Используемый текстовый редактор – Word, статьи на абхазском языке набираются шрифтом Times New Roman (абх), статьи на русском языке – шрифтом Times New Roman, на английском – Times New Roman (анг), кегль 14, межстрочный интервал 1.5, текст должен быть пронумерован и иметь титульную страницу.

3. Ссылки на литературу – внутритекстовые, в круглых скобках, по образцу: (Инал-ипа 1965: 77).

4. К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. В списке литературы указываются только те работы, на которые даются ссылки в статье.

Образцы оформления:

Монография:

Джапуа 2016: Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика М.: Наука – Восточная литература, 2016. 381 с.

Статья в журнале:

Виноградова 2012: Виноградова Л.Н. Формулы проклятий в составе застольных тостов // Живая старина. М., 2012. No 2 (74). С. 62–63.

Статья в сборнике:

Анчабадзе 2011: Анчабадзе Ю.Д. Ю.Н. Воронов: ученый, политик, публицист // Проблемы археологии (К 70-летию Ю.Н. Воронова): Сборник

материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 19–25.

Полевые материалы:

ПМ – Дбар: Полевые материалы автора. Экспедиция в село Ачандара Гудаутского района, 02.05.2014 г. Дбар Платон Басиатович, 77 лет.

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы а, б, в (в случае зарубежных изданий – латинские буквы a, b, c) к году издания (Чирикба 2012а: 23; Dumezil 1960b: 87).

Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть в сносках внизу страницы. Нумерация сносок сплошная. Отсылки к литературе в сносках должны быть такими же, как и в основном тексте.

5. Иллюстрации должны быть высокого качества, они предоставляются в электронном варианте. Иллюстративный материал, используемый вами, может быть защищен авторскими правами, поэтому необходимо указывать автора материала.

6. Все сокращения должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи.

7. К статье прилагается аннотация и список ключевых слов (на абхазском, русском и английском языках).

**Ацсны атцаарадыррақәа ракадемиа
Адырратара**
Асериа «Агуманитартә тцаарадыррақәа»

№ 11

**Вестник
Академии наук Абхазии**
Серия «Гуманитарные науки»

Корректоры: Н.С. Барциц, С.О. Хаджим
Компьютерная верстка: А.Ш. Беренджи

ИП Белкина Е.А.
Россия, Московская область,
г. Домодедово, мкр. Северный,
ул. Логистическая, д.1

Тираж 150 экз. Заказ № 582.